

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ МЫСЛИ
ТОМ 4

А.В. Гудзь-Марков

**ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ
ИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ**

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СЛАВЯНСКОГО МИРА**

Москва
«Общественная польза»
1994

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ МЫСЛИ
ТОМ 4

А.В. Гудзь-Марков

**ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ
ИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ**

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СЛАВЯНСКОГО МИРА**

Москва
«Общественная польза»
1994

Ответственный за выпуск В. Г. Родионов
(главный редактор журнала «Русская Мысль»)

Энциклопедия Русской Мысли: Русское Физическое Общество.

Издательство «Общественная польза»: – М.: Общ. польза, 1994
– – ISBN 5-85617-100-4.

Т. 4: (А. В. Гудзь-Марков. Индоевропейская история Евразии.
Происхождение славянского мира. – 1994. – 350 с. – ISBN
5-85617-004-0.

Четвёртый том «Энциклопедии Русской Мысли», – научная
монография московского историка Гудзь-Маркова Алексея Вик-
торовича.

Книга посвящена рассмотрению истории развития индоевро-
пейской общности Евразии на протяжении последних десяти ты-
сячелетий. Материал рассматривается на основе данных археоло-
гии, сравнительного языкознания и религиозно-мифологического
наследия индоевропейцев континента. Наряду с исследованием
процесса сложения древних кельтских, германских, латинских,
греческих, балтских, иранских и индоарийских общностей индо-
европейцев прослеживаются зарождение и развитие праславянской
общности Евразии.

Цель настоящей книги состоит в том чтобы показать древ-
нейшие корни славянства как части индоевропейского мира кон-
тинента V – I тыс. до н.э. Осознав пути развития индоевропейского
мира Евразии, отследив важнейшие вехи его древнейшей истории,
поняв целостность его языкового, культурного и этнического
многообразия, – можно увидеть славянство как центр всего евра-
зийского сообщества индоевропейцев, включающего на крайнем
западе германский, а на крайнем юго-востоке индо-иранский миры.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интере-
сующихся историей древнейших индоевропейцев и местом славян
в их общности.

ISBN 5-85617-004-0	©	Гудзь-Марков А.В., 1994
ISBN 5-85617-100-4	©	Издательство «Общественная польза» Русского Физического Общества, 1993
	©	«Энциклопедия Русской Мысли», 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно не много проблем, столь же интересных и при серьёзном рассмотрении буквально захватывающих, как – та, исследованию которой посвящена настоящая работа. Нельзя до конца понять культуру ни России, ни иной страны, не имея представления о древнейших периодах зарождения и развития цивилизаций. Целостность картины требует глубочайшего рассмотрения самих основ предистории народов и огромного числа явлений, влиявших на народы и страны в течение тысячелетий.

Практически на каждой странице книги неоднократно упоминается слово "культура" в смысле явления археологического, судить о котором, ввиду отсутствия письменных памятников, можно лишь по тому, что сохранила земля. И – да простят читатели столь частое упоминание конкретных археологических культур. В оправдание можно сказать так: эпохи, рассматриваемые в работе, столь глубоки, что иной способ изложить древнейшую историю индоевропейцев Евразии трудно представить.

Созданию настоящей книги предшествовало рождение работы, описывающей Россию в мельчайших подробностях: от перипетий княжеских отношений до ныне забытых людьми городищ, сёл, погостов, волоков и урочищ, однако ход времени и эволюция развития исторической спирали настоятельно потребовали предпослать истории Древней Руси историю древнейшую, заложившую все её осязаемые и внутренние черты.

Настоящее и будущее таит для человечества множество вопросов, а подчас и страшных угроз. Откровенный материализм не только опаляет людям крылья, но и губит их души. Так обратимся к нашей далёкой истории. Поверьте – она хранит не только множество тайн, но и множество ответов на вопросы, разрешение которых для человечества есть вопрос его жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга повествует о том, как на протяжении последних в истории планеты тысячелетий, прошедших со времени завершения великого оледенения, развивались культуры и цивилизации Евразии, создатели которых принадлежат к индоевропейской общности континента. Городские цивилизации Передней Азии и юга Туркмении VIII – I тыс. до н. э., цивилизация городов Хараппа и Мохенджо-Даро в долине реки Инд III – II тыс. до н. э., древняя Троя, основание которой относят к 2750 г. до н. э., гибель к 1250 г. до н. э., цивилизация острова Крит III – I тыс. до н. э., три этапа развития догомеровской Эллады III – II тыс. до н. э., цивилизация древнего Египта III – I тыс. до н. э. и государство хеттов в Малой и Передней Азии оказываются тесно переплетены с культурами индоевропейских пастухов и земледельцев Туранской долины Средней Азии, юга Урала, Нижней Волги, Дона и Днепра V – I тыс. до н. э.

Великие религии индоевропейского мира Евразии, выраженные в гимнах Ригведы и в Гатах Авесты II – I тыс. до н. э., прямо перекликаются с бесчисленными курганами континента, разбросанными всюду от Ирландии до Алтая, и с руинами британских хенджей и южноуральских городов II тыс. до н. э.

Анализ общности индоевропейских языков позволяет восстановить уклад хозяйства V – I тыс. до н. э., породы животных и растений, окружавший людей далёких эпох, социальное строение общества, облик жилищ и даже природу ландшафтов.

История сложения славянской ветви индоевропейского этнического, культурного и языкового древа Евразии являет собой центр проекции, фокус всей бури событий, пронёсшихся над центром и востоком Европы в V – I тыс. до н. э.

Срединное положение славян, между западной и восточной группами индоевропейских народов, предопределило не только мощь и универсальность их (славян) языка, являющегося наиболее богатым и консервативным среди собратьев, позволяющего расшифровать клинопись хеттов и сохранившего само слово Веда как венец праведности, то есть нравственной чистоты, но оно предопределило историческую миссию славян как центрального фундаментального начала Евразии, границы которого пролегли от восточных Альп и Эльбы (Лабы) на западе до Тихоокеанского побе-

режья на востоке, от Средиземного моря на юге до Ледовитого океана на севере.

Процесс сложения и кристаллизации культурных, языковых, этнических общностей исторических кельтов, латинов, германцев, греков, иллирийцев, фракийцев, балтов, иранцев, хеттов, североиндийских ведических арийцев и самих славян, являющихся неотъемлемой и центральной составляющей громадной и в древности весьма подвижной индоевропейской общности Евразии, требует рассмотрения всей совокупности современных данных, коими располагают археология, лингвистика, топонимика, религиозно-эпическое наследие ведической и авестийской литературы II – I тыс. до н. э., памятники историков и писателей I тыс. до н. э. Громадную информацию о судьбах народов заключают в себе надписи на камнях и глиняных табличках хеттов, ассирийцев, египтян, вавилонян, эллинов, этрусков, рунические надписи на оружии, украшениях и камнях германцев, надписи славян.

Кроме того, для понимания причин громадных перемещений подвижных индоевропейских народов VIII – I тыс. до н. э. в Евразии необходимо учитывать данные палеоклиматологии, то есть информацию о периодах глобальных и региональных засух и переувлажнений в отдельных регионах континента.

Однако едва ли не важнейшим фактором в уяснении развития судеб отдельных индоевропейских общностей Евразии является не только степень их взаимного родства, но и ход бесконечных столкновений, захватов территорий, смешений этносов, рождения новых культурных групп. Невозможно уяснить ход развития славянской общности континента без внимательного рассмотрения истории окружавших славян германцев, кельтов, латинов, иллиров, фракийцев, эллинов, балтов и иранцев. Нельзя также понять сущность славянского мировоззрения, отражённого в христианстве, а во многом и в основополагающем древнем язычестве, без уяснения ведической духовной основы всего индоевропейского сообщества Евразии, видящего одухотворённое начало во всех проявлениях окружающего человека мира, будь то слово или утренняя заря.

Этим вопросам и посвящена настоящая книга. Огромный объём информации, кажущийся хаос событий при внимательном рассмотрении выстраиваются в чёткую хронологию эволюционного развития индоевропейской цивилизации Евразии. Ни одна деталь не становится лишней, всё находит своё место и обретает смысл.

ГЛАВА 1

ОТСТУПЛЕНИЕ ЛЕДНИКА НА СЕВЕР. ОЖИВЛЕНИЕ ЖИЗНИ В ЕВРАЗИИ

Отступление четвёртого и последнего Вюрмского оледенения в истории Земли началось в XVIII тыс. до н. э. Однако Северная Европа ещё десять тысячелетий оставалась скованной ледяным панцирем, толща которого достигала двух километров. Застывшее море голубого льда упиралось в северные отроги Альп и Карпат.

Склонами Уральского хребта мощный ледяной язык достигал сердца Евразийской равнины. Горные вершины Пиренеев, Апеннин, Балкан, Кавказа, Центральной Азии были покрыты громадными ледяными шапками, опускающимися стынущие холодом потоки льда и снега в окружающие их глубокие долины. От Средней Англии до Среднего Днепра и далее до Тихого океана Евразийский континент опоясывал широкий пояс тундры. Арктическая стужа пронзительным холодом обжигала воды и берега Средиземноморья, Чёрного и Каспийского морей. А в Южной Европе, в Малой Азии, на бескрайних просторах Средней Азии и Сибири вечнозелёной хвоей раскинулся океан тайги.

К XIV тыс. до н. э. из-под ледяного покрова освободились земли современных Дании, Германии, Польши, Южной Литвы, части Северной России и Сибири. Отступающий в Арктику ледник всюду оставлял огромные озёра и повсеместно разбросанные груды громадных валунов. Из-под льда проступали контуры северных морей. Вслед за уходящим ледником на север продвигались мамонты, шерстистые носороги, северные олени. Южнее них, на необозримых евразийских просторах, паслись стада диких лошадей, быков, оленей, бизонов. На них беспрестанно охотились гиены, медведи, пещерные львы. Достигшие севера континента мамонты и шерстистые носороги вскоре погибли и ныне напоминают о себе лишь окаменелыми замороженными останками, сохранёнными вечной мерзлотой.

В XIV – XI тыс. до н. э. минула конечная, готская, фаза последнего (Вюрмского) оледенения Земли. Из века в век всё яснее обозначались отполированные льдом и стужей скалы Северной Британии и Скандинавии. Солнце вызволяло их из ледяного плена, длившегося без малого сто тысяч лет. Вслед уходящему леднику

безбрежным зелёным ковром выстилалась опалённая арктическим холодом тундра. А вдогонку ей Карпатский и Альпийский барьеры перешагнула тайга. Она год от года всё дальше к северу, к дымящейся стужей Арктике выдвигала истерзанные колючими ветрами карликовые берёзы и бесформенные разлапистые сосны, насмерть вцепившиеся в оттаивающую землю светло-жёлтыми кривыми стволами. Вслед за стойкими зелёными карликами – живыми волнами вели наступление на север моря хвойных лесов.

В течение десяти тысяч лет гигантский ледниковый покров метр за метром сползал с Европы.

Планета оттаивала, климат смягчался. Континент покрывался смешанным лесом. Его душистый, нежный зелёный полог скрывал землю от пронизывающих холодом потоков воздуха с севера. Ледниковые озёра наполнялись жизнью, их топкие берега зарастали сочными травами. Безмолвные невольные странники, вечные спутники ледника – валуны, обломки далёких северных скал, угрюмые непрошенные гости в Европе – одевались мхом и вращались в дёрн. В отогретой солнцем Северной Евразии от столетия к столетию прибавлялись дубовые рощи, раскидистые липы, вязы.

Но в IX тыс. до н. э. Европа ещё в полной мере ощущала холод уходящего арктического льда. Обрывистые утёсы Британии и Скандинавии, отполированные едва ли не до зеркального блеска солёными волнами Атлантики, голубыми льдинами и жестокими ветрами, бесконечно долго прощались с необозримым сверкающим ледяным полем, ползущим на север.

На протяжении IX – VI тыс. до н. э. лесотундра Северной Европы заросла смешанным лесом. Сень лесов наполнялась множеством благородных оленей, вепрей, пушным зверем, богатым пернатым миром. Европа превращалась в охотничий рай. Климат от века к веку становился всё мягче.

Освободившаяся от ледового плена Балтика обретала современные очертания. Воды Ладожского озера пробились к Финскому заливу и образовали новую реку, – Неву. Существовавшая между Британией и континентом суша постепенно всё более погружалась в морскую пучину. Образовавшийся пролив Ла-Манш отделил острова Британского архипелага от Европы. Чёрное море долго оставалось озером, соединённым с Каспием, однако прорыв его водами Босфорского перешейка близился; и около V тыс. до н. э. это событие произошло. Европа принимала современные очертания.

ГЛАВА 2

РЕЧНАЯ СИСТЕМА СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОСЛЕЛЕДНИКОВОЙ ЭПОХИ

В эпоху отступления последнего великого ледника и в послеледниковую эпоху, вплоть до III – II тыс. до н. э., на равнине Средней Азии существовала во многом отличная от современной речная система. Есть все основания полагать, что климат в данном районе Евразии был далеко не так засушлив, как ныне. Зыбучие пески пустынь Каракумы и Кызылкум до сего дня запечатлевают следы громадных русел пересохшей реки, некогда пересекавшей Среднеазиатскую равнину с востока, беря начало в ущельях Тяньшаньского хребта, на запад, завершаясь устьем в районе Красноводского залива на юго-востоке Каспийского моря. Истоком погибшей реки служили долина озера Иссык-Куль и соединённые с ней верховья реки Чу, питавшейся влагой высокогорных ледников хребта Терской-Ала-Тоо – сердца Тяньшаньского горного массива. Прорвавшись сквозь теснины Киргизского хребта, воды реки Чу вырываются на равнину. Слева от реки простираются пески пустыни Муонкум, в полутораэта километрах справа от русла реки остаётся озеро Балхаш, которое питается реками, берущими начало в горах Восточного Тянь-Шаня. Возможно, в древности озеро доносило свои воды до русла реки Чу. Это тем более вероятно, что в месте их максимального сближения существует пересыхающий проток. Не доходя двухсот километров до русла Сырдарьи, в месте впадения в неё текущей с севера реки Сары-Су, река Чу в настоящее время глохнет, заканчивая течение разливом озера в солончаковой низине.

К западу от Сырдарьи Великая погибшая река обозначена сухим руслом Жан-Дарьи, пролегающим по дну котловины Туранской долины. С севера к Туранской низменности спускаются реки, берущие начало в предгорьях Южного Урала и Казахского мелкосопочника. В эпоху таяния ледника Тургайская котловина, прорезающая Южный Урал и массив Казахского мелкосопочника с севера на юг, доносила до ныне сухого русла Жан-Дарьи значительные потоки пресной воды. Сегодня река Тургай, текущая по дну Тургайской котловины, гибнет в солончаковых болотах Средней Азии, не доходя трёхсот километров до русел Сырдарьи и Жан-Дарьи.

В период существования погибшей Великой среднеазиатской реки, главной пресноводной артерии центра Евразийской равнины ледниковой и послеледниковой эпохи, все текущие к северу реки, берущие начало в гордых системах Тянь-Шаня, Памира, Гиндукуша, Копетдага, являлись притоками её главного русла, расположенного в Туранской долине. Идущая с севера на юг речная система Тургайской котловины также являлась притоком главного речного русла Туранской долины (Чу-Жан-Дарья-Узбой). Таким образом, ледники горных систем юга Средней Азии, опоясывающие её гигантским полукольцом от Каспия до Монголии, и ледники, покрывавшие вершины Уральского хребта в течение многих тысячелетий, направляли стремительные потоки талых вод в русло действительно Великой громадной полноводной речной системы Среднеазиатской равнины, превращая её долину в необъятный цветущий сад, один из главных оазисов Евразийского континента поздней ледниковой и ранней послеледниковой эпохи.

Высохшие русла Жан-Дарьи достигают течения Амударьи в районе современного города Нукус. Западным продолжением исчезнувшей реки являются левые рукава Амударьи, достигающие озера Сарыкамыш, от которого русло погибшей реки поворачивает на юг в сердце Каракумской пустыни. Сухое русло в Каракумах называется Узбой. На широте Бухары русло Узбой поворачивает на запад и, пройдя между северо-западными отрогами хребта Копет-Даг, достигает Каспийского моря. Устьем Великой среднеазиатской реки служил залив Красноводска и, возможно, залив Кара-Богаз-Гол.

Южными притоками ушедшей в пески реки Чу-Жан-Дарья-Узбой являлись реки, отслеживаемые современными реками Талас, Сырдарья, Амударья с притоками Зеравшан, Мургаб, Теджен и множество небольших горных потоков Копетдага, ныне теряющихся в песках Каракумов. С севера главное речное русло Средней Азии вбирало воды озера Балхаш с его восточнотяньшаньскими притоками, воды реки Сарысу, питающейся влагой Восточноказахского мелкосопочника, реку Тургай, несущую воды с отрогов Южного Урала и словно отворяющую ворота влаге Западной Сибири, через Тургайскую низменность, на юг в долину Турана.

Одновременное существование могучей полноводной реки Средней Азии, способной проложить существующее и донныне громадное русло и донести воды на протяжении нескольких тысяч километров от Иссык-Кульской долины до Каспия, и Аральского

моря, ныне главного накопителя влаги ледников Тянь-Шаня и Гиндукуша, весьма сомнительно. Правильнее сказать – одновременное их существование невозможно.

После гибели Великой среднеазиатской реки – оставшейся влаги и её энергии, идущих с горных систем, замыкающих равнину с юга, хватило на создание ныне гибнущего Аральского моря. Авестийские и ведические тексты II – I тыс. до н. э., корни которых уходят в глубины V – III тыс. до н. э., изобилуют упоминаниями о Великой реке, бассейн которой некогда служил домом арийским народам континента. Письменно зафиксированные исторические источники II – I тыс. до н. э., созданные на востоке Средиземноморья (Эллада, Ближний Восток, Малая Азия, Египет, Месопотамия), указывают на продвижение огромных масс пастушеского и земледельческого населения из районов Средней Азии, Нижней Волги, юга Урала и Ирана на запад в Малую Азию, в дельту Нила и на юг Балканского полуострова. Главная цель передвижения – стремление обрести плодородную землю и воду, а причина – страшная засуха, поразившая центр Евразии в конце III, на протяжении II и I тыс. до н. э.

Данные археологии, полученные в степях Евразии, пролегших от Днестра на западе до Алтая на востоке, также указывают на нескончаемый на протяжении V – I тыс. до н. э. и особо усилившийся в III – II тыс. до н. э. поток полукочевых пастушеско-земледельческих индоевропейских народов, шедших из районов Средней Азии, юга Урала, Нижней Волги, Дона и Днепра в центр Европы, на Нижний и Средний Дунай и далее в Скандинавию, Британию, на Пиренеи, Апеннины, Балканы.

Одними из наиболее ярких символов степного евразийского происхождения индоевропейских культур Европы являются многочисленные курганы, начиная с середины IV тыс. до н. э. буквально усеявшие Европу от Скандинавии до Апеннин и от Ирландии до юга Урала.

Знание о погибшей Великой реке Средней Азии необходимо для понимания самого хода индоевропейской истории континента. Катастрофа, связанная с изменением водного режима в Средней Азии, оказалась едва ли не важнейшей пружиной эпического перемещения индоевропейцев IV – I тыс. до н. э. из центра на запад Евразии.

ЧЕЛОВЕК В ПОСЛЕЛЕДНИКОВУЮ ЭПОХУ

Начиная с X тыс. до н. э. население Средней Азии, Иранского плоскогорья, Месопотамии, Переднего Востока и Малой Азии (Анатолии) достаточно активно осваивает формы ведения пока ещё примитивного хозяйства, во многом основанного на поисках и потреблении того, что давала людям природа, без использования собственных производительных сил. Тем временем у охотников появляются лук и стрелы. Началось повсеместное приручение некогда диких животных, и среди них – собаки. Люди стремились выращивать растения, которые прежде собирали в дикорастущем виде.

В Европе человек получил условия, способствующие началу перехода от выживания путём охоты и собирательства к зарождению промышленного производства пищи, улучшению жилища, усовершенствованию орудий труда не менее чем на тысячу лет позже, нежели в Азии. Близость ледника к Европейскому континенту на заре современной человеческой цивилизации сыграла, в определённом смысле, консервативную роль в развитии местного производящего хозяйства. Первенство Азии перед Европой в развитии сельского хозяйства, животноводства, в прикладных искусствах и ремёслах, в металлургии, в производстве наступательного вооружения длилось вплоть до II тыс. до н. э. Хотя и в I тыс. до н. э. Азия ещё во многом опережала Европу, отдавая ей накопленные за десять тысяч лет собственного прогресса знания и навыки. Начиная с V и особенно в IV тыс. до н. э. шло активное проникновение влияния древних культур Передней и юга Средней Азии в степи Туранской долины, юга Сибири, Урала, России и на Балканы, а с середины IV тыс. до н. э. также и в Центральную, Северную и Западную Европу. Древнейшая высокоразвитая цивилизация Месопотамии, Ирана, юга Туркмении, пережив в V – IV тыс. до н. э. величайший хозяйственный, культурный и духовный взёт, уже в III тыс. до н. э. ощутила начало грядущего упадка.

Неотвратимо наступающее изменение климата привело к гибели множества рек и запустению ещё недавно цветущих городов и селений.

Так началось движение народа, создавшего великую цивилизацию Передней и юга Средней Азии VIII – IV тыс. до н. э., – в Европу, земли которой в IV–III тыс. до н. э. становятся самым благодатным районом Евразии. Народы несли на запад язык, культуру, религию. Именно это эпическое движение из центра на запад и юг континента, длившееся несколько тысяч лет, положило основание современной индоевропейской цивилизации Евразии и общности индоевропейских языков, культур и религий.

Ещё в IX тыс. до н. э. климат Европы и широкой полосы Евразии, от нижнего Днепра до Камчатского полуострова, был скорее арктическим и походил на нынешний климат севера Скандинавии и побережья континента от Баренцева до Чукотского моря. Горы Передней и Центральной Азии служили естественным труднопреодолимым барьером для потоков мертвящего холодного воздуха с севера. Благодаря их защите с VIII тыс. до н. э. в районах Иранского плоскогорья и в Месопотамии начинает развиваться древнейшая из известных нам цивилизаций, имеющая прямую преемственность в современных и исторически засвидетельствованных индоевропейских культурах Евразийского континента, получивших в дальнейшем широкое распространение от Ирландии до Индии и Тихого океана.

Одной из непосредственных колыбелей древней восточной цивилизации VIII – IV тыс. до н. э. служили горы Загросского хребта на юго-западе Ирана, расположенные к северо-востоку от Южной Месопотамии и к северу от Персидского залива. Долина рек Тигр и Евфрат выступала ареной постоянных вторжений пастушеских полукочевых народов, шедших из Загросских гор и создавших на плодородных землях Междуречья ряд последовательно сменявших друг друга культур. Но горы Загроса и долина Месопотамии были не единственными районами Азии, вынашивавшими в VIII тыс. до н. э. зачатки современной цивилизации.

Климат Малой Азии, южного побережья Каспия и юга Средней Азии (район нижнего течения погибшей Среднеазиатской реки и северных отрогов Копетдага) позволил местному населению уже в VIII тыс. до н. э. начать переход к осёдлому ведению сельского хозяйства и созданию основы будущего расцвета древнеазиатских культур. На этих землях в ту давнюю эпоху не было зноя, позже иссушившего значительные территории Передней и Средней Азии, зато было достаточно влаги, питаемой ледниками горных систем Азии, позволявшей достигать значительных успехов в сельском

хозяйстве, и в то же время отсутствовали губительные морозы, способные мешать ведению производящего хозяйства. Климат на территориях древнейшего развития цивилизаций Евразии VIII – IV тыс. до н. э. был идеальным, если не райским. Позже, с ходом потепления в Европе и наступлением засухи в Азии, преимущества в ведении сельского хозяйства сместились к северу и, главное, к западу Евразийского континента, но переход этот был долг и постепен и происходил без малого в течение восьми тысяч лет.

Уже первые успехи, достигнутые народами Передней и юга Средней Азии в выращивании злаковых и бобовых культур и в разведении домашнего скота, позволили перейти ко всё более широкому развитию производительных форм и технологий ведения хозяйства. Благодаря запасам значительных объёмов продуктов люди освободились от каждодневной необходимости бороться за выживание и получили достаточно времени на совершенствование старых и изобретение новых орудий труда, развитие ремёсел и улучшение жилищ. Природа была благосклонна к людям и покровительствовала им. Видные практически отовсюду из долин Передней Азии и юга Туркмении горные вершины обеспечивали краю благоденствие, даруя влагу и защищая посевы от губительных бурь севера.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЁМА В ЕВРАЗИИ

Если климат Евразийского континента в послеледниковую эпоху IX – VII тыс. до н. э. благоприятствовал развитию древнейших земледельческо-скотоводческих общин на территории Малой Азии, Месопотамии, Ирана, юга Средней Азии, то севернее этих районов в послеледниковую эпоху население континента не имело тех условий, которыми располагали их южные соседи. Более суровый климат не оставлял населению Северной Евразии, и в частности населению Европы, возможностей и времени на совершенствование орудий труда. Каждодневная борьба с холодом и тяготами жизни в неосвоенных человеком районах континента делала людей рабами рутинной добычи пищи и обеспечения минимальных для выживания условий ведения нехитрого хозяйства. Не имея достаточных навыков и возможностей для развития производства сельскохозяйственной продукции, человек был вынужден лишь собирать то, что ему давала окружающая природа. Возможности создания сколько-нибудь значительных запасов пищи были крайне ограничены отсутствием постоянных источников их воспроизводства. Капризы погоды и изменчивость удачи на охоте и в рыбном промысле вынуждали людей к частой перемене мест в поисках более благоприятных районов проживания.

Прежде чем перейти к повествованию об этническом составе древнего населения Евразии, и в частности Европы, следует сказать о том, что современный человек в том виде, в котором он предстает сегодня, явно и повсеместно появился на планете лишь сорок тысяч лет назад. Как и почему произошла смена неандертальца на *Homo sapiens* (нашего современника), остаётся величайшей тайной, ибо неандерталец не мог явиться прародителем современного человека – столь велика разница в их развитии, строении и прежде всего в строении и объёме головного мозга. Пропась, лежащая между современным человеком и проточеловеком, населявшим планету сорок тысяч лет назад, бездонна и непреодолима.

В Европе непосредственным представителем современной индоевропейской расы Евразии является человек каменного века, эпохи ледника и послеледникового периода, получивший наиме-

нование **кроманьонца** – по названию пещеры, некогда служившей ему убежищем. Кроманьонец очень высок, его средний рост составлял 187 см. Великаны-охотники, занимавшие территории к северу от Альп и Карпат и бассейн Среднего Днепра в IX – IV тыс. до н. э., являлись непосредственными потомками кроманьонцев и принадлежали к большой индоевропейской общности Евразии.

В то же время юг Европы и особенно её юго-запад – Апеннинский полуостров, юг Франции и Пиренеи – в послеледниковую эпоху были населены значительными группами **людей негроидного типа**. Оставленная ими наскальная живопись Испании по-своему изумительна и схожа с африканской.

Третьей крупной и одной из наиболее загадочных этнических групп древнейшей Европы IX – IV тыс. до н. э. были представители так называемой **средиземноморской расы Евразии**, население которой занимало острова Восточного Средиземноморья, Балканский полуостров, Центральную Европу и в разное время достигало на западе побережья Атлантики, а на востоке – правобережья Среднего Днепра. Последний из трёх древнеевропейских народов является наиболее загадочным, ибо не принадлежит, в явном виде, ни к одной из ныне существующих наций Евразии или Африки.

Именно средиземноморское население Балкан и Дунайской долины, не являвшееся ни негроидным, ни индоевропейским и составлявшее особый в этническом и культурном отношении народ, опираясь на опыт Передней Азии VIII–VII тыс. до н. э. в освоении животноводства и выращивания культурных растений, создало древнейшую земледельческую и скотоводческую общность Европы VII – IV тыс. до н. э.

Развитие культур Малой Азии, Месопотамии, Ирана, юга Туркмении VIII – VI тыс. до н. э. и их влияние на Юго-Восточную Европу позволило, начиная с конца VII – начала VI тыс. до н. э., развернуть на Балканах широкое культурное возделывание пшеницы, ячменя, гороха, чечевицы, разведение крупного рогатого скота, коз, овец. В V тыс. до н. э. из районов Месопотамии, Ирана, юга Туркмении в Европу идёт распространение и местное совершенствование техники изготовления керамической посуды. Народы Центральной, Южной и Восточной Европы начали повсеместно применять керамику в ведении хозяйства.

Распространялись также прядение шерсти и освоение техники ткачества. Активно совершенствовались орудия труда. Поселения древнейших земледельцев и скотоводов Центральной и

Юго-Восточной Европы располагались по берегам рек и озёр. Жилища их первоначально представляли собой землянки, укрепленные плетённым каркасом и покрытые соломой. Особое своеобразие древних земледельцев Юго-Восточной Европы отражено в их керамике, названной *линейно-ленточной*, и в её росписи. Прежде всего – своеобразие линейно-ленточной керамики указывает на то, что ни этнической, ни культурной общности с древнейшими индоевропейскими общностями центра и севера Евразии VIII – IV тыс. до н. э. у её создателей, средиземноморского населения Юго-Восточной Европы VII – IV тыс. до н. э., быть не могло.

Наиболее ранние земледельческие посёлки средиземноморцев на Балканах начали возникать в VII тыс. до н. э. На крайнем юге полуострова развивалась докерамическая культура Фессалии. Земледельцы с помощью мотыг возделывали пшеницу-однозернянку, ячмень, горох.

На рубеже VII – VI тыс. до н. э. земледельческое производство возникло на острове Крит. Именно VII и VI тыс. до н. э. можно датировать решающее культурное влияние Передней Азии на Юго-Восточную Европу, шедшее через Малоазиатский мост, выразившееся в поставке одомашненных животных и культурных растений положивших начало рождению на Балканах производящих форм сельскохозяйственного производства.

Начиная с середины VI тыс. до н. э. земледельческие общности средиземноморцев складываются на Балканах всюду – от Пелопонеса до Фракии и Среднего Дуная. Население повсеместно широко и успешно осваивало методы выращивания злаковых и бобовых культур и разведение домашнего скота. С ростом благосостояния средиземноморского населения Балкан росла его численность, что позволяло от века к веку продвигать сельскохозяйственные посёлки всё дальше на север, запад и восток Европы, осваивая новые, пригодные для возделывания и выпаса земли.

Однако настоящей силы и истинного расцвета культура древних средиземноморцев Европы достигает в V – IV тыс. до н. э. От устья Рейна до низовьев Дуная всюду росли селения, состоящие из длинных прямоугольных жилищ (30×7 м), принадлежавших одной патриархальной семье. Стены жилищ возводились из дерева и глины. Могилы данной эпохи представляли собой грунтовые ямы. Покойник помещался в них в скорченном состоянии, лёжа на боку. Во всех погребениях присутствовала красная охра.

Северные охотники, великаны-индоевропейцы, населявшие леса, опоясывающие Балтику, не могли не подвергнуться культурному влиянию южных, обгонявших их в развитии средиземноморских соседей. Результатом их взаимодействия стало появление в среде североевропейских охотников техники изготовления собственной *накольчатой керамики*. Данный тип керамики своим рождением непосредственно был обязан североевропейскому, автохтонному со времён таяния ледника, населению, однако влияние средиземноморской культуры центра Европы на северных индоевропейцев было столь значительно, что формы североевропейской посуды (накольчатая керамика) во многом оказались почерпнуты в формах и традициях линейно-ленточной керамики средиземноморцев, и только бедность росписи тулова сосуда, заменённая северянами накольчатым орнаментом, да упрощённые формы указывают на принадлежность накольчатой керамики северянам.

Традиция украшать керамическую посуду накольчатым, нарезным, шнуровым орнаментом, присущая индоевропейцам лесной и степной полосы Европы и Азии V – II тыс. до н. э., указывает на преемственность в изготовлении керамической посуды от плетения домашней утвари из прута. Насечки, перевитые шнуры, валики отражают на тулове керамического сосуда привычный жителю лесов и степей естественный орнамент перевитой лозы и прута в гораздо ранее освоенной плетёной посуде.

ГЛАВА 5

ЦЕНТРЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И ЮГА ТУРКМЕНИИ VIII – IV ТЫС. ДО Н. Э.

По прошествии VIII – VI тыс. до н. э. народы, населявшие север Месопотамии, Иранское плоскогорье, северные отроги хребта Копетдаг и низовья погибшей Среднеазиатской реки на западе Туркмении и целого ряда иных территорий Передней и Малой Азии, прошли громадный путь развития древнейших земледельческих обществ Евразии. Ими был одомашнен мелкий и крупный рогатый скот, создано осёдлое земледелие, превратившее некогда дикие растения, далёкие прототипы современных злаковых и бобовых культур в широко распространённые селекционные сорта, используемые в промышленном производстве пищевого и кормового продукта. Параллельно совершенствовалось искусство возделывания и обработки земли. Шло повсеместное развитие основ ухода за домашним скотом, расширение его поголовья, производились первые опыты в выведении различных пород животных. Люди возводили всё более благоустроенные жилища, соответствующие росту их благосостояния. На рубеже VIII – VII тыс. до н. э. в ряде центров Малой Азии, Ближнего Востока и Ирана развернулось древнейшее керамическое производство. С VII тыс. до н. э. в Месопотамии и смежных с ней районах Ирана начали развиваться древнейшие центры металлургии.

Освоение важнейших производительных начал современной цивилизации в наиболее приспособленных климатически районах Евразии VIII – VII тыс. до н. э., состоящее в широком промышленном выращивании культурных растений, в разведении домашнего скота, в развитии керамического и прядильно-ткацкого производств, в начале освоения металлургии, в совершенствовании жилищ, позволило в дальнейшем совершить небывалый дотолле качественный сдвиг не только в росте народонаселения, прежде крайне малочисленного, но и в бесповоротном изменении всего хода и динамики развития Евразийского континента. Отныне камень, кость и дерево всё чаще заменяются металлом. Поселения всё более походят на города. Керамическая посуда становится совершенной, формы изделий изящнее, дома удобнее.

Было готово всё то, что позволило в VI – V тыс. до н. э. в районах Месопотамии, Ирана, юга Туркмении расцвести величайшей протоиндоевропейской цивилизации, осветившей созданной ею материальной и духовной культурой, главным символом которой являлся **крест**, всю индоевропейскую общность Евразийского континента, и во многом предопределил её последующее историческое, экономическое и духовно-религиозное развитие.

Следует подробнее описать сам район Передней и юга Средней Азии, занявший столь значимое место в мировой истории. Крайней западной оконечностью Азии является полуостров Малой Азии, отделённый от Европы проливами Босфор и Дарданеллы. В X – VIII тыс. до н. э. климат Малоазиатского полуострова, покрытого горными хребтами и называемого также Анатолией, отличался всеми преимуществами, способствующими успешному началу развития сельскохозяйственного производства.

Позже, в VII – VI тыс. до н. э., Малая Азия, как мы помним, послужила естественным культурным и экономическим мостом, позволившим средиземноморскому населению Юго-Восточной Европы перейти к производящим формам ведения хозяйства. Именно через Малую Азию в Европу на рубеже VII – VI тыс. до н. э. устремился поток культурных злаков и одомашненного скота. Впрочем, малоазиатские контакты Европы и Азии носили непрочный и недолговечный характер, хотя и позволили средиземноморцам VII – VI тыс. до н. э. почерпнуть плоды развития переднеазиатских народов. Через Малую Азию в Европу не совершалось столь крупных вторжений индоевропейского населения, какие, начиная с V тыс. до н. э., устремлялись на запад Европы из степных районов Средней Азии; юга Урала, низовьев Волги, Дона и Днепра.

Из Малой Азии в Европу (на Балканы) в VII – VI тыс. до н. э. скорее – шло проникновение культурное и технологическое, нежели этническое; и происходило это из-за того, что население юго-востока Европы (Балкан) и Малой Азии в значительной степени вело осёдлый образ жизни и обладало крайне малой подвижностью.

Степи юга России, Урала, Сибири и Средней Азии, напротив, позволяли своим обитателям заниматься главным образом кочевым скотоводством, что способствовало развитию той огромной подвижности населения, которая предопределила, начиная с IV тыс. до н. э., повсеместное вытеснение средиземноморских земледельцев Европы и широкое освоение её территорий индоевропейскими

народами, из века в век, вал за валом упрямо шедшими на запад континента из глубин евразийских степей.

В горах на востоке Малой Азии находятся верховья двух замечательных в историческом смысле рек – Тигра и Евфрата. Среднее и нижнее течения обеих рек, имеющих генеральное направление с северо-запада на юго-восток и идущих параллельно друг другу вплоть до объединения потоков незадолго до впадения в Персидский залив, протекает по громадной долине, разделяющей горы западного Ирана и пески Сирийской пустыни. В послеледниковую эпоху междуречье Тигра и Евфрата являло собой громадный цветущий сад, сполна одаривавший возделывавшее его население плодами земледельческого труда. Историческое название долины – Месопотамия.

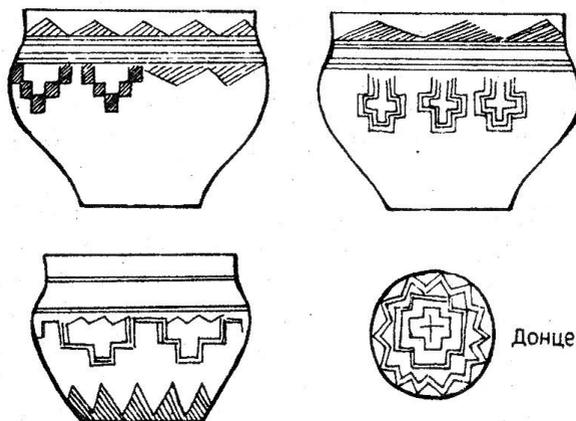
Территория Ирана, напротив, представляет собой нагромождение горных хребтов, окружённых с запада Месопотамской долиной, с севера – Каспийским морем и отрогами Копетдага, с востока – горным массивом Гиндукуша и пустынями Афганистана и Белуджистана, а с юга – водами Персидского и Оманского заливов. В историческом плане на территории Ирана особенно замечателен горный массив Загроса, подымающийся к востоку от Месопотамии и к северу от Персидского залива. Среди гор Загроса расположена историческая провинция Эллам со столицей в городе Сузы. На территории Южного Загроса и на землях, идущих далее к востоку вдоль побережья Персидского и Оманского заливов, вплоть до Западного Белуджистана (Пакистан), расположена историческая провинция Фарс, также весьма замечательная и значимая для судеб развития древнейшей цивилизации Передней и юга Средней Азии.

Географическим, а во многом и культурным центром древнего Ирана являлся Сиалк, город у озера Дарьячейя-Немек. К востоку от Сиалка, до гор Гиндукуша, тянется солончаковая равнина, на которой расположена провинция Хорасан. Южное побережье Каспийского моря окаймляет горный массив Эльбурс.

Иран и среднеазиатская равнина разделены хребтом Копетдаг. Особо следует отметить долину реки Теджен-Герируд, образующую естественные ворота между миром Передней Азии и великой евразийской степью, южной периферией которой является равнина Средней Азии. Именно долиной реки Теджен-Герируд прошли основатели Геоксюрского оазиса юга Туркмении из Ирана в IV тыс. до н. э., и именно долиной реки Теджен-Герируд устремились уже с севера на юг авестийские иранцы рубежа II – I тыс. до н. э.

К востоку от Ирана высятся горные массивы Гиндукуша, ещё далее к востоку – Гималаи, ледники которых питают великие реки Индии: Инд, Ганг, Брахмапутру, воспетые во II – I тыс. до н. э. в гимнах Ригведы.

К наиболее ранним и ярким проявлениям древнейшей цивилизации Передней Азии следует отнести расцвет хассунской культуры, пришедшийся на VI – середину V тыс. до н.э., на севере Месопотамии.

Керамика «Андроновской» культуры II тыс. до н.э.

Культурный слой Хассуна III – V соответствует культурному слою Намазга I (южная Туркмения) и Сиалка (центральный Иран). Население Северной Месопотамии, Центрального Ирана, северных отрогов Копетдага и долин Загроса VI – первой половины V тыс. до н. э. представляют единую земледельческо-скотоводческую общность со сходным культурным, социальным и хозяйственным укладом и прямым генетическим родством. Уже тысячу лет совершенствовалась техника выплавки меди, позволявшая создавать всё более производительные орудия возделывания земли.

Народы вплотную подошли к изобретению гончарного круга, совершившего качественный переход в производстве керамических изделий.

В свою очередь, достижения в металлургии и производстве керамики подняли их творцов на ступень, непосредственно предшествующую взлёту всей переднеазиатской культурной общности, относящемуся к середине V тыс. до н. э..

В VI тыс. до н. э. одновременно с хассунской развивалась джейтунская культура юга Туркмении, названная по поселению Джейтун, расположенному к северу от Центрального Копетдага. Само местоположение поселений Джейтун и Чопан-Депе, на площади, ныне покрытой песками Центральных Каракумов, говорит о том, что в VI тыс. до н. э. климат, состав почвы и водный режим среднеазиатской равнины позволяли заниматься осёдлым земледелием и скотоводством непосредственно на территории современных пустынь Каракум и Кызылкум.

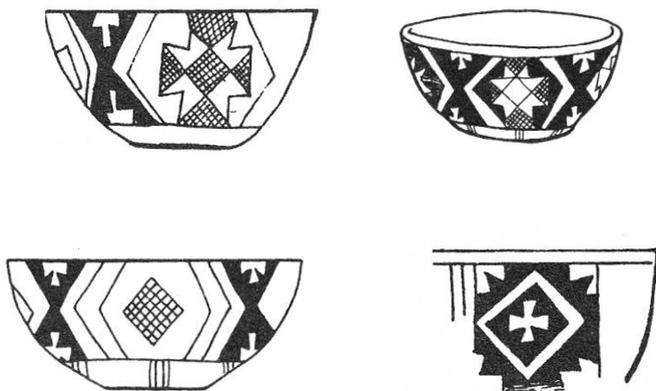
Население Джейтуна возводило однокомнатные дома, используя в строительстве глиняный валик – сырец длиной в 60 – 70 см, явившийся прообразом кирпичей последующих эпох. Собственной металлургии на юге Туркмении в VI тыс. до н. э. практически не было, и орудия труда изготовлялись из кремня, кости, дерева. Тем не менее – уровень домостроительства говорит об успешном ведении сельского хозяйства, что само по себе невозможно без цветущего плодородного края, имеющего достаточное количество влаги. Это означает, что в VI тыс. до н. э. среднеазиатская равнина ещё орошалась водами большой реки и ныне сухие русла Узбоя, оставленные ею в ту эпоху, наполнились живительной влагой, дарованной ледниками Тянь-Шаня, Памира, Гиндукуша и Копетдага.

Обширные территории современных пустынь Средней Азии в VI тыс. до н. э. представляли собой громадную цветущую равнину, пересечённую множеством речных потоков, несущих с юга на север, к главному речному руслу Узбоя и Жан-Дарьи, студёную воду гор. Луга, расположенные в долинах рек, вскармливали сочными травами, росшими повсюду в изобилии, многочисленные стада крупного и мелкого рогатого скота. Тучные хлебные нивы, покрывавшие значительные просторы среднеазиатской равнины, обеспечивали населению твёрдый достаток и гарантированное благополучие на годы вперёд.

Взлёт, потрясший весь переднеазиатский мир и приведший к созданию единой культурной, религиозной и хозяйственной провинции в Месопотамии, Иране, на юге Туркмении, а позже, в IV тыс. до н. э., в Афганистане, в III тыс. до н. э. на северо-западе Индии, произошёл около середины V тыс. до н. э. Начало ему было положено вторжением значительной группы пастушеского населения, устремившегося из долин Загроса на север и в центр Месопотамии. Следует особо отметить, что район гор Загроса (юго-запад Ирана) в V – IV тыс. до н. э. являлся главным источником этнического и культурного влияния в Передней и на юге Средней Азии. Именно из района Загроса шло распространение крашеной керамики и передовых форм животноводства и земледелия.

Вторжение с отрогов Загроса в середине V тыс. до н. э. ознаменовалось закатом хассунской культуры Северной Месопотамии VI – середины V тыс. и Центральной Месопотамии третьей четверти V тыс. до н. э. Пришедшая на смену самарская культура заложила основу формирования того ряда явлений и символов, которые в дальнейшем определили не просто развитие культур Ирана, Месопотамии, юга Туркмении, а в IV тыс. до н. э. Афганистана и в III тыс. до н. э. северо-запада Индии, но развитие и символику всей дальнейшей культуры индоевропейского мира Евразии независимо от времени и местоположения отдельных её ветвей.

Самарская культура выработала геометрический орнамент, главным символом которого был **крест**, определивший орнаментацию (главный мотив) юга Месопотамии (Эриду), центра и запада Ирана (Сиалк, Сузы, Фарс), юга Туркмении (Анау, Намазга), а в дальнейшем, в IV – III тыс. до н. э., распространившийся в Афганистане и на северо-западе Индии. В последней четверти V тыс. до н. э. самарская культура севера Месопотамии пережила внешнее вторжение и сменилась халафской культурой. При этом мотивы орнаментации керамики сохраняются.

Керамика и крестовый орнамент центров Передней Азии и юга Туркмении V – IV тыс. до н.э.

В конце V – начале IV тыс. до н. э. произошло новое вторжение из долин Загроса; на этот раз – на юг Месопотамии, чем было положено начало убейдской культуре.

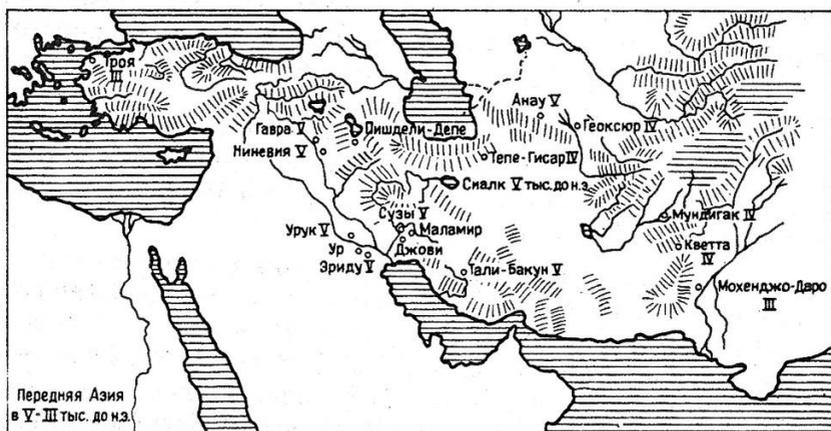
Однако **крест** имеет широкое распространение с самых нижних (ранних) слоев города Эриду (около 4300 г. до н. э.), расположенного в нижнем течении реки Евфрат на юге Месопотамии, где центрами городов эпохи убейдской культуры являлись монументальные храмы, высящиеся на искусственных платформах.

Население, шедшее в цветущую долину Месопотамии из гор Загроса двумя потоками, начиная со второй половины V тыс. до н. э., на север (самарская культура) и юг (убейдская культура), создало древнейшую религию индоевропейского мира континента, главным олицетворением которой являлся, **классический крест** – символ единения четырёх сторон света и вечной духовной жизни, дарованной человечеству в обладании бессмертными душами.

Господство величественных храмов над центрами городов указывает на главенствующее положение религии во всём жизненном укладе населения данной эпохи Передней Азии. **Крест** повсеместно изображался на донцах сосудов изнутри и снаружи, а также по четырём внешним сторонам тулова. Это указывает на обязательное освящение пищи и хранимых продуктов.

Около середины V тыс. до н. э. по всей культурной провинции, от юга Месопотамии до юга Туркмении, меняется домостроительство. Вместо прежних однокомнатных домов вырастали громадные многокомнатные дома, снабжённые большим количеством кладовых. Застройка городов и селений осуществлялась плотными кварталами, идущими вдоль главных улиц и разделенными небольшими боковыми переулками.

Преемственность самарской культуры севера Месопотамии наиболее ярко сохранена в посуде Фарса (юг Ирана). Керамика Фарса широко украшена **крестами**. Население провинции Фарс V – IV тыс. до н. э. занималось земледелием и скотоводством и имело гораздо более тесные связи с городами Месопотамии, нежели население Центрального Ирана (Сиалк). Важнейшими религиозными, культурными, ремесленными и сельскохозяйственными центрами Фарса второй половины V тыс. до н. э. являлись протогорода Гиян, Сузы (центр исторической провинции Элам), Мусийян, Тали-Бакун. Уровень развития ремесел Фарса соответствовал синхронному с ним уровню ремёсел в городских центрах Месопотамии.

Одновременно с расцветом Фарса, во второй половине V тыс. до н. э., в Центральном Иране начался подъём Сялка и окружающей его культурной провинции. В это же время, с начала второй половины V тыс. до н. э., преобразуется и юг Туркмении. У рек, берущих начало в ущельях Копетдага, родились будущие центры всей южной среднеазиатской культурной провинции – Анау I и к юго-востоку от него Намазга I.

Следует отметить то, что поселения джейтунской эпохи юга Туркмении VI тыс. до н. э. находились на равнине, расположенной к северу от Копетдага, а селения эпохи Анау I и Намазга I середины V тыс. до н. э. оказались расположенными непосредственно среди северных отрогов Копетдага.

Видимо, на рубеже VI – V тыс. до н. э. уже обозначились незначительные, но достаточно устойчивые изменения климата среднеазиатской равнины. Века от веков всё более засушливая погода заставила население Джейтуна подняться выше, в предгорья Копетдага, туда, где потоки горных рек обеспечивали ведение осёдлого земледелия достаточным объёмом влаги.

В верхнем течении реки Тигр, к югу от озера Урмия, расположенного на крайнем северо-западе Ирана, во второй половине V тыс. до н. э. расцвели местные центры общей переднеазиатской культурной провинции – Гавр и Пишдели-Депе. На них распространились все присущие данной эпохе культурные особенности Передней и юга Средней Азии. Вместе с распространением геометрической, крестовой орнаментации керамики и её форм во

второй половине V тыс. до н. э. начала получать всё более широкое развитие медная металлургия. Медные ножи, шилья и простые тѣсла являют древнейшую триаду металлических инструментов, получивших повсеместное распространение в Месопотамии, Иране, на юге Туркмении начиная со второй половины V тыс. до н. э. Древнейшие (круглые в сечении) медные шилья распространились в Сиалке I в центре Ирана. Подобные шилья получили применение в Южной Туркмении (Анау, Менжуклы, Кара-Депе) с конца V тыс. до н. э. В Джейтуне (VI тыс. до н. э.) применяли костяные прототипы подобных шильев. Четырёхгранные в сечении медные шилья с конца V тыс. до н. э. распространились в Анау I–III и в близлежащих поселениях Дашлыджи-Депе и Тилькин-Депе.

На юго-востоке Прикаспия, на севере Ирана, в местных культурных центрах Тепе-Гиссар и Амах-Тепе появились медные булавки со спиральной головкой. В дальнейшем, уже во II тыс. до н. э., подобные металлические спирали оказались характерными для очередного вторгшегося в Европу грандиозного потока индоевропейского населения центра Евразии, двинувшегося с юга Урала южнорусскими степями на запад. Именно мотив спирали явился едва ли не важнейшим в культуре юга Скандинавии (II–I тыс. до н. э.), в культуре курганных погребений XV – XIV вв. до н. э. центра Европы, в культурах тшинецкой и комаровской XV–XIII вв. до н. э. на территориях Польши и Украины, а также в лужицкой культуре XII – VIII вв. до н. э. центра и севера Европы.

Непосредственную передачу спирального мотива в орнаменте и в украшениях с востока на запад Евразии совершили представители первого этапа андроновской культуры XVIII – XV вв. до н. э. юга Урала и степей Средней Азии.

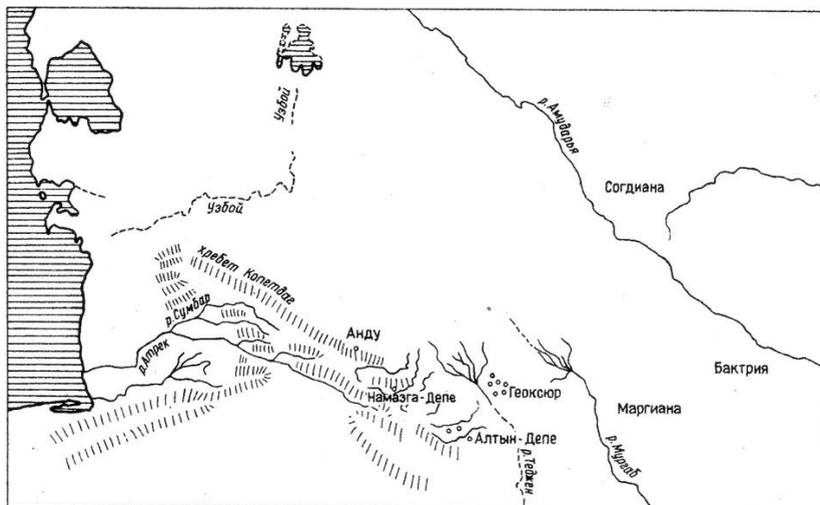
Прямыми преемниками древней индоевропейской традиции Евразии в создании спиральных украшений в исторической славянской среде явились двуспиральные височные кольца VI – VII вв. н. э. Среднего Поднепровья и односпиральные височные кольца XI – XII вв. н. э. того же региона, позже нашедшие отражение и на русском Севере.

Таким образом, вторая половина V тыс. до н. э. оказалась эпохой сложения древнейшей религиозно-культурной провинции Евразии, охватившей значительные территории Месопотамии, Ирана и юга Туркмении. Сходство орнаментов, форм керамики, металлургической продукции, одинаковые формы домостроения и ведения хозяйства указывают на тесные связи всех уголков куль-

турной провинции, не только торгового, хозяйственного и этнического свойства, но и религиозного, что явилось во многом важнейшим связующим началом родившейся цивилизации.

Высокий уровень религиозного и культурного мировоззрения позволил не только сохранить достаточно единую общность народа на значительных территориях Месопотамии, Ирана и юга Туркмении и на громадном отрезке времени, охватывающем тысячелетия, но и распространить его дух и влияние на необозримых просторах Евразии, пролёгших от долин Инда и Ганга до утёсов Британии и скал Скандинавии. Причём **крест**, явившийся главным религиозным символом второй половины V тыс. до н. э. Передней и юга Средней Азии, освящает весь путь развития индоевропейской цивилизации планеты вот уже скоро – до конца II тыс. н. э.

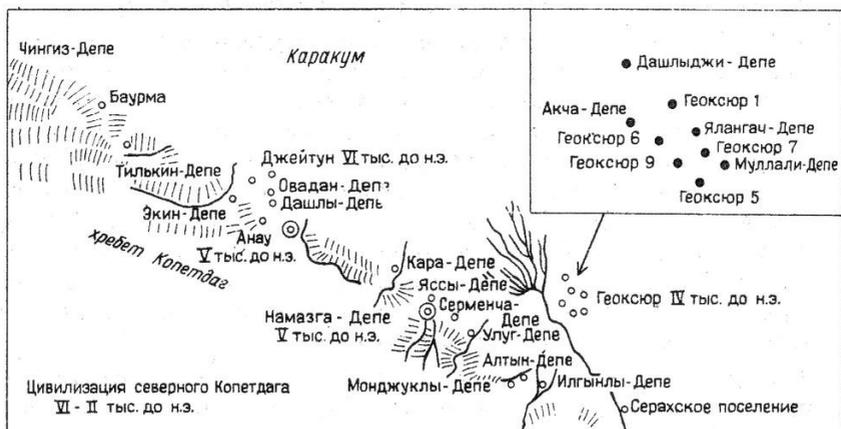
Начало IV тыс. до н. э. ознаменовалось новой этнической экспансией населения Загросских гор. Во многом это было прямое продолжение вторжения на юг Месопотамии земледельцев и пастухов Загроса, создавших убейдскую культуру Месопотамии второй половины V – первой половины IV тыс. до н. э. Прообраз убейдской культуры сложился в горах Загроса и дал два побега: на юге Месопотамии и на юге Туркмении (Геоксюр в низовьях реки Теджен). Причём население Загроса шло на новые земли с устойчивыми религиозными и культурными представлениями, на что указывают величественные храмы самых ранних слоёв убейдской культуры (город Эриду второй половины V тыс. до н. э.).

На северо-востоке Ирана, в отрогах Восточного Эльбурса, около 4000 г. до н. э. зародился новый значительный центр производящей экономики – Тепе-Гиссар, связанный скорее с Силком (центр Ирана), нежели с Загросом (Фарс, Элам).

В первой половине IV тыс. до н. э. в Южной Туркмении, к востоку от юго-восточных отрогов Копетдага, в нижнем течении современной реки Теджен-Герируд зародился Геоксюрский оазис. На первом, раннем этапе развития культура Геоксюра испытывала величайшее влияние Элама (юго-запад Ирана) и Фарса, что указывает на прямую причастность населения Южного Ирана (Загросские горы) к созданию Геоксюрского массива поселений. Географически местоположение Геоксюра объясняется его находением к северу от природных естественных ворот через горы Копетдага и Гиндукуша, соединявших Среднюю и Переднюю Азию и открывавших путь для населения юга Ирана, продвигавшегося к северу.

Во второй половине IV тыс. до н. э. переднеазиатская, культурная, этническая и религиозная экспансия достигла бассейна реки Гильменд на юге Афганистана, где родился местный центр производящей экономики – Мундигак, и горных долин севера Белуджистана (запад Пакистана) с центром Кветта. Около середины IV тыс. до н. э. крестовый орнамент переживал расцвет.

Культурно-религиозная экспансия IV тыс. до н. э. оказалась гораздо шире произошедшей в V тыс. до н. э. В IV тыс. до н. э. возводились монументальные храмы Убейда (юг Месопотамии) и могучие крепости Геоксюра (юг Туркмении). Древнейшим центром металлургии на юге Туркмении с середины V тыс. до н. э. являлся Анау I. В IV тыс. до н. э. в Анау, Намазге, Геоксюре повсеместно распространились металлические украшения. Схожие с анаунскими типами, металлические изделия производились и распространялись в Сиалке и Гиссаре (центр Ирана), в Сузах (Элам, юго-запад Ирана). Уровень металлообработки в Иране и на юге Туркмении был одинаков.

В IV тыс. до н. э. изделия из меди, золота, серебра, свинца прочно вошли в быт городского и сельского населения Передней и юга Средней Азии. Металлические серпы окончательно заменили прежние кремневые. Параллельно с ковкой ремесленники начали осваивать литьё в двухсоставных глиняных формах. Наряду с медными булавками со спиральной головкой, получившими распространение ещё в V тыс. до н. э. и основным центром производства которых являлся Сиалк (центр Ирана), – в IV тыс. до н. э. в районах Анау и Намазга (Кара-Депе), а также на севере Копетдага распространились медные булавки с конической головкой. Подобные булавки были распространены в Гиссаре (север Ирана), Сиалке (Элам), встречались и в Малой Азии (Анатолии), до гибели легендарной Трои (VII слой), около 1250 г. до н. э., разгромленной греками-ахейцами.

В IV тыс. до н. э. в районе Анау (селение Тилькин-Депе) занимаются производством пил. Известны медные и золотые пилы в Месопотамии и в ряде иных районов Передней Азии, но в более позднее время.

В IV тыс. до н. э. в центрах Передней и юга Средней Азии началось распространение производства черешковых кинжалов. Причём кинжалы Ирана имели ребро по клинку, в то время как южнотуркменские (Анау) клинки были плоскими. Древнейшие кинжалы появились также в городах Кише и Уре на юге Месопотамии, затем в Сузах (Элам) во второй половине V тыс. до н. э. и в начале IV тыс. до н. э. С IV тыс. до н. э. развернулось промышленное производство разнообразных форм металлических ножей. Вытянутые ромбовидные ножи с начала IV тыс. до н. э. производились в Геоксюре и в Намазге II. В Намазге I (селение Илгынлы-Депе) производили черешковые ножи с лопаточковидным лез-

вием и с деревянной обкладкой рукоятки.

В IV тыс. до н. э. разворачивается всё более нарастающий и глубокий процесс проникновения культуры юга Туркмении на север, в среду народов, населявших необозримые степи Евразии.

Лишь в III тыс. до н.э. и особенно в XVII – XV вв. до н. э. индоевропейское население юга Урала, Сибири и Туранской долины Средней Азии (первый этап андроновской культуры), сумевшее создать собственную мощную металлургию, начало обратное движение с севера на юг, безудержно стремясь в долины рек Северной Индии и в цветущие оазисы Ирана, Малой Азии и Переднего Востока.

Успехи эпических военных предприятий степняков-кочевников III – I тыс. до н. э. во многом были обеспечены преимуществом в вооружении и в воинском искусстве, в обладании и применении стремительных боевых колесниц, в высокой духовной организации общества, нашедшей отражение в собрании древнейших индоевропейских религиозных гимнов Ригведы.

Впрочем, бурные события II тыс. до н. э. пока ещё для нас дела далёкого будущего. А в IV тыс. до н. э. плоские клинки южной Туркмении всё шире распространялись по югу Сибири и низовьям Волги.

Посуда Геоксюра IV тыс. до н. э. была аналогична посуде Элама и Фарса, имеющей характерную *крестовую роспись*. В то же время посуда Геоксюра была несколько отлична от посуды Северного и Центрального Ирана (Сиалк, Гиссар), переживавшего на рубеже V – IV тыс. до н. э. процесс обособления в самостоятельный культурный центр.

Сосуды Геоксюра в IV тыс. до н. э. по четырём внешним сторонам тулова украшались *сложным крестом*. По внешнему и внутреннему донцам сосуда также наносился **крест**. Мы помним о том, что на донцах сосудов самарской культуры V тыс. до н. э. (север Месопотамии) также наносился **крест**. Около третьей четверти V тыс. до н. э. **кресты** повсеместно украшали сосуды Фарса и Сузианы (Элам) на юге Ирана. Причём роспись сосудов из Тали Бакуна (Центральный Фарс) совершенно аналогична росписи керамики Геоксюра IV тыс. до н. э.

Преемственность *крестового орнамента* Геоксюра проистекает из Элама и Фарса, а они, в свою очередь, наследовали традицию из Северной Месопотамии второй половины V тыс. до н. э. (культура самарская), пережившей вторжение из того же Элама и

Фарса (горы Загроса) около середины V тыс. до н. э.

Таким образом, круг преемственности культурных традиций всякий раз замыкается на горах Загроса на западе и юге Ирана (Элам, Фарс). В силу этого закономерно и то, что население Геокюра IV тыс. до н. э. антропологически родственно населению юга Месопотамии и юга Ирана данной эпохи и несколько отлочно от южнотуркменского.

Хотя пришельцы с юга обнаружили на севере Копетдага (юг Туркмении) сходную с южноиранской культуру, они всё же чуть изменили местный орнамент, принципиально не нарушив при этом геометрический стиль местной традиции.

Основание Геокюрского массива поселений, как указано выше, было положено около 4000 г. до н. э. в нижнем течении реки Теджен-Герируд. В период с 3500 г. по 3000 г. до н. э. в Геокюрском оазисе возник целый ряд новых поселений и возросли размеры прежних. Главные центры оазиса – Геокюр I и Муллали-Депе – оделись могучими каменными крепостными стенами с круглыми башнями в узлах обороны.

Бурно развивались культурные и экономические связи Геокюра с городами юга Месопотамии эпохи убейдской культуры и центрами Элама эпохи ранних Суз и Джови. Вторая половина IV тыс. до н. э. представляется временем наибольшего освоения и процветания юга Туркмении. Никогда позже, в последующие века и тысячелетия, население северных отрогов Копетдага не достигает подобного блеска и великолепия всех сторон материальной культуры древности. Все области производящего хозяйства достигли максимально возможного для данной эпохи расцвета. Природа в V тыс. до н. э. ещё оставалась благосклонной к пахарям, пастухам и ремесленникам Передней и юга Средней Азии. Во многом именно высокий уровень развития сельскохозяйственного производства позволял поступательно развиваться металлургии, множеству различных ремёсел, повсеместно вести строительство громадных многокомнатных домов, возводить могучие оборонительные системы городов. Население достигло наивысшей точки материального благоденствия и удобств.

Население Анау, Намазги середины V – IV тыс. до н. э., в отличие от пришлого в IV тыс. до н. э. из южного Ирана населения Геокюра, являлось прямым наследником населения юга Туркмении джейтунской эпохи VI тыс. до н. э., а значит, непосредственными потомками пастухов и земледельцев юга среднеазиатской

равнины времён существования пышных нив и полноводных потоков на территории нынешних Каракум. В области Анау и окружающих его селений (район Ашхабада) население занималось разведением лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, свиней, верблюдов. Широко велась охота на оленей и джейранов. Собаки использовались для охраны стада.

В Анау держали больше рогатого скота, чем в Геоксюре. Зато в Геоксюре больше промышляли диких животных. В 4000 – 3500 гг. до н. э. в Намазге I наряду с активным развитием медеплавильного дела была распространена монохромная орнаментация с геометрическим узором, имеющая прямые соответствия в хассунской культуре Северной Месопотамии и в Сиалке (центр Ирана).

В 3500 – 3000 гг. до н. э. в Намазге II распространилась крашенная керамика с красно-чёрным узором по светло-бежевому или кремовому ангобу. Такое изменение можно объяснить влиянием геоксюрского центра, культурные традиции которого коренились на юге Ирана. Формы керамики в IV тыс. до н. э. постоянно совершенствовались; и среди неё было всё больше гончарной (изготовленной с помощью гончарного круга). В III тыс. до н. э. на смену расписной керамике на юге Туркмении приходит неорнаментированная.

Жители юга Туркмении V–IV тыс. до н. э. совершали захоронения в больших и малых фамильных склепах, сооружённых из камня или кирпича-сырца. Погребения в них совершались на протяжении существования многих поколений местного населения. При этом ориентация умершего при погребении в склепе выдерживалась преимущественно южная, юго-западная или юго-восточная.

Погребения указывают на устойчивость местных традиций северного Копетдага к западу от низовья реки Теджен-Герируд (области Анау, Намазга) и сильное южноиранское и месопотамское влияние в погребениях Геоксюра.

Следует особо сказать о рождении около середины IV тыс. до н. э. новых, упомянутых ранее, культурных провинций Передней Азии на юге Афганистана и в Белуджистане (Пакистан), центрами которых явились Мундигак в бассейне реки Гильменд и Кветта в горах Белуджистана. Культура земледельцев и ремесленников Афганистана и Белуджистана IV тыс. до н. э. родственна геоксюрской, а генетические и исторические основы её также коренились в горах Загроса (Элам, Фарс).

Итак, мы можем сделать вывод, что рост населения конца V – начала IV тыс. до н. э. в сельскохозяйственных провинциях юга Ирана (Элам, Фарс) около середины IV тыс. до н. э. привёл к распространению культурных традиций на юго-восток Туркмении, где был создан Геоксюрский оазис, и к востоку от Ирана на юг Афганистана (Мундигак) и далее на восток в Белуджистан (Кветта). Несмотря на успешное ведение сельского хозяйства, скорый расцвет местных ремесленных центров, строительство многокомнатных домов и рост крупных поселений, центры Южного Афганистана и Белуджистана IV тыс. до н. э. уступали в темпах и уровне развития своим метрополиям, – центрам юга Ирана и юга Туркмении.

Около середины IV тыс. до н. э. выходцы из Сиалка (центр Ирана) создали новую культурную провинцию, ядром которой явился Тепе-Гиссар, на юго-востоке Каспия, в отрогах Восточного Эльбурса. Причём связи Элама и Фарса с Геоксюром, Мундигаком и Кветтой осуществлялись в IV тыс. до н. э., минуя Сиалк (центр Ирана) и его собственную новую провинцию Тепе-Гиссар. Это указывает на то, что ещё в V тыс. до н. э. юг Ирана (Элам, Фарс) и центр Ирана (Сиалк) пошли по пути обособления культурного развития, предопределённого значительными расстояниями и затруднёнными формами сообщения между отдельными провинциями.

Мы видим, что цивилизация Передней Азии V тыс. до н. э. в IV тыс. до н. э. территориально значительно расширилась. Рост населения, успехи в развитии культуры и различных сторон производящей экономики обеспечили освоение новых районов на юго-востоке Туркмении, в Афганистане и Белуджистане, а также на севере Ирана. IV тыс. до н. э. явилось золотой эпохой всей переднеазиатской цивилизации древности, во многом предопределившей и обозначившей в следующих тысячелетиях будущее процветание индоевропейской культуры запада, севера и центра Евразийского континента.

ГЛАВА 6

СТЕПИ ЕВРАЗИИ И ЗЕМЛИ ЕВРОПЫ В V – III ТЫС. ДО Н. Э.

I. КЕЛЬТЕМИНАР V – IV ТЫС. ДО Н. Э.

Успехи, достигнутые цивилизацией Передней Азии и юга Туркмении в VI – V тыс. до н. э., позволили народам, населявшим степи Средней Азии, юга Западной Сибири, низовьев Волги, Дона и Днепра перейти к развитию производящих форм ведения хозяйства и в первую очередь – скотоводства.

С V тыс. до н. э. необозримые степи Евразийского континента, раскинувшие широкий зелёный полог от Карпат до Алтая, наполнились тем осмысленным движением, перемежающимся бурным развитием отдельных культур, благодаря которому около середины IV тыс. до н. э. и в течение целого ряда последующих тысячелетий вал за валом с востока на запад Евразии шла генеральная индоевропеизация обласканной тёплой Атлантикой Европы. Кроме того, на рубеже III–II тыс. до н. э. и в течение следовавших тысячи с лишним лет земли Ирана, Афганистана, Малой Азии и севера Индии пережили как минимум три крупнейших вторжения степных индоевропейских народов Евразии, вошедших в историю под именами хеттов, ведических ариев и авестийских иранцев.

Древняя цивилизация Передней Азии и юга Туркмении, переживавшая, начиная с середины V тыс. до н. э. и в течение всего IV тыс. до н. э., величайший духовный, культурный и экономический расцвет, во многом обусловленный блестящим развитием металлургии, керамического, прядильного, сельскохозяйственного производств, просто не могла не распространять на территории степей Евразии продукты и передовые формы ведения хозяйства – земледелие, скотоводство, обработку металлов, гончарное дело, религиозные воззрения.

Засуха, во многом погубившая осёдлую городскую цивилизацию юга Туркмении, практически полностью уничтожившая Геоксюрский оазис, в полной мере поразила земли к северу от Копетдага лишь во II – I тыс. до н. э. До того времени громадные пространства Туранской долины, ныне включающие иссушённые

солнцем пустыни Каракум и Кызылкум, являли собой покрытую сплошным ковром из цветов и сочных трав равнину, вскармливавшую бесчисленные стада крупного и мелкого рогатого скота и громадные табуны лошадей. Великая река Средней Азии – Чу-Жан-Дарья-Узбой – в V – IV тыс. до н. э. если и начала сохнуть, то масштабы бедствия пока ещё не могли казаться столь катастрофичными для обитающего на его берегах населения, какими они оказались в дальнейшем.

Предки исторических туранцев населяли центральную долину Средней Азии и земли Восточного Прикаспия со времён таяния последнего великого ледника севера Евразии (IX тыс. до н. э.).

Связи с осёдлым земледельческим населением Северного Копетдага и степного населения Турана никогда не прерывались, и объясняется это единством этническим, а следовательно, в значительной степени культурным и языковым. Около середины IV тыс. до н. э. влияние металлургических и керамических центров осёдлого юга в степях Евразии, и в частности в долине Турана, усиливается. Кульминацией этого процесса явилось рождение кельтеминарской культуры в среде степного населения Туранской долины. Мощь и великолепие Геоксюрского центра IV тыс. до н. э., возникшего во многом благодаря выходцам юго-запада Ирана (Элам, Фарс), было настолько завораживающим и впечатляющим, что земледельцы и скотоводы Туранской долины приступили к развитию собственных центров керамического производства, орнамент и формы которого во многом повторяли мотивы юга Туркмении. Культурное влияние юга в степях Турана оказалось особенно сильным на первом этапе развития кельтеминарской культуры. На сосудах туранцев наносились классический для индоевропейцев геометрический орнамент, волнистые линии, штриховка, насечки. Кроме того, на ранних этапах кельтеминарской культуры в степях распространились сосуды, раскрашенные охрой в красный и жёлтый цвета. Впрочем, неприхотливый быт и гораздо более суровые, нежели в центрах юга, условия жизни степняков Восточного Прикаспия отразились в местной керамике упрощённостью и некоторой строгостью или даже скупостью орнамента и формы.

Наряду с развитием керамического производства обитатели степей начали освоение металлургии, настоящий расцвет которой, однако, произошёл гораздо позже, лишь во второй четверти II тыс. до н. э., на юге Урала (андроновская культура XVIII – XV вв. до н.

э.). Но уже с V тыс. до н. э. медные изделия центров Передней Азии и юга Туркмении распространялись в среде степняков с каждым столетием всё шире, захватывая значительные пространства в низовьях Волги, Дона, Днепра, на юге Урала и Западной Сибири, в верховьях Оби. Подвижное скотоводческое население Туранской долины играло заметную роль в распространении меди и керамики Передней и юга Средней Азии по всему пространству степей Евразии – от Карпат на западе до Алтая на востоке. Причём носители кельтеминарской культуры не просто распространяли влияние более передовых провинций Евразии на менее развитые; они прежде всего двигались сами из долины Турана и Восточного Прикаспия в степи юга Сибири, Урала и России, неся при этом с собой свою культуру.

II. ПРОТОФИНСКИЕ ОХОТНИКИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ V ТЫС. ДО Н. Э.

По мере глобального потепления на севере и западе Евразийского континента, происходившего на протяжении VIII – VI тыс. до н. э., в лесные и лесотундровые территории Скандинавии, Прибалтики, Северной и Центральной России начали проникновение древнейшие протофинские племена охотников и рыболовов. Исходными районами для их наступления на освободившиеся от ледника земли Северной Европы, по-видимому, были лесные пространства юга Западной Сибири. Финские народы, заселившие огромные лесные территории Северной Евразии, вплоть до начала II тыс. н. э. сумели сохранить древнейший уклад жизни и ведения хозяйства, построенного на охоте и рыбном промысле. При этом ещё около середины V тыс. до н. э. лесные охотники создали собственный тип керамики – *ямочно-гребенчатый*, особой остродонной формы.

Начиная как минимум с V тыс. до н.э. в лесостепях, а позже – и в более северных лесных районах Евразии, шёл сложный процесс взаимодействия финского и индоевропейского населения континента. Несмотря на несоизмеримо более высокую организацию и культуру славянских, балтских, германских и иранских представителей индоевропейского мира, в течение ряда тысячелетий сталкивавшихся с финнами, охотники лесной полосы Евразии сумели сохранить неповторимую прелесть собственной культуры,

языка, а позже занять и самую цветущую долину Европы, вытеснив из неё славян и создав на Среднем Дунае Венгерское королевство (IX в. н. э.).

III. СУРСКО-ДНЕПРОВСКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА V ТЫС. ДО Н. Э. ДРЕВНИЕ ГИГАНТЫ ДОЛИНЫ ДНЕПРА И ДОНА V–IV ТЫС. ДО Н. Э.

Одним из наиболее ранних проявлений развития культур Юго-Западной России явилось рождение сурско-днепровской общности начала V тыс. до н. э. охотников, рыбаков и в то же время скотоводов, населявших берега, а позже и острова днепровского надпорожья из бассейны рек Самара и Орель. Ловля рыбы велась сетями с лодок. Активно разводился крупный рогатый скот и изготовлялись остродонные керамические горшки с линейным, накольчатым и штампованным орнаментами. Кроме того, широко бытовала посуда из жировикового камня, по форме близкая глиняным сосудам юга Скандинавии и севера Германии (культура эртебелле) и одновременно схожая с сосудами кельтеминарской культуры Средней Азии.

Возникшая в начале V тыс. до н. э. сурская культура Нижнего Поднепровья явилась первой видимой тонкой ниточкой, связавшей и во многом вобравшей в себя мир охотников-индоевропейцев севера Европы с миром индоевропейских кочевников, скотоводов, идущих из степей Восточного Прикаспия и Нижней Волги, уже знакомых с металлургией, с производством керамики и с производительными формами земледелия и скотоводства во многом благодаря соседству с центрами Передней Азии и юга Туркмении.

Во второй половине V тыс. до н. э. население Среднего и Нижнего Днепра, бассейна Северского Донца и водораздела между Средним и Нижним Днепром и Доном вступило в период освоения собственного керамического производства, широкого разведения крупного рогатого скота, свиней и промышленного выращивания злаковых и бобовых растений. Наряду с этим местное население никогда не оставляло извечного занятия охотой и рыбной ловлей. Родившаяся культура получила название днепро-донецкой – по своему местоположению.

Люди, занимавшие территории юго-запада и запада России в V – IV тыс. до н. э., отличались удивительной мощностью и статью. Никогда и нигде ни раньше, ни позже народы Евразии не обладали столь массивными и длинными конечностями, не были так высокорослы и широколицы (вместе с тем черепа их – долихокранной формы). Необыкновенные гиганты Днепро-Донецкого водораздела эпохи V – IV тыс. до н. э. являлись коренным населением северной полосы Евразии со времени таяния последнего ледника (IX – VIII тыс. до н. э.) и были родственны охотникам Северо-Западной Европы (средний рост которых составлял 187 см) и несомненно принадлежали к индоевропейской группе народов Евразии. Полагают, что они были прямыми потомками кроманьонцев-охотников Северной Европы каменного века.

Селения носителей днепро-донецкой культуры располагались на низких участках пойменных долин, над древними старицами. Нередки они были и на островах. Захоронения производились на склонах приречных террас, в ямах-гнездах. В погребениях присутствовали охра, украшения из зубов животных и рыб, позже появилось большое количество битой керамики.

Орудия труда изготовлялись из камня, кремня, рога и кости. Вместе с тем уже в V тыс. до н. э. в бассейнах Днепра и Дона начали появляться украшения из золота и меди, поступавшие на юг Восточной Европы через Кавказ и Среднюю Азию из районов цивилизации Передней Азии. Если в V тыс. до н. э. по берегам Нижнего и Среднего Днепра и Северского Донца было расположено сравнительно немного поселений, принадлежавших днепро-донецкой культуре, при этом керамика, снабжённая гребенчатым и линейным орнаментом, плохо обжигалась, то, по мере успехов в развитии сельского хозяйства, условия жизни населения менялись и способствовали резкому росту его численности. В последней четверти V тыс. до н. э. днепро-донецкая культура распространилась на леса Средней Припяти, просторы лесостепи Волыни, верховья реки Сож и в степи Приазовья.

Когда на рубеже V – IV тыс. до н. э. северные гиганты, охотники-земледельцы бассейнов Днепра и Дона заняли огромные территории от верховьев Припяти и Сожа до низовьев Днепра и Дона, культурная общность некогда единого народа начала расслаиваться сначала на едва приметные, а с течением времени – на всё более самостоятельные группы.

Особенности развития отдельных областей проистекали не только из-за различия природных условий проживания, но главным образом из-за различных внешних влияний, придававших абсолютно отличные друг от друга оттенки одному и тому же народу.

Так, носители днепро-донецкой культуры, заселившие долину реки Сож, жили совместно с лесными охотниками севера Евразии, создавшими остродонную керамику с ямочно-гребенчатым орнаментом и бывшими народом, близким финской общности континента. Влияние ямочно-гребенчатой керамики на керамику пришельцев с водораздела Днепра и Дона явственно именно в бассейне реки Сож.

В степях Приазовья ещё в V тыс. до н. э. гиганты-носители днепро-донецкой культуры столкнулись с древнейшим, едва ли не самым ранним потоком этнически близких им индоевропейцев, продвигавшихся в Европу из степей Восточного Прикаспия и низовьев Волги. В результате в степях Северного Приазовья практически исчезла остродонная посуда, столь характерная для лесных культур России, а на смену ей пришла плоскодонная керамика, повсеместно принятая в цивилизациях Передней Азии, юга Туркмении и долины Турана. Вместе с тем появились вещи, привезённые из центров юга, и важнейшими из них являлись металлические украшения и оружие.

На венчиках сосудов появились воротничковые утолщения, из теста исчезла трава, господствовал подтреугольный орнамент. Население более северных территорий распространения днепро-донецкой культуры уступало в развитии населению Приазовья, активно перенимавшему опыт шедших с юго-востока кочевников-скотоводов.

К середине IV тыс. до н. э. представители днепро-донецкой культуры были вытеснены из Приазовья, Надорожья, из района Черкасс, из бассейна Северского Донца, и памятники их продолжали существовать лишь на Волыни и на севере левобережной Украины.

Из степей Восточной Европы носителей днепро-донецкой культуры V – IV тыс. до н. э. потеснили пришедшие с равнин Восточного Прикаспия и низовьев Волги кочевники-коневоды, впервые появившиеся на Нижнем Дону в конце V тыс. до н. э. Созданная ими культура получила название средний стог.

В то же время с запада на равнину правобережной Украины, начиная с середины IV тыс. до н. э., началось продвижение носи-

телей трипольской культуры, основы которой родились и развились на севере Балкан, в недрах древней сельскохозяйственной общности VII – V тыс. до н. э., принадлежавшей средиземноморскому населению Европы. Примерно в середине IV тыс. до н. э. посёлки средиземноморцев, носителей трипольской культуры, возникли на правом берегу Днепра, между современными городами Киев и Канев, позже они распространились на реках Воыни.

Теснимое с востока и запада на север Восточной Европы население днепро-донецкой культуры на рубеже IV – III тыс. до н. э. занимало территории лесостепи левобережной Украины, долины Днепра и Припяти к северу от устья Десны, а также районы северо-востока Белоруссии.

Охотники, населявшие бассейны рек Висла, Неман, Западная Двина, создавшие собственную гребенчатую керамику IV – III тыс. до н. э., являлись потомками древнейших индоевропейцев севера Европы. Они отличались большим ростом и силой и состояли в близком родстве с оттеснёнными в леса Западной России носителями днепро-донецкой культуры.

Во многом благодаря создателям днепро-донецкой культуры – индоевропейское население северных районов Европы к середине IV тыс. до н. э. начало приобщаться к достижениям ведущих центров Передней и Средней Азии, активно разворачивая собственное керамическое и прядильное производство и повсеместно переходя к производящим формам сельского хозяйства. На непосредственную связь населения Немана и носителей днепро-донецкой культуры, занимавших территории к северу от Киева и к западу от Чернигова в V – IV тыс. до н. э., указывает сходство керамик двух регионов.

Впрочем, именно кочевники, последовательно занимавшие, начиная с середины V тыс. до н. э., степи Северного Причерноморья и совершавшие регулярные вторжения в центр Европы, являлись важнейшим фактором в распространении на крайнем западе Евразии достижений степных индоевропейских культур, явившихся невольными преемниками всё более страдающей от засухи цивилизации Передней и юга Средней Азии V – II тыс. до н. э.

Северные великаны Европы, в первую очередь носители днепро-донецкой культуры V – III тыс. до н. э., древнейшие обитатели Западной и Юго-Западной России, явились первым осёдлым индоевропейским компонентом в сложении протославянской и близких ей – балтской и германской общин на начальном этапе их развития. Мы помним о том, что леса юга Скандинавии, севера Германии, Польши, Прибалтики и запада России издревле населяли родственные днепро-донецкому населению народы, потомки охотников каменного века, эпохи таяния последнего великого ледника. В последующие тысячелетия Европа ещё переживёт множество вторжений подвижного индоевропейского населения, явившегося посредником между древней цивилизацией Передней и юга Средней Азии, превозносившей в V – IV тыс. до н. э. **крест** как высший духовный символ народа, и современной христианской цивилизацией Европы.

Однако именно охотники-гиганты, древнейшие обитатели севера и востока Европы, явились наиболее глубоким пластом в следовавших одно за другим этнических и культурных напластованиях в долгой истории рождения, развития и обособления современных славянской, балтской, германской и иных индоевропейских общностей Европы и Азии.

IV. СТЕПНЯКИ-КОНЕВОДЫ КУЛЬТУРЫ СРЕДНИЙ СТОГ

Древнейшая значимая, оставившая глубокий, а во многом и основополагающий след в индоевропейском продвижении на запад Европы волна кочевников, представители которой впервые широко использовали лошадь для верховой езды и привнесли в культуры Евразии знаменитый впоследствии шнуровой орнамент керамики, вошла в историю как степная культура среднего стога, расположенная в междуречье Днепра и Дона во второй половине V – в первой половине IV тыс. до н. э. Благодаря невиданной дотоле подвижности кочевников-скотоводов Европа начала практическое знакомство с курганной традицией степей Евразии.

Боевые каменные молоты, множество лошадей и практически полное отсутствие поселений указывают на чрезвычайно высокую степень подвижности и агрессивности первой волны кочевого индоевропейского мира, накатившегося на Европу. Кочевники вытеснили и частично поглотили население днепро-донецкой культуры Приазовья и Среднего Днепра. После занятия плацдарма в междуречье Нижнего Днепра и Дона всадники культуры среднего стога устремились в центр Европы, на земли, освоенные средиземноморскими земледельцами ещё в VII – V тыс до н. э., являвшимися для индоевропейцев абсолютно чуждыми этнически и культурно.

Однако первый подвижный индоевропейский вал второй половины V – первой половины IV тыс. до н. э. схлынул, не оставив в культурах Центральной Европы сколько-нибудь значительного следа.

Около начала IV тыс. до н. э. вслед за кочевниками, носителями культуры среднего стога, из степей Восточного Прикаспия и Нижней Волги в Днепро-Донецкое междуречье ворвались близкие их предшественникам этнически и культурно, но неизмеримо более богатые медными украшениями и боевыми молотами подвижные индоевропейские народы. Культура, принесённая ими, получила название Новоданиловской. Нахлынувшая степная волна начала IV тыс. до н. э. перекрыла курганными и бескурганными погребениями могилы днепро-донецкой культуры в верхнем течении Северского Донца. Новые пришельцы неизмеримо шире, по сравнению с предшественниками, использовали камень при сооружении могил. В их среде был распространён лук со стрелами.

Хотя поселения у них также практически отсутствовали. Две волны индоевропейских кочевников, одна за другой нахлынувшие на юг России из недр евразийской степи около середины V и начала IV тыс. до н. э., положили основание сложению классического образа воинственного всадника, в дальнейшем покорившего Европу и ставшего своего рода прообразом будущего рыцарства и русского его воплощения – беззаветно преданного родине скитальца-казака.

Волны индоевропейцев, начиная с середины V тыс. до н. э. беспрестанно гнавшие к западу громадные стада крупного и мелкого рогатого скота, при этом вынужденные покрывать с помощью лошадей громадные расстояния, дабы прокормить животных в суровых условиях степей Средней Азии, Нижнего Поволжья, низовьев Дона и Днепра, вне всякого сомнения в материальном отношении опирались на достижения южных центров металлургии Передней Азии и юга Туркмении, черпая оттуда не только готовые изделия, но и технологии металлургического, керамического, ткацкого, сельскохозяйственного и иных производств. Причём важнейшим регионом в выдвигании на запад всё новых потоков кочевников выступала Восточно-Каспийская равнина с центром в Туранской долине Средней Азии, в V – IV тыс. до н. э. всё ещё напоенной руслами Жан-Дарьи и Узбоя и их притоками, нёсшими к северу воды ледников Тянь-Шаня, Гиндукуша и Копетдага.

Во многом именно активность и возросшая самостоятельность населения Туранской долины, нередко оборачивавшаяся прямой военной угрозой осёдлым земледельцам и ремесленникам юга Туркмении, подтолкнула последних во второй половине IV тыс. до н. э. к возведению ряда крупных крепостей в Геоксюре.

Можно сказать, что стремительные потоки воинственных кочевников, начиная с середины V тыс. до н. э. беспрестанно шедшие с просторов Восточного Прикаспия и низовьев Волги в степи Северного Причерноморья, создали то пространство индоевропейских культур Евразии, которое в дальнейшем передало достижения древней цивилизации Передней Азии и юга Туркмении в центр Европы, а впоследствии и сформировало благодаря необыкновенной мощи и подвижности, исторически засвидетельствованные индоевропейские культуры Малой Азии (хетты), Индии (ведические арии), Ирана (авестийские арии) и всей Европы середины IV – I тыс. до н. э. (греки, латины, кельты, германцы, балты, славяне, иллирийцы, фракийцы). Начиная с V тыс. до н. э. степи юга России, Сибири и Средней Азии являлись местом зарождения крупнейших

вторжений индоевропейских кочевников в Европу и Азию.

В то же время великая степь Евразии породила древние религии индоевропейцев, внешняя форма которых коренилась в быте своих создателей, а духовное содержание уходило в традиции цивилизации Передней Азии и юга Туркмении VIII – IV тыс. до н. э., главным символом которой, как мы помним, являлся **крест**.

Необыкновенная активность и подвижность индоевропейского степного населения Евразии, возросшие начиная с V тыс. до н. э., привели в итоге к заселению индоевропейцами всей Европы, и к вторжениям III – I тыс. н. э. хеттов, индийских и иранских арийцев в цветущие центры Малой Азии, севера Египта, Месопотамии, Ирана, Афганистана, севера Индии и, конечно же, юга Туркмении. А объяснялось всё это в значительной мере неуклонным ухудшением климатических условий на землях Средней Азии, юга Сибири, Урала, в степях Северного Причерноморья.

Древнейшим указанием на начало великой засухи в центре Евразии является гибель поселений джейтунской культуры VI тыс. до н. э., расположенных на территории современного Каракума. В V тыс. до н. э. поселения юга Туркмении продвинулись непосредственно к отрогам Копетдага, к источникам воды, ещё в достатке питаемым горными потоками.

Черета культур, выстроившаяся от предгорий Копетдага и долины Турана на юго-востоке до Нижнего Днепра в V тыс. до н. э., включавшая центры Геоксюра, Анау и Намазги, культуру кельтеминар, культуру среднего стога в Северном Причерноморье, днепро-донецкую и сурскую культуры на Днепре, представляет собой живую цепь этнического, культурного и экономического развития и движения, положивших начало великой индоевропейской цивилизации Евразии последующих тысячелетий.

V. ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНАЯ КЕРАМИКА ЕВРОПЫ V – IV ТЫС. ДО Н. Э. КУЛЬТУРА ТРИПОЛЬЕ. КУЛЬТУРА ШАССЕЙ. НАЧАЛО ВЫТЕСНЕНИЯ ДРЕВНЕЙ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ОБЩНОСТИ ЕВРОПЫ ИНДОЕВРОПЕЙЦАМИ

Сложившаяся около конца VII тыс. до н. э. земледельческая и скотоводческая общность средиземноморского населения Балкан, бывшего предшественниками индоевропейских народов в центре и на юге Европы, к V тыс. до н. э. вступила в период расцвета и

максимального развития всех сторон производящей экономики данной эпохи. В ряду прочих культурными и экономическими центрами средиземноморцев являлись: Караново VI – III тыс. до н. э. в Болгарии, Криш в Румынии, Старчево на северо-востоке Югославии, Пресескло в Фессалии (провинция Греции).

Население занималось разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиней. С V тыс. до н. э. было распространено колесо (глиняная модель обнаружена в Караново V тыс. до н. э.). Широко выращивались пшеница, ячмень, чечевица, горох. Наряду с этим были повсеместно распространены охота и рыбная ловля. Селения преимущественно устраивались по берегам водоёмов.

Как и всюду, по мере увеличения успехов в развитии и расширении производящего хозяйства шёл быстрый рост населения Балкан. Результатом, как указывалось выше, явилось продвижение средиземноморских земледельцев в районы Центральной и Северо-Западной Европы. Так, в V тыс. до н. э. зародилась культура линейно-ленточной керамики, занявшая обширные территории континента, от устья Рейна и верховьев Дуная до устьев Вислы и Днестра.

Носители линейно-ленточной культуры, хотя и были прямыми потомками средиземноморского населения Балкан и восприняли от него подходы и методы в экономике, мотивы орнаментов и формы керамики, принципы столбового каркасного домостроения, всё же, попав в условия центра и севера Европы, сменили прочно осёдлое земледелие и скотоводство на полукочевое. К тому их принудили быстрое истощение возделываемых земель и извечная необходимость поиска и расчистки новых наделов под посевы. Пока земля несколько лет рожала, на ней возводили выстроенные в ряд длинные столбовые многоочажные жилища из дерева с глиняной обмазкой, принадлежавшие большим патриархальным семьям.

По прошествии четырех-пяти лет пашня истощалась, и население деревни переходило на новые неосвоенные участки северного леса, манящие неизвестностью и первозданной чистотой дикой природы. Так носители культуры линейно-ленточной керамики перешагнули карпатский барьер и в лесах южной Балтики встретились с охотниками-индоевропейцами, великанами и извечными аборигенами здешних мест. В результате данной встречи, как мы помним, у охотников-северян появилась собственная накольчатая керамика, орнамент которой повторял мотивы и профиль плетёной из лозы домашней утвари.

С течением веков длинные дома создателей линейно-ленточной керамики уменьшались и превратились в одноочажные жилища.

Крашенная керамика средиземноморских культур Балкан и её прямой преемницы – культуры линейно-ленточной керамики – отличается необыкновенным разнообразием форм и богатством орнамента. Именно керамика оказалась одним из наиболее ярких и важнейших признаков, отличающих средиземноморцев центра и юга Европы от аскетических индоевропейцев Евразии с их геометрической традицией в орнаменте и консерватизмом в создании форм керамики.

Следует сказать, что в V тыс. до н. э. в горах Трансильвании уже велась промышленная добыча золота. И хотя широкое распространение металлических изделий в Европе относится к более позднему времени и во многом связано с непрерывными вторжениями индоевропейских кочевников начиная с середины IV тыс. до н. э., золотодобыча в Центральной Европе V тыс. до н. э. указывает на достаточно высокий уровень древних средиземноморских общин Европы.

В конце V тыс. до н. э. всё более возраставшее сельское население Среднего и Нижнего Дуная (местное название культура Боян) активно искало выход к новым, пригодным для ведения хозяйства землям. Так было положено начало движению средиземноморцев на равнины Пруто-Днестровского междуречья, и к середине IV тыс. до н. э. ими уже занимались земли Верхнего Днестра и Днестровско-Бугского междуречья. К концу IV тыс. до н. э. преемники культур караново и линейно-ленточной керамики вышли к правому берегу Днепра.

В III тыс. до н. э. этими пришельцами были освоены верховья рек Волыни. Так рождалась загадочная культура юго-запада Русской равнины, получившая название *трипольской* (по месту раскопок). В этой культуре отразились все этапы развития средиземноморской общности юга и центра Европы V – III тыс. до н. э., пережившей и эпоху величайшего расцвета, но, в конце концов, исчезнувшей почти без следа, пав под чудовищными ударами воинственных степняков-индоевропейцев, которые вал за валом преодолевали днепровский рубеж и устремлялись в плодородные долины Европы.

Однако в V тыс. до н. э. степной мир индоевропейцев только накапливал будущую буйную силу. Подходившие с низовьев Волги и из степей Восточного Прикаспия кочевники-скотоводы были ещё малочисленны, слабо вооружены, а главное — не испытывали крайней нужды в дальнейшем движении на запад. Они имели всё необходимое для ведения хозяйства и в левобережном Поднепровье. И хотя каждый новый вал кочевников располагал, не в пример предыдущим, всё большим количеством металлических изделий и с большим размахом вёл промышленное коневодство и скотоводство, носители трипольской культуры всё же имели возможность пережить эпоху бурного развития всех сторон жизни своего общества. Степняки лишь тревожили поселения носителей трипольской культуры, проникая отдельными подвижными группами через низовье Днепра в центр Европы. Индоевропейцы ещё долго не могли принципиально изменить этнической и культурной обстановки на Европейском континенте.

Одним из следствий и видимым проявлением веками возраставшей нестабильности в степях Восточной Европы явилось всё более расширявшееся строительство, призванное защитить сельскохозяйственное население трипольской культуры, в бассейнах Прута и Днестра на мысах и останцах коренного берега устраивались укрепления, защитой которым с напольной стороны служили рвы и валы.

Культура Триполья юго-запада Русской равнины удивительна и неповторима, прежде всего, своей неиндоевропейской природой и необычайно ярким прогрессом производящего хозяйства, достигнутым в эпоху, без малого на тысячу лет опередившую зарождение древнейших этапов египетской цивилизации!

Успехи в развитии сельского хозяйства были таковы, что уже на ранних этапах развития трипольской культуры численность населения в долинах Прута и Днестра превышала десять человек на квадратный километр. Площадь селений в Поднепровье составляла от 40 до 50 га, а в Днестровском-Буговском междуречье нередко доходила до 90 и даже 150 га.

Удивительна планировка трипольских поселений, отголоски которой многие историки ищут в планировке старинных русских сёл. Она кольцевая, причём структура крупных поселений составляла несколько замкнутых, вложенных друг в друга кругов. Нередка была застройка и в центре круга. По периметру внешнего кольца в среднем возводилось 30 — 40 жилищ.

Ранним трипольцам – жилищами служили небольшие прямоугольные наземные дома каркасной конструкции с глиняной обмазкой стен и полуземлянки, повторявшие их форму. С течением времени дома увеличивались и уже включали несколько комнат, обогреваемых печами, и особые культовые помещения с алтарями, сложенными из глиняных плит и ориентированных по сторонам света. Появились дома с сенями Г-образной формы. Стены домов представляли собой два плетня с глиняной забутовкой внутри и штукатуркой снаружи. Кровли домов устраивались двускатными, с опорой на стропила.

Несмотря на расселение носителей трипольской культуры на огромных пространствах правобережной Украины, их связи с родственными культурами Нижнего Дуная никогда не прекращались. С Балкан в междуречье Днепра и Днестра распространялась технология обработки меди, добываемой в рудниках Фракии, Трансильвании и Добруджи (посредниками выступали носители культуры Гумельницы на нижнем Дунае).

Количество медных изделий у трипольцев из века в век увеличивалось и включало медные проушные топоры, отлитые в двухсоставных формах, шилья, булавки, рыболовные крючки, украшения. Наряду с колёсным транспортом широко применялись сани и челны. Керамика по форме и орнаменту повторяла центральноевропейские образцы, хотя в восточных провинциях трипольской культуры классическая средиземноморская роспись нередко заменялась углублённым орнаментом.

Земледелие было мотыжным и пахотным, с помощью деревянной сохи и упряжи волов. Мотыги изготовляли из рога, а позже из кремня. С ранних этапов развития триполья сеяли пшеницу (по началу одно- двузернянку), голозёрный засухоустойчивый ячмень, рожь, просо, бобы, а позже добавились горох и вика эрвлия. В долинах Прута и Днестра, кроме того, выращивали абрикосы, сливы, алычу, виноград.

В раннем триполье основу стада составлял бык, далее следовали свиньи и незначительное количество коз и овец. Помимо этого в хозяйстве широко использовались лошадь и собака. С течением временем роль быка возрастала из-за расширения пахотного земледелия и увеличения числа колёсных повозок.

Если на начальных этапах развития культуры промысел оленя, лося, косули, кабана даже несколько заслонял производящее животноводство, то с дальнейшим развитием трипольской культуры

охота отступила на второй план, хотя на поздних этапах она снова вышла вперёд. Кроме того, трипольцы всегда промышляли рыбу: сома, щуку, сазана, судака.

Помимо процветания металлургического и керамического производства в триполье процветали кожевенное, обувное, ткацкое дело.

В эпоху расцвета поселения трипольской культуры, некогда состоявшие из десятка хижин, возросли до 200 и более домов, размеры которых достигали 150 – 200 м². Площадь отдельных поселений междуречья Днестра и Буга достигала 300 га.

Однако с середины IV тыс. до н. э. началась бесперывная череда всё более настойчивых и дерзких вторжений индоевропейских кочевников на юг правобережного Поднепровья. При этом ничто не могло сдерживать их безудержное стремление достичь тучных земель Центральной Европы. Прямым следствием возросшего напора степных всадников явился медленный закат трипольской культуры, поначалу выразившийся в уменьшении площади поселений, в переходе от наземных жилищ к полуземлянкам, в исчезновении расписной средиземноморской керамики, а затем и в деградации сельского хозяйства, приведшей к снижению численности населения и возвращению к охоте как важнейшему источнику питания.

Наряду с грунтовыми могилами осёдлых земледельцев в правобережном Поднепровье начали появляться погребальные курганы кочевников, и всё это происходило в рамках развития одной трипольской культуры.

Степные индоевропейские народы междуречья Днепра и Дона буквально размыли средиземноморский барьер правобережного Поднепровья, при этом много почерпнув для себя в процессе долгого взаимодействия, а вернее сказать – борьбы двух евразийских миров. С одной стороны – мира средиземноморского, уходящего, создавшего с конца VII тыс. до н. э. древнейшую осёдлую земледельческую цивилизацию Европы и к середине IV тыс. до н. э. успешную лишиться подвижности, а вместе с ней и силы. С другой стороны – мира нового, генетически иного, индоевропейского, мира степных аскетов и воинов, не уступавших в стремительности ветру, привнёсшего в Европу знания древнейшей цивилизации Передней и юга Средней Азии VIII – IV тыс. до н. э.

В III тыс. до н. э. исход борьбы двух миров был бесповоротно разрешён в пользу степных кочевников-индоевропейцев, имевших

преимущество не только в подвижности и вооружении, но ещё в одном, что особенно важно для понимания общности и позднейших судеб отдельных групп индоевропейского населения Евразии. Завоеватели явились носителями древнейших и сокровенных знаний на планете, дошедших до нас облечёнными в форму гимнов Риг-веды II тыс. до н. э. и нашедших прямые отклики в исторических религиях и языках индоевропейского мира континента.

С началом упадка трипольской культуры, а вместе с ней – и всей средиземноморской цивилизации Европы, обозначившегося около середины IV тыс. до н. э., началась эпоха полного поглощения Европы миром индоевропейских кочевников Великой евразийской степи.

VI. КУЛЬТУРА ВОРОНКОВИДНЫХ КУБКОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ СЕРЕДИНЫ IV – III ТЫС. ДО Н. Э.

Древнейшей классической культурой индоевропейского ряда севера Европы явилась культура воронковидных кубков, начало которой относят к 3350 годам до н. э., а закат – к 1800 году до н. э. Рождение данной культуры обусловлено двумя этническими слагаемыми, первым из которых были аборигены-охотники севера Европы, имевшие индоевропейское происхождение и пришедшие на берега Балтики практически сразу после ухода ледника. В VII–V тыс. до н. э. охотники севера создали собственную культуру на полуострове Ютландия (Дания) и на юге Скандинавии, получившую название культуры Эртебелле. Сама по себе культура была примитивной и отражала суровый быт охотников и рыболовов данной эпохи севера Европы. Никаких сколько-нибудь устойчивых связей или взаимного влияния со средиземноморским населением центра Европы VII – V тыс. до н. э. северяне не имели. (Следует особо отметить охотников южной Польши, создавших накольчатую керамику и имевших контакты с создателями культуры линейно-ленточной керамики.)

В то же время на Волыни и в лесах запада России североевропейские охотники соседствовали с великанами, носителями днепро-донецкой культуры V – IV тыс. до н. э.

Как мы помним, начиная с середины V тыс. до н. э. степи юга России беспрестанно полнились кочевниками, шедшими на запад с просторов Нижней Волги и Восточного Прикаспия. Около сере-

дины IV тыс. до н. э. проникновение индоевропейских кочевников в центр и на север Европы приняло устойчивый характер. Именно с середины IV тыс. до н. э. центр и запад Европы начали покрываться множеством курганов, – этим видимым нетленным символом непосредственного присутствия степных народов Евразии в Европе. Обычай создания курганных насыпей над погребениями дожил на Руси до XIV в. н. э. Таким образом, индоевропейскому миру Евразии потребовалось без малого пять тысячелетий для создания окончательно осёдлой европейской цивилизации и столько же времени потребовалось, чтобы, наконец, забыть древние обычаи предков-степняков. Интересно и то, что именно славяне дольше других индоевропейцев континента сооружали курганы над погребениями.

Как уже говорилось, в центре, на юге и востоке Европы индоевропейцы в V – III и в первой четверти II тыс. до н. э. беспрестанно сталкивались с плотным средиземноморским населением. При этом шло долгое взаимное проникновение культур и экономик, выливавшееся в смешение мотивов орнамента, приёмов земледелия, достижений металлургии. Поглощение и вытеснение пришельцами-кочевниками осёдлых земледельцев-средиземноморцев растянулось на столетия и нередко сопровождалось ведением боевых действий. На это прямо указывают укреплённые природой и человеком посёлки на вершинах холмов, принадлежавшие первым индоевропейцам центра Европы. На далёкие от мирных взаимоотношения в Европе указывает и то, какое огромное внимание уделяли своему оружию степняки – индоевропейцы IV – III тыс. до н. э. К тем же причинам следует отнести и впечатляющую фортификацию трипольских поселений, и укреплённые пункты доиндоевропейской Греции.

Можно сказать, что смена цивилизаций юга и центра Европы шла долго, болезненно, при этом сопровождалась бесконечными нашествиями из южнорусских степей в центр Европы всё новых потоков индоевропейского населения, раз от разу лучше вооружённых и лучше организованных.

В дальнейшем, в III – II тыс. до н. э., уже освоившиеся, прочно осёдлые и процветающие индоевропейские общности Европы, в свою очередь, многократно подвергались нашествиям своих же сородичей, сметавших предшественников, несмотря на их крепости и цветущее сельское хозяйство, и всякий раз начинавших новый виток, а подчас и целую эпоху (как это трижды происходило в

Элладе в III – II тыс. до н. э.) в европейской истории.

На севере Европы проникновение степной индоевропейской культуры, привнёсшей скромную по форме и скупую украшенную геометрическим орнаментом плоскодонную керамику и обычай насыпать курганы над каменными погребальными камерами, носило по вполне объективным причинам, состоящим в ограниченной доступности, не столь мощный характер, как в центре Европы, но зато проявился сразу и в абсолютно незамутнённом виде как новое яркое явление индоевропейского культурного ряда Евразийского континента. На севере Европы не оказалось этнически чуждого пришельцам населения, скорее наоборот; и в силу этого индоевропейские культуры степей юга России, в Скандинавии, Ютландии и на юге Балтики не переживали эпохи борьбы с аборигенами и сохранялись в наиболее чистом, вообще присущем классическим индоевропейцам виде.

Образно говоря, прибалтийский север явился белым листом, на котором в дальнейшем были начертаны ярчайшие страницы индоевропейской истории Европы. Малонаселённый суровый север Европы оказался местом сложения германской и отчасти славянской, а на востоке и балтийской ветвей великого индоевропейского древа Евразии.

И в дальнейшем глухие лесные многоводные районы севера Европы ревностно сохраняли ярчайшие проявления индоевропейской культуры, некогда безраздельно господствовавшей в степях Евразии. Благодаря изначальной малозаселённости, север явился прибежищем **крестов**, символизировавших цивилизацию Передней Азии и юга Туркмении V – IV тыс. до н. э. А много позже, уже в исторически засвидетельствованную эпоху, именно русский север сберёг былины восточных славян и древнюю евразийскую традицию изготовления женских подвесок в форме спирали, корнями уходящую в центры Северного Ирана V – IV тыс. до н. э. и юга Урала II тыс. до н. э. после, как казалось, смертельного удара нанесённого монголами славянам в центре и на юге Русской равнины.

А до нашествия монголов славянский мир, защищавший Европу с востока и юго-востока, только в I тыс. н. э. пережил и отразил нашествие этнически чуждых полчищ гуннов, аваров, печенегов, угров. И всякий раз, когда Восточная и Центральная Европа, истекая кровью, задыхаясь в дыму пожарищ, насилуемая и разграбляемая, унижалась и уничтожалась завоевателями, северные леса служили надёжным убежищем, не просто укрывавшим и сбере-

гавшим бежавшее от гибели и рабства славянское население, но и сохранявшим его культуру и язык со всеми их проявлениями – от приёмов домостроительства и манеры украшать женщину до былин и песен.

Первозданная чистота севера Европы наиболее ярко высветила сам дух и аскетизм индоевропейского мира, неудержимо рвавшегося к берегам Атлантики из всё более засушливых летом и холодных зимой степей юга Сибири, Средней Азии и России.

Пришельцы-кочевники, не встречая на берегах Балтики сколько-нибудь серьёзного сопротивления, с которым им приходилось сталкиваться в центре и на востоке Европы, постепенно переходили к осёдлому ведению хозяйства, сохраняя при этом чистоту языка и культуры, сопровождавшей их некогда в долгих скитаниях, пути которых пролегали от гор Алтая и Копетдага до утёсов Британии и Скандинавии.

Степная индоевропейская культура середины IV тыс. до н. э. принесла на север Европы знаменитый орнамент в форме отпечатка перевитого шнура. Традиция украшения керамики шнуровым орнаментом бытовала в степях и лесостепях юга России ещё в V тыс. до н. э. В дальнейшем шнуровая керамика неизменно сопровождала индоевропейские культуры Евразии от Британии до Индии в течение четырёх тысяч лет, где бы они ни проявлялись.

Керамика культуры воронковидных кубков была плоскодонной, с достаточно скромным орнаментом, состоящим из упомянутого перевитого шнура, ямочного, нарезного и накольчатого узоров. Нередко на сосудах запечатлевался ёлочный узор, изображавший деревья (обычай широко распространённый в культурах Передней Азии и юга Туркмении в V – IV тыс. до н. э.). Одним из немногих отличий возникшей на северо-западе Европы индоевропейской культуры от её степных культурных прародительниц был обычай завершать горловину сосуда воронкой, давшей название всей культуре.

Боевые топоры-молоты, распространившиеся на севере Европы вместе с воронковидными сосудами, в IV тыс. до н. э. ещё оставались кремневыми. Но по форме они уже напоминали знаменитые боевые топоры индоевропейской культуры шнуровой керамики, захлестнувшей север Европы от Средней Волги на востоке до устья Рейна на западе на полторы тысячи лет позже, в XXII в. до н. э.

Каждый последующий после середины IV тыс. до н. э. поток индоевропейского населения, наводнивший леса Европы от Урала до юга Скандинавии и берегов Британии, во многом повторял формы предыдущих культур, при этом совершенствуя их, привнося больше металла и более производительные формы ведения хозяйства.

Никакого практического влияния земледельцы древних средиземноморских культур центра Европы на создателей воронковидных сосудов севера в IV тыс. до н. э. не оказали. Культура воронковидных кубков явилась прологом долгого процесса рождения, расслоения и кристаллизации европейских общностей древнего индоевропейского населения Евразии. Создатели воронковидных сосудов середины IV тыс. до н. э. оказались первым выпуклым культурным пластом Европы, положившим начало обособлению и самостоятельному развитию дотоле единого пранарода, населявшего степи Евразии и долины Передней Азии VIII – V тыс. до н. э. Именно к середине IV тыс. до н. э. можно отнести начало обособления языков индоевропейцев, сумевших к этому времени выработать общие для всего индоевропейского языкового древа слоговые и глагольные формы, касающиеся сельского хозяйства, домостроения, родства, основополагающих религиозных понятий. Так было положено начало разделению индоевропейского праязыка на языки, сохранившие, тем не менее, и до наших дней потрясающее сходство от Ирландии до севера Индии.

Следует особо указать на то, что местом сложения общих индоевропейских языковых форм Евразии явились бескрайние степи юга России, Урала, Сибири и Средней Азии.

Этническое родство населения Передней Азии и юга Туркмении VIII – IV тыс. до н. э. с индоевропейским населением степей Евразии видно, во-первых, из близости культур и широкой беспрепятственной миграции изделий и технологий из развитых центров юга на север и запад, а во-вторых, и это очень важно, из-за многократных перемещений больших групп пастушеского населения из Ирана в Месопотамию (V – IV тыс. до н. э.) и из степей Евразии в Иран, Афганистан и далее в Индию, Месопотамию и Малую Азию. Без всякого сомнения, происходили и значительные перемещения населения из центра Ирана и юга Туркмении на север континента, на Кавказ, в долину Турана, на юг Урала и далее на запад, в степи юга России.

Результатом частых миграций подвижных пастушеских групп индоевропейского населения, отличавшегося к тому же крайней воинственностью, явилось то, что уже около середины IV тыс. до н. э. значительные пространства континента, от крайнего запада Европы до долин Белуджистана на востоке, представляли собой зону распространения индоевропейского праязыка, пракультуры и прарелигии.

Дальнейшие многократные перемещения, без конца происходившие на континенте, вносили новые оттенки во всё более обособлявшиеся культурные провинции индоевропейцев. Однако окончательное обособление языковых и культурных общностей началось только с прекращением крупномасштабных перемещений на континенте, причём исходными плацдармами для них почти всегда были степи юга России, Урала, Сибири и Средней Азии.

Культура воронковидных кубков развивалась более полутора тысяч лет; при этом пережила естественные этапы зарождения, расцвета и упадка. Впечатляет не только временной, но и территориальный масштаб индоевропейского культурного и этнического плацдарма на севере Европы в IV – III тыс. до н. э. Если на западе культура была распространена на юге Скандинавии, в Дании и Голландии, то восточные её рубежи достигали земель Вольни и Галиции на западе Украины. При этом южная граница культуры захватывала Чехию и шла отрогами Карпатских гор, служивших естественным барьером, делившим в IV тыс. до н. э. индоевропейцев и средиземноморцев.

На поздних этапах развития культура воронковидных кубков распространилась в Моравии и Нижней Австрии. Население занималось земледелием и скотоводством, никогда при этом не оставляя охоты и рыбного промысла. Болота Дании сохранили для нас памятники культуры воронковидных кубков в виде двух домов длиной 80 м, шириной 6,5 м, сооружённых из дерева. Между домами пролегал замощенная камнем улочка шириной 10 м. Внутри дома поделены перегородками на помещения по 3 м шириной.

Эволюцию культуры можно наблюдать помимо керамики и в создании погребальных сооружений. Если в IV тыс. до н. э. на территории, занятой культурой, хоронили в одиночных грунтовых могилах, то первая половина III тыс. до н. э. характерна сооружением дольменов (каменных погребальных камер) и широким строительством каменных гробниц с ходами, позже превратившимися в целые галереи, до 20 м в длину.

Монументальные гробницы с галереями (циститы) возникли на завершающем этапе развития культуры (2000 – 1800 гг. до н. э.). При этом весьма часто над гробницей насыпали земляной курган, служивший свидетельством и данью исторической памяти о недавнем пребывании в степях. Курганы окружали кругом из камней. На территории Польши носители культуры воронковидных кубков над погребениями сооружали длинные курганы из земли и камня. Позже в III – II тыс. до н. э. подобную форму курганов повторили в Англии. А уже в I тыс. н. э. длинные курганы насыпали славяне кривичи в верховьях Западной Двины и Днепра.

В эпоху развития культуры воронковидных кубков на западе и севере Европы началось возведение загадочных мегалитических сооружений, наиболее ярким, хотя и достаточно поздним проявлением которых был мегалитический комплекс Стоунхенджа, возведённый в 1900 – 1550 гг. до н. э. на юго-западе Англии и являющийся древнейшей обсерваторией планеты.

Необходимо отметить ещё один весьма важный момент в этническом развитии европейской истории. Если на Балканах с VII тыс. до н. э. развивалась древняя средиземноморская общность земледельцев и скотоводов, которая уже в V тыс. до н. э. продвинулась в центр, на восток (трипольская культура) и на северо-запад Европы (культура линейно-ленточной керамики), то на территории Франции, Швейцарии, Италии и Испании с V тыс. до н. э. развивались также генетически абсолютно чуждые индоевропейцам культуры *шассей* (Франция), *ла-гоццо* (Италия), *кортайо* (юг Германии, Швейцария). Происхождение носителей этих западно-европейских культур V – середина IV тыс. до н. э. достаточно загадочно, но вероятнее всего оно явилось результатом смешения средиземноморского и негроидного элементов с незначительным присутствием древних охотников-индоевропейцев севера Европы каменного века (X – VII тыс. до н. э.).

Около середины IV тыс. до н. э. чуждые индоевропейцам культуры шассей, кортайо, лагоццо пришли в упадок, и в XXIX в. до н. э., теснимые к югу, исчезли, уступив пришедшим с востока поселенцам благодатные берега Атлантики, цветущие долины Франции, Испании и Италии. Заселение запада Европы индоевропейцами шло двумя генеральными потоками: с северо-востока носителями культуры воронковидных кубков и с берегов Средиземного моря. При этом культура дольменов на Пиренеях явилась наиболее древней мегалитической культурой запада Европы.

Дальнейшее распространение мегалитической традиции в Европе шло с юга (Пиренеи) на север (юг Скандинавии), захватывая при этом атлантическое побережье Франции и острова Британского архипелага. Данное явление указывает на то, что древняя цивилизация Передней Азии VIII – IV тыс. до н. э., имея западным рубежом Малую Азию, распространяла своё культурное и этническое влияние не только на степи Евразии и юг Балканского полуострова, но и непосредственно на запад Европы и на его Пиренейскую периферию.

Начало видимого влияния переднеазиатской цивилизации на юго-запад Европы совпало с проникновением носителей культуры воронковидных кубков на северо-запад Европы.

Центральная Европа в IV тыс. до н. э. ещё не была в полном смысле индоевропейской, оставаясь ареной вытеснения евразийскими кочевниками осёдлого средиземноморского населения.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЮГ ТУРКМЕНИИ В III ТЫС. ДО Н. Э.

I. ЗАСУХА В ГЕОКСЮРСКОМ ОАЗИСЕ ЮГА ТУРКМЕНИИ

Первая половина III тыс. до н. э. ознаменовалась началом великой засухи в центре Евразии, приведшей в итоге к грандиозному исходу индоевропейских народов из обширных районов древнейших цивилизаций Ирана, юга Туркмении и степей Средней Азии VIII – III тыс. до н. э.

Так в период с 3000 г. по 2500 г. до н. э. сократился водный сток реки Теджен. Следствием этого явилось резкое сокращение жилых площадей в Геоксюре. Из девяти населённых *теллей* (искусственных холмов, состоящих из наслоений культурных слоёв) продолжали существовать лишь два.

В то же время местная скупая монохромная орнаментация керамики сменилась на полихромную, корни которой, как и ранее, в IV тыс. до н. э., следует искать в Иране. Это указывает на то, что значительной части населения Иранского плоскогорья в III тыс. до н. э. (как это произошло в IV тыс. до н. э. при рождении Геоксюрского центра при активном участии выходцев из Элама и Фарса) также пришлось менять места проживания в поисках более благодатных земель для привычных занятий земледелием, скотоводством и ремёслами. Одним из направлений движения населения Ирана в III тыс. до н. э. оказалось северное, причём угасавший Геоксюрский центр служил ему лишь временным прибежищем.

По мере высыхания реки Теджен – даже самая совершенная ирригация не могла спасти жизни на теллях Геоксюра. К югу от оазиса, там, где река ещё оставалась достаточно полноводной, был выстроен новый центр Хапуз-Депе.

Несмотря на наступивший природный кризис, все стороны материальной культуры юга Туркмении в III тыс. до н. э. пережили эпоху бурного развития. Как и прежде, многочисленные поселения, представлявшие собой плотную застройку из многокомнатных кирпичных домов, весьма походили на города. Причём многие из них были обведены мощными крепостными стенами и башнями. Продолжалось поступательное развитие металлургии.

Керамика всё чаще изготавливалась на гончарном круге. Достаточно скоро расписную керамику, привнесённую в Среднюю Азию иранскими этническими ветрами, вновь сменила почти неорнаментированная.

Десятки поколений южнотуркменского населения совершали захоронения в больших каменных склепах, служивших родовыми или фамильными усыпальницами. Они представляли собой помещения (на уровне горизонта, либо ниже его), стены которых облицовывались камнем или кирпичом-сырцом, а попасть в них можно было с помощью коридора. Подобные усыпальницы были древнейшими прообразами многочисленных каменных *цист* (камер) под курганами в степях Евразии и дольменов Западной Европы, также покрывавшихся сверху курганами. Наиболее древним европейским отражением погребальных традиций Передней Азии и юга Туркмении явились захоронения культуры воронковидных кубков и дольмены Пиренеев.

В конце III тыс. до н. э. уже и в Хапуз-Депе произошло резкое сокращение жизни, и далее она продолжилась лишь на небольшой части поселения. В начале II тыс. до н. э. последнее население Хапуз-Депе навсегда покинуло берега реки Теджен.

II. СЕРЕДИНА III ТЫС. ДО Н. Э. ВЛИЯНИЕ ГЕОКСЮРА В БЕЛУДЖИСТАНЕ (КВЕТТА) И АФГАНИСТАНЕ (МУНДИГАК). ЦИВИЛИЗАЦИЯ ГОРОДОВ ХАРАППА И МОХЕНДЖО-ДАРО

Начало заселения Кветты (Белуджистан), как мы помним, было положено во второй половине IV тыс. до н. э. Причём мотивы орнаментов керамики Кветты и Мундигака были схожи с геоксюрскими и имели общие корни на юге Ирана (Элам, Фарс). Именно выходцы из Южного и Западного Ирана привнесли знаменитый крестовый орнамент во вновь освоенные в IV тыс. до н. э. культурные провинции великой переднеазиатской цивилизации.

Около середины III тыс. до н. э. в Кветте появилась посуда, не имевшая местной основы, но обладавшая непосредственными прототипами в Геоксюре. Это прямо указывает на то, что население гибнущего от засухи крупного культурно-земледельческого центра юга Туркмении двигалось на юго-восток, выбрав конечным пунктом цветущую долину реки Инд. Пришельцев, основавших города в бассейне реки Инд, было немного в сравнении с местным населе-

нием, однако культурный уровень пришедших с северо-запада людей позволил им создать здесь один из ярчайших очагов древней цивилизации Евразии.

Так во второй половине III тыс. до н. э. родилась чудная и великая цивилизация городов Хараппа и Мохенджо-Даро, расположенная на северо-западной окраине полуострова Индостан. Западные рубежи цивилизации располагались в отрогах Макранского берегового хребта, на побережье Аравийского моря (юго-запад Пакистана). На востоке и севере границей служили отроги Гималаев, в районе верхнего течения реки Ганг и среднего течения реки Инд. Южные рубежи цивилизации пролегали долиной реки Тапти.

Главной опорой изумительной цивилизации долины реки Инд III – II тыс. до н. э. служили громадные города. Площадь иных достигала 260 га, а центрами неизменно служили расположенные к западу от основной городской застройки цитадели, поднятые на искусственные платформы из кирпича-сырца и окружённые могучими стенами и башнями. Площадь городских цитаделей колебалась от четырёх до восьми гектаров.

Регулярную застройку городов с севера на юг прорезала центральная улица, вбиравшая в себя множество боковых переулков. Городские кварталы по периметру были окружены собственными крепостными стенами. Дома, сложенные из кирпича, возводились до трёх этажей в высоту и были снабжены кирпичными водостоками и канализацией. На случай осады городские цитадели снабжались хранилищами зерна и емкостями для воды.

Крупнейшими городами индской цивилизации III – II тыс. до н. э. являлись Хараппа, Мохенджо-Даро и Колибанган. Располагались города по берегам рек бассейна Инда, в местах сосредоточения торговых путей.

Помимо городов строились крупные морские порты, замыкавшие устья рек и обеспечивавшие внешнюю торговлю индской цивилизации. Площадь городов-портов не превышала семи гектар. Порты также были снабжены поднятыми на искусственные платформы цитаделями-крепостями, а кварталы внешней застройки прорезались с севера на юг главной магистралью. Наряду с зернохранилищами, множеством ремесленных и складских помещений порты обладали крупными доками, площадь которых была весьма значительна.

В поймах рек были разбросаны многочисленные земледельческие поселения, в которых жилища не оборудовались системами

канализации и водоотвода. Жители поселений не занимались торговлей, бурно процветавшей в городах и портах, о чём говорит абсолютное отсутствие обычных для городов печатей.

Рядовые сельские поселения, расположенные по рубежам индской цивилизации или в наиболее важных пунктах, замыкавших горные проходы, окружались каменными оборонительными стенами. Земледелие, скотоводство, многочисленные ремесла, морская и сухопутная торговля, щупальцы которой охватывали едва ли не всю Переднюю и Среднюю Азию, процветали.

Обострявшаяся в III тыс. до н. э. засуха, поразившая целый ряд центров Передней Азии и юга Туркмении, толкнула значительные и достаточные созидательные силы из старых очагов производящей экономики на освоение новых районов Евразийского континента, на северо-западе обильного влагой Индостана.

Великая индская цивилизация городов Хараппа и Мохенджо-Даро, просуществовав около тысячи лет и пережив при этом классические этапы необыкновенно быстрого становления и бурного развития всех сторон материальной и духовной культуры, около середины II тыс. до н. э. подверглась громадному нашествию и полному разорению новым потоком индоевропейского полукочевого населения, на этот раз пришедшего не из старых городских центров юга Туркмении, Ирана, Афганистана и Белуджистана, а из степей Евразии. Завоеватели разрушили города индской цивилизации III–II тыс. до н. э., но принесли на берега Инда и Ганга гимны Ригведы, чем заложили основу древнейшей мировой литературы, запечатлённой языком классического санскрита.

III. ПОЗДНИЙ КЕЛЬТЕМИНАР.

СВЯЗЬ С ЯМНОЙ И КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРАМИ.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВООРУЖЕНИЯ ОТ ИНДИИ ДО КРИТА.

РОЖДЕНИЕ РАННЕЙ ЭЛЛАДЫ. КИКЛАДЫ, КИПР

Мы говорили о том, что общины скотоводов и земледельцев Среднеазиатской равнины, создавших культуру Кельтеминар, ещё в IV тыс. до н. э. подверглись активному культурному влиянию южных центров производящей экономики. Есть много общего в орнаментах юга Туркмении (Намазга II 3500 – 3000 гг. до н. э.) и в орнаментах, нанесённых на сосуды кельтеминарской культуры.

Носители культуры Кельтеминар, в свою очередь, не просто

восприняли геометрический орнамент юга, но явились активными распространителями уже собственной производящей экономики и культуры, хотя технологически и уступавшей южнотуркменской, однако гораздо более приспособленной к быту обитателей степей Евразии. Население равнины Средней Азии в III тыс. до н. э. создало собственные центры металлургического и керамического производств. Тем не менее, носители культуры Кельтеминар во все времена оставались, прежде всего, скотоводами, а – следовательно, обладали значительной подвижностью. Причём их подвижность сильно возросла в III тыс. до н. э. из-за явственно обозначившегося наступления глобальной засухи в центре Евразии. И хотя русла Узоя и Жан-Дарьи, возможно, ещё и в I тыс. до н. э. доносили определённую часть воды с ледников Тянь-Шаня до берегов Каспийского моря, ресурсы живительной влаги катастрофически сокращались. И хотя высыхающие русла Туранской долины ещё долго служили прибежищем скотоводам Средней Азии, однако будущее не сулило им ничего хорошего в стремительно опустынивавшихся землях.

Прямым результатом опустынивания Турана явилось увеличение потоков индоевропейских кочевых групп, устремлявшихся с равнин Средней Азии в районы юга Сибири, Урала, Нижней Волги и далее на запад – в низовья Дона, Днепра и Дуная. Следствием столь крупных и регулярных перемещений населения была всё более глубокая индоевропеизация Европы, процесс которой особенно активизировался именно в III тыс. до н. э. Одновременно шло резкое ухудшение условий жизни в Передней и Средней Азии.

Постепенно в III тыс. до н. э. Кавказ стал приобретать всё более важное значение в распространении достижений цивилизации Передней Азии на востоке Европы. По-прежнему было весьма велико значение Малой Азии в распространении этнического и культурного влияния Передней Азии на юго-востоке Европы.

Несмотря на ухудшение условий ведения сельского хозяйства и связанное с ним резкое сокращение населения в центрах юга Туркмении в III тыс. до н. э., местная металлургия продолжала совершенствоваться. Изделия из металла носили всё более изысканный и разнообразный характер. Металлурги юга Туркмении в III тыс. до н. э. освоили выплавку мышьяковистой бронзы, предшественницы классической бронзы (сплав меди с оловом) II тыс. до н. э.

Единая металлургическая провинция древности, включавшая центры Месопотамии, Ирана, юга Туркмении, Афганистана и Бе-

луджистана, в III тыс. до н. э. распространяла на огромных пространствах востока и юга Европы, юга Сибири и на северо-западе Индии громадное количество самых разнообразных изделий – кинжалов, ножей, металлических украшений и сосудов и даже первых металлических мечей. Появилось и широко разошлось бессчётное количество металлических наконечников копий, стрел. Развернулось производство и широкое распространение от Инда до Рейна металлических проушных топоров.

Потрясающая энергия, выплеснувшаяся в III тыс. до н. э. из древнейших центров производящей экономики, не просто распространила в дальние уголки Евразии продукцию и технологии, она положила начало рождению будущих городов, культур, целых исторически устойчивых общностей и языков, сложивших в дальнейшем историю индоевропейской цивилизации Евразии последних четырёх тысяч лет.

Около 2500 г. до н. э. начался период ранней Эллады в Греции, ознаменовавшийся практически полным вытеснением древнего средиземноморского населения юга Балкан и началом широкого культурного освоения юго-востока Европы индоевропейцами. В общую культурную провинцию ранней Эллады середины III тыс. до н. э. вошли также острова Крит, отчасти Кипр и архипелаг Киклады в Эгейском море. Индоевропейское заселение юга Балкан и островов Средиземноморья шло с востока, из районов Ссеверного Ирана через Малую Азию и с севера, из степей юга России.

Необходимо сказать о том, что на рубеже IV – III тыс. до н. э. в долине реки Нил на северо-востоке Африки зародилась и начала свое развитие цивилизация Древнего Египта. И хотя настоящего расцвета и могущества она достигла гораздо позже, тем не менее, уже в III тыс. до н. э. египетский импорт начал проникать в центры ранней Эллады и оказывать определённое влияние на развитие большинства культур Средиземноморья.

Выходцы из древних культурных и экономических центров Передней Азии и юга Туркмении, безусловно, проникали в Египет на рубеже IV – III тыс. до н. э., как и во все последующие периоды его развития. Тем не менее, египетская цивилизация – это совершенно особое явление в мировой истории. В этническом и культурном отношении она не зависима от цивилизации Передней Азии VIII – IV тыс. до н. э.

Но вернёмся к истории Эллады. Непосредственным провозвестником, своеобразным прологом освоения и расцвета ранней

Эллады 2500 г. до н. э. явилось утверждение легендарного города Трои I, произошедшее около 2750 г. до н. э. и расположенного на стыке Европы и Азии, на холме Гиссарлык к югу от выхода пролива Дарданеллы в Эгейское море. Мы помним о том, что около V тыс. до н. э. произошёл прорыв вод Чёрного моря в Эгейское. Троя возникла на пути зарождавшейся морской торговли средиземноморского и черноморского миров и без малого две тысячи лет служила связующим звеном между Азией и Европой (после гибели Трои VII, около 1250 г. до н. э., эту миссию взяла на себя Византия, основанная около VII в. до н. э.).

С самого основания Трои I город плотно застраивался каменными домами со двором внутри (мегаронный тип) и был обнесён мощной крепостной стеной. Вскоре Троя I, площадь которой была около одного гектара, была разрушена и вновь отстроена как Троя II на месте предшествующего города. Были заново отстроены мощные оборонительные стены, многочисленные городские здания и дворец.

Расцвела местная металлургия, ювелиры создавали истинные шедевры из золота и серебра. Развернулось производство местной круговой керамики. В дальнейшем Троя разорялась и вновь отстраивалась восемь раз и всякий раз при этом становилась краше и богаче именно благодаря выгодам своего положения между возмужавшей Азией и молодой Европой.

ГЛАВА 8

ЕВРОПА III ТЫС. ДО Н. Э.

I. ОБЗОР КУЛЬТУР ЕВРОПЫ КОНЦА IV ТЫС. ДО Н. Э

На пороге III тыс. до н. э. Европа являла собой громадную арену, полную стремительных перемен. Воинственные, крайне подвижные группы индоевропейских народов вели беспрестанное наступление на всё новые территории континента. Средиземноморская общность Европы год от года сокращала площади сельскохозяйственных и охотничьих угодий и, теснимая к югу, уступала пришельцам наиболее плодородные земли центра Европы.

Крупнейшими плацдармами индоевропейских культур в Европе на рубеже IV и III тыс. до н. э. продолжали оставаться степи и лесостепи Восточной Европы, леса севера континента, от Голландии до Волыни застроенные посёлками носителей культуры воронковидных кубков, и Пиренейский полуостров, на землях которого с середины IV тыс. до н. э. возводились древнейшие дольмены Европы (культура дольменов Португалии, культура альмерии Испании второй половины IV тыс. до н. э.).

Само начало III тыс. до н. э. ознаменовано крупным вторжением на юг Англии индоевропейского населения с полуострова Бретань (запад Франции), где около 3000 г. до н. э. распространились укрепленные поселения. Тем самым было положено основание знаменитой тысячелетней культуре Уиндмилл-Хилл, развивавшейся на зелёных, чуть всхолмлённых равнинах юга Англии, весьма удобных для скотоводства, где пришельцы принялись строить городища, защищённые несколькими рядами укрепленных плетнями рвов и частоколов.

Диаметр городищ составлял от 75 до 120 м. Вокруг городища ожерельями вырастали длинные курганы, также окруженные рядами столбов или земляным валом. Самым длинным среди них оказался курган Мейден-Кастл, размер которого достигает 500 м.

Ориентированы длинные курганы Уиндмилл-Хилла по линии восток – запад, причём восточная оконечность насыпи выше и шире западной. Данная форма курганов юга Англии III тыс. до н. э. словно символизирует стрелу, указывающую направление движения погребённых. Под длинными насыпями совершались коллек-

тивные одновременные захоронения в деревянных погребальных камерах.

С течением времени шире распространялся обряд кремации. Помимо курганов в III тыс. до н. э. на юге Англии строились каменные дольмены с коридорами, явившиеся самыми западными в Евразии прототипами гробниц юга Туркмении и Передней Азии V – IV тыс. до н. э.

Индоевропейские пришельцы на островах Британского архипелага разводили крупный рогатый скот, коз, овец, свиней. Сеяли пшеницу и ячмень, а также активно занимались охотой.

До и после вторжения на острова создателей уиндмилл-хиллской культуры в Британии жили охотники и рыболовы, также принадлежавшие большой индоевропейской общности Евразии, родственно близкой древним индоевропейцам охотникам-гигантам севера Франции (культура Кемпиньи), юга Скандинавии и севера Германии (культура Эртебелле).

В Британии культурная общность древнейших индоевропейских обитателей севера Европы, продвинувшихся сюда ещё в эпоху каменного века и таяния последнего ледника, получила название культуры Питербороу. Обе культуры, Уиндмилл-Хилл и Питербороу, несмотря на значительную разницу в уровне развития, существовали параллельно около тысячи лет, пока в конце III тыс. до н. э. острова Британии не пережили новое крупное вторжение полукочевого, отменно вооружённого индоевропейского народа, начавшего новый виток древней истории Британии.

Натиск индоевропейских пастушеских народов на Западную Европу с самого начала III тыс. до н. э. был столь велик, что уже к XXIX в. до н. э. неиндоевропейские общности запада континента практически полностью прекратили своё развитие и существовали далее лишь в южных районах Франции и в отдельных провинциях Пиренеев и Апеннин. В то же время средиземноморские носители культур линейно-ленточной керамики, кораново, триполье в центре и на востоке Европы пока ещё продолжали своё развитие, несмотря на всё возрастающее наступление индоевропейских кочевников из степей левобережного Днепра, низовьев Дона, и Волги, а также Восточного Прикаспия.

II. ПОЯВЛЕНИЕ РАЗНООБРАЗНОГО НАСТУПАТЕЛЬНОГО ВООРУЖЕНИЯ И БОГАТЫЕ КЛАДЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И ЮГА ТУРКМЕНИИ – ПРЕДТЕЧА БУРНЫХ СОБЫТИЙ III ТЫС. ДО Н. Э.

Мы говорили о том, что уже в первой половине III тыс. до н. э. культурные и экономические центры севера Ирана и юга Туркмении, с одной стороны, вступили во многом в гибельную для себя пору засухи, а с другой – величайшего прогресса в развитии металлургии. Следствием климатического фактора явился уход значительной части населения, обладавшего высочайшими технологиями данной эпохи во всех областях производящего хозяйства Евразии.

Основание городов в долине Инда (Хараппа, Мохенджо-Даро) и строительство Трои на берегу пролива Дарданеллы обозначили крайние рубежи в Азии на востоке и западе входящих в затяжной кризис и терпящих чудовищное бедствие от обезвоживания цивилизации Передней Азии и юга Туркмении. Однако, несмотря на всё значение создания западного (Троя) и восточного (Хараппа, Мохенджо-Даро) форпостов в Азии, индоевропейская культурная общность континента переживала лишь пролог будущего глобального освоения и преобразования Евразии и особенно – её европейской части, начало которому было положено ещё в V – IV тыс. до н. э., а пик пришёлся на III – II тыс. до н. э.

В III тыс. до н. э. несравнимо с предыдущими эпохами на юге Туркмении возросло количество наступательного оружия и богатых кладов, состоящих из роскошных украшений. С гибелью множества городов и селений Геоксюра, севера Копетдага и северо-востока Ирана резко возросли подвижность и агрессивность некогда мирного осёдлого населения. Наступили века активного распространения культуры юга Туркмении и Ирана в степи Средней Азии, на Кавказ и далее в низовья Дона, Днепра и Волги и в лесостепи юга Сибири и Урала.

Высыхание русел Жан-Дарьи и Узбоя толкнуло обитателей долины Туран на север Каспия и далее – в низовья Днепра и Дона. При этом каждый новый поток переселенцев с юго-востока обладал всё более совершенными и разнообразными металлическими орудиями. Обладание ими делало его хозяев могущественнее, а труд производительнее, что, в свою очередь, вело к росту населения и соответственно новых земель для его расселения.

Так, из столетия в столетие, вал за валом из глубин континента на запад накатывались этнические волны индоевропейских кочевников-воинов, обогащённых знаниями древнейшей цивилизации Евразии VI – IV тыс. до н. э.

III. НОВЫЕ ПОТОКИ КОЧЕВНИКОВ С НИЖНЕЙ ВОЛГИ НА ЮГ РОССИИ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ В ЦЕНТР ЕВРОПЫ

В предыдущем повествовании говорилось о том, что в V тыс. до н. э. на равнины левобережного Поднепровья подошли воинственные всадники, носители культуры среднего стога, появление которых явилось своего рода провозвестием будущего освоения Европы индоевропейскими кочевниками-обитателями евразийских степей.

В IV тыс. до н. э. с просторов Нижней Волги и степей Восточного Прикаспия в степи юга России хлынул новый поток кочевников, представители которого были гораздо богаче предшественников медными украшениями и оружием. Новая культура получила название *новоданиковская*.

Этнически обе группы индоевропейских кочевников, занявших в V – IV тыс. до н. э. земли водораздела между Днестром и Доном, практически абсолютно близки. Разница между ними главным образом заключалась в уровне развития производящих форм хозяйства, хотя она была не столь уж велика, и в вооружении.

В самом начале III тыс. до н. э. (около 2920 г. до н. э.) юг России претерпел новое вторжение с востока. Пришедшие кочевники создали культуру *нижнемихайловского* типа, генетически родственную двум предшествующим, но обладавшую более высокой степенью развития духовных, хозяйственных и торговых сторон деятельности. Именно они положили начало традиции изготовления антропоморфных стел в степях юга Восточной Европы. Шло повсеместное строительство святилищ, сопровождавших многочисленные курганные могильники. Степи наполнились изделиями из меди.

В отличие от предшественников, – носителей культуры среднего стога, занимавшихся главным образом разведением лошадей, новые пришельцы в основном были заняты разведением мелкого рогатого скота, что указывает на значительную степень их оседлости.

В III тыс. до н. э. на правобережье Среднего Днепра (район рек Тетерев и Рось) индоевропейским кочевникам ещё противостояли нередко серьёзно укрепленные поселения средиземноморских носителей трипольской культуры. А в центре Европы, на севере Карпатской котловины, с V тыс. до н. э. продолжала развиваться также средиземноморская культура линейно-ленточной керамики. В бассейне реки Тисы на рубеже V – IV тыс. до н. э. развивалась тисская культура. На смену ей пришла полгарская культура (4000 – 2700 гг. до н. э.). А на юге Карпатской котловины возникла лендельская культура (2600 – 2100 гг. до н. э.). Её создатели, средиземноморские земледельцы и скотоводы, возводили столбовые дома под двухскатной крышей от 15 до 40 м в длину и изготавливали разнообразнейшую по форме расписную керамику. Лендельская культура оставила заметный археологический след на территориях Чехии, юго-востока Германии, Польши. В мире средиземноморцев центра и востока Европы в IV-III тыс. до н. э. были нередки украшения из меди и золота, динамично развивалось производство каменных и медных орудий труда, посуда повсеместно отличалась удивительным разнообразием.

Тисская-полгарская, лендельская и поздняя трипольская культуры общего средиземноморского ряда Европы пришли в упадок практически одновременно, хотя и продолжали в дальнейшем ещё почти тысячу лет оказывать определённое культурное влияние на ворвавшихся в центр Европы индоевропейцев. При этом сначала снизились объёмы сельскохозяйственного производства, растерялся технический уровень изготовления и росписи керамики, металлургии, домостроения, а в первой четверти II тыс. до н. э. культурная и этническая общность средиземноморцев Европы была окончательно сломлена и распылена всё новыми потоками отменно вооружённых кочевников, двигавшихся из необозримых степей юга России, Сибири и Средней Азии в Европу.

Один из первых серьёзных прорывов значительных групп индоевропейских кочевников в центр Европы, в бассейн Среднего и Верхнего Дуная, на Верхнюю Эльбу (Лабу) и Вислу ознаменовался рождением баденской археологической культуры, пришедшей на смену культурам средиземноморцев (полгарская культура) во второй четверти III тыс. до н. э.

Близость керамики баденской культуры с керамикой кочевников южнорусских степей указывает на отправную точку в движении первой этнически индоевропейской культуры центра Европы.

То, что пришельцы сооружали поселения на холмах и высоких останцах коренных берегов рек и при этом тщательно их укрепляли, делая крайне труднодоступными извне, указывает на высокую степень риска для жизни, сопряжённого с борьбой двух различных миров Евразии за обладание наиболее плодородными и благодатными провинциями центра Европы.

Индоевропейские кочевники, попадая в долину Дуная, меняли образ жизни и ведения хозяйства с подвижного на осёдлый. Необходимость в постоянной смене пастбищ, извечно присутствовавшая в степях Евразии, в центре Европы отпала. Скот кормился из года в год на одних и тех же тучных лугах. Земля рожала обильные урожаи, и бывшие кочевники, плотно осев на новых землях, осознавали преимущества европейского существования и активно переходили к более интенсивному, чем прежде, созданию и совершенствованию орудий труда и войны. Меди в III тыс. до н. э. в Европе было сравнительно немного. В ход больше пускали каменные боевые топоры. Зато повсеместно использовались разнообразные повозки на колёсном ходу, запряжённые быками или лошадьми. Успешно развивалось текстильное производство.

Интересны широко распространившиеся в центре Европы эпохи баденской культуры (III тыс. до н. э.) металлические фигурки воинов с рогами на головных шлемах. Они весьма похожи на фигурки воинов в рогатых шлемах, повсеместно распространившиеся в Передней Азии III тыс. до н. э., и сходство их едва ли случайно.

В III тыс. до н. э. индоевропейское культурное влияние неуклонно возрастает и проявляется на восточных склонах Альп и на северо-западе Балкан. Повсеместно на вершинах холмов вырастали укреплённые посёлки, защищённые рядами рвов и частоколов. Широко распространились медные изделия: украшения, шилья, плоские топоры и ромбовидные кинжалы. Большинство из них непосредственно восходит к медным изделиям центров Передней Азии и юга Туркмении. Керамика была в основном плоскодонной, неорнаментированной, простой формы.

Высокогорные альпийские луга и цветущие долины притоков Дуная предоставили индоевропейцам новые великолепные возможности для успешного ведения скотоводства и земледелия.

С начала III тыс. до н. э. доиндоевропейская культура на территории Франции (культура Шассей) перекрывается культурой Сены-Уазы-Марны, увековечившей себя в последующих тысячелетиях возведением мегалитических построек, вошедших цен-

тральным звеном в общий пояс мегалитических культур, опоясавших атлантическое побережье запада Европы IV – II тыс. до н. э. от Пиренеев на юго-западе до юга Скандинавии на северо-востоке.

Напомним о том, что начало мегалитическому строительству на западе Европы было положено на Пиренейском полуострове в середине IV тыс. до н. э. (культура дольменов Португалии и культура альмерии Испании). Причём явление это не является исключительно западноевропейским. Сооружения, подобные менгирам (установленные вертикально громадные камни высотой до 5 м и более), кромлехам (круги из менгиров) и более поздним хенджам (наиболее знаменитым и впечатляющим является Стоунхендж на юго-западе Англии), встречаются на севере, в центре, на юге Европы, в степях востока Европы, на юге Урала и в целом ряде иных районов Евразии. Громадное пространство континента от Британии до Алтая с начала III тыс. до н. э. составило единый арсенал распространения общей индоевропейской пракультуры и прарелигии.

Хотя корни индоевропейской культуры евразийских степей и Европы следует искать в цивилизации Передней Азии и юга Туркмении VIII – IV тыс. до н. э. – на просторах юга России, Урала и Сибири уже с начала III тыс. до н. э. начал крепнуть новый центр силы и культуры, носители которой приступили к созданию собственных, своеобразных центров производства. Во многом благодаря этому родство хенджей Британии и каменных и курганных комплексов юга Урала также естественно, как и общность германских языков и классического санскрита.

Расцвет мегалитического строительства на западе Европы пришёлся на 2400 – 2300 гг. до н. э. В Бретани (историческая провинция на западе Франции) из менгиров составляли аллеи длиной в несколько километров. Крупнейший менгир высотой в 20 м и массой в 350 тонн, ныне упавший, находится в Морбигане (Франция, Бретань).

Кромлехи диаметром до 100 м в III тыс. до н.э. сооружались повсюду во Франции, на островах Британии, на юге Скандинавии. В III тыс. до н. э. на землях Европы от Ирландии до Болгарии было сооружено также множество погребальных дольменов, составленных из огромных каменных глыб, с ведущим в них коридором, длина некоторых из них достигала 20 м и более. В гробницы помещали золото, оружие, плоскодонную керамику с классическим индоевропейским шнуровым орнаментом. Нередко погребальные камеры сверху увенчивали курганом.

Индоевропейский мир, начавший широкое проникновение в центр, на юг и запад Европы около середины IV тыс. до н. э., но сумевший полностью завоевать её плодороднейшие провинции лишь в III тыс. до н. э., а в ряде мест в первой четверти II тыс. до н. э., расцвёл на благодатных землях, согретых тёплым дыханием Атлантики, изумительной культурой одухотворённого каменного зодчества.

Наполненное стремительным движением и беспрестанными войнами III тыс. до н. э. породило не только крепостную фортификацию Европы, но и прообразы будущей европейской храмовой архитектуры, отобразившей представления и знания индоевропейских завоевателей о вечных началах рождения и развития вселенной. Мегалиты Европы представляются бессмертной поэмой, запечатленной в камне и адресованной потомкам, с тем чтобы донести до них величие духа их создателей, глубину их знаний о космосе и его законах. И пусть около 2000 г. до н. э. мегалитическое строительство на западе материковой Европы вошло в пору заката во многом из-за новой волны нашествия индоевропейских народов, принёсших культуру колоколовидных кубков, – памятники Британии II тыс. до н. э. (Стоунхендж) продолжили и даже подняли на качественно новый уровень традицию мегалитического строительства.

IV. СЕРЕДИНА III ТЫС. ДО Н. Э. ЯМНАЯ КУЛЬТУРА

В конце IV – начале III тыс. до н. э. на обширной территории степей Нижнего Дона, Волги и Восточного Прикаспия сложилась единая целостная общность индоевропейских кочевников, лёгшая в основу ямной культуры III тыс. до н. э., в дальнейшем развивавшаяся на просторах между реками Урал и Южный Буг вплоть до начала II тыс. до н. э.

В приднепровские степи – кочевники, носители ямной культуры, выдвинулись около середины III тыс. до н. э. Их предшественники, создатели южнорусских степных культур среднего стога и Нижней Михайловки к середине III тыс. до н. э., в целом победоносно завершили покорение центра Европы, вытеснив средиземноморское население из Дунайского бассейна и положив основание ряду новых индоевропейских культур континента. Их уход на запад освободил степи Восточной Европы для нового потока соотечественников, шедших на запад с низовьев Волги и Дона.

Ранее всего кочевники с Нижнего Поволжья обосновались в левобережном Поднепровье – в междуречье Орели и Самары. Остальная территория левобережного Поднепровья продолжала находиться под контролем носителей культуры среднего стога. Но шёл интенсивный процесс смешения старой, уходящей на запад степями Северного Причерноморья, и новой, идущей с востока, степных культур.

Ко времени окончательного сложения ямной культуры (около середины III тыс. до н. э.) в степях юга России индоевропейцами уже был пройден долгий, длиной в две тысячи лет (начало около середины V тыс. до н. э., днепро-донецкая культура), путь развития и ведения производящего хозяйства, главным и в историческом смысле важнейшим компонентом которого являлись – стадо, составленное из крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади. С ростом влияния старых центров культуры и производящей экономики Передней Азии и юга Туркмении к середине III тыс. до н. э. в евразийской степи сложились основы собственного металлургического производства, одним из центров которого был Майкопский регион Северного Кавказа.

Поначалу быт осваивавших левобережное Поднепровье кочевников-волжан носил упрощённый, присущий степнякам характер. Ими изготовлялась плоскодонная керамика со шнуровым и жемчужным орнаментами, ёлочными и гребенчатыми композициями. Наряду с этим изготовлялась посуда с округлым дном, что являлось данью традиции, оставленной носителями культуры среднего стога.

Орудия труда на ранних этапах развития ямной культуры изготовлялись из кремня, камня, кости и рога. Медные изделия были главным образом представлены четырёхгранными в сечении шильями. В строительстве в III тыс. до н. э. в южнорусских степях перешли от полуземлянок с глинобитным полом к возведению наземных домов с каменным цоколем и каменной кладкой внешних стен.

С начала, но главным образом с середины III тыс. до н. э. в Европе вообще и в степях юга России в частности началась эпоха активного фортификационного строительства с возведением не только земляных валов, рвов и деревянных частоколов (тынов), но и со строительством каменных оборонительных стен, прообразами которых служили крепости Геоксюра IV тыс. до н. э. и иных центров юга Туркмении и Передней Азии VI – IV тыс. до н. э.

Напомним о том, что именно в первой половине III тыс. до н. э. была выстроена обнесённая могучей каменной крепостной стеной Троя I, а в долине реки Инд появились города-крепости цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро.

Если степняки юга России в V – IV тыс. до н. э. практически не оставляли после себя каких-либо следов, кроме курганов, то новые обитатели бескрайних просторов, пролегших между нижним течением Южного Буга и Уралом, приступили к созданию поселений, расположенных на высоких холмах, на останцах коренного плато, окружённых оврагами, а с напольной стороны и оборонительными сооружениями.

В последней четверти III тыс. до н. э. численный состав населения ямной культуры значительно возрос. Соответственно возросла и площадь поселений. Жилища из однокомнатных преобразовались в двух- трёхкомнатные. Основанием домов служил каменный цоколь, стены были глинобитные, а камышовую кровлю поддерживали углублённые в пол столбы.

В степи появились собственные центры добычи руды, выплавки и обработки металла: изготавливались ножи, долота, тесла, шилья. Широко применялся колёсный транспорт на бычьей и лошадиной тяге.

В степях юга России во второй половине III тыс. до н. э. в среде носителей ямной культуры сложились два крупных, великолепно защищённых каменной фортификацией ядра – «Михайловка» и «Скала-каменоломня». Михайловский центр, окружённый самой природой глубокими оврагами, с напольной стороны был обнесён двумя параллельными крепостными стенами, сложенными из известнякового камня с перевязкой шва.

Наряду с подобного рода центрами степняки создавали многочисленные небольшие поселения на холмах и островах.

В конце III тыс. до н. э. степи юга России покрылись большим числом курганов. Под насыпью устраивались четырёхугольные ямы с округлёнными углами, перекрытые сверху камнем, деревом и камышом. Края курганной насыпи обрамлялись рвом либо кругами из вертикально поставленных камней (кромлехи).

Таким образом, английские хенджи II тыс. до н. э., сооружавшиеся новыми пришельцами с востока и центра Европы, кровно близки культурной традиции степей юга России.

Вообще – вся европейская курганная традиция, получившая всеобъемлющий размах на континенте около середины IV тыс. до н. э., происхождением обязана индоевропейским кочевникам южнорусских степей, в свою очередь связанных с кочевниками Восточного Прикаспия, а благодаря им – и с древнейшими культурными и экономическими центрами юга Туркмении и Передней Азии. И, хотя Малая Азия, а с III тыс. до н. э. и Кавказ также служили мостами для указанного культурного влияния и даже прямого этнического вторжения из центров Передней Азии в Европу, всё же именно степи Восточной Европы были тем генеральным плацдармом, с которого происходили громадные вторжения индоевропейского населения на запад континента. Причём именно на просторах степей юга России формировалась особая индоевропейская культура; и даже внешность с присущей суровой кочевой жизни простотой и ясностью черт и с постоянным превосходством в силе, вооружении и подвижности. Просторы Нижнего Поднепровья, Подонья. Поволжья и юга Урала явились естественным природным горнилом, пять тысяч лет выковывавшим непобедимых и стремительных воинов, беспрестанно идущих на запад, для создания будущей великой европейской культурной общности, породившей западное этническое и языковое крыло индоевропейского мира Евразии.

К концу III тыс. до н. э. с ростом численности населения произошло обособление отдельных регионов ямной культуры, в которых возникали особые, присущие данному району черты ведения хозяйства, домостроения, производимых изделий и погребений.

Появились и плоские могилы под каменными плитами вблизи поселений в Поднепровье. Курганы – примета степная, ибо кочевник, не насыпав над погребением высокого земляного холма, никогда позже не отыщет могилы предков в бескрайнем море колышущихся, подымающихся до пояса трав и цветов. Это всё равно, что отыскать заветное место на дне морском, плывя по волнам.

Оседлый же житель, прочно поселившийся на одном месте, прокладывает тропинку к кладбищу и с неё уже не собьётся и могил предков не потеряет. Переход от курганов к плоским могилам указывает на определённое изменение былого полукочевого образа жизни на оседлый.

Впрочем, даже в центре и на западе Европы – вторгавшиеся из евразийских степей индоевропейские кочевники нередко в течение

целого ряда столетий переходили от странствий по долинам бассейнов Дуная и Рейна и создания многочисленных курганных групп к осёдлому ведению сельского хозяйства и строительству постоянно обитаемых посёлков и столь же постоянных кладбищ с плоскими грунтовыми могилами.

Начиная со второй половины III тыс. до н. э. степи Восточной Европы и азиатского Заволжья перестали быть просто бескрайними просторами суши с редкими кочевьями и отдельными очагами культуры и производства. С возникновением значительных укрепленных центров, своего рода степных столиц и каменных твердей Нижнего Поднепровья, Подонья, Поволжья, – Южная Россия превратилась в целостный этнический и культурный организм, подчинённый общим законам развития и объединённый общими религиозными, экономическими и военными интересами. Явственно обозначились составляющие степной индоевропейский мир провинции: южнобугская, среднеднепровская, нижнеднепровская, донецкая, приазовско-крымская, предкавказская, волжско-уральская и далее на восток – не относящиеся непосредственно к ямной культуре среднеазиатская и южносибирская (верховья Оби, Минусинская котловина).

Гаснувшие на глазах, задышающиеся в кольшущемся мареве чудовищной засухи, древние высокоразвитые центры юга Туркмении и севера Ирана в достатке снабжали Великую степь не только продукцией собственных производств (металлургия, керамика, текстиль), но и самими производствами, помогая в их организации и быстром развитии в крепнущих центрах севера.

Отсюда становится понятным необыкновенное обилие вооружений, украшений и орудий труда, в III тыс. до н. э. буквально наводнивших не только степи Евразии, но и земли центра Европы и север Балкан и имеющих непосредственными прообразами изделия центров Передней Азии и юга Туркмении.

Около конца III – в начале II тыс. до н. э. новый могучий поток идущих с востока индоевропейских кочевников влился в долины бассейна Северского Донца, чем было положено основание следующей эпохи в истории степей юга России, получившей название катакомбной культуры, но об этом несколько позже.

V. КУЛЬТУРА ШАРОВИДНЫХ АМФОР

Бурные события, сотрясавшие Европу всю первую половину III тыс. до н. э., привели к сложению новой индоевропейской культуры к северу от Карпат, первоначально зародившейся в верхнем течении Вислы и Одера и позже распространившейся до левобережной Эльбы на западе, до Десны на востоке и Нижнего Дуная на юге. Благодаря особенностям керамики культура получила название культуры шаровидных амфор.

Рождение новой культурной индоевропейской общности севера и востока Европы середины III тыс. до н. э. не было одномоментным событием. Культура складывалась в течение всех пяти веков развития и напоминала напластования остывающей людской лавы, слой за слоем ползущей к лесам и лугам Южной Балтики из бурлящих центра и востока Европы. В то же время культура шаровидных амфор сумела выработать настолько своеобразный почерк, что спутать её продукцию с изделиями иных европейских культур второй половины III тыс. до н. э. весьма трудно.

Как мы помним из предыдущего повествования, с середины IV тыс. до н. э. на северо-западе Европы развивалась одна из древнейших на западе Евразии ярко выраженных индоевропейских культур – воронковидных кубков. Причём на востоке границы данной культуры достигали запада Волыни и Галиции, на западе Голландии – юга Скандинавии, на юге – Австрии.

Грандиозный прорыв индоевропейских кочевников из степей юга России в центр Европы, произошедший в начале первой половины III тыс. до н. э., во многом положивший конец безраздельному господству средиземноморцев в центре континента, не только создал осёдлые общины вчерашних степняков на восточных и северных склонах Альп и на северо-западе Балкан, но и отбросил часть кочевников индоевропейцев в Карпаты, в район Верхней Эльбы (Лабы), Одера и Вислы.

Отсюда родство керамики культуры шаровидных амфор с керамикой культур степного ряда Восточной Европы и в первую очередь – с керамикой ямной культуры и с явными элементами более ранних культур среднего стога и нижнемихайловской.

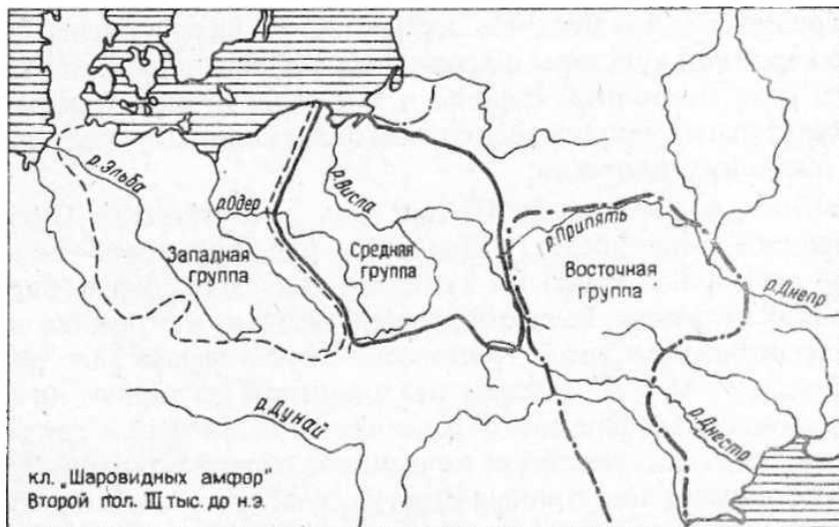
Напомним, что в середине III тыс. до н. э. междуречье Тетерева и Роси (правобережье Среднего Днепра) и ряд территорий Волыни и Подолии оставались занятыми чуждыми индоевропейцам общинами трипольской культуры. Высокий уровень развития и огромная численность населения создателей трипольской культуры (в ряде

районов более 10 человек на один квадратный километр) указывают на то, что многие районы правобережного Поднепровья были крайне труднопроходимыми для индоевропейских кочевников первой половины III тыс. до н. э. и проникновение степных культур левобережного Поднепровья к северу от Карпатских гор на первом этапе развития культуры шаровидных амфор главным образом шло из долины Среднего Дуная, то есть скорее с юга, нежели с востока.

Позже, в последней четверти III тыс. до н. э., посёлки угасающей культуры воронковидных кубков от Эльбы до Волыни были уже заняты носителями культуры шаровидных амфор. В этот период поселения трипольской культуры стирались степняками юга России. Как поток весеннего паводка увлекает стволы огромных деревьев, сметая на своём пути всё не способное крепко уцепиться за землю, так и индоевропейцы, создатели шаровидных амфор, вышли к исходному восточному пункту своего более чем пятисотлетнего похода – в лесостепи Среднего Днестра и в нижнее течение реки Десны.

Огромная территория, занятая на протяжении второй половины III тыс. до н. э. носителями культуры шаровидных амфор, разделилась на три провинции: западную, среднюю и восточную, каждая из которых обладала собственными чертами домостроения, погребений, ремёсел.

Наиболее древней из трёх явилась средняя провинция, охватывающая районы по течению Вислы, Западного Буга и верхнее и среднее течения Одера. Именно с территории средней провинции начались вытеснение и ассимиляция носителей культуры воронковидных кубков, являвшихся индоевропейскими аборигенами Северной Европы, пришельцами-кочевниками, идущими из Центральной Европы.

Население древних североευропейских посёлков, существовавших ещё с середины IV тыс. до н. э., постепенно сменялось на новое население с ярко выраженными индоевропейскими чертами.

Керамика пришельцев приобретала отличные от прежних, присущих им степных образцов, формы. Вновь занимаемые земли позволяли перейти от полукочевого образа жизни к ведению прочно оседлого хозяйства. Явными признаками этого явились широкое разведение свиней, строительство домов столбовой конструкции и изготовление новых форм посуды, не свойственных культурам степного круга. Появились керамические миски, форма и орнамент которых дожили до славянской Черняховской культуры юго-запада Руси III – IV вв. н. э. Верхнее тулово сосудов расширилось, словно их создатели не боялись расплескать содержимое в скитаниях от стойбища к стойбищу. Степная керамика IV – III тыс. до н. э. (культуры средний стог, ямыя), напротив, имела широкое нижнее тулово, а горло сосуда было сужено, как бы стремясь сохранить живительную влагу в бесконечных скитаниях. В то же время орнамент керамики культуры шаровидных амфор и культур степей юга России остался во многом близок. При этом керамика культуры шаровидных амфор содержит классический для индоевропейских культур Евразии шнуровой орнамент.

Вообще керамика Европы, начиная с середины IV тыс. до н. э. и особенно с середины III тыс. до н. э., как бы сближалась с керамикой юга Туркмении и Передней Азии, древней прародины общеиндоевропейских классических форм посуды. Горшки, чашки и миски, вышедшие из гончарных мастерских юга Туркмении V – III тыс. до н. э., представляют собой практически зеркальное отражение славянских форм керамики I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., что само по себе является одним из многих ярких свидетельств культурной общности и преемственности, казалось бы, столь далеко разнесённых по времени и месту цивилизаций. Индоевропейское население, устремляясь на запад Евразии и находясь в постоянных походах по бескрайним степям, сужало горловину сосудов. Достигнув, наконец, осёдлого пристанища в Европе, сначала воронкой, а позже и верхней частью тулова расширили верх сосудов, словно уже не боясь переездов и связанных с ними дрязг и неудобств по хранению продуктов.

В течение пяти веков индоевропейцы, носители культуры шаровидных амфор, последовательно занимали территории по всему течению рек Эльбы, Одера, Вислы, Западного Буга, Припяти, верховья Южного Буга, Днестра и Прута. Обратим внимание на то, что районы распространения славянских культур I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. практически абсолютно совпадают с районами, занятыми культурой шаровидных амфор середины III – начала II тыс. до н. э. А вспомнив при этом о потрясающем сходстве мисок и орнамента славянской Черняховской культуры и культуры шаровидных амфор, о ярко выраженных индоевропейских чертах носителей обеих культур, можно говорить о культуре шаровидных амфор как об одной из ранних европейских составляющих протославянской общности континента.

По мере развития осёдлого хозяйства (в круг которого входили – всё то же разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней и возделывание пашни), – численность новых индоевропейских пришельцев, с середины III тыс. до н. э. оседавших по Висле и Одери, неуклонно росла. А редкие, расчищенные ещё их предшественниками делянки (культура воронковидных кубков середины IV – середины III тыс. до н. э.) могли прокормить лишь ограниченное число жителей. Это предопределило занятие носителями культуры шаровидных амфор посёлков и территорий, принадлежавших не только создателям воронковидной керамики, но и носителям трипольской культуры, доведённым к концу III тыс. до

н. э. беспрестанными натисками пришельцев практически до полного рассеяния и уничтожения.

В Подолии и на Волыни произошла встреча уже вполне осёдлых индоевропейцев, давно строивших долговременные посёлки в долинах рек, с ещё кочевавшими собратьями, упрямо пробивавшимися сквозь земли средиземноморцев (трипольская культура) к Прикарпатыю из степей Северного Причерноморья.

На территориях западной и средней провинций культуры шаровидных амфор, занимавших бассейны Эльбы, Одера, Вислы и Западного Буга, пришедшие индоевропейцы, успевшие пережить на берегах Нижнего и Среднего Дуная переход от кочевого к полуседлому образу жизни, принялись за возведение больших прямоугольных или трапециевидных наземных или несколько углублённых в землю домов столбовой конструкции.

В западной и средней провинции преобладали грунтовые захоронения, почти без курганов и каменных гробниц. В восточной же провинции, сложившейся позже и занявшей на втором этапе развития культуры долины южных притоков Припяти и Среднее Поднепровье с устьем Десны, а также верховья Южного Буга, Днестра и почти весь бассейн реки Прут, строили небольшие овальные полуземлянки, что указывает на значительную подвижность населения из-за близости вечно беспокойной степи.

После окончательного разгрома трипольской культуры и полного смыкания восточной провинции культуры шаровидных амфор со степняками Поднепровья (ямная культура) началось проникновение кочевников индоевропейцев юга России не только в районы Центральной Европы (бассейн реки Дуная), но и непосредственное их продвижение на северо-запад Европы. Этим объясняется сходство распространённого в Подолии орнамента «рыбьей чешуи» и аналогичного орнамента на территории западной провинции культуры шаровидных амфор.

Одной из важнейших особенностей восточной провинции было возведение дольменов (каменных гробниц) на западе Волыни (площадь $0,8 \times 1,7$ м, высота погребальной камеры $0,6 - 0,9$ м) с ориентировкой погребений по линии восток-запад, что может указывать на общее направление движения населения. Аналогии волынским дольменам в западной провинции культуры почти отсутствуют.

В то же время на территории средней провинции (Польша) встречаются трапециевидные гробницы, сооружённые из камня.

Каменные дольмены культуры шаровидных амфор представляли собой родовые усыпальницы с большим числом разновременных захоронений. Центральная гробница дольмена служила местом погребения патриарха – главы рода. В несколько удалённых от центра могильника дольменах хоронили представителей рода.

Каменные гробницы Подолии имели прямоугольную или трапециевидную форму и ориентировку северо-запад – юго-восток, что опять может указывать на движение части степного населения юга России в северо-западном направлении. У головы погребённого оставляли керамические сосуды и кремневые топоры, погребальное облачение умершего изобиловало украшениями из янтаря, кости и камня.

В селе Иванье Ровенской области был найден янтарный, просверленный в центре диск, сам по себе изображающий солнце, на одной плоскости которого нанесён равносторонний крест, а на другой плоскости изображены три человеческие фигуры. Причём первая, и самая крупная, вооружена луком. Древние кресты цивилизации Передней Азии и юга Туркмении V – IV тыс. до н. э. не могли не иметь отражение в культуре и религии идущих на запад из степей Евразии индоевропейцев IV-III тыс. до н. э., ибо уже с середины III тыс. до н. э. перемещения на континенте приняли грандиозный характер и касались не только народов, но и основ их духовной и хозяйственной деятельности.

VI. РАННЯЯ ЭЛЛАДА. КИКЛАДЫ, КРИТ, КИПР, ТРОЯ

Могучий индоевропейский вал, ворвавшийся из степей Евразии в центр Европы в первой половине III тыс. до н. э., не мог не докатиться до берегов Эллады, будущей родины утончённой европейской культуры.

Мы помним о том, что около 2750 г. до н. э. на северо-западе Малой Азии была основана Троя I, ставшая западным форпостом древней переднеазиатской цивилизации Евразии. Несмотря на то что Троя явилась своего рода мостом между Европой и Азией и в определённом смысле предтечей Византии – основной поток индоевропейского населения шёл на юг Балкан в III тыс. до н. э. из степей Северного Причерноморья, ибо обладал несравненно более высокой степенью подвижности, нежели осёдлое население центров Передней и Малой Азии.

Итак, около середины III тыс. до н. э. широким индоевропей-

ским вторжением с севера и отчасти с востока, из Малой Азии, было положено начало эпохе ранней Эллады. С этого времени юг Балкан (полуостров Пелопоннес, провинции Фессалия, Македония), Кикладский архипелаг, острова Крит и Кипр вошли в единую индоевропейскую общность культур и цивилизаций Евразии как одни из наиболее ярких её проявлений. На возвышенностях у моря пришельцы принялись за строительство многочисленных поселений. Застройка велась тесная, стены домов сооружались из камня, кирпича-сырца на глиняном растворе и скреплялись деревянным каркасом. Тесная застройка городов и селений юга Туркмении и Ирана V – III тыс. до н. э. во многом походила на застройку расцветающих центров Эллады.

Отцветающий сад Передней Азии и юга Туркмении с середины III тыс. до н. э. активно засеивал культурными семенами новые, значительные по площади территории в Европе, особенно быстро их всходы появились и вызрели под ласковым солнцем Средиземноморья.

На полуострове Пелопоннес были созданы собственная медная металлургия, керамическое производство без применения гончарного круга, что указывает на их степную предысторию, причём в орнаменте присутствует отпечаток шнура. Шло активное разведение крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Повсеместно распахивалась земля под злаковые культуры, сажались сады и огороды. Одновременно налаживалась торговля с центрами Передней Азии, идущая через Трою. Погребения в Элладе совершались в каменных ящиках, и их форма была гораздо разнообразнее, чем на севере Европы.

Наряду с Пелопоннесом в III тыс. до н. э. расцвёл остров Крит. Тут – так же, как и на континенте, велось широкое строительство каменных зданий, скреплённых деревянным каркасом, развивалась медная, а несколько позже – и бронзовая металлургия, изготавливались украшения из золота. На Крите широко выделялись каменные сосуды. Остров вёл взаимный культурный и торговый обмен с Египтом.

Захоронения на Крите совершались в родовых каменных склепах, а с последней четверти III тыс. до н. э. появились индивидуальные погребения в каменных цистах-ящиках, причём умерший помещался либо в глиняном гробу-лорнаке, либо в сосуде-пифосе.

В конце III тыс. до н. э. на Крите возникло государство со

столицей в городе Кносс. Кроме того, на острове развивался ещё целый ряд городов. Население страны переживало время имущественного расслоения. Вершины гор украшались храмовыми постройками-святилищами. За стенами городских укреплений каменные многокомнатные дома теснились вокруг царственных дворцов.

Со второй половины III тыс. до н. э. на Крите применялось пиктографическое письмо, в конце тысячелетия трансформировавшееся в иероглифическое.

Культура Крита развивалась стремительнее не только центров Эллады, она во многом стала лидером и древнейшим преемником наиболее совершенных форм и технологий производящей экономики всей индоевропейской общности Евразии предыдущих эпох. Крит одним из первых в Европе принял эстафету от городских центров Передней Азии и юга Туркмении V – III тыс. до н.э.

С III тыс. до н. э. на Крите строили и эксплуатировали длинные лодки с высоким носом и низкой кормой. А с 2000 г. до н. э. на печатях (остров Крит) изображались трёхмачтовые корабли, оснащённые прямоугольными парусами. С развитием кораблестроения возрастал объём импорта, поступавшего из Египта и Передней Азии на Крит и во всю Элладу. Для перевозки грузов по суше использовались четырёхколёсные повозки, запряжённые быками. На Крите ранее иных мест Европы началось освоение бронзовой металлургии.

Наряду с Троей, центрами Пелопоннеса и Крита со второй половины III тыс. до н. э. в эпоху бурного развития вошли острова Кикладского архипелага (211 островов), расположенные в водах Эгейского моря. На островах Кея, Милос, Тира возникли протогорода. Находясь в центре средиземноморской торговли, Киклады быстро богатели. Для защиты от вероятных вторжений – города окружали каменными крепостными стенами.

Под надёжной защитой мощных укреплений в черте городов вырастали двухэтажные дома, сложенные из камня и скреплённые деревянными балками. Под домами, за деревянными перекрытиями, помещались кладовые с сосудами, наполненными маслом, винами, фруктами, злаками. Фасадом дома обращали к морю, а улицы мостили булыжником. Кроме того, возводились дворцы с прямоугольными помещениями в центре здания (мегароны).

Островитяне совершали погребения в прямоугольных или

трапециевидных каменных ящиках. Форма их напоминает дольмены Волыни и трапециевидные гробницы Польши второй половины III тыс. до н. э.

Со второй половины III тыс. до н. э. на острове Кипр, как и во всем Эгейском мире, произошли разительные перемены вследствие широкого вторжения индоевропейцев, в данном случае шедших с берегов Малой Азии.

На острове приступили к разработке медных рудников. Вскоре освоили выплавку бронзы. Керамика была близка кикладским образцам. Население, весьма многочисленное, возводило дома из кирпича-сырца на каменном фундаменте и занималось пахотным земледелием на воловьих упряжках.

Строились круглые погребальные камеры с ведущим в них коридором-дромосом, служащие долговременными фамильными склепами.

На остров поступали изделия из золота, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней. Кипр, в свою очередь, поставлял во все провинции Средиземноморья продукцию собственного производства.

Около середины III тыс. до н. э. индоевропейские кочевники проникли не только в Эгею и на Балтику, но и на Апеннинский и Пиренейский полуострова, положив тем самым основание металлургии юго-запада Европы. Однако настоящее освоение Апеннин и Пиренеев развернётся во II тыс. до н. э., и связано оно будет с новой волной индоевропейских кочевников-пришельцев из долин Верхнего и Среднего Дуная на периферию Европы, на юг Скандинавии, в Британию, на Пиренеи, Апеннины и Балканы.

VII. КУЛЬТУРА ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕЁ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ В КУЛЬТУРУ КОЛОКОЛОВИДНЫХ КУБКОВ

Зарождение нового, дотоле небывалого по мощи и размаху натиска подвижного индоевропейского мира юга России на всю лесную полосу севера Европы, длившегося несколько столетий (с 2200 г. по 1800 г. до н. э.), имело долгую предысторию, движимую могучими пружинами божественного провидения, определяющими ход мировых событий и смену земных эпох.

Вспомним о том, что ещё в V тыс. до н. э. междуречье Сред-

него и Нижнего Днепра и Дона населяли люди, отличавшиеся необыкновенной мощью и статью. В дальнейшем именно они, носители днепро-донецкой культуры V – IV тыс. до н. э., в значительной степени формировали тип индоевропейских народов континента, служа громадным этническим фильтром, пропускавшим подхлотившие с востока народы и открывавшим им ворота Европы после нескольких веков перерождения в горниле степей юга России.

Во второй половине V тыс. до н. э. в междуречье Днепра и Дона появились кочевники (культура средней стог), отличавшиеся необыкновенным пристрастием к разведению лошадей. Именно с их набегов началось проникновение степной курганной традиции в глубь Европы, в то время в значительной степени осёдлой и населённой народом, корни которого уходили в Средиземноморье.

Всадники культуры среднего стога явили собой великий пролог славной и бурной истории евразийских степей, из столетия в столетие не просто влиявшей на развитие народов Европы, Передней Азии или Индии, но всякий раз менявшей ход и направление цивилизации континента.

Вслед за первым валом рвущихся в Европу индоевропейских всадников с Нижней Волги из самых недр необъятной Евразийской равнины уже подходили новые потоки раз от разу всё более вооружённых металлом и искусённых в воинском искусстве кочевников. Великаны, носители днепро-донецкой культуры, отчасти смешались с пришедшими кочевниками, отчасти ушли в лесную полосу Восточной Европы, как позже не раз поступало и историческое славянское население, уступая на юге натиску чуждых этнически гуннов, аваров (тюрок), угров или монголов.

В то же время на огромных пространствах северо-востока Европы в V тыс. до н. э. были широко расселены протофинские племена охотников и рыболовов, создателей лесной ямочно-гребенчатой керамики и всего позднейшего ряда угро-финских культур севера Евразии, распространившихся от сибирской тундры до Лапландии на севере Скандинавии.

В V тыс. до н. э. начался долгий и сложный процесс взаимного проникновения и влияния индоевропейской и финской общностей Евразии, причём первая в лесных районах северо-востока Европы, как правило, характеризовалась созданием гребенчатой и накольчатой керамики, а вторая, финская общность лесной глуши, создавала ямочно-гребенчатую керамику. Протофинские охотники и рыболовы не были знакомы ни с пахотным земледелием, ни с жи-

вотноводством.

Наиболее ранняя гребенчатая керамика лесной полосы России середины V тыс. до н. э. близка керамике начального этапа развития днепро-донецкой культуры. Позже гребенчатая керамика лесной полосы России была весьма близка керамике Киево-Волынской провинции днепро-донецкой культуры. Таким образом, население лесной полосы Центральной России уже во второй половине V тыс. до н. э. являлось, в определённой степени, смешанным и состояло из охотников-протофинов и выходцев из южных лесостепных районов востока Европы, принадлежавших индоевропейской общности континента.

В дальнейшем леса северо-востока Европы подвергались многократным воздействиям и финской, и индоевропейской общностей, но преобладал всё же лесной финский элемент. И всё же индоевропеизация лесов Восточной Европы шла практически непрерывно и от тысячелетия к тысячелетию отвоёвывала всё новые, значительные по площади территории лесной полосы севера Евразии.

В начале IV тыс. до н. э. в лесостепи востока Европы вслед за носителями днепро-донецкой культуры начали проникать кочевники культуры среднего стога, шедшие на север из районов Приазовья и бассейна Северского Донца. Оставаясь прежде всего скотоводами, они и в условиях лесостепи и даже лесной полосы Восточной Европы стремились сохранить привычный уклад жизни и ведения кочевого хозяйства. Подымались к северу широкими поймами долин Днепра, Десны, Дона, Оки и Волги, позволявшими сохранять стада и в достатке обеспечить их кормами.

Во второй половине IV тыс. до н. э. и вплоть до рубежа IV – III тыс. до н. э. кочевники-индоевропейцы, населявшие бассейн Среднего и Нижнего Дона, также продвинулись к северу, пройдя долинами Десны, Оки, Дона и их притоков.

Так в лесной полосе Центральной России в III тыс. до н. э. сложилась культура смешанного характера с явной преобладанием в нижнедонских образцах керамики и изделий из камня и меди. В то же время этнический массив лесного охотничьего протофинского мира востока Европы окончательно не сдавал своих позиций, уступая южным пришельцам лишь поймы рек, столь богатые лугами, поросшими сочными травами, оставляя за собой глухие лесные массивы водоразделов.

Вместе с тем пропорции сосудов былого южнорусского типа в

лесах вытягиваются, у них появляются цилиндрические шейки. А начиная с середины III тыс. до н. э. в лесной и лесостепной области Восточной Европы широко распространилась шнуровая орнаментация керамики. В это же время в центре и на севере Восточной Европы шло параллельное развитие лесной протофинской волосовской культуры. Как и прежде, носители южных степных индоевропейских культур не оказывали существенного влияния на традиции аборигенов лесов верховьев Днепра, Оки и Волги. Северные лесные традиции во многом преобладали над южными и оказывали определяющее влияние на население лесной полосы Восточной Европы. Именно под северным влиянием сложилась ромбоямочная орнаментация керамики центра и севера России III тыс. до н. э.

А тем временем напор южных кочевников-скотоводов на север никогда не ослабевал, и постепенно в лесостепной и части лесной полосы России сложились многочисленные общности лесных протофинских охотников и рыболовов и индоевропейских пастухов-южан, живших на смежных территориях.

К 2200 г. до н. э. по мере роста напряжения в степях юга России, где неотвратимо возростал напор идущих на запад с равнин Восточного Прикаспия и Нижней Волги, подгоняемых засухой индоевропейских кочевников, резко усилилось давление бурлящей, подвижной степи на северные лесные районы Восточной Европы.

Перемещения на север активизировались ещё и потому, что правобережье Среднего Днепра с XXII в. по XVII в. до н. э. во многом оставалось в руках носителей средиземноморской трипольской культуры, этнически абсолютно чуждой индоевропейскому миру евразийской степи и во многом стеснявшей его продвижение на запад, в Центральную Европу.

Долгий процесс освоения индоевропейскими степняками юга России речных долин северо-востока Европы, служивших им магистральными путями, ведущими в необъятные малоосвоенные районы севера, к 2200 г. до н. э. вылился в рождение новой индоевропейской культуры, получившей название культуры шнуровой керамики, или боевых топоров, сыгравшей в дальнейшем выдающуюся роль в процессе индоевропеизации Европы и в сложении её современных языковых и культурных общностей.

Под ударами кочевников Нижнего Поволжья ямная культура юга России к концу III тыс. до н. э. угасла и сменилась новой, продвинувшейся с востока степной культурой общего индоевро-

пейского ряда, получившей название катакомбной – из-за обычая строить каменные погребальные камеры катакомбы под курганными насыпями. Процесс смены двух степных культур шёл долго, причём обе они во многом развивались параллельно, подчас смешиваясь, а иногда и вытесняя друг друга.

А на Нижней Волге и юге Урала тем временем уже формировалось новое объединение индоевропейских кочевников, которое к середине следующего II тыс. до н. э. оттеснило уже и саму катакомбную культуру далее на запад Европы.

При такой силе и интенсивности напора на юг Восточной Европы со стороны степей Евразии, а начиная с середины III тыс. до н. э. и с Кавказа, ставшего источником экспансии народов и культур Передней Азии (и в первую очередь Ирана) в Европе, не могло не произойти широчайшего и во многом вынужденного движения индоевропейских кочевников юга России на север в безопасные от набегов более подвижных и воинственных восточных соседей долины Верхней и Средней Волги, Оки, Днепра и далее на Западную Двину и берега Балтики, вплоть до Польши, Германии. Дании и юга Скандинавии. Тем более, что начиная с V тыс. до н. э. уже шёл долгий процесс приспособления жителей восточноевропейских степей к условиям лесной зоны Центральной России.

В последней четверти III тыс. до н. э. громадные стада крупного и мелкого рогатого скота и табуны лошадей, дотоле пасшиеся в южнорусских степях, были повёрнуты на север и широкими пойменными долинами русел Волги, Дона, Оки, Десны и Днепра поднялись в районы Верхней и Средней Волги, междуречья Оки и Волги и далее – на запад в Прибалтику, в Западную и Центральную Украину, Польшу, Германию, Швейцарию, а с 2000 г. до н. э. на полуостров Ютландию (Данию) и на юг Скандинавии.

Продвигающиеся в глубь лесных районов Европы пойменными долинами стада сопровождали не только конные и пешие пастухи, но и подымавшиеся по руслам рек дубовые ладьи длиной до 10 м, вмещавшие до десяти человек.

Отношения у пришельцев-пастухов с лесными обитателями северо-востока Европы (протофинами, – носителями волосовской культуры) складывались отнюдь не мирно, подчас заканчиваясь смертельными схватками.

На Верхней Волге, от устья реки Камы (район города Казани) до самого истока на Валдайской возвышенности, в последней четверти III тыс. до н. э. сложилась устойчивая общность пришедших с

юга пастухов-индоевропейцев, получившая название фатьяновской и балановской культур, входящих составной частью в общую европейскую провинцию культуры шнуровой керамики рубежа III и II тыс. до н. э. Всадники, пастухи-южане, устремившиеся под сень северо-европейских лесов, были вооружены луками и стрелами с кремневыми наконечниками степного типа, хранящимися в кожаных колчанах, и знаменитыми боевыми топорами, давшими наряду со шнуровым орнаментом название всей культуре.

В Поволжье и Поочье пришельцы нередко занимали обжитые лесными племенами охотников посёлки, пытаясь оттеснить аборигенов вглубь речных водоразделов, поросших дремучей, непроходимой для стада чащей. Это приводило к стычкам, в которых многие южане гибли от стрел теснимых местных жителей. После ухода пастухов охотники обычно вновь возвращались на привычные, издавна обжитые места у русел рек, а значит – и рыбных промыслов, составлявших важную статью их питания.

Южане-индоевропейцы привнесли в леса северо-востока Европы многие черты и навыки евразийской степной цивилизации. Начиная с V тыс. до н. э. носители днепро-донецкой культуры зародили начало керамического производства в лесной полосе Восточной Европы и в течение всего IV тыс. до н. э. стали складываться широкие общины скотоводов и земледельцев в долинах Верхней и Средней Волги, Оки, Десны, Западной Двины и выработалась целостная, уже не степная, а именно лесная индоевропейская культура востока Европы, оказавшаяся в дальнейшем способной покорить едва не весь север, а позже и запад континента.

До массового вторжения южан протофинские народы востока и севера Европы не были знакомы ни с пахотным земледелием, ни с животноводством, ни с металлургией. Надо сказать, что и после ухода основной массы южан-индоевропейцев на запад Европы лесные охотники не восприняли основ производящего хозяйства и вернулись к обычным для себя формам жизни и ведения в основном потребляющего дары природы нехитрого хозяйства.

Одной из характерных черт индоевропейской культурной общности, сложившейся в лесной полосе России в последней четверти III тыс. до н. э., был шнуровой орнамент, а во многом – и сама форма запечатлевшей её керамики.

С V тыс. до н. э. шла эволюция форм и орнамента керамики населения лесных пространств Восточной Европы.

Главными составляющими были протофинский элемент, соз-

давший остродонные сосуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией по всей поверхности, и южный степной индоевропейский элемент, тяготевающий наряду с круглодонными и даже остродонными формами всё же больше к классическим плоскодонным сосудам с орнаментацией лишь по верхнему тулову сосуда. В результате длительного взаимовлияния севера и степного юга Восточной Европы появилась новая форма керамики, до конца не принадлежащая ни одной из двух культурных традиций, но остающаяся прежде всего индоевропейской, сложившейся в лесной полосе России и восходящей к южнорусским степным культурам второй половины III тыс. до н. э. (ямная культура, катакомбная культура).

Нижняя часть тулова сосудов культуры шнуровой керамики вбирала скорее южную традицию плоскодонной керамики, классические образцы которой запечатлены ещё в памятниках юга Туркмении V – IV тыс. до н. э. и впоследствии нашли отражение в днепро-донецкой культуре V – IV тыс. до н. э., а с середины IV тыс. до н. э. и в культуре воронковидных кубков на северо-западе Европы.

Верх сосудов шнуровой керамики заимствовал скорее северную лесную традицию, открывающую верх сосуда расширением богато орнаментированного тулова.

Боевые каменные топоры с фасетками (*fasete* (фр.) – грань), сопровождавшие вторгающихся на север всадников, во многом являлись подражанием медным топорам степного юга. В условиях северных лесов постоянно перемещающиеся пастушеские общины не имели возможности организовать местные мощные металлургические центры и восполнили отсутствие металлического наступательного вооружения изделиями из камня.

Тем не менее, шёл поступательный процесс организации всех сторон производящей экономики степного юга России и в её лесных северных районах, включая развитие металлургии. Наиболее богатой металлом областью культуры шнуровой керамики конца III тыс. до н. э. явилось Верхнее Поволжье, непосредственно примыкавшее к степным районам Евразии и наиболее доступное для влияния юга. Ни в одном другом районе распространения осваивающих лесные пространства севера Европы индоевропейцев рубежа III – II тыс. до н. э. не осталось столь богатых межными, серебряными, янтарными украшениями и изделиями стоянок, как на Верхней и Средней Волге и её притоках, от устья Камы до озера

Селигер. Нет нигде и столь обширных и многочисленных могильников, оставленных носителями культуры шнуровой керамики в Европе, как на Верхней и Средней Волге.

Погребения совершались в ямах, облицованных или деревом, или камнем и, как правило, с курганной насыпью на поверхности. Умершего сопровождала керамика со шнутовым или геометрическим орнаментом, боевые топоры, изделия и украшения (спирали, бусы) из меди, серебра, янтаря. Обычно курганные группы составляли не более десяти насыпей, высота которых не превышала двух метров.

Великий исход индоевропейского степного мира в лесную полосу Восточной и Северной Европы обладал столь мощной силой и подвижностью, что в течение столетия, прошедшего с 2200 г. по 2100 г. до н. э., им была охвачена громадная трудно проходимая территория Центральной России, Прибалтики и Польши.

Одновременно в Галиции, на Волыни и в правобережье Среднего Поднепровья шёл активный процесс вытеснения средиземноморских носителей трипольской культуры индоевропейцами: с востока и севера – носителями культуры шнуровой керамики, с запада – создателями шаровидных амфор.

В лесостепях Галиции, Волыни и правобережья Среднего Поднепровья, в Польше идущие с востока обладатели боевых топоров и шнуровой керамики встретили этнически близкую им (но уже гораздо более осёдлую) культуру шаровидных амфор. А далее к западу на части территории Польши, в Германии, Дании и на юге Скандинавии обладатели боевых топоров и шнуровой керамики встретились с представителями давно пережившей расцвет культуры воронковидных кубков IV – III тыс. до н. э.

Энергия идущего с востока Европы потока индоевропейцев, вчерашних степных кочевников, ещё не утративших стремительности и воинственности, присущей евразийской степной стихии, не знала в Европе ни преград, ни даже близких по силе соперников, способных хотя бы ненадолго задержать рвущуюся на запад континента новую неистовую и неукротимую курганную культуру.

На территории Польши в 2200 – 1700 гг. до н. э. сложилась культура Злота, составившая сплав трёх эпох и трёх индоевропейских нашествий на север Европы: в середине IV тыс. до н. э., привнёсшего культуру воронковидных кубков, в середине III тыс. до н. э., породившего культуру шаровидных амфор, и последней

четверти III тыс. до н. э., породившего небывалый доселе натиск и широчайшее освоение именно лесных пространств севера Европы, получившего название культуры шнуровой керамики.

К 2000 г. до н. э. новое нашествие энергичных индоевропейцев, превосходящих местное население не только подвижностью, но и вооружением, достигло юга полуострова Ютландии (Дании) и начало втягиваться на юг Скандинавии. На скалистом побережье Северного моря движение потеряло динамику, и началось постепенное прочное оседание на землю и усвоение осёдлых форм земледелия и скотоводства. С приходом осёдлой жизни, мало по малу ушли в прошлое степные обычаи насыпать над погребениями курганы, и на юге Норвегии, Швеции и Финляндии могилы стали лишь обкладывать камнями.

В Германии, а именно в Саксонии и Тюрингии, обладатели боевых топоров и шнуровой керамики смешались с населением культуры шаровидных амфор и во многом подпали под влияние их давно осёдлой культуры.

Третий крупный вал индоевропейского нашествия на Европу, безусловно, явился очередным и заметным компонентом в сложении языковых и культурных общностей континента, хотя судьбы носителей культуры шнуровой керамики в различных районах Европы складывались по-разному.

В лесах России сложилась местная провинция общей культуры, названная фатьяновской и балановской культурами.

Именно индоевропейцы рубежа III и II тыс. до н. э. придали охотничьему миру протофинов тот этнический оттенок, который в дальнейшем позволил произойти безболезненному сближению славян и финнов в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

В лесах Финляндии и Эстонии индоевропейский элемент шнуровой керамики был растворён, практически не оставив следа ни в языке, ни в культуре местных финских охотников.

Зато на территориях Латвии и особенно Литвы носители культуры шнуровой керамики заложили основы будущей балтской языковой и культурной общности континента. Это следует из того,

что позже, пройдя рубеж III – II тыс. до н. э., Прибалтика уже не претерпевала сколько-нибудь полномасштабных вторжений ни индоевропейских, ни иных народов Евразии. Интересно отметить и то, что в языковой и культурный ареал балтского литовско-латышского и ятвужского мира – до широкого освоения славянами лесного массива востока Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – входили значительные пространства Белой Руси, Смоленщины и Верхнего Поочья (юхновская культура), а ещё в XII в. н. э. по рекам Угра и Протва (Калужская обл.), по свидетельствам русских летописей, жило племя Голядь, относившееся к восточнобалтской общности. Именно последствия нашествия носителей культуры шнуrowой керамики сложили балтский мир Восточной Европы.

Близость славян и создателей шнуrowой керамики видна из славянского и литовского (балтского) языков. Надо сказать, что она весьма велика и достаточно архаична и указывает на общий для двух языковых ветвей лингвистический уровень рубежа III – II тыс. до н. э.

Важно отметить, что общим для славянского и балтских языков явилось название пахотного орудия, изготовлявшегося из дерева – *ордла* или *рала* (происходящего от общего индоевропейского корня *орарь* – пахарь, *орат* – земледельческий округ), принадлежавшего ещё земледельцам Передней Азии и юга Туркмении V – III тыс. до н. э. и дожившего в Средней Азии до наших дней.

Кроме множества прочих соответствий, которые мы рассмотрим несколько позже, славянский и балтский языки объединяют слова: *sudzah, sidabz* (балт.) – *silubz* (герм.) – *subziara* (инд.) – серебро.

В IV – II тыс. до н. э. серебро в Европу поступало из центров Передней Азии, главным образом через Кавказ, и название этого металла было и осталось общим для большинства индоевропейских языковых групп континента.

После рубежа III – II тыс. до н. э. протобалтская и протославянская языковые зоны разошлись. Они снова взаимно наложились лишь в I тыс. до н. э. в эпоху освоения выплавки железа. При этом балтская группа населения, с III – II тыс. до н. э., крепко обосновавшаяся на северо-востоке Европы, переживала относительно спокойный период культурного обособления и формирования всех сторон хозяйства, языка и религиозных представлений, в то время как протославянская и в гораздо меньшей степени протогерманская

общности, благодаря естественной защищённости водами Балтийского моря, оставались весьма активной частью общего евразийского мира индоевропейцев; и их этнические, языковые и культурные основы, заложенные в V – III тыс. до н. э., ещё ожидали великие вторжения (и следующие за ними трансформации) родственных индоевропейских народов из степи, произошедшие во II тыс. до н. э. и привнёсшие не только определённые языковые изменения, но и целые культурные эпохи, сменявшие друг друга и складывавшие современную этническую и языковую карту Евразии.

VIII. КУЛЬТУРА КОЛОКОЛОВИДНЫХ КУБКОВ ЦЕНТРА И ЗАПАДА ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ III – II ТЫС. ДО Н. Э.

Культура шнуровой керамики или боевых топоров последней четверти III тыс. до н. э. – первой четверти II тыс. до н. э. накупила громадный этнический индоевропейский полог на северо-восток и север Европы, сыгравший в дальнейшем определяющую роль в сложении балтской общности континента и явившийся важной составляющей в сложении славянской и германской общностей Европы.

В то же время на судьбе Западной Европы культура шнуровой керамики отразилась не непосредственно, а трансформировавшись в центре Европы в новую, производную от себя культуру колоколовидных кубков. Родившись на центральноевропейской почве, новая культура отличалась от культуры шнуровой керамики большим изяществом и разнообразием форм сосудов и изделий из металла и камня, хотя природная глубинная сущность обеих культур оставалась общей и выражалась в высокой подвижности все тех же воинственных общин индоевропейских пастухов, по-прежнему гнавших на крайний запад Европы поймами рек огромные стада крупного и мелкого рогатого скота и табуны лошадей. Привычка, а скорее – необходимость, к постоянной перемене мест из-за обилия скота и вечной потребности в зелёном растительном корме вынуждала создателей колоколовидных кубков совершать громадные переходы, если и не ежедневно, как в степных районах Евразии, то по крайней мере еженедельно или ежемесячно. Это придавало культуре ту динамику и энергию, которые и позволили совершить продвижение вплоть до крайнего запада континента части третьей

большой волны индоевропейских завоевателей, зародившейся в лесостепной и лесной полосах России в последней четверти III тыс. до н. э.

К рубежу III и II тыс. до н. э. земли Среднедунайской низменности были уже достаточно давно заняты и освоены индоевропейцами, создателями баденской и родственных ей культур, надёжно оградившими свои владения от вторжений следующих за ними кочевников расположенными на трудно доступных холмах укреплениями ещё во второй четверти III тыс. до н. э. В то же время Западная Европа не имела развитой системы обороны и именно она явилась объектом дальнейшей экспансии третьей волны индоевропейского нашествия, катившегося по континенту.

Сложилась культура колоколовидных кубков в верховьях рек Вислы (район Кракова), Одера (выше Вроцлава), Эльбы (от Праги до Берлина) и Дуная (от Будапешта до истока в горах Северных Альп). Именно в долинах верховий перечисленных рек произошла трансформация восточноевропейской и североевропейской лесной культуры шнуровой керамики в восточную группу уже исключительно центрально- и западноевропейской культуры колоколовидных кубков, послужившую основой для дальнейшего движения воинственных всадников-пастухов на запад континента. При этом шнуровой орнамент и основы форм керамики, домостроения, хозяйства и погребальных обрядов остались практически неизменны и были донесены индоевропейцами вплоть до Британского архипелага.

Верховья рек Дуная, Рейна и Роны практически смыкаются, что позволило без особых на то усилий пастушеским общинам центра Европы переместиться в долины Рейна и Роны, в дальнейшем выйти к тёплым водам Французской Ривьеры и далее – на Пиренейский полуостров и острова Сардинию и Сицилию. Рейнская группа индоевропейских кочевников принялась не только за освоение долины Рейна и его притоков, но и проникла к югу от Альп в долину реки По, на север Апеннинского полуострова.

Впрочем, вскоре вновь освоенные долины западноевропейских рек перестали полностью удовлетворять энергичных воинственных пришельцев, и они продвинулись на полуостров Бретань на западе Франции и почти одновременно из устья Рейна и с атлантического побережья Франции совершили крупные морские вторжения на острова Британского архипелага. Продолжалось активное

освоение Пиренейского полуострова, и происходили высадки отрядов носителей культуры колоколовидных кубков на острова Сардиния и Сицилия.

Молниеносный натиск и превосходство в медном вооружении всадников, создавших колоколовидные кубки, украшенные всё тем же знаменитым оттиском шнура, привели в упадок мегалитические культуры индоевропейцев запада континента, возводивших, начиная с середины IV тыс. до н. э., потрясающие сознание каменные ансамбли. Причём вес отдельных плит достигал 50 тонн и более. В первой четверти II тыс. до н. э. угасла мегалитическая культура Сены-Уазы-Марны на севере Франции.

В Британии не лучшие времена переживала культура Уиндмилл-Хилл; ей было трудно противостоять агрессии воинственных и подвижных собратьев. Вскоре её городища и поселения заняли пришедшие с континента носители культуры колоколовидных кубков. Вместе с культурой Уиндмилл-Хилл угасла ещё одна древняя британская культура – Питерборо; её памятники также оказались перекрыты поселениями носителей культуры колоколовидных кубков. При этом индоевропейская экспансия рубежа III – II тыс. до н. э. коснулась не только земель Англии и Ирландии, но и Шотландии и даже расположенных к северу от неё Оркнейских островов. Здесь на рубеже указанных тысячелетий сложилась новая культура Райнио-Клектон, родственная культурам шнуровой керамики и колоколовидных кубков.

Пришельцы строили на островах Британского архипелага круглые и прямоугольные жилища, немного углублённые в землю. Стены возводились из плетня с обмазкой глиной. Стадо состояло из крупного рогатого скота и овец, что традиционно для Британии. Над погребениями согласно стойкой степной индоевропейской традиции насыпали круглые курганы. Очерченный уклад касался не только носителей культуры колоколовидных кубков на островах Британского архипелага, но и всей территории центра и запада Европы, занятой представителями данной культуры.

Мало-помалу, с течением десятилетий и веков, последствия нового нашествия индоевропейских кочевников на Европу улеглись, и недавние степняки принялись основательно обживать в среде этнически родственных предшественников, формы жизни и хозяйства пришельцев приобретали всё более осёдлый характер.

Когда могучий вал третьей волны рубежа III – II тыс. до н. э. (прокатившись по континенту из края в край и смяв предшест-

вующие культуры Европы, оставленные двумя ранними волнами индоевропейских нашествий) – улёгся, Европа приняла обновлённый (на первый взгляд – несколько сумбурный) вид.

При этом качественно более сильный и энергичный состав нового индоевропейского населения континента позволил в начале II тыс. до н. э. родившимся экономическим центрам Европы перейти от выплавки меди к выплавке бронзы, уже освоенной цивилизацией Передней Азии и юга Туркмении.

Это произвело своего рода взрыв всех сторон производящей экономики Европы и практически выравняло её со старшей и во многом этнически родственной переднеазиатской и южнотуркменской метрополией VIII – III тыс. до н. э.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТА II ТЫС. ДО Н. Э.

I. ЕВРОПА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО Н. Э.

Рассмотрим положение дел на Европейском континенте на протяжении первой половины II тыс. до н. э. Как мы помним, великое индоевропейское нашествие рубежа III – II тыс. до н. э. на Европейский континент, оставившее по себе археологическую культуру шнуровой керамики, в центре и на западе континента в 2000 – 1700 гг. до н. э. вылилось в рождение и развитие культуры колоколовидных кубков и её дальнейшую экспансию вплоть до Ирландии, Пиренеев и Сицилии.

Преемником угасавшей в первой четверти II тыс. до н. э. мегалитической традиции запада Европы с 1900 г. до н. э. становятся знаменитые британские хенджи. Наиболее крупным и загадочным среди них явился Стоунхендж, – древняя обсерватория и храм одновременно на юго-западе Англии.

Вторгшиеся на рубеже III – II тыс. до н. э. на острова Британии носители культуры колоколовидных кубков являлись не единственными их обитателями. По-прежнему индоевропейские создатели уиндмилхиллской культуры оставляли за собой часть древних городищ Южной Англии, построенных их предками ещё тысячу лет назад. Жили на островах Британии и представители теснимой на континенте старинной культуры воронковидных кубков середины IV – III тыс. до н. э. Кроме того, начиная с рубежа III – II тыс. до н. э. от северных Оркнейских островов до юга Англии развивалась близкая культуре колоколовидных кубков также пришедшая с континента вместе с потоком этнических индоевропейцев культура Райнио-клектон.

Вчерашние кочевники, прошедшие в течение двух столетий континент с востока на запад, от Средней Волги до Солсберийской равнины на юго-западе Англии, привнесли в Европу новое дыхание могучей степной индоевропейской культуры Евразии.

Главным средоточием мегалитических и курганных сооружений Британии на протяжении III тыс. до н. э. и в первой половине II тыс. до н. э. была Солсберийская равнина на юго-западе Англии,

вбирающая верховья рек Эйвон и Кеннет (приток реки Темзы). В верховье реки Кеннет, в местечке Уэст-Кеннет, расположено знаменитое городище Уиндмилл-Хилл, давшее название соответствующей культуре 3000 – 2000 гг. до н. э.

В 2000 г. до н. э., несмотря на крупномасштабное вторжение, не прервалась местная тысячелетняя традиция Уиндмилл-Хилла сооружения длинных погребальных курганов. Около 2000 г. до н. э. в Уэст-Кеннете выстроили насыпь длиной 107 м, восточное её окончание имеет 30 м ширины, западное – 15 м. По обе стороны от склонов на расстоянии 18 м тянутся два рва, поставившие дроблёный мел для насыпи, скрывающей сареновые камни, составляющие основание гробницы. В восточном конце кургана шёл центральный коридор к пяти погребальным камерам (две по сторонам и одна в конце коридора). В течение трёх столетий функционирования длинного уэсткеннетского кургана в нём было совершено 30 разновременных захоронений, включая десять детских. Погребения сопровождалась керамическими сосудами.

Ширина находящейся внутри уэсткеннетского кургана гробницы вместе с камерами достигает 11 м, длина 18 м, высота внутри помещения 2,4 м. Максимальный вес камней гробницы 20 тонн.

Постепенно на смену длинным фамильным курганам уиндмиллхиллской культуры с начала II тыс. до н. э. пришли индивидуальные круглые курганы носителей культуры колоколовидных кубков. Чаще всего они представляли собой круглую земляную насыпь, обрамлённую рвом. Иные из них выше, и между краем насыпи и рвом идёт кольцевой вал с плоским верхом, а иногда и по внешней стороне рва насыпался вал. Под такими курганами обычно погребали мужчин. А под небольшими холмиками, окружёнными рвом и наружным валом, хоронили женщин.

Если погребения в длинных курганах уиндмиллхиллской культуры III тыс. до н. э. содержали незначительное количество предметов материальной культуры, то захоронения под круглыми курганами в первой половине II тыс. до н. э. отличались богатством инвентаря, представленного оружием, украшениями, керамикой.

Прошедшие Европу с востока на запад создатели круглых курганов Англии первой половины II тыс. до н. э. создали прочные торговые, культурные и языковые связи не только с центрами средиземноморского юго-запада Европы, но и с населением Эллады и Северного Причерноморья.

Дело в том, что около 1900 г. до н. э. земли полуострова Пелопонес (Греция), город Троя, острова архипелага Киклады пережили второе в своей древнейшей истории эпохальное вторжение индоевропейских кочевников, положившее конец развитию ранней Эллады и явившееся началом среднего этапа развития Эллады. Природа и истоки вторжений в центр и на юг Европы рубежа III – II тыс. до н. э. были схожи и коренились в степях Евразии.

Около 1900 г. до н. э. в районах Центральной Европы наступила эпоха бронзы, – время развитых торговых, культурных и экономических связей во многом однородного индоевропейского населения, привнесённого вторжением на рубеже III – II тыс. до н. э. в самые отдалённые уголки континента и наслоившегося на более древние индоевропейские культуры IV – III тыс. до н. э.

Острова Британского архипелага, являясь составной частью общеевропейского торгового, хозяйственного и этнического мира первой половины II тыс. до н. э., в то же время во многом благодаря удалённости от континента стали одной из наиболее архаичных и традиционалистских его провинций, местом следования наиболее глубоким и ортодоксальным традициям вчерашнего степного индоевропейского мира. Причём тенденция консерватизма Британского архипелага, в особенности Ирландии, Шотландии, Уэльса и юго-запада Англии, сохранилась в следовании курганным и мегалитическим традициям рубежа III – II тыс. до н. э. вплоть до железного века (VIII в. до н. э.) и далее, отражаясь в языке, легендах, архитектуре и в самой природе островитян.

Остановимся подробнее на мегалитической культуре Британии бронзового века. Немногие памятники древности указывают на глубину знаний их создателей, подобных познаниям строителей британских хенджей.

На Солсберийской равнине, в радиусе 35 км вокруг наиболее знаменитого и загадочного Стоунхенджа, расположено около 350 памятников III – II тыс. до н. э., основу которых составляют погребальные курганы. Сам комплекс Стоунхенджа начал строиться около 1900 г. до н. э. и сложился окончательно к 1500 г. до н. э. В то же время он имел ряд предшественников и параллельно сооружаемых и действующих комплексов. Одним из них был Вуд-Хендж, находящийся в трёх километрах к северо-востоку от Стоунхенджа.

Он представлял круг диаметром около 60 м, огороженный вром и внешним валом. Внутри круга располагались два верти-

кально стоящих камня и шесть концентрических колец, составленных из деревянных столбов. Видимо, верх Вуд-Хенджа был увенчан кровлей, представлявшей собой громадный шатер.

В 27 км к северу от Вуд-Хенджа, в верховье реки Кеннет, на холме Овертон-Хилл расположен подобный памятник-святилище. Тут также высились шесть колец деревянных столбов, позже заменённых каменными, и окончательный вариант хенджа на Овертон-хилле представлял собой два концентрических кольца из вертикально поставленных сарсеновых камней. Диаметр внутреннего кольца 4,2 м, внешнего – 41,2 м.

Тогда же было воздвигнуто два ряда сарсеновых камней, обрамлявших аллею шириной 6,1 м, идущую от святилища на Овертон-Хилл до расположенного в 2,5 км к северо-западу громадного каменного комплекса Эйвбери. Находящееся на его месте селение Эйвбери, дома которого частью сложены из камней, составлявших святилище первой половины II тыс. до н. э., во многом уничтожило древний памятник. Но опоясывавшие по периметру сооружение валы и рвы, сохранившиеся до наших дней, и оставшиеся стоять отдельные камни дают достаточно ясное представление о том, как выглядело святилище во II тыс. до н. э.

Комплекс Эйвбери начал создаваться с сооружения двух каменных кругов, диаметр обоих около километра, расстояние между внешними сторонами кругов около – 15 м, а центры кругов располагались на линии с–с-з – юго–юго-восток. Возможно, сооружался и третий круг – в 50 м к северу по той же оси. Тогда же вели строительство и упомянутой аллеи, соединявшей святилище Овертон-Хилла с центром в Эйвбери.

Северный из двух кругов Эйвбери включал 30 вертикально стоящих камней, ныне из них сохранилось четыре. Вблизи его центра находилось сооружение, составленное из трёх, стоящих под прямым углом друг к другу, больших камней. Четвёртой, открытой стороной оно ориентировано на северо-восток. Второй, южный круг Эйвбери включал 32 камня, из них сохранились пять и центральный камень высотой в 6,4 м.

На втором этапе строительства оба круга Эйвбери окружили рвом с отвесными стенами и плоским дном, диаметр которого около 380 м. Снаружи рва, в 4,5 м от его внешнего края, насыпали вал, отделив его от рва кольцом из дроблёного мела. По внутренней границе рва воздвигли кольцо из сотни сарсеновых камней весом до 40 тонн. По четырём сторонам кольца были устроены четыре входа.

Время строительства второй очереди Эйвберийского святилища – около 1750 г. до н. э., что указывает на одновременность с сооружением Стоунхенджа. Камни Эйвбери, в отличие от камней Стоунхенджа, не обрабатывались, но подбирались по форме и ставились через один: высокий и широкий ромбовидный. Кольцо из вала, рва и камня Эйвбери почти втрое превышало ширину кольца Стоунхенджа.

Ещё один хендж, диаметр которого превышает Эйвберийский и составляет около 450 м, расположен в 100 м к северу от Вудженджа и известен под именем Даррингтонские стены. В данном случае сохранились ров и окружающий его вал.

В верховьях реки Кеннет, неподалёку от Эйвбери и Уиндмилхиллского городища, расположен упомянутый выше знаменитый курган Силбери-Хилл (25 км к северу от Стоунхенджа). Конический холм высотой почти в 40 м, занимает территорию в 2,2 гектара. Основанием ему на четверть высоты служит северная оконечность мелового останца, на три четверти холм насыпан из дроблёного мела, взятого из рва глубиной в 6 м, огибающего холм с севера и уходящего на запад. При сооружении кургана Силбери-Хилл использовано около одного миллиона кубометров мела.

В километре к северу от Стоунхенджа, по линии восток-запад, расположена загадочная площадка около 90 м в ширину и 2,8 км в длину. По сторонам она ограничена рвами и валами. На востоке площадка завершается длинным могильником, а на западе, расширяясь до 132 м, она охватывает два круглых кургана и завершается.

II. СТОУНХЕНДЖ

Несомненно, самым знаменитым и таинственным хенджем Британского архипелага стал Стоунхендж. Он создавался в период с 1900 г. по 1500 г. до н. э.; и строительство его осуществлялось в три этапа.

На первом, начало которого пришлось на 1900 гг. до н. э., был вырыт кольцевой ров с двумя валами по обе стороны от него. На северо-востоке кольцо из рва и валов было оставлено разомкнутым. Два камня были установлены на неразрытом участке кольца, а в 30 м, немного сместив к юго-востоку от оси входа в кольцо, установили знаменитый «пяточный» камень, представляющий собой песчаник, весом в 35 тонн, называемый сарсеном и обрамлённый рвом, заполненным мелом.

По внутреннему периметру большого кольцевого вала было вырыто 56 лунок (лунки Обри), среди которых было установлено четыре опорных камня, образующих прямоугольник. Диаметр внешнего вала хенджа 115 м, ширина вала 2,5 м, высота 50 – 80 см. По его внутренней границе шёл ров, сразу за которым высился внутренний вал диаметром около 100 м. ширина его 6 м, высота 1,8 м.

Около 1750 г. до н. э. был начат второй этап строительства Стоунхенджа. Было установлено 82 голубых камня весом до 5 тонн каждый, доставленных с гор Преселли в Уэльсе, составивших два круга диаметром около 10,5 м. На северо-востоке, по направлению к пяточному камню, был устроен вход, отмеченный установкой дополнительных мегалитов. Кроме того, был расширен старый вход на северо-востоке и устроена «аллея» шириной в 12 м, окаймлённая по сторонам валами и рвами, служащая одновременно и древней дорогой, идущей к реке Эйвон. Вероятно, именно по этой «аллее» доставляли привезённые по реке камни.

Около 1700 г. до н. э. был начат третий этап строительства Стоунхенджа, совпавший с широким распространением бронзолитейной металлургии на крайнем западе континента. В Южной Англии наступление бронзового века совпало с расцветом культуры Уэссекс, принесённой следующим за носителями культуры колоколовидных кубков индоевропейским нашествием с берегов Бретани (запад Франции). Новые завоеватели значительно интегрировали британский архипелаг в систему общеевропейской торговли, включавшей как центр Европы с его развитой металлургической провинцией, так и эллинский (Эллада, Крит) и восточно-средиземноморский миры.

Третий этап строительства начался с того, что был разобран двойной круг голубых камней, установленный на втором этапе строительства. Вместо них установили 81 сарсеновый камень, доставленный из Марлборо-Дауне, откуда был взят ещё пяточный камень.

Однако новые мегалиты устанавливались уже иначе. Вокруг центра хенджа возвели разомкнутую подкову из пяти трилитов (два вертикально поставленных камня и третий, лежащий на них сверху горизонтально, составляют трилиты Стоунхенджа).

Далее вокруг внутреннего ансамбля установили кольцо из 30 камней, покрытых сверху горизонтально лежащими плитами. Подкова трилитов размыкалась к северо-востоку по направлению к

пяточному камню и ориентировалась по нему на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Самый большой камень Стоунхенджа весит 50 тонн. Уложенные поперечно плиты имели углубления, лежащие на каменный шип, торчащий из вертикально стоящих камней.

В завершение строительства был установлен овал голубых камней снаружи и изнутри сарсенового кольца и сооружена подкова из голубых камней внутри сарсеновой подковы из трилитов.

Окончательно сложившийся к 1650 г. до н. э. ансамбль Стоунхенджа выглядел следующим образом: идущая от реки Эйвон аллея, увенчанная пяточным камнем, заканчивалась в пределах большого кольца из внешнего и внутреннего валов и рва; далее по окружности располагались лунки Обри с четырьмя опорными камнями, а внутри их последовательно шли: сарсеновое кольцо с поперечно лежащими на нём плитами, кольцо из голубых камней, сарсеновая подкова, также увенчанная поперечно лежащими плитами, и внутри неё – подкова из голубых камней.

На территории Англии и Шотландии находятся сотни каменных колец диаметром от двух до ста и более метров. Примерно полтора ста из них хорошо сохранились до наших дней. Время их создания приходится на начало II тыс. до н. э. Одно из их местных названий – «Турсакан», что в переводе с гельского (кельтского) означает "плакальщики", и является смысловым соответствием названию каменных курганов – «Жальников» на северо-западе России.

Так что же означало сооружение Стоунхенджа, каким целям был призван служить знаменитейший хендж Британского архипелага первой половины II тыс. до н. э.

Прежде всего – следует сказать о том, что основным назначением Стоунхенджа было не только определение календарной смены времён года, месяцев и недель, но и предсказание «эпох» солнечных и лунных затмений.

Главным ориентиром астрономического комплекса Стоунхенджа является пяточный камень, приходящийся на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния – при наблюдении из центра Стоунхенджа. Арками и камнями также выделены точки восхода и захода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия и зимнего солнцестояния. Стоунхендж построен на широте, где солнце и луна в крайних положениях, восходят и заходят в направлениях, находящихся под прямым углом друг к другу.

Наиболее схожим со Стоунхенджем памятником Британского архипелага данной эпохи является Каллениш. Он расположен на острове Льюс, являющийся северным островом Внешних Гебридских островов, находящихся к северо-западу от Шотландии. Сам Каллениш состоит из кольца, содержащего 13 вертикально стоящих камней с одним в центре, аллеи и ряда иных стоящих камней. В Калленише отмечено 10 направлений, указывающих на крайние положения солнца и луны при восходе и заходе светил. Использовался Каллениш во многом для тех же целей, что и Стоунхендж.

Хенджи Британии входят в общую индоевропейскую культурную провинцию Евразии как одно из наиболее замечательных и глубоких её проявлений. Сознание зрителя потрясает не столько мощь доставленных за десятки километров от места добычи мегалитов, сколько глубина астрономических познаний их строителей. Стоунхендж, являющийся древнейшей из известных обсерваторий мира, создавался во времена сложения Ригведы – сборника духовных гимнов кочевого индоевропейского мира евразийских степей с центром на юге Урала.

В ведических гимнах отражено учение о сотворении мира и его космических законах. Мегалиты Стоунхенджа, установленные выходцами из степей юга России, Урала, Сибири и Средней Азии, ещё долго насыпавшими в Англии те же круглые курганы, что и в степях Евразии, выразили космогонические знания своих создателей, глубина которых сопоставима разве что с отдельными гимнами Веды.

С окончательным падением трипольской культуры юго-запада России, в первой четверти II тыс. до н. э., служившей последним оплотом осёдлой земледельческой средиземноморской цивилизации центра Европы VII – II тыс. до н. э., на всём пространстве Европы и части Азии от Британии до гор Алтая и Загроса (юг Ирана) – возникла молодая индоевропейская цивилизация, наследница древнейших культур Передней Азии и юга Туркмении VIII – III тыс. до н. э., хотя и заимствовавшая из его центров определённые основы экономики и этики, но живущая уже по собственным законам, родившимся в бескрайних степях юга России, Урала, Сибири и долины Турана.

Подвижность индоевропейской курганной стихии Евразии объединила воедино столь отдалённые провинции континента, как северо-запад Индии, Британский архипелаг и город Микены на полуострове Пелопоннес.

Хотя в разных уголках континента степная евразийская природа проявлялась, как казалось, по-разному, однако части её составляли единое целое, объединённое не только курганной традицией, но и древнейшим руническим и иероглифическим письмом, языком и общим морально-религиозным кодексом жизни.

III. УНЕТИЦКАЯ КУЛЬТУРА. БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО Н. Э.

К 1800 г. до н. э. индоевропейские кочевники, носители культуры колоколовидных кубков, занимавшие долины Верхней Вислы, Одера, Эльбы и Дуная, перешли к осёдлому образу жизни и ведения хозяйства примерно с равным соотношением земледелия и скотоводства. Сложившаяся (после смешения старого и нового индоевропейского субстрата центра Европы) культура получила название унетицкой. На севере и востоке новая культура соседствовала со своими вчерашними сородичами, носителями культуры шнуровой керамики. На юге, в районе Карпатской котловины, обитали пришедшие из евразийских степей несколько более отдалённые, но также близкие по языку, культуре и экономике индоевропейские народы.

Время, прошедшее с 1800г. по 1550 г. до н.э., хотя и сопровождалось рядом локальных перемещений отдельных индоевропейских групп на континент (вторжение с берегов Франции в Англию, произошедшее около 1700 г. до н. э. и породившее богатую культуру Уэссекс на юге Англии), всё же оказалось временем сравнительно стабильного сложения основ бронзового века Европы и развития (а в ряде мест и закладки) культурного и языкового своеобразия отдельных её областей и этнических общностей.

И хотя во второй половине II тыс. до н. э. Европу будут сотрясать новые величайшие вторжения, шедшие из евразийской степи, во многом окончательно сложившие своеобразие будущих ярчайших этносов и культур континента, основы, заложенные в первой половине II тыс. до н. э., такие как строительство Стоунхенджа, расцвет Крито-Микенской цивилизации, будут всегда в дальнейшем являться серьёзнейшим фактором будущего развития индоевропейской цивилизации Европы.

Поселения строили на холмах, высящихся среди плодороднейших долин Центральной Европы, и нередко были системы

обороны из рвов, валов и деревянных частоколов. Дома возводили на основе деревянных каркасов и строили также полуземлянки. Средняя сельская община посёлка составляла два десятка человек. Сам посёлок существовал около ста лет, после чего его местоположение менялось.

Ремесленники унетичкой культуры занимались изготовлением множества металлических украшений, в том числе ставших позже классическими в среде кельтов и славян шейных гривен и височных подвесок из медной проволоки. Metallурги и ювелиры центра Европы первой половины II тыс. до н. э. использовали технику литья, в то время как рядом в Баварии преобладалаковка.

Изделия, производимые в центрах унетичкой культуры, поступали на острова Британского архипелага, на юг Скандинавии, во Францию, на Апеннинский и Пиренейский полуострова. В прилегающих к землям унетичкой культуры территориях распространялось не только её население, но и её экономическое влияние, вылившееся в сложение ряда близких ей культур. Так, к западу от Средней Эльбы около XVII в. до н. э. сложилась общность вышедших из долины Верхней Эльбы индоевропейских пастухов, так и не перешедших к созданию осёдлых земледельческих поселений.

Их культура получила название лейбингенской и явилась германской провинцией унетичкой культуры. Полукочевой народ, носитель лейбингенской культуры, в отличие от своих центральноевропейских родственников, перешедших к прочной осёдлости и хоронивших в каменных цистах без курганов, продолжал древнюю степную традицию курганных погребений, создавая комплексы, включавшие деревянную камеру с труположением, сопровождавшимся богатым инвентарём, и внешнюю конструкцию из камней и земли, высота которой достигала 7 м, а диаметр 35 м.

Наиболее ранними местами сложения унетичкой культуры как самостоятельного и яркого явления были верхнее течение Дуная, в районе устья реки Моравы, и окружающие склоны Карпат и Восточных Альп. Унетичкая культура расцвела и стала центром бронзовой металлургии Европы благодаря выгодам, полученным населением Верхнего Дуная при сложении торговых и экономических связей на континенте в первой половине II тыс. до н. э. Близость месторождений металлов в Рудных горах, западных Карпатах, в Северных Альпах обеспечило прочную сырьевую базу нарождающейся центральноевропейской металлургии. Сплав достигшей степной евразийской, эгейской, центральной и западно-

европейских культур позволил жителям верховьев Дуная, Вислы, Одера и Эльбы при условии достаточно долгого, не потревоженного крупными внешними вторжениями развития к 1550 гг. до н. э. создать первую, ярчайшую в Центральной и Западной Европе индоевропейскую культуру с собственной мощной бронзолитейной металлургией, обеспечившей, в свою очередь, успешное развитие всех иных отраслей производящей экономики.

Дунай превратился в крупную транспортную артерию, пропускающую в центр, на север и запад Европы изделия из Эллады, Малой Азии, Северного Причерноморья, с Кавказа, Ирана, юга Туркмении и Египта. С севера Европы, опять же по Дунаю, с Балтики шли янтарь, пушнина, бронзовые изделия.

Первоначальные границы унетицкой культуры к середине II тыс. до н. э. расширились и включали значительные территории Чехии, Моравии, Словакии, Нижней Австрии, Верхней и Нижней Лужицы, южной и Центральной Польши, Саксонии и ряд областей Германии на Верхней и Средней Эльбе. Рост территорий был обусловлен увеличением населения, переживавшего мирную эпоху успешного освоения и развития производящей экономики.

На Верхнем Дунае и в долине его правого притока реки Изар сложилась Баварская провинция центральноевропейской культурной общности первой половины II тыс. до н. э., названная штраубингской культурой. Отличие её от унетицкой выражалось в преимущественной ковке металла, а не в литье.

На Среднем Рейне осевшие на землю кочевники рубежа III – II тыс. до н. э., некогда являвшиеся носителями культуры колоколовидных кубков, в первой половине II тыс. до н. э. составили адлербергскую культуру, входившую в центральноевропейскую бронзолитейную провинцию, хотя и бывшую её достаточно слабо развитой периферией и являвшуюся скорее посредницей в торговле между центром и юго-востоком (Крит, Микенны) Европы и её британской и скандинавской окраинами.

Наряду с освоением бронзолитейной металлургии, особый подъём которой в Центральной Европе пришёлся на 1550 – 1500 гг. до н. э., продолжалось совершенствование приёмов сельского хозяйства и промышленного скотоводства. Именно в первой половине II тыс. до н. э. наметился широкий переход от деревянного рала-ордла к металлическому плугу. Благодатный климат и плодородные почвы центральной Европы позволяли год от года всё более расширять посевы ржи, пшеницы, овса, ячменя. Как и пре-

жде, занимались широким разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей. При этом никогда население не забывало охоты и рыбной ловли.

Активные контакты с эгейским, степным и переднеазиатским мирами первой половины II тыс. до н. э. обогатили Центральную Европу не только передовыми технологиями по производству бронзы, керамики, тканей, но включили её в общую индоевропейскую систему совершенствования и динамичного развития всех сторон производящей экономики Евразии, накопившей к тому времени гигантский культурный и производственный потенциал.

Северо-западным флангом индоевропейской цивилизации Европы первой половины II тыс. до н. э. являлись культуры Британского архипелага, около 1700 г. до н. э. вновь, как мы отмечали выше, пережившего вторжение с континента на юг Англии, где в результате этого сложилась ведущая общеевропейскую торговлю богатая уэссекская культура. Причём в самой Бретани (запад Франции) развивалась родственная уэссекской армориканская культура, явившаяся плацдармом для вторжения на юг Англии в 1700 г. до н. э., а в дальнейшем ставшая ближайшим континентальным посредником в её европейской торговле. В Бретани насыпали те же круглые курганы, что и на юге Англии. Население атлантического побережья Франции первой половины II тыс. до н. э. обладало значительным числом медных и бронзовых орудий и украшений и в их числе шейными гривнами.

В Ирландии, Шотландии и на северо-востоке Англии около 1650 г. до н. э. сложилась культура Food Vessel, основу которой составили охотники, населявшие Британский архипелаг ещё в IV тыс. до н. э. (культура Питерборо) и смешавшиеся с ними пришельцы рубежа III – II тыс. до н. э. из Бретани и Нижнего Рейна, носители культуры колоколовидных кубков. Интересно то, что под круглыми курганами носители культуры Food Vessel иногда совершали погребения в выдолбленной из цельного ствола колоды в форме ладьи. Обычай сжигать умершего в ладье присущ скандинавам и отчасти славянам VII – XI вв. н. э.

Наряду с традиционным для Ирландии, Шотландии и северо-востока Англии пастушеством с каждым годом на островах архипелага всё шире распространялось земледелие.

В Ирландии во второй четверти II тыс. до н. э. сложился едва ли не мощнейший на всём западе Европы металлургический центр, поставлявший на континент многочисленное бронзовое вооруже-

ние, разнообразные украшения из золота, меди. Среди них – золотые шейные украшения лунулы (lunulae), близкие славянским лунницам.

Население Англии серьёзно выигрывало, являясь участником обмена или торговли между Ирландией с её изделиями из золота и меди и продукцией собственной металлургии, базирующейся на олове Корнуэлла и изделиями, идущими из Восточного Средиземноморья (Кипр, Крит, Микены), из Центральной Европы (бронза унетической культуры) и с берегов Балтики (янтарь).

В первой половине II тыс. до н. э. общество земледельцев и скотоводов Британского архипелага в значительной степени расслоилось по имущественному признаку. В нём появились слои, являющиеся прообразом будущего полувоенного купечества. Широко представительство ремесленников-кузнецов, гончаров, скорняков и др. Кроме того, традиционно широкий слой жрецов – хранителей сокровенных знаний, передающихся устно из поколения в поколение на протяжении тысячелетий. Комплекс Стоунхендж, являющийся одновременно и обсерваторией, и храмом, и солнечными часами, и множество менее знаменитых и во многом не сохранившихся хенджей, из-за того что часто вместо камня по периметру круга устанавливались деревянные столбы, державшие свод кровли, говорят о том, что знания законов звёздного неба и умение по небесным светилам вести не только счёт дням и неделям, но и предсказывать солнечные и лунные затмения, являлись достоянием широкого круга индоевропейского населения континента.

На территории Восточной Франции в первой половине II тыс. до н. э. распространилась культура, родственная центральноевропейской унетической и её рейнской периферии, причём этнической основой её во Франции также служили индоевропейцы, привнесённые в Европу вторжением на рубеже III – II тыс. до н. э.

Около 1600 г. до н. э. полукочевое население Верхнего Подунавья и Рейна достигло долины реки Роны, где и оставило курганные погребения, скрывающие каменные гробницы.

В первой половине II тыс. до н. э. в Западном Средиземноморье сложился ряд взаимовлияющих индоевропейских культур.

На север Апеннинского полуострова долинами рек Драва и Сава, правых притоков Среднего Дуная из Центральной Европы проникли кочевники-индоевропейцы, установившие в дальнейшем прочную связь с металлургическими центрами унетической культуры.

В долине реки По к концу первой половины II тыс. до н. э. сложилась осёдлая общность индоевропейцев, создавшая культуру Террамар, по названию искусственных холмов с многометровым культурным слоем (террамары являются прямыми аналогами теллей и тепё Передней Азии и юга Туркмении). Поселения по периметру обносились валом и рвом, наполненным водой, с единственными въездными воротами.

Население занималось пахотным земледелием, виноградарством и скотоводством. Широко была распространена охота. К югу от долины реки По в первой половине II тыс. до н. э. не было перехода к осёдлому земледелию и преобладало пастушество, причём в качестве убежищ для скота и людей часто использовались пещеры, расположенные в горах Апеннинского полуострова.

На Сицилии и на Липарских островах в первой половине II тыс. н. э. население жило в укреплённых посёлках, расположенных на холмах, и вело достаточно активный обмен и торговлю с центрами Эллады и даже с Египтом. На острова поступали изделия из золота, слоновой кости, керамика, янтарь. Заметим, что одной из важнейших составляющих населения Сицилии и Сардинии являлись носители культуры колоколовидных кубков, проникшие на острова в первой четверти II тыс. до н. э.

На Пиренейском полуострове вторжение носителей культуры колоколовидных кубков на рубеже III – II тыс. до н. э. отозвалось сменой культуры Лос-Мильярес на культуру Эль-Аргар, расцвет которой пришёлся на 1700 – 1000 гг. до н. э. Население окружало расположенные на возвышенностях посёлки каменными стенами, вело каменное домостроение, развивало собственную металлургию и поддерживало тесные связи с Восточным Средиземноморьем, при этом испытывая сильное культурное влияние его центров.

Очаги производящей экономики Португалии II тыс. до н. э., и в первую очередь металлургии, обособились в своеобразную культурную провинцию Пиренейского полуострова.

На север Европы бронза проникла лишь около 1600 г. до н. э. из Центральной Европы (унетицкая культура) через земли Померании и Бранденбурга и далее – в устье реки Одер, на север Германии, в Данию и на юг Скандинавии. Зато отозвалось влияние центральноевропейских металлургических центров на севере рождением множества мастерских металлургов и ювелиров, производивших неповторимую по прелести и своеобразию продукцию – с изумительно тонким орнаментом, главным мотивом которого

была спираль.

Этнический состав населения юга Скандинавии, Дании и севера Германии и Польши в первой половине II тыс. до н. э. складывался из наследников культуры шнуровой керамики и более древних культур – шаровидных амфор и воронковидных кубков; впрочем, население двух последних культур было в значительной степени вытеснено или ассимилировано носителями первой культуры рубежа III – II тыс. до н. э.

Однако перейдём к рассмотрению этнической и культурной картины, складывавшейся в Карпатской котловине и на Балканском полуострове в первой половине II тыс. до н. э.

Напомним, что в VII – IV тыс. до н. э. на данной территории развивалась общность средиземноморцев, ведших осёдлый образ жизни и занимавшихся земледелием и скотоводством.

Наиболее яркими проявлениями доиндоевропейской цивилизации центра и юго-востока Европы явились культуры линейно-ленточной керамики, Кораново и, конечно же, культура Триполья. Средиземноморские культуры представляют собой яркий контраст на фоне культур индоевропейцев.

Начавшееся с середины V тыс. до н. э. усиление степной индоевропейской общности междуречья Днепра и Волги, представлявшей собой бурлящую энергией стремительную лаву хорошо вооружённых всадников (культура среднего стога V – IV тыс. до н. э.), во многом опиравшихся на достижения экономики древних центров юга Туркмении и Передней Азии, положило начало вытеснению средиземноморского населения Европы. Так началась долгая титаническая борьба двух евразийских рас за обладание западом континента. Окончательная точка в борьбе была поставлена лишь в первой четверти II тыс. до н. э., и ознаменована она окончательным разгромом степняками мощной культуры Триполья, обладавшей высокоразвитой производящей экономикой, густым населением и сложившейся религиозно-культурной системой взглядов и отношений. Индоевропейское полукочевое население Нижнего Поднепровья, Подонья и Поволжья первой половины II тыс. до н. э., объединённое под общим названием носителей каткомбной культуры в XVII в. до н. э., полностью заняло территорию правобережного Поднепровья и вышло к низовьям Дуная. К северу от него, в лесостепной и лесной полосе Волыни и далее на всём западе России, в первой половине II тыс. до н. э. продолжали жить носители культуры шнуровой керамики, оказавшиеся в дальней-

шем важнейшим компонентом в сложении балтской общности северо-востока Европы.

Кочевники, носители катакомбной культуры и смешавшиеся с ними остатки предшествующей ей ямной культуры южнорусских степей в первой половине II тыс. до н. э. из Северного Причерноморья проникли в долину Дуная. В верховьях Дуная, в районе устья реки Моравы, произошла их встреча с носителями культуры шнуrowой керамики.

Кроме того, ещё в первой половине III тыс. до н. э. в предгорьях Восточных Альп и в северо-западных долинах Балкан развивался ряд индоевропейских культур, скрывавших свои поселения на труднодоступных возвышенностях, важнейшей из которых являлась баденская культура.

Земли Среднего Подунавья и Балкан во II тыс. до н. э. продолжали населять наследники древних средиземноморских культур Европы. Активно теряя самобытность и подвергаясь постоянному мощному размыванию степной индоевропейской стихией в IV – III тыс. до н. э., смешиваясь и ассимилируясь, они всё же сумели придать возникшим впоследствии культурам Балкан, включая территории Румынии и Молдавии, известную самобытность, отсутствующую в иных районах Европы.

Северные Балканы вообще оказались местом смешения множества разновременных индоевропейских и средиземноморских культур и языков, к тому же уже в I тыс. до н. э. пережившим последовательно сменявшие друг друга нашествия чуждых индоевропейскому миру народов: гуннов (IV в. н. э.), аваров-тюрков (V – VIII вв. н. э.) и, наконец, венгров (IX в. н. э.), относящихся к угро-финской общности Евразии.

Да и сам индоевропейский мир, затрагивавший Балканы и Нижнее и Среднее Подунавье, включал различные культурно обособившиеся группы исторических иллирийцев, фракийцев, германцев, кельтов, славян и даже иранцев, не говоря о ранних индоевропейцах IV – II тыс. до н. э.

Секрет всеобщей притягательности долины Среднего и Нижнего Дуная для идущих из степей Евразии кочевников заключался в её доступности и в определённом сходстве ландшафтов Северного Причерноморья, Карпатской котловины и Нижнедунайской низменности, одинаково позволявших заниматься кочевым скотоводством. Именно поэтому индоевропейские всадники V–I тыс. до н.

э., гнавшие впереди себя несметные стада крупного и мелкого рогатого скота и табуны лошадей, и следовавшие за ними колёсные телеги, запряжённые буйволами (слово, одинаковое для латыни, греческого, германского и славянского языков), чаще всего проникали в центр Европы, следуя вдоль русла Дуная, от устья к верховьям.

В первой половине II тыс. до н. э. в долине Нижнего Дуная и на западе Сербии сложилась общность кочевников, являющаяся западной провинцией северопричерноморской степной индоевропейской культуры. Селения их не укреплялись и были составлены из лёгких построек. Главной тягловой силой были быки, перевозившие четырёхколесные повозки. Оружие было представлено боевыми топорами и треугольными кинжалами. Погребения совершались в каменных цистах под курганами.

На Среднем Дунае, выше устья реки Тисы, приходившие из степи народы почти всегда предпочитали достаточно прочную осёдлость. Природные условия Среднедунайской долины настолько благодатны, а земли плодородны, что, даже обладая значительным количеством крупного и мелкого рогатого скота, при отсутствии засухи население было избавлено от необходимости постоянного перемещения по равнине для прокорма стада.

Культура жителей Среднего Подунавья весьма близка унетичкой и так же богата бронзой, золотом, медью, керамикой. Постепенно на Среднем Дунае развернулась мощная металлургия, продукция которой распространялась на север Европы.

Интересно отметить и то, что район Карпатской котловины (или Среднедунайская низменность) богат кладами, содержащими изделия из золота, бронзы, меди, как ни один иной район Европы. Это указывает, во-первых, на высокий уровень экономики данного района Европы во II–I тыс. до н. э., а во-вторых, что эта территория была наименее защищённым регионом со стороны степей Северного Причерноморья. Это чаще ставило местное население перед необходимостью прятать своё имущество от завоевателей, причём нередко востребовать его позже было уже некому.

Среднедунайская равнина являлась своего рода кузницей, перековывавшей кочевников евразийских степей в осёдлое центральноевропейское население. Недаром древнейшая летопись Руси, повествование которой позволяет заглянуть в глубь тысячелетий, рассказ о славянах ведёт с Дуная: *«По мнозех же временех сели суть Славени по Дунаеву»*.

Сложение славянского протонарода и протоязыка, безусловно, в огромной степени связано с Дунаем уже с начала III тыс. до н. э., так как, начиная с этой эпохи, дунайская долина фактически представляла собой западную провинцию южнорусской степи – древнейшей прародины и долговременного плацдарма всей индоевропейской общности запада и центра Европы.

К одной из ведущих культур II тыс. до н. э. в Среднем Подунавье следует отнести культуру «Тосег». К востоку и западу от Среднего Дуная, у русел рек осёдлые земледельцы, скотоводы и ремесленники строили укрепленные посёлки, составленные из домов столбовой конструкции. Здесь складывался культурный ряд почитания солнца и птиц, в дальнейшем нашедший яркое отражение в славянском искусстве. Постепенно – осёдлая индоевропейская культура Карпат и Среднего Дуная достигла юга Молдавии, где и укрепилась со стороны степи с помощью защищённых валами и рвами поселений.

Рассмотрим, наконец, что же происходило в первой половине II тыс. до н. э. на крайнем юго-востоке Европы, в эгейском мире.

На землях исторической Греции, на полуострове Пелопоннес, на островах Крит, Кипр, на Кикладах, как мы помним, с середины III тыс. до н. э. шло интенсивное развитие Ранней Эллады, этническую основу которой составили пришедшие из степей Евразии индоевропейские кочевники и определённый культурный субстрат из северного Ирана, привнесённый в Европу через крайний западный форпост переднеазиатской цивилизации в Малой Азии – Трою, основанную на два с половиной столетия раньше расцвета Ранней Эллады. Примечательно то, что в керамике Ранней Эллады встречается и классический шнуровой орнамент.

Около 1290 г. до н. э. устоявшийся порядок экономики, культуры, домостроения Ранней Эллады претерпел сокрушительный удар, явившийся прямым отголоском докатившейся и до юга Балкан волны грандиозного индоевропейского вторжения в Европу рубежа III – II тыс. до н. э. Поселения и города на побережье Эгейского моря погибли в пламени пожаров. В очередной раз оказалась разрушенной обнесённая могучими каменными стенами и башнями Троя. Около четверти столетия спустя потрясения докатились и до берегов Крита, города и дворцы которого подверглись разрушению. Существует предположение, что причиной катастрофы на острове, произошедшей около 1875 г. до н. э., явилось чудовищной силы землетрясение. Однако близость дат вторжения в

Раннюю Элладу и времени произошедших на острове разрушений говорит об иных причинах.

Тем не менее, разрушения первой четверти II тыс. до н. э. не уничтожили основ элладской культуры, а явились лишь прологом её среднего этапа, сохранившего преемственность всех сторон ранней элладской экономики, культуры и религии. Создатели Ранней и Средней Эллады являлись близкими по происхождению индоевропейскими группами Евразии. Главная разница между ними состояла в высокой степени развития хозяйства первых и столь же высокой степени подвижности вторых.

Кроме того, в первой четверти II тыс. до н. э. земли Малой Азии и отдельные районы Балкан подверглись нашествию с востока, из недр Передней Азии. Именно оно принесло на берега Эгейского моря керамику, типичную для северо-востока Ирана (Тепе-Гиссар), и оно же явилось провозвестником сложения индоевропейской хеттской культурной, исторической и языковой общности Малой Азии (Анатолии) и Ближнего Востока II тыс. до н. э.

Таким образом, на стыке Малой Азии и юга Балкан в начале II тыс. до н. э., а на самом деле ещё в первой половине III тыс. до н. э. столкнулись два крыла индоевропейского мира Евразии – западное и восточное. Однако контакты западных и восточных индоевропейцев в Элладе носили вторичный характер, так как настоящей родиной обеих ветвей были степи Евразии и огибающие их с юга горы Туркмении и Ирана.

Приверженность завоевателей, пришедших на берега Эгейского моря около 1900 г. до н. э., общим языковым, культурным и духовным началам индоевропейского мира позволила быстро восстановить пострадавшие во время нашествия города и селения и возобновить функционирование производящей экономики Эллады. Заново были отстроены Троя, города Пелопоннеса, Крита, Кикладских островов. На качественно новый уровень была поставлена средиземноморская торговля, включавшая Египет и Нубию.

Яркий расцвет крито-минойской культуры приходится на 1750 – 1400 гг. до н. э. Повсюду на берегах Эгейского моря в 1900 – 1500 гг. до н. э. крепились и богатели города, возводились дома мегаронного типа, устраивались акведуки, подающие в городские кварталы чистую питьевую воду, канализация, мостились улицы, отстраивались дворцы, подымались циклопические крепостные стены и башни. Широко развивалось плужное земледелие. Получило дальнейшее развитие складывавшееся ещё в III тыс. до н. э. на

Крите письмо.

Бурное развитие переживали бронзолитейная металлургия, керамическое производство. Товары из Средней Эллады поступали на острова Британии, юг Скандинавии, в центр Европы, на берега Чёрного моря.

К середине II тыс. до н. э. сложился пояс культур, владеющих бронзолитейной металлургией, охватывающий Евразийский континент от Ирландии до юга Урала.

На крайнем западе Европы лидирующее положение в металлургии занимали центры богатой сырьём Ирландии и ведущие общеевропейскую торговлю жители юга Англии (культура Уэссекс). В центре Европы определяющая роль всю первую половину II тыс. до н. э., оставалась за создателями унетицкой культуры, являвшимися одновременно и искусными металлургами, и торговцами, контролировавшими все водные пути центра и севера Европы. Балтика и Западное Средиземноморье (Пиренеи, Апеннины) подвергались культурному и этническому влиянию центра Европы.

В мире Средней Эллады шло бурное развитие всех сторон производящей экономики, сельского хозяйства, градостроительства, письменности. Развитие торговли влекло за собой развитие торгового флота и мореплавания. Слагался евразийско-африканский рынок, включающий Балтику, Британию, всё Средиземноморье, Чёрное море, Переднюю Азию, Среднюю Азию и даже северо-запад Индии.

В Месопотамии с 2000 г. до н. э. шло возвышение Вавилона. По-прежнему развивались центры Ирана, отдельные районы жестоко страдавшего от засухи юга Туркмении, Афганистана (Мундигак), Белуджистана (Кветта) и индской цивилизации (города Хараппа и Мохенджо-Даро).

Начиная со второй четверти II тыс. до н. э. доминирующим центром силы Евразии становится степная индоевропейская общность юга Урала и прилегающих к нему степей – от Нижней и Средней Волги до Иртыша и от Камы до Туранской долины.

Причём, если в V – III тыс. до н. э. Великая евразийская степь служила, с одной стороны, восприимчивым цивилизации Передней Азии и юга Туркмении, а с другой – постоянным источником вторжений индоевропейских кочевников на запад континента, то начиная со второй четверти II тыс. до н. э. южноуральский центр андроновской культуры выступил как место сложения великих

индоевропейских религий и родившихся из них классических, исторически засвидетельствованных цивилизаций Индии, Ирана, Малой Азии и Европы.

IV. ЮГ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ II ТЫС. ДО Н. Э. РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ХЕТТОВ. ВОЙНА С ЕГИПТОМ. ОСНОВАНИЕ ВАВИЛОНА

Из предыдущих глав мы помним о том, что с начала III тыс. до н. э. в долине Турана и на севере Копетдага (юг Туркмении) началась чудовищная засуха. С высыханием реки Теджен погиб Геоксюрский оазис. Древнее население центров Северного Копетдага в значительной мере меняло соху на меч, гончарный круг на кольчугу. Причём сказанное в отношении юга Туркмении касалось и Ирана, и особенно его северо-восточной провинции (Тепе-Гиссар). Во многом благодаря наступающему ухудшению климата в древнейших центрах Ирана и юга Туркмении и благодаря высочайшему уровню мастерства их ремесленников в металлургии, домостроении, в текстильной и гончарной отраслях вооружённая и культурная экспансия населения Передней Азии и юга Туркмении оборачивается рождением Трои I (около 2750 г. до н. э.), созданием новых центров производящей экономики, в первую очередь металлургии, на Кавказе (около середины III тыс. до н. э.) и общим увеличением экспорта металла в степи юга России, Сибири и Средней Азии, что в свою очередь спровоцировало увеличение потока хорошо вооружённых индоевропейских народов в Европу, особенно усилившегося в последней четверти III тыс. до н. э.

В первой половине II тыс. до н. э. жизнь в центрах древней южнотуркменской метрополии сократилась до небольших участков, а вскоре в целом ряде мест и вовсе угасла.

С рубежа III – II тыс. до н. э. в Малой Азии начинает складываться Хеттское государство, рождение которого было прямым следствием нарастающей экспансии индоевропейского населения, устремляющегося из гибнущих центров северо-востока Ирана и Юга Туркмении и сохнувшей долины Турана на запад в поисках земли и воды.

Совпадение времени громадного перемещения индоевропейского населения степей Евразии в Европу, отразившееся в рождении культуры шнуровой керамики, колоколовидных кубков и ряда

иных, смена культурных эпох в Элладе и в степях юга России (с ямной культуры на катакомбную) и столь же громадное вторжение индоевропейцев-хеттов в Месопотамию, Малую Азию, на Ближний Восток и даже на север Египта отнюдь не случайны и являются звеньями одной и той же исторической цепи. Время этих перемещений приходится на рубеж III – II тыс. до н. э. и следует вплотную за крушением южнотуркменской и североиранской цивилизаций V – III тыс. до н. э.

В XVIII в. до н. э. хетты завоевали город Хаттусас, расположенный в сердце Малой Азии (район Анкары), и сделали его столицей. Цветущая столица хеттского государства, просуществовавшая до конца II тыс. до н. э., была большим богатым городским центром, окружённым мощными крепостными стенами и башнями. Украшением плотной городской застройки служили пять монументальных дворцов, а также библиотека, содержащая 200 000 глиняных табличек с знаменитым хеттским письмом, являющихся одними из самых древних из сохранившихся памятников индоевропейского письма. Во многом именно расшифрованные хеттские письмена знакомят нас с уровнем индоевропейских языков первой половины II тыс. до н. э. и позволяют сделать вывод о взаимном родстве древних и степени близости современных языковых групп индоевропейского древа.

Язык хеттов, распространившийся в первой половине II тыс. до н. э. на территории Малой Азии и Сирии, Получил название митаннийского арийского языка. Клинописные надписи на глиняных табличках, распространённые в хеттских центрах Малой Азии и Сирии, доносят до нас одни из древнейших повествований об истории и быте индоевропейцев II тыс. до н. э.

Одновременно с хеттской культурной и языковой общностью Евразии развивалась культурно-языковая общность ведических ариев, ближайших кровных родственников хеттов. Ведические арии, являвшиеся индоевропейскими кочевниками, во второй четверти II тыс. до н. э. завоевали северо-запад Индии и положили конец развитию цивилизации городов Хараппа и Мохенджо-Даро. А создатели ведических гимнов, в свою очередь, вовлекают в общее сравнение культуры и языки евразийской степи, явившейся местом сложения союзов воинственных индоевропейских народов, во II тыс. до н. э. одинаково стремившихся в Европу, Индию, Иран и даже в Малую Азию и на север Египта.

Основополагающим духовным памятником всей подвижной индоевропейской стихии II – I тыс. до н. э. в окончательно сложившейся дошедшей до нас форме уже в землях северо-запада Индии явилось собрание гимнов, объединённых в общую книгу «Ригведа». Ведические гимны принадлежат всей индоевропейской общности Евразии, ибо заложенные в них знания (веды) явились определяющими не только языковой, культурной, экономической и духовной линий дальнейшего развития отдельных групп индоевропейцев на континенте. Веды как древнейшее на планете целостное духовное учение излагают сокровенные знания индоевропейцев о сотворении мира, устройстве космоса и законах его развития.

Время сложения Ригведы относится ко всему II тыс. до н. э. и практически совпадает со временем создания хеттских клинописных памятников.

Третьим из дошедших до нас документальных памятников одной из древнейших индоевропейских религий и языка является Авеста, окончательно сложившаяся как целостное духовное и государственное учение в Иране в первой половине I тыс. до н. э., но привнесённое в Иран из тех же степей Евразии воинственными ариями, давшими название самому Ирану. Их нашествие на центры юга Туркмении и Ирана XIII – XII вв. до н. э., названное археологами эпохой варварской оккупации, явилось поздним отголоском прокатившегося незадолго через юг Средней Азии и Афганистан нашествия на рубеже III – II тыс. до н. э. митанийских ариев (хеттов), ушедших в Месопотамию и Малую Азию, и ведических ариев, последовавших около второй четверти II тыс. до н. э. на северо-запад Индии.

Источник всех трёх великих вторжений индоевропейцев последовательно в Малую Азию, на север Индии и в Иран следует искать на юге Урала и в примыкающих к нему степях юга России, Сибири и Средней Азии.

Одновременно с тремя грандиозными походами на юг из степей Евразии индоевропейцами было предпринято грандиозное вторжение в центр Европы в середине II тыс. до н. э. Главной силой во всех четырёх вторжениях евразийских кочевников, во многом определивших дальнейшую историю индоевропейских народов и их сложение в современные культурные и языковые группы, явились стремительные боевые колесницы, абсолютно одинаковые и на юге Урала, в Европе, и в Малой и Передней Азии.

Однако повествование о рождении и развитии могучей степной цивилизации с центром на юге Урала, во многом определившей сложение древних, исторически и документально засвидетельствованных классических индоевропейских культур Индии, Малой Азии, Ирана и Европы, впереди.

Обратимся к сравнению языка хеттских табличек, гимнов Ригведы и книг Авесты.

Вот сочинение XIV в. до н. э., принадлежащее хетту Киккули. Оно посвящено коневодству и, с точки зрения сравнительного языкознания, содержит ряд крайне интересных слов.

Числительные хеттов: *aika* (хет.) – *eka* (инд.) – один; *tiera* (хет.) – *tri* (инд.); *panza* (хет.) – *panca* (инд.) – пять; *satta* (хет.) – *sapta* (инд.) – семь; *pawa* (хет.) – *nava* (инд.) – девять.

Коневодческая терминология хеттов из того же сочинения: *aswasanni* (хет.) – тренер [(*asva* (инд.) – конь, *san* – утомлять)]; *wartanna*(хет.) – круг для коней, (*vartana* (инд.) – путь, поворот).

Значительную часть хеттских текстов II тыс. до н. э. составляют имена царей и знати, представляющие целые правящие династии Малой Азии. Необходимо отметить, что имена их жён, как правило, не индоевропейского происхождения, что могло предопределить наступившее в последней четверти II тыс. до н. э. значительное растворение хеттской культуры и языка в Малой и Передней Азии.

О завоевании хеттами своей будущей столицы – города Хаттусас мы узнаём из повествования царя Анитты, жившего в XVIII в. до н. э.

На протяжении всего II тыс. до н. э. хеттские центры Малой Азии и Сирии активно участвовали в оживлённой восточно-средиземноморской торговле, в которую были вовлечены Египет, острова Кипр, Крит, Киклады, города Эгеи и Передней Азии.

Расшифрованные хеттские письма повествуют не только об истории их создателей – сам язык текстов говорит о родстве, а значит, и о происхождении хеттов.

Митанийский арийский язык, язык хеттов, наиболее близок индийскому арийскому языку создателей ведических гимнов и родствен иранскому арийскому языку Авесты.

Таким образом, можно разделить митанийский, индийский и иранский арийские языки на две группы: митанийско-индийскую и иранскую. Причём хеттов (митанийских ариев) сближает с индоа-

рийцами, создателями классической Ригvedы, сходство религии и мифологии, и в несколько меньшей степени это сходство касается иранской духовной традиции.

И у хеттов, и у индоарийцев II тыс. до н. э. Индра является богом, в то время как у иранцев XIII – VII вв. до н. э. Индра также представлен, но лишь как демон. Варуна у иранцев и вовсе отсутствует.

Конечно, митанийско-арийский и иранский языки в IV тыс. до н. э. и, вероятно, ещё в III тыс. до н. э. являли собой общий протоязык, однако на рубеже III – II тыс. до н. э. восточное крыло индоевропейского языкового древа разделилось, из него последовательно выделились сначала митанийский язык, носители которого, исторические хетты, в первой четверти II тыс. до н. э. завоевали Малую Азию, Сирию.

Ближний Восток и север Египта; затем выделился индийский арийский язык Ригvedы, на котором говорили арийские кочевники, во второй четверти II тыс. до н. э. занявшие бассейн реки Инд. Но уже в XIII – XII вв. до н. э. к югу Средней Азии продвинулись будущие иранские арийцы, путь которых отображён повествованием священного собрания книг Авесты. Территория, явившаяся во II тыс. до н. э. исходной для серии арийских вторжений в Азию, локализована Авестой в степях Евразии, включающих Нижнюю Волгу, юг Урала, Сибири и долину Турана, и названа Айриано-Ваеджо.

Следует сказать и о том, что протоиндийский язык ведических гимнов во многом имеет больше общего с германскими языками, нежели со славянскими; в то же время восточнославянские языки ближе ведическому языку индоарийцев, чем западнославянские языки.

Предварительные выводы могут быть таковы. Родство всех индоевропейских языков, и в первую очередь в областях, касающихся сельского хозяйства, домостроения, названий, описывающих рельеф местности, родственных отношений, указывает на V – IV тыс. до н. э. как на время сложения и формирования основных, слоговых и глагольных форм языка, касающихся всего круга внешних и внутренних основ жизни, религии и хозяйства. При сопоставлении различных индоевропейских языков можно составить достаточно полное представление о том, что занимало и окружало индоевропейцев в эпоху сложения общеиндоевропейской культуры с длительным периодом выработки её особенностей и

протоязыка, а вернее, основополагающих слоговых и глагольных форм(табл.1 – 16).

Прежде чем рассматривать нижеприведённые языковые таблицы, попытаемся понять причины, приведшие к столь широкому многообразию в языковой семье индоевропейцев.

Причины приведшие к своеобразию языков, объединённых в то же время столь глубокими корнями, лежат не только в пространственной и временной обособленности их носителей, но и в связях отдельных групп индоевропейцев с самыми различными этносами неиндоевропейских народов континента.

Углубившись в сравнительное языкознание, мы не раз столкнёмся с тем, что параллели, объединяющие балтский и греческий, подчас отсутствуют в славянском, что противоречит логике местоположения народов, но ни ходу истории. Увидим мы и то, что языки восточного крыла индоевропейцев весьма часто ближе германской, романской, греческой и балтской группам, нежели славянской, что опять вроде бы не логично географически, но оказывается вполне объяснимо исторически. Кстати, именно последнее обстоятельство подчёркивает древность и своеобразие славянства.

См. в Приложении: **Таблица 1. Основополагающие глагольные формы, составившие остов языка, выделившегося из праязыка.**

См. в Приложении: **Таблица 2. Основные работы по выражению, сбору и обработке урожая.**

Мы видим, что в эпоху существования праязыка в среде индоевропейцев процветали пашенное земледелие и молочное скотоводство. Степень развития производящего хозяйства V – IV тыс. до н. э. отражена языком, описывающим полный цикл работ – от вспашки до косьбы и замеса муки и от пастбища до дойки. Позднейшие языки индоевропейцев закодировали первооснову их древнейшего хозяйства. Кстати, секрет грандиозной расселённости индоевропейцев во многом заключён в их изначально подвижном образе жизни и в соответствующем ему укладе хозяйства. Благодаря древнейшей степной закалке индоевропейцы оказались столь расселённым и могучим народом. Около середины IV тыс. до н. э. индоевропейский мир континента начинает дробиться, выделяя отдельные протонароды и протоязыки. Постепенно у западного

крыла обозначается тяга к осёдлому земледелию, и его сельскохозяйственная терминология становится богаче. Восточное крыло, вынашивавшее исторических хеттов, индоарийцев и протоиранцев, склоняется к традиционному кочевому скотоводству. Однако в IV тыс. до н. э. деление на языки было достаточно условно и близость протославянского и протоиранского языков на то указывает.

В III тыс. до н.э., и особо – к рубежу III – II тыс. до н. э., у формирующейся западной группы индоевропейцев продолжалось активное развитие осёдлых форм ведения хозяйства. При этом ядром западной группы индоевропейцев континента являлась протославянская общность центра и востока Европы, однако уже начали вставать на ноги индоевропейские культуры Апеннин (ранний металл Италии III тыс. до н.э.), юга Балкан (Ранняя Эллада середины III тыс. до н. э.) и крайнего запада континента (мегалитические культуры Пиренеев, Франции, Британии и юга Скандинавии).

См. в Приложении: Таблица 3. Хозяйственный инвентарь древнего индоевропейского общества Евразии.

Земледелие и скотоводство в V – III тыс. до н. э. располагали вышеприведёнными орудиями труда; и это касалось всей общности индоевропейцев континента. Очерченный круг орудий, как основа, остался практически неизменен и поныне. В III – II тыс. до н. э. продолжилось совершенствование орудий труда. При этом протоиранская общность не теряла тесных контактов со всё более крепшей западной половиной индоевропейского мира. Хетты и индоарийцы, напротив, всё более отдалялись от осёдлого возделывания земель; и в их языках наименее выражен процесс совершенствования и расширения круга сельхозорудий. Мы помним о том, что в III тыс. до н. э. явственно обозначился природный кризис в долине Турана, в степях Евразии и в центрах юга Туркмении и Ирана. Земли Европы, напротив, с каждым столетием становились благодатнее для ведения сельского хозяйства и развития ремёсел.

Во II тыс. до н. э. началось бурное развитие бронзолитейного производства в Европе (унетицкая культура XVIII–XV вв. до н. э.) и осёдлое население запада континента к существовавшим издревле орудиям труда с каждым столетием добавляло всё новые, отсутствовавшие у восточных индоевропейцев. Однако в XV, XII, X вв. до н. э. Европе пришлось пережить череду широкомасштабных втор-

жений из евразийской степи представителей восточного крыла индоевропейского мира, что во многом смешало протоязыки континента. И тем не менее, начиная с середины III тыс. до н. э., западная группа языков индоевропейцев раз и навсегда отделилась от восточной, и во II тыс. до н. э. эту тенденцию переломить не могли и самые могучие степные бури.

См. в Приложении: **Таблица 4. Жилище индоевропейцев V - I тыс. до н. э.**

Дом столбовой конструкции, укрытый соломенной крышей, снабжался печью-каменной, отапливавшей его до свода. Двор, включавший амбар и иные хозяйственные постройки, защищался оградой или валом, разомкнутым воротами.

Объединения мелких поселений составляли вики или веси, в свою очередь группировавшиеся вокруг огороженных укреплений (города) или туров (rug), являвшихся крепостями.

Во II тыс. до н.э. всё более глубокое разобщение между восточной и западной группами индоевропейцев сказалось и на названиях селений и на отдельных деталях строений и сельскохозяйственных угодий.

См. в Приложении: **Таблица 5. Состав домашнего стада древних индоевропейцев.**

Волы, быки и коровы в V – III тыс. до н.э. составляли основу стада крупного рогатого скота. Козы, овцы и бараны дополняли стадо и, охраняемые конными пастухами и собаками, также покрывали тысячи километров в необозримых степях Евразии. По мере оседания западного крыла на земли Европы, шедшего особенно активно в III – II тыс. до н.э., в хозяйственном обиходе появились новые животные. Наиболее ярким признаком осёдлости явилась свинья, мало известная хеттам и индоарийцам.

Весьма развитым ещё в эпоху единства индоевропейского языка было птицеводство, заключавшееся в выращивании уток, гусей и кур.

См. в Приложении: **Таблица 6. Культурные растения древности.**

Некогда деревянные, а позже и металлические рала в V – IV тыс. до н. э. вспахивали землю под посевы ячменя, овса, пшеницы. После вторжения носителей шнуrowой керамики (рубеж III – II тыс. до н. э.) в Европе приобрело широкое распространение огородничество, что вряд ли было возможно при преобладании кочевого скотоводства прежних эпох.

См. в Приложении: **Таблица 7. Продукция сельскохозяйственного производства в древности.**

В V – IV тыс. до н. э. индоевропейцы мололи муку и пекли ячменный хлеб, – неотъемлемую составляющую их пищи.

Мы показали выше, что разведением крупного и мелкого рогатого скота индоевропейцы занимались ещё в эпоху языкового единства и от того – присутствие мяса в их рационе естественно издревле.

Сбором мёда и разведением пчёл индоевропейцы занимались ещё в V тыс. до н. э. и ранее. Мы подметили выше, что промышленное птицеводство также восходит к эпохе языкового единства, что естественно сопровождалось производством яиц.

И вновь мы видим, как по мере разделения языков в Европе ширился круг продукции сельского хозяйства.

См. в Приложении: **Таблица 8. Система названий родственныхников.**

См. в Приложении: **Таблица 9. Названия различных органов и частей тела человека.**

Одним из ярчайших примеров устойчивости древнейших форм языка является название ноги («*подошвы*», «*пады*»).

См. в Приложении: **Таблица 10. Вооружение и облачение древних индоевропейцев.**

По мере развития сначала медной, а со II тыс. до н. э. и бронзолитейной металлургии, – широкое распространение получили доспехи.

Рассмотрим и то, во что облачались древние индоевропейцы и чем они были вооружены. Оружие их состояло из копья, меча и лука со стрелами.

Тело индоевропейцев облегали «порты» (штаны) из шерстяной ткани, подпоясанные шнуром. Сверху носили плащ, а голову покрывал шерстяной колпак.

Могучим боевым наступательным средством индоевропейцев III – I тыс. до н. э. была колесница *ratha* (Ригведа). Славянским соответствием ведической *ratha* стало слово **РАТЬ**.

См. в Приложении: **Таблица 11. Окружающий мир индоевропейцев V – IV тыс. до н. э.**

Правый приток реки Оки – река Протва – сохранила в своём имени древнейшее название земли индоевропейцев континента.

Обратим внимание на близкое знакомство индоевропейцев, говоривших на едином праязыке, с зимними холодами, снегом и льдом. Задумаемся над словами, описывающими ландшафт, окружавший наших далёких предков. Пути их пролегали вдоль рек и по водоразделам, в краю открытых всем ветрам возвышенностей и холмов. Было им знакомо и море, омывавшее берега их ойкумены.

Западное крыло индоевропейцев, начиная с середины IV тыс. до н. э., начало втягиваться в край озёр, ручьёв, оврагов и, как мы увидим позже, в полосу лиственных и хвойных лесов Европы.

См. в Приложении: **Таблица 12. Названия дикорастущих растений.**

Видно, что в эпоху языкового единства индоевропейцы были хорошо знакомы с лиственными лесами, содержащими, как минимум, берёзу, тис и, возможно, дуб.

Сходство в названиях пород деревьев у западного крыла индоевропейцев указывает на сохранение языковой общности при достаточно длительном взаимодействии и близком проживании в широколиственных лесах Среднерусской равнины, бассейна Дуная и балтийского побережья в период с середины IV до рубежа III – II тыс. до н. э.

Отсутствие названий хвойных пород деревьев у восточной группы индоевропейцев указывает на то, что в III тыс. до н. э. взоры их были обращены скорее на юг, нежели на запад или северо-запад.

См. в Приложении: **Таблица 13. Названия диких животных.**

О волках известно, что они наиболее многочисленны в зоне степей Евразии. Рысь, напротив, обитает в лесной полосе континента, хотя существует её подвид, занесённый в Красную книгу, называемый туркестанской рысью.

См. в Приложении: **Таблица 14. Пернатый мир.**

В эпоху индоевропейского единства кочевья скотоводов неотступно сопровождали крупные хищные птицы. По мере отделения западного и восточного индоевропейских крыльев, а окончательно процесс размежевания произошёл во второй половине II тыс. до н. э., язык европейцев наполнился множеством названий мелких лесных птиц.

В Ригведе упоминается птица *garutmant*. В западной группе индоевропейских языков часты названия разных видов птиц со схожим именем.

См. в Приложении: **Таблица 15. Охота и рыбный промысел.**

Карась и лососевые составляли основу рыбного промысла самых отдалённых эпох.

И вновь мы видим, как всё более разнообразится круг промысловых рыб у западной группы индоевропейцев и, напротив, оскудевает у восточной.

См. в Приложении: **Таблица 16. Числительные индоевропейцев V – III тыс. до н. э.**

В табл. 16 не случайно приведены числительные тохарского языка. И тут следует особо сказать о тохарах, язык которых является ныне мёртвым. Во II в. до н. э. последняя, тохарская, волна индоевропейских кочевников долины Турана, юга Урала и Сибири хлынула на возделанные земли Бактрии, севера Афганистана и Ирана. Тохары оказались четвёртыми, исторически засвидетельствованными, завоевателями земель, расположенных к югу от классической Айриано-Ваеджо. Тохарский язык удивительно близок германской и романской группам языков, что лишний раз подчёркивает древность и давнюю обособленность протославянского языка и пришлый характер, на западе Европы, языков кельтов, германцев, латинов, греков и балтов, истинная родина которых расположена в степях Евразии.

Итак, сравнительное языкознание достаточно рельефно рисует картину жизни индоевропейцев Евразии V – IV тыс. до н. э. И что же мы видим? В первом приближении, не вдаваясь глубоко в анализ громадного объёма языкового материала, мы можем констатировать наличие весьма развитого сельского хозяйства, построенного на разведении крупного и мелкого рогатого скота (быков, овец и т.д.) и на высокотехнологичной, даже в современном понимании, обработке земель под посевы, опирающейся на пашенное земледелие (ордло-рало в упряжи быков). Широко культивировались рожь и особенно овёс.

Рекам и холмам давались названия. Человек вёл войны, строил жилища, храмы [церковь, *черква*–*church*(англ.)] и даже города-громады. Уже произошло близкое знакомство с рудами, серебром. Существовали основополагающие понятия о духовном мире [*говеть* – *favere*(лат.)] человека и окружающего его космоса. Действовала десятичная система счисления.

Однако вернёмся к вторжению индоевропейцев, происходившему на рубеже III – II тыс. до н. э., на земли Малой Азии, Переднего Востока и на север Египта, в дельту Нила, следствием которого явилось сложение хеттской исторической, культурной и языковой общности XX – X вв. до н. э. в Малой Азии и Сирии.

Вторжение хеттов на запад Азии, практически совпавшее во времени с громадным вторжением индоевропейцев в Европу (культуры шнуровой керамики и колоколовидных кубков), окончательно смявших культуру триполья, явилось прологом великих событий, произошедших позднее во II тыс. до н. э. Наиболее замечательными и значимыми для судеб народов континента стали вторжения ведических ариев во второй четверти II тыс. до н. э. на северо-запад Индии и следующее по времени за ним вторжение носителей курганной культуры в Центральную Европу, причём сокрушающей силой обоих нашествий были воспетые Ведами боевые колесницы.

В XIV – XIII вв. до н. э. в степях Евразии произошёл новый этнорелигиозный взрыв, вылившийся в эпический поход иранцев-огнепоклонников, шедших с равнин Средней Азии через долину реки Теджен-Герируд в Афганистан и далее в Иран, воспетый собранием священных книг зороастризма Авестой. В Европе рождение этой великой индоевропейской религии центра Евразии отозвалось господством культуры полей погребений, одними из внешних проявлений которой были сожжение умершего и захоро-

нение останков в бронзовой или керамической, обычно биконической, урне.

События II тыс. до н. э. были решающими в сложении исторически засвидетельствованных индоевропейских общностей Евразии. Так мы вплотную подошли к вопросу о месте и времени зарождения великих вторжений, религий и языков индоевропейского мира последних четырёх тысячелетий.

Район сложения, долгого совместного развития и выработки общего языка, культуры и духовно-этического мировоззрения индоевропейцев локализуется на достаточно обширной территории Евразии. В неё входят районы Ирана, юга Туркмении, равнины юга Восточной Европы, Урала и Сибири и, конечно же, равнины Средней Азии. Кроме того, древнейшим индоевропейским населением континента следует считать охотников-великанов севера Европы. К ним следует отнести и носителей загадочной днепродонецкой культуры юга России, самых крупных из известных нам людей, когда-либо населявших континент.

С V тыс. до н. э. индоевропейский мир Евразии пришёл в движение, и его население, по преимуществу пастушеское, совершило ряд крупных вторжений в Месопотамию, положив тем самым начало великому расцвету индоевропейского мира Передней Азии.

В IV тыс. до н. э. индоевропейские кочевники совершили несколько крупных вторжений в Европу (начало им было также положено ещё в V тыс. до н. э.), и началось широкое распространение курганной степной традиции в доиндоевропейской средиземноморской Европе.

Тем временем в IV тыс. до н. э. индоевропейцы, населявшие земли Ирана и юга Туркмении, освоили земли Афганистана и Белуджистана, выстроив на них города и многочисленные селения земледельцев и скотоводов.

В III тыс. до н. э. был совершён ряд крупных вторжений индоевропейцев в центр Европы и в лесную полосу севера Европы. Далее из центра Европы последовали вторжения в Грецию (Ранняя Эллада) и на крайний запад и север континента в Британию и Скандинавию. В Элладе, в Малой Азии (Троя), на Кавказе и в степях Северного Причерноморья сложились яркие и мощные провинции индоевропейского мира с собственными центрами производящей экономики высочайшего для данной эпохи уровня.

Тогда же, в III тыс. до н. э., в долине реки Инд родилась величественная цивилизация городов Харappa и Мохенджо-Даро.

Важнейшей и непосредственной причиной индоевропейских вторжений середины III – II тыс. до н. э. на территории тогдашних культурных и экономических окраин Евразии, как отмечалось выше, явился глубочайший экономический кризис, ставший следствием чудовищной засухи душашей, начиная с середины III тыс. до н. э., земли северо-востока Ирана, юга Туркмении и Туранской долины Средней Азии.

Интересно проследить экспорт изделий из металла, идущий из центров Ирана и юга Туркмении в различные области Евразии.

Уже в IV тыс. до н. э. ромбовидные ножи, производимые на юге Туркмении, минуя равнины Средней Азии, попадали на юг Урала. Их доставляли сюда подвижные кочевники-скотоводы. Более того, южнотуркменские ножи в IV – III тыс. до н. э. распространились и на юге Западной Сибири и в Киргизии.

В IV тыс. до н. э. в степях Евразии распространились также черешковые кинжалы, ведущие происхождение из центров юга Туркмении и Ирана.

Однако одно из главных обстоятельств евразийской истории заключается в том, что, начиная с середины III тыс. до н. э. (начало великой засухи на юге Туркмении), на огромных пространствах Средней Азии, юга России и Сибири перешли к развитию собственной металлургии. Начались широкая разработка рудников и овладение техникой литья в двусоставных формах.

С конца III тыс. до н. э. началась эпоха активной, исторически засвидетельствованной индоевропейской экспансии, шедшей с севера, из степей Евразии, на юг Средней Азии и далее в Переднюю и Малую Азию. В период, прошедший с середины III до середины II тыс. до н. э., в степях Евразии сложился величайший центр силы континента. Наиболее богатым сырьём для металлургических горнов районом великой степи оказался юг Урала, где, начиная с XVIII в. до н. э., родился первый, петровский, этап археологической андроновской культуры.

Появление в степях Евразии значительного числа осёдлого населения центров культуры и производства юга Туркмении и севера Ирана (Геоксюр, Анау, Намазга, Тепе-Гиссар) объясняет практически мгновенный, не виданный ни до, ни после, расцвет юга Урала XVIII – XV вв. до н. э. В богатых металлургическим сырьём землях юга Урала сложилась не просто своеобразная кузница великой степи, тут сформировалась своего рода столица военной аристократии индоевропейской кочевой стихии Евразии.

Именно южноуральская степная элита явилась непосредственной преемницей древней переднеазиатской и южнотуркменской индоевропейской цивилизаций VI – III тыс. до н. э., главным духовным символом которых с V тыс. до н. э. являлся **классический крест**, ставший в дальнейшем олицетворением христианства.

Коснёмся внимательнее легендарной цивилизации Южного Урала XVIII – XV вв. до н. э. Внезапно, начиная с рубежа XVIII – XVII вв. до н. э., на далёкой периферии степного мира Евразии (центрами которого дотоле являлись долина Турана в Средней Азии, низовья Волги, Дона и Днепра) в верховьях рек Урал, Белая и Тобол возникло большое число укреплённых поселений. Здания, не виданные ни до, ни после в здешних краях, представляли собой наземные бревенчатые срубы площадью от 25 до 100 м², с сенями-выходом в середине стены. Внутри сруба сооружалось до двух очагов. Застройка поселений велась плотно, но с наличием необходимого числа улиц и площадей. Обязательным для всех посёлков условием было возведение оборонительных сооружений, представлявших собой расположенную по периметру селения замкнутую систему рвов глубиной до 2,5 м, и валов с обрамляющим их частоколом. Поселки практически всегда располагались вдоль рек, и часто при их строительстве использовались защищенные природой мысы коренного берега. Площадь поселений колебалась от 5000 до 9000 м².

Одной из наиболее замечательных черт первого, петровского, этапа андроновской культуры (XVIII – XV вв. до н. э.) явилось широкое распространение на ее территории боевых колесниц, воспетых Риг-ведой. Их сохранили для нас захоронения андроновской культуры XVIII – XV вв. до н. э.

Для погребения воина в центре подкурганной площадки сооружалась камера-склеп (4x2,5 м) глубиной до 1,5 м, ориентированная по линии восток – запад. Стены камеры, основанием которой служило несколько бревенчатых венцов, облицовывались либо деревом, либо камнем, либо кирпичом-сырцом. Перекрытием служили брёвна, при этом всегда сохранялся открытым доступ в склеп. В мужскую могилу помещалась боевая колесница, ориентированная дышлом на запад (видимо, по направлению генерального движения), диаметр колёс составлял 1,2 м, ширина колесницы до 1,5 м. По краю склепа укладывали двух лошадей с бегущими ногами, ориентированных головами на запад.

Оба колеса на четверть закапывались в грунт, сохранивший и поныне отпечатки обода и спиц. Кроме того, труположение сопровождалось богатым инвентарём из оружия и керамики.

Погребения различались по возрасту и статусу захороненных. Детей хоронили на особом кладбище. Были индивидуальные курганные погребения воинов с колесницей, лошадьми и оружием; были богатые женские погребения и были родовые или фамильные погребения с расположенным в центре курганом, скрывающим останки патриарха-основателя рода, и захоронениями по кольцу диаметром около 15 м представителей основанной им фамилии.

В XVII – XV вв. до н. э. шла активная разработка медных месторождений юга Урала, Сибири и Казахстана. Никогда позже во II – I тыс. до н. э. степи Евразии не видели такого обилия изделий из бронзы, меди, золота, серебра.

Наряду с разведением крупного и мелкого рогатого скота – носители андроновской культуры XVII – XV вв. до н. э. активно занимались пашенным земледелием. Климат южноуральских широт той эпохи благоприятствовал процветанию сельского хозяйства.

Керамика андроновской культуры во многом по форме и орнаменту повторяла южнотуркменскую. Орнамент являлся геометрическим, с элементами древней индоевропейской **крестовой традиции** V – IV тыс. до н. э., согласно которой тулово и донце сосудов украшались изображениями **крестов**. Наряду с этим в керамике и орнаментации юга Урала и Средней Азии второй четверти II тыс. до н. э. присутствовали классические степные мотивы, выражавшиеся в треугольных расчёсах, украшавших верх и низ сосудов, и в чисто степной традиции чуть сузить верхнее тулово, словно боясь расплескать содержимое. Вся керамика андроновской культуры плоскодонная, что является следованием классической индоевропейской традиции предыдущих и последующих тысячелетий.

Во второй четверти II тыс. до н. э. в степях Евразии окончательно встала на ноги собственная металлургия, производящая присущие ей одной формы, причем символом её во многом становится отсутствующий в центрах Ирана и юга Туркмении знаменитый топор-кельт. Появление топора-кельта ознаменовало собой начало новой эпохи, продлившейся до начала железного века (X – VIII вв. до н. э.), эпохи великих завоеваний в Малой и Передней Азии, Индии и Европе, совершённых вооружёнными боевыми ко-

лесницами и лучшим для данного времени бронзовым оружием индоевропейскими кочевниками, – носителями ведического религиозного мировоззрения и мифологии. Причём юг Урала во II тыс. до н. э. оказался не только главным производителем вооружений, но во многом стал местом сосредоточения интеллектуальной и духовной мощи евразийской степи, местом формирования основ будущих великих религий Индии, Ирана и самой Европы.

С точки зрения общего хода событий южноуральский центр XVIII – XV вв. до н. э., концентрирующий материальную силу и ведические знания индоевропейского мира, явился своеобразным этапом в переходе от древних высокоразвитых оседлых цивилизаций Ирана, юга Туркмении, Месопотамии VIII – III тыс. до н. э. к новым индоевропейским центрам Малой и Передней Азии, Индии и Европы.

Молодой индоевропейский мир Западной и Центральной Европы к началу II тыс. до н. э. возмужал, однако всё ещё оставался ребёнком в сравнении с древнейшими городами Месопотамии, Ирана и юга Туркмении.

Около середины II тыс. до н. э. наступила эпоха окончательного перелома, перераспределения энергии индоевропейского мира от старых, переживающих катастрофическую засуху центров Передней Азии и юга Туркмении к новым, подчас уже заложенным предшествующими вторжениями индоевропейцев, но ещё не принявшим современной классической формы центрам. Южный Урал явился важнейшим плацдармом кочевого индоевропейского мира в создании великих цивилизаций Евразии, засвидетельствованных уже не только археологией, но и создающей нетленные памятники историей и литературой.

Южный Урал XVIII – XV вв. до н. э. вовсе не был оторван от огромных просторов окружавшей его равнины. К XV в. до н. э. восточная граница андроновской культуры достигла верховий Иртыша, а южная касалась оазисов юга Туркмении. Западный фланг индоевропейского степного мира с XV в. до н. э. представляли носители срубной культуры, занимавшие Нижнее Поднепровье, Подонье и Поволжье. Они сменили в степях юга России своих предшественников, носителей катакомбной культуры XX – XVI вв. до н. э.

Топонимика Северного Причерноморья, Приазовья, Восточного Крыма, Поднепровья, Подонья и Поволжья наряду с югом Урала, Сибири и Средней Азией сохранила до наших дней мно-

жество древних индоиранских названий рек, озёр, гор, отдельных селений и местностей.

В значительной мере именно степи Евразии стали местом сложения прежде всего протоиндоевропейского языка, а затем, уже в IV–III тыс. до н. э., выделения из него восточной его ветви протомитанийско-индийского и иранского арийского языков хеттских надписей, Ригведы и Авесты II – I тыс. до н. э.

В степях Евразии около последней четверти III тыс. до н. э. и первой четверти II тыс. до н. э. произошло разделение восточной группы индоевропейских языков на митанийско-индийскую и иранскую группы.

Язык выходцев из развитых оседлых центров юга Туркмении и Ирана был близок восточной ветви индоевропейских языков и особого революционного воздействия на них оказать не мог, хотя наверняка и привнёс в него множество родившихся в городах юга слов, связанных с опережающим развитием экономики.

Огромная подвижность индоевропейского населения Евразии предопределила широту распространения индоевропейского языка таким, каким мы его видим из сравнительного языкознания, ещё в V – III тыс. до н. э., а – во II – I тыс. до н. э. и митанийского, индийского и иранского языков континента.

Ввиду серьёзных отличий славянского и индоиранского языков можно сделать вывод о том, что в IV – III тыс. до н. э. протославянекая общность центра и востока Европы уже начала складываться, хотя и далеко не в окончательно сформированном виде. Начало сложения балтекой языковой и культурной общности северо-востока Европы было положено вторжениями носителей индоевропейской культуры шнуровой керамики в последней четверти III тыс. до н. э. – первой четверти II тыс. до н. э. в лесную полосу Европы.

Протославянский язык ещё в V – IV тыс. до н. э. являлся западным флангом протоиндоевропейского языка, и носителями его было население днепро-донецкой культуры юга России V – IV тыс. до н. э. Дальнейшие наслоения индоевропейских кочевников, шедших, начиная с середины V тыс. до н. э., из степей Нижней Волги и Восточного Прикаспия в Поднепровье, несли новые диалекты, родственные протославянскому; и потому не менявшие его основы, но лишь развивавшие и дополнявшие общеиндоевропейскими оборотами.

К западу от Среднего и Нижнего Днепра в центре Европы в VII – IV тыс. до н. э. располагались поселения генетически чуждых индоевропейцам средиземноморских народов. Таким образом, в VII – IV тыс. до н. э. центр Европы не мог служить местом сложения не только протославянского, но и вообще какого-либо индоевропейского языка. На близких протославянам Восточной Европы индоевропейских диалектах могли говорить лишь североευропейские охотники, населявшие леса Белоруссии, Польши, севера Германии, Дании и юга Скандинавии (культура Эртебеле).

С середины IV тыс. до н. э. индоевропейские диалекты начали распространяться и утверждаться в Европе, главным образом на её севере (культура воронковидных кубков). С начала III тыс. до н. э. индоевропейские слоговые и глагольные формы начинают основательно утверждаться в центре Европы (культура баденская, шаровидных амфор) и на её западе (культура уиндмилхилл). При этом основой пока ещё неустойчивых, но утвердившихся на тысячелетия на европейской почве диалектов вчерашних кочевников служит язык индоевропейцев крайнего запада евразийской степи, то есть юга России, извечного плацдарма для вторжений кочевников в Европу. Это означает, что в IV – III тыс. до н. э. именно здесь закладывалась общность западной индоевропейской ветви общей языковой семьи в противовес восточному его крылу, вынашивавшему митанийский, протоиндийский и иранский языки.

Таким образом, начиная с середины IV тыс. до н. э. и на протяжении всего III тыс. до н. э. шла эпоха активного разделения общей индоевропейской протокультуры, религии и языка на западную и восточную группы. Европа, земли которой полнились подвижными индоевропейскими группами, в III тыс. до н. э. вынашивала основы будущих кельтского, латинского, греческого, германского, славянского, иллирийского и фракийского языков.

Именно на III тыс. до н. э. указывают параллели в славянском, латинском и греческом языках. На рубеже III – II тыс. до н. э. в результате движения носителей культуры шнуровой керамики зародились основы будущего балтского языка.

На III тыс. до н. э. помимо языковых параллелей в латыни, греческом и славянском языках указывает ещё и то, что именно около XXV в. до н. э. были заложены основы Ранней Эллады и именно в III тыс. до н. э. индоевропейские кочевники, проникшие на Апеннины из центра Европы, привнесли древнейший металл на полуостров.

Именно в течение всего III тыс. до н. э. развивалась культура Уиндмил-Хилл на островах Британии.

И хотя уже к концу III тыс. до н. э. индоевропейское население различных районов Европы могло лишь с определённым трудом понимать друг друга, такие примеры, как: бык – *bovis* (лат.) – *gaus* (Веды), указывающие на III тыс. до н. э. как на эпоху конца былой консолидации индоевропейцев, служили в дальнейшем красноречивым указанием на достаточно недавнюю общность.

Во второй половине IV тыс. до н. э. и в течение III тыс. до н. э. закладывались основы будущих германских, кельтских, латинских и эллинских протоязыков, – в III тыс. до н. э. пока ещё весьма близких к протославянскому. Однако обособление различных индоевропейских языков, западной ветви, в III тыс. до н. э. уже произошло, и век от века набирало силу.

И тут мы подходим ко II тыс. до н. э., времени, определившем не только расстановку современных или уже успевших погибнуть, но оставивших яркие памятники культур и языков индоевропейского мира Евразии, но и времени, во многом поставившем точку в сложении основных форм различных языков индоевропейского ряда Европы и Азии.

Наметившийся ещё в V – IV тыс. до н. э. разлом на западную и восточную группы индоевропейского праязыка ко II тыс. до н. э. приобрёл окончательное оформление. Но около середины II тыс. до н. э. произошло новое величайшее вторжение ведического восточноиндоевропейского крыла Евразии в Центральную и далее – в Северную и Западную Европу. Новое эпическое вторжение, привнёсшее в Европу курганную археологическую культуру, не только возродило на континенте несколько подзабытый к XV в. до н. э. древний степной обычай насыпать курганы над погребениями и наполнило долину Дуная множеством боевых колесниц, составлявших главную ударную силу индо-арийцев II тыс. до н. э., вторжение XV в. до н. э. привнесло в Европу на этот раз почти окончательные и определяющие влияния евразийской степи на культуры и языки складывавшихся индоевропейских общностей континента.

Именно вторжение боевых колесниц индоарийцев XV в. до н. э. в центр Европы поставило ближе современные германские языки к протоиндийскому (санскриту), нежели к нему расположен славянский. И в то же время близость восточнославянского к индоарийскому языку ведических гимнов большая, нежели западносла-

вянских диалектов, указывает на непосредственное соседство восточных славян с евразийской степной родиной ведического языка и мировоззрения II тыс. до н. э.

Можно сказать и так, что протославянский мир, сам некогда вышедший из степи и во II тыс. до н. э. занимавший обширные районы Центральной Европы (Средний и Верхний Дунай, Карпаты, бассейны Эльбы, Одера, Вислы) и восточноевропейской лесостепи, являл собой одновременно – и крайний запад кочевого мира Евразии, и крайний восток осёдлого мира Европы.

Вторжения элиты степной индоевропейской ведической культуры в центр Европы XV в. до н. э. носило для славян менее революционный, нежели для западноевропейского населения, характер, хотя издавна и общавшегося с выходцами из степей юга России, но не имевшего дотоле непосредственных контактов с представителями южноуральских и среднеазиатских индоевропейских общин.

Полуосёдлый мир славянства не воспринял культуру заволжских индоарийцев как совершенно незнакомую. Он сам во многом был и оставался её эпическим сотворцом. А вот запад Европы отреагировал на появление степной аристократии, ворвавшейся в центр континента на боевых колесницах, как на достаточно новое и яркое явление языка и культуры, и отсюда гораздо более разительные и впечатляющие параллели между германским, латынью, греческим и индоарийским языками, чем между непосредственными соседями – славянским и индоиранским языками. Боевые колесницы XV в. до н. э. прошли восток Европы с боем и без остановки; и главное их влияние распространилось в центре Европы, на юге Скандинавии, в Дании, на атлантическом побережье Франции, на Апеннингах (загадочные этруски) и в Греции (нашествие дорийцев XIII – XII вв. до н.э), хотя и остальные районы Европы, безусловно, испытали сильнейшее их влияние.

После вторжения индоарийских колесниц XV в. до н. э., положивших начало новой, курганной, культуре Европы, протославяне, как и всегда в дальнейшем стоявшие на страже восточноевропейских рубежей, соприкасались уже с протоиранским миром восточной индоевропейской группы Евразии. Иранский культурно-языковой мир являлся младшим братом индомитанийской общности и всюду следовал за ней как в Азии, так и в Европе.

Подводя определённые итоги, можно сказать, что протославянский язык, весьма образный, консервативный и могучий, развивался параллельно с индоарийским языком ведических гимнов из общего протоязыка V – IV тыс. до н. э., в то время как западные индоевропейские языки, и в первую очередь германская группа, развивались с середины IV тыс. до н. э. как западная ветвь индоевропейской языковой провинции и до XV в. до н. э. оставались весьма близкими протославянскому языку как восточной и наиболее древней части этой провинции. В XV в. до н. э. протогерманский, протокельтский, протолатинский и протогреческий языки подверглись серьёзной трансформации из-за вторжения в Европу носителей индоарийского языка юга Урала и Средней Азии.

Можно сказать ещё смелее: славянский и ведический языки – это два брата, живущие бок о бок, но порознь, а западноевропейские языки во многом явились результатом их смешения, хотя и на издревле (середина IV – III тыс. до н. э.) сложившейся местной и во многом общей с протославянским почвой.

Можно сделать и ещё один вывод: окончательное размежевание протогерманского и протославянского языков произошло после XV в. до н. э., причём протославянский главным образом продолжал следование древнейшим традициям, в то время как германский резко отделился от него из-за сильнейшего влияния носителей курганной культуры и языка индоарийцев.

Справедливости ради следует сказать, что и протославянский мир Европы во II тыс. до н. э. подвергся едва ли меньшему воздействию степи, однако язык протославян к XV в. до н. э. уже был крайне устойчив и консервативен именно к влиянию всегда близкой степи, поэтому и перемены на востоке Европы, шедшие во II тыс. до н. э., были менее разительны, нежели в центре и на западе континента.

Достигшая зенита во второй четверти II тыс. до н. э. степная индоевропейская цивилизация евразийской степи – всюду, где являлись её представители, производила своего рода бурю, сметавшую прежние индоевропейские культуры и закладывавшая основу классических, освящённых свидетельствами истории, цивилизаций Европы, Малой Азии (хетты), Индии, Ирана.

Протославянский мир как древнейший западный сотворец общей индоевропейской культуры и языка оказался наименее трансформирован под влиянием взрыва степной индоарийской цивилизации II тыс. до н. э. именно из-за того, что связи прото-

славянского и протоиндоарийского миров коренились ещё в V тыс. до н. э., в эпоху первого появления всадников (культура средний стог V – IV тыс. до н. э.). Сплав стремительности степняка и невозмутимости богатыря-пахаря днепро-донского междуречья ещё в V тыс. до н. э. заложил основы многих сторон славянского мира. Позднейшие влияния средиземноморцев (трипольская культура IV – III тыс. до н. э.), индоарийцев (культура курганных погребений XV – XIV вв. до н. э.), иранцев (скифы, сарматы VIII в. до н. э. – III в. н. э.) могли лишь в чём-то дополнять славянскую культуру и язык, но изменить её в корне не мог никто, ибо к XV в. до н. э. она уже сама являлась мощной целостной силой, в дальнейшем сумевшей стать доминирующей во всём степном евразийском пространстве классической индоевропейской истории.

Но обратимся к восточной группе индоевропейских языков. Родство языка хеттов (митанийский арийский) и индоарийцев указывает на общее для двух народов место проживания в IV – III тыс. до н. э., послужившее исходным пунктом для двух великих нашествий. В связи с этим следует указать на близость металлургической продукции юга Туркмении (Намазга VI) XVII – XVI вв. до н. э. и Малой Азии соответствующего периода.

Как неоднократно отмечалось выше, в период с середины III по середину II тыс. до н. э. центры юга Туркмении и северо-востока Ирана были теснейшим образом вплетены в систему евразийской торговли и культуры. Широчайшее распространение получили наступательные виды вооружений: кинжалы, копья, мечи, топоры. В общую систему обмена и торговли наряду с югом Туркмении и северо-востоком Ирана были включены города Элама (Сузы), Афганистана (Мундигак), северо-запада Индии (Мохенджо-Даро, Харappa). При этом в центрах юга Туркмении и северо-запада Индии были распространены сходные печати, что указывает на близость всех сторон организации экономики, торговли и административного устройства двух регионов.

В то же время – начиная с XVII в. до н. э. – на юг Туркмении начала проникать металлургическая продукция юга Урала. Произошёл исторический поворот культурного влияния – вместо шедшего до сих пор с юга на север – на новое, идущее с севера на юг. Во II тыс. до н. э. сложилась мощная металлургическая провинция, включавшая помимо юга Урала области Междуречья (реки Амударья и Сырдарья, центр Заман-Баба), верховья реки Зеравшан, Амударья, Сырдарья, Чу. Всюду производились схожие по типу

изделия из металла. Существовала прямая общность бронзы юга Урала и Самарканской области Средней Азии, выразившаяся в 20% олова против обычных 10% при выплавке бронзы. В сложившуюся культурную провинцию юга Урала, Средней Азии, юга Туркмении вошел и северо-восток Ирана (Гиссар III), многие формы украшений и оружия которого издревле служили прототипами для степи.

Сохранившиеся письмены хеттов, тексты гимнов Ригведы и Авесты позволяют сделать вывод о том, что разделение ведического языка и языка хеттов, с одной стороны, и иранского языка Авесты – с другой произошло в первой четверти II тыс. до н. э. и тем более до XIII – XII вв. до н. э., времени так называемой варварской оккупации юга Средней Азии идущими с севера кочевниками, прародителями авестийских иранцев. Самое позднее – в первой четверти II тыс. до н. э. митанийский хеттский язык уже был широко распространён в Малой Азии, Сирии и Палестине. Ведический индоарийский язык распространился в долине реки Инд во второй четверти II тыс. до н. э., и не позже XV в. до н. э. территория Афганистана в равной мере явилась восприимчивой двух близких языков, – митанийского хеттского и ведического индоарийского, сохранив его как кафирский. Иранский арийский язык распространился на территории юга Средней Азии, Афганистана и Ирана не ранее XIII – XII вв. до н. э.

Оба памятника II – I тыс. до н. э. – Ригведа и Авеста – называют страну, занимаемую ариями, *Sapta sindha* (инд.) и *Harpa hindu* (иреки), что означает «*Семиречье*». Всего в Ригведе упоминается около 30 рек; и явственно видна традиция индоарийцев переносить названия рек в глубь занимаемой ими страны по мере продвижения вперёд. Названия рек *Sindhy*, *Sarasvati*, *Sarayu* упоминаются как в Ригведе, так и в Авесте. Кроме того, *Sindhy* являлось вообще обозначением реки. *Sarasvati*, воспетая в гимнах Ригведы как могучая, стремительная и набухающая от притоков, являлась главной и святой для ария рекой. На северо-западе Индии, в штате Раджастан, существует пересыхающая в песках пустыни река с одноимённым названием. А название реки *Sarayu* переносится индоарийцами из бассейна Инда в бассейн Ганга.

Очевидно, что одно и то же название страны – *Семиречье* – и индоарийцы, и иранцы почерпнули в стране, являвшейся для них общей прародиной; и в дальнейшем переносили его на различные занимаемые ими области.

Оба памятника – и Ригведа, и Авеста – повествуют о том, что

страна ариев огорожена покрытыми снегом горными вершинами *Himavantah* (Ригведа). Авеста повествует о 2244 горных вершинах. В Ригведе упоминается пик *Mujavat*, славившийся тем, что на его склонах произрастали лучшие сорта божественного растения *сомы*.

Иранцы, создатели Авесты, помнят о жизни в общей для них и индоарийцев стране, называемой Авестой *Айриана-Ваеджо*. Помнят они и о том, что часть живших с ними совместно народов ушла на юг, достигнув бассейна реки Инд.

Часть населения их прародины осталась на равнине и продолжала вести привычный кочевой образ жизни и ведения хозяйства и в дальнейшем составила скифо-сарматскую общность евразийской степи, язык которой относится к иранской группе индоевропейских языков.

Авестийские иранцы были вынуждены покинуть Айриану-Ваеджо вследствие холодного климата, и только уйдя со своей прародины, они заняли равнину Согдианы (Средняя Азия, долина нижнего и среднего течения Амударьи) и провинцию Мерв (долина реки Мургаб). Но и на новых землях – постоянные нападения кочевников и внутренние раздоры не давали покоя ариям и вынудили их занять страну Бахдги (Бактрия), расположенную к востоку от реки Мургаб в верхнем и среднем течении реки Амударьи, где расположен город Бактра, хорошо знакомый классическим авторам древнего мира. Бактрия, страна высоких знамен, на определённом этапе истории оказалась центром царской власти ариев и стала важнейшим связующим звеном южнотуркменских и степных туранских общностей индоевропейцев севера с индоарийской и иранской общностями Индии, Афганистана и Ирана II – I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Помнят авестийские иранцы и о занятии исторической провинции Нисайи, расположенной между Бактрией и долиной реки Мургаб (междуречье Мургаба и среднего течения Амударьи).

Из Нисайи иранские арийцы проникли в долину реки Герируд (Гаройя), в верхнем течении которой расположена историческая провинция Ария (район города Герат). Нижнее течение реки Герируд в южной Туркмении имеет название Теджен, в самом низовье которой расположен древний Геоксюрский оазис IV – II тыс. до н.э. Следует отметить и то, что для проникновения кочевников из Бактрии, Согдианы, Нисайи и Мерва в классическую Арию им не пришлось преодолевать ущелья Гиндукуша (Северный Афганистан), а достаточно было вместе с многочисленными стадами до-

машного скота подняться долиной реки Теджен-Герируд в её верховья.

Долина реки Теджен-Герируд издревле служила естественными воротами, соединявшими Переднюю Азию и степи Евразии, включая равнины Средней Азии и юг Туркмении. Не случайно именно геоксюрский центр юга Туркмении IV тыс. до н. э. имел теснейшие связи с Эламом и Фарсом (юг Ирана), в то время как расположенные к западу от низовьев реки Теджен древнейшие центры юга Туркмении были менее подвержены влиянию Ирана.

Из провинции Ариана открывался практически беспрепятственный для кочевников-скотоводов доступ, с одной стороны, к западу, на Иранское плоскогорье, а с другой – к югу, в бассейн реки Гильменд (Южный Афганистан) и далее в долину реки Инд на северо-западе Индии.

Авеста помнит и о том, что на востоке иранского плоскогорья (Ваякерета-Дузака) произошло разделение народа, часть которого перешла реку Гаракаити (Гильменд) и проникла в Гептагенду (быть может, Пенджаб), а часть двинулась на крайний запад иранского плоскогорья, через Урву, вплоть до страны Варены на юго-западе Каспийского моря (Восточный Азербайджан). На северо-западе Ирана пришельцы рубежа II – I тыс. до н. э. заложили основу исторической индийской общности.

Однако для убедительности выводов о перемещениях индоевропейцев Евразии III – I тыс. до н. э. нам не обойтись без краткого обзора археологических данных, подчас являющихся важнейшим и единственным фактором в анализе событий давно минувших лет.

Данные археологии указывают на то, что на рубеже III – II тыс. до н. э. практически всюду в Передней Азии получили распространение фигурки людей, отлитых из металла и увенчанных коническими шлемами с упёртыми в бока руками.

Клиновидные медные топоры, имевшие широкое распространение, в XXIII – XIX вв. до н. э. в горах Таджикистана (верховья рек Амударья и Зеравшан) и в Бактрии, имеют множество аналогов в Иране (Сузиана, Элам), в южной Месопотамии (город Ур), на Кавказе, в Греции, на острове Крит. В XVII – XVI вв. до н. э., это время совпадает с моментом гибели цивилизации городов Хараппа и Мохенджо-Даро, клиновидные медные топоры проникли в долину Инда и в Белуджистан.

Топор-тесло с выступающей втулкой, на рубеже III и в пер-

вой половине II тыс. до н. э. широко распространённый в центрах юга Туркмении и северо-востока Ирана (Гиссар III), представлен в последнем слое города Мохенджо-Даро.

Также и топор-тесло без выступающей втулки, распространённый в конце III – начале II тыс. до н.э. на юге Туркмении, в Иране и в Элладе, с начала II тыс. до н. э. проник в Подунавье (Трансильвания) и также в последние слои города Мохенджо-Даро.

И в то же время начиная с конца III тыс. до н. э. и в первой четверти II тыс. до н. э. с юга Средней Азии на север в степи, в первую очередь на богатый металлургическим сырьём юг Урала, проникают черешковые ножи, распространённые до этого у земледельцев юга Туркмении с IV тыс. до н. э., браслеты, изготовлявшиеся на юге Средней Азии с начала III тыс. до н. э., круглые, выпуклые, с двумя отверстиями бляшки, распространённые в Иране и на юге Средней Азии.

К середине II тыс. до н. э. на юге Урала, в центрах андроновской культуры, местные ножи с намечающимся перекрытием вытесняют черешковые. Также вырабатывается собственный яркий стиль создания браслетов со спиральными концами и браслетов с рожками, огромное распространение, начиная с середины II тыс. до н. э., получившие в Европе (курганная, тшинецко-комаровская, лужицкая культуры XV – VIII вв. до н. э.), на юге России (срубная культура XV – XIII вв. до н. э.) и в Передней Азии. Сходство культур юга Туркмении и юга Урала середины II тыс. до н. э. видно в манере изготовления зеркал и четырёхгранных медных шильев.

Около середины II тыс. до н. э. – с севера, из степей юга России, Урала, Сибири – на юг Средней Азии поступило незнакомое дотоле бронзовое оружие, изготовлявшееся в центрах срубной и андроновской культур, втульчатые копья с прорезями, вислошные топоры, ножи с намечающимся перекрестием.

Практически одновременно с широким проникновением наступательного оружия степи на юг Средней Азии оно хлынуло в Европу (курганная археологическая культура Европы XV – XIV вв. до н. э.).

В то же время и в Европе, и на северо-западе Индии появились археологически и исторически засвидетельствованные боевые колесницы, ознаменовавшие рождение классических индоевропейских цивилизаций Евразии.

Начиная с третьей четверти II тыс. до н. э. степные копья с прорезьями попадают на Британский архипелаг, где они широко распространились в последней четверти II тыс. до н. э. К началу железного века (X – VIII вв. до н. э.) копья с прорезьями в Европе исчезли.

Степной тип двулопастных втульчатых стрел, развившийся из наконечников копий андроновской и срубной культур не ранее XIV в. до н. э., ещё в последней четверти II тыс. до н. э. встречается практически всюду: в долине Дуная, в центре Европы, в Греции, Италии и во Франции.

Есть подобные стрелы и в Передней и Малой Азии, в Иране (около X в. до н. э.). Скифские стрелы евразийских степей VIII в. до н. э. – III в. н. э. ведут происхождение от тех же двулопастных втульчатых образцов.

На юге Туркмении, в Ферганской долине и Иране существовал собственный тип стрел, – двулопастных черешковых.

На рубеже II – I тыс. до н. э. на юге Средней Азии появились степные втульчатые двулопастные стрелы.

Уже упоминалось о том, что около середины II тыс. до н. э. в степях Евразии распространились топоры-кельты, являвшиеся своеобразным символом степной металлургии. В XII–VIII вв. до н. э. топоры-кельты попали на юг Средней Азии и одновременно в Европу. Однако у скифов VIII – I вв. до н. э. топоры-кельты отсутствовали.

Рубеж II – I тыс. до н. э. на юге Средней Азии отмечен стиранием различий культур евразийской степи и древней оседлой цивилизации юга Туркмении. Эта эпоха получила название «варварской оккупации» и совпала с описанным в Авесте движением иранских арийцев вслед за ушедшими ранее на юг, в долину Инда, сородичами.

Обратимся, наконец, к религии и мифологии восточных индоевропейцев Евразии III – I тыс. до н. э., составивших великие вторжения хеттов; индоарийцев, создателей Ригvedы, тех же индоарийцев, вторгшихся около XVI – XV вв. до н. э. в центр Европы, и иранцев, создателей Авесты, приход которых на юг Средней Азии в XIII – XII вв. до н. э. назван археологами «эпохой варварской оккупации».

Приведём сравнительное описание богов и мифологических персонажей, встречаемых в табличках хеттов, гимнах Ригvedы и в текстах Авесты.

Таблички хеттов	Ригведа	Авеста
Assura	Asura – боги адитьи (Митра Варуна). Ассуры борются с дэвами	Ahura
	deva – боги	daevas – демоны второстепенные
Indara	Indra – бог грозы и войны	Indra – мелкий войны демон
	Вритра – дракон	Veretragna
Mitrasil	Mitra – парное божество, поддерживает космический закон rta, свет в проти- воположность тьме	Mitra – одно из центральных тво- рений Ахура Мазды
Vruwanassil	Варуна – asura medhira (бог мудрый)	Ahura Mazda – (бог мудрый)
Iami	Yama – сын Vivasvanta (первый смертный, указавший путь людям на высшее небо)	Yima – сын – Vivahvanta
Nasatianna	Nasatya – эпитет богов ашвинов	Nashaitya
Akni	Agni – бог огня, жертвенного костра, передающий жертву богам	
Suriiaas	Surya – бог солнца, глаз богов (рыжий конь и колес- ничий на золотой колеснице, путь ему прокладывают адитьи)	
suta	soma – божественное растение прине- сённое орлом с высокой горы	haoma
A[rta]ssumara (rta – закон, smar – вспоминать)	rta – высший космический закон, содержащий моральные ценности	asa
	kavi – поэт, создатель ведических гимнов	kauna – поэт, про- видец
	Sapta-Sindhua – семь рек Арии	Haapta-Hendu
	Sindhu – река Sarasvati – река Sarayu – река [реки Ригведы и Авесты]	Sindhy Sarasvati Saray
	Vata – бог штормового ветра	Vata
	Vayu – бог ветра, связан с Индрой	Vayu
	Trita Aptva – третий водяной, божество вытесненное Индрой	Trita, Traetaona
	Trita – мифический поэт риши, заклю- чённый в колодезь	Trita
	Notar – жрец	Zaotar
	stirna – стерна, солома	sterena
	barhis – тоже, расстилалось на месте жертвоприношения	baresman

Мы видим: основополагающая мифология и вырастающая из неё религия хеттов (митанийских ариев), индоарийцев (Ригведа) и претерпевшая на рубеже II – I тыс. до н. э. реформу Зороастра религия иранцев (Авеста) в сущности и основе своей едины. Едины и космические представления трёх народов о рождении мира и законах космоса, о постоянной смене света и тьмы, хаоса и гармонии.

Во всех трёх религиозных ветвях практически схожи имена богов и мифологических персонажей. Более того, древнейшие фамильные мандалы (собрание гимнов) Ригведы и древнейшая часть Авесты-Гаты поразительно близки и по языку, и по поэтической традиции. Причём язык древнейших пластов Ригведы ближе древнейшему языку Авесты, нежели языку классического санскритского эпоса Индии I тыс. до н. э. Разнят древнейшие основополагающие пласты Ригведы и Авесты, главным образом, лишь различные правила звукового соответствия.

Ведические знания древних индоевропейцев Евразии III – I тыс. до н. э. содержат предание о создании мира, согласно которому первоначально космос был полон хаоса, но в нём существовали «космические воды», заключавшие в себе зародыш будущей жизни. Из вод поднялась земля, превратившаяся в гору, но не имевшая твёрдого основания.

Наконец, из хаоса родился бог Индра, наделённый мыслью и силой собственного духа, охватил вселенную и создал современный мир света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла. Индра превратился в центр мироздания, космический столп, на 7 дней разъединивший небо и землю, отца и мать, прежде родивших самих богов.

В мире утвердился космический закон *ṛta* [*asa* (Авеста)], закон морали. Праздник встречи Нового года и обычай устанавливать ёлку (столп) являются древним обрядом, всякий раз с приходом Нового года славящим рождение мира и торжество гармонии и закона над хаосом и тьмой.

Изначально в мире хаоса существовали боги – Ассуры. С рождением космоса дня и ночи, добра и зла, закона и беззакония в борьбу с Ассурами вступили их младшие братья Дэвы, и началась каждодневная борьба бытия (*sat*) и небытия (*asat*), гармонии и хаоса, света и тьмы.

Древние индоевропейцы обожествляли явления окружающего мира. Боги олицетворяли и персонифицировали собой проявления сил природы. Небесными богами являлись Адитьи, дети

матери Адити – бесконечности, несвязанности, космоса, прямой противоположности Дити – связанности.

Боги Адитьи – это: Митра [договор, солнце, свет, борющийся с мраком, бог, поддерживающий космический закон *ṛta(asa)*], выступающий в паре с Митрой Варуна [бог истинной речи, охраняющий путь солнца и космический закон *ṛta(asa)*], Пушан (бог солнечного света и тепла, дающий жизнь людям и всему живому на земле), Сурья (око богов), Савитар (бог, пробуждающий к жизни всё живое), Вишну (бог, в три шага проходящий вселенную, олицетворяя высшим третьим шагом единство противоположностей в космосе), Ушас (богиня утренней зари, в образе чудной девушки гонящая прочь сестру-ночь), Ашвины (два бога-близнеца, каждоедневно утром и вечером объезжающие вселенную на стремительной колеснице, несут людям спасение и исцеления), Арьяман (гостеприимство), Бхага (доля, богатство), Адита, мать богов Адитьев, дважды в Ригведе противопоставляется Дити (связанности).

Богами атмосферы являлись: Индра [бог грозы и войны, громом – ваджрой (дротик, который метали двумя руками) повергающий демонов], Индарани (супруга бога Индра), Рудра (бог бури и отец Марутов), Маруты (сыновья Рудры-бури и грозовой тучи – пёстрой коровы Пришни, Маруты мчатся на колеснице в небе, исторгая гром и дождь, помогая богу Индре в его подвигах), Парджанья (бог грозовой тучи и дождя в образе быка или жеребца, дарующего семя жизни земле), Ваю (бог ветра, мчащийся на колеснице), Вата (бог штормового ветра).

Далее следуют боги: Агни (бог огня на земле, в небе и в воде, бог жертвенного костра, возносящий жертву богам на небеса, бог, убивающий ночных демонов, бог домашнего очага, гость в доме жертвователя), Сома – царь растений, дающий божественный сок; бог Сома – жених Сурьи, дочери Солнца; Савитар – бог, символизирующий силу Солнца, пробуждающий к жизни всё живое, Небо и Земля (божества, олицетворяющие мужское и женское начало, где Небо – отец, а Земля – мать, от слияния их родились Вселенная и всё живое, населяющее её, и даже боги являются их детьми, но боги разъединяют и укрепляют порознь слитые ранее в хаос Небо и Землю).

Наряду с богами и полубогами в Ведах упоминаются обожествлённые, легендарные люди. Среди них Ману (первый человек, он первым начал приносить жертвы богам), Тваштар (скорее

бог, чем человек, творец-создатель всех форм в космосе, отец Индры, создавший для него его ваджру, в итоге был оттеснен Индрой), Яма [царь мёртвых, первый человек, указавший людям путь в потусторонний мир, Ями возглавляет сонм отцов (pitaran) – душ умерших предков, часто отождествляемых с древними певцами-риши].

В Ведах выступает сонм демонов, главным среди них является змей Вритра, преградивший путь семи рекам с помощью скалы Вала, запершей скрываемые демонами Пани богатства ариев, их коров, утренние рассветы, саму жизнь и свет. В гимнах повествуется о том, как бог Индра убивает змея Вритру, пробивает ваджрой скалу Вала и пускает на волю семь рек [Sapte-Sindhou (Веди), Napte-Hendy (Авеста)], а вместе с ними сокрытые жадными демонами Пани утренние зори, жизнь и богатства, заключённые для ария в аллегории коров. Богиня утренней зари Ушас тотчас сменяет сестру Ночь, боги Ашвины вновь объезжают вселенную на колесницах и подают людям помощь и исцеление, бог Агни возносит небесам жертву.

Есть и иное повествование о каждодневно происходящем подвиге бога и победе жизни и света над демонами зла. Индра совершает подвиг, сопровождаемый сонмом полубогов-певцов Ангирасов, могучим пением повергающих вниз скалу Вала.

В Ригведе содержится миф о всемирном потопе, во время которого рыба спасает первого человека Ману.

Ведические арии II тыс. до н. э. полагали, что поэты-риши, создатели гимнов Ригvedы, являлись посредниками между людьми и богами и в моменты озарения, видя внутренним духовным взором великую картину мироздания, подчинённого космическому закону (rta), открывали людям высшее знание вселенной. Богиня var (vac) персонифицировала речь, божественное слово. Считали также, что средоточием духовных сил человека является его сердце [hrd (Веды)]. Поэты-риши (rsi – рекущие) именовались мудрыми (kavi – славянское соответствие *ковать*), вдохновлёнными (vipra) певцами (haru – славянское соответствие – *хор*).

Ведические гимны на протяжении тысячелетий сохранялись в семьях жрецов, среди которых были и потомки полупоэтических создателей «фамильных» мандалов (глав), заложивших основополагающую и древнейшую основу Ригvedы. Так считают создателями мандалы II риши из рода Grtsamada, мандалы III – Vicvamitra, IV – Vamadeva, V – Atri, VI – Bharadvaja, VII – Vasistha.

Вслед за сложением Ригведы – главным образом уже на земле Северной и Западной Индии – родились три более поздних сборника Вед: *samaveda* – Веда напевов, *yajurveda* – Веда жертвенных форм, *atharvaveda* – Веда заклинаний.

Как было замечено выше, язык древнейших фамильных мандалов Ригведы стоит ближе к языку основополагающих пластов Авесты (Гаты), чем к эпическому санскриту Индии I тыс. до н. э. Язык Ригведы тяготеет к Афганистану и к крайнему северо-западу Пакистана. Время сложения древнейшего ядра Ригведы относится ко второй половине III тыс. до н. э. и к первой четверти II тыс. до н. э. Лишь поздние гимны Ригведы можно отнести ко второй половине II тыс. до н. э. и даже к первой четверти I тыс. до н. э.

По мере продвижения индоарийцев в глубь Индии происходило вольное и невольное лингвистическое заимствование ими из языков местного автохтонного населения – дасов или дасью, людей с тёмной кожей, говоривших на дравидийском или австроазиатском языках. Именно контакты с дасами привнесли неповторимое своеобразие в классический санскритский эпос Индии, которое отличает его от древнейших пластов Ригведы, местом первоначального сложения которых служила отнюдь не Индия и даже не Афганистан, а земли, лежащие к северу от гор Копетдага, Гиндукуша и Тянь-Шаня.

Ведические индоарийцы, обладатели стремительных боевых колесниц, вторгшиеся во второй четверти II тыс. до н. э. на земли Северо-Западной Индии, первоначально сложились как яркая и целостная историческая, культурная, языковая, религиозная общность на просторах Средней Азии, в долине ныне погибшей Великой реки Туранской долины (река Чу, сухие русла Жан-Дарьи, Узбой) и по берегам её притоков Сарысу, Сырдарья, Зеравшан, Амударье, Мургаб, Теджен. Причём начиная с V тыс. до н. э. северными провинциями легендарной Айрианем-Ваеджо (страны ариев *Sapta-Sindhou* – семиречья, окружённого с юга цепями заснеженных гор) – служили степи Нижнего Поволжья и южные отроги Уральского хребта.

Древнейшей осёдлой провинцией (хотя во многом справедливее сказать – метрополией) страны ариев были города и селения юга Туркмении и Ирана, сообщение между которыми осуществлялось по долине реки Теджен-Герируд и контролировалось крепостями Геоксюра.

Начиная с середины III тыс. до н. э. страшная засуха погубила окончательно не только центры Геоксюрского оазиса, но и земледельческие и скотоводческие общины Туранской долины. Ведическое предание о победе бога Индры над змеем Вритрой, запрудившем реки и спрятавшем в горных теснинах утренние зори и богатства ариев, есть символ и олицетворение-вечного божественного начала, каждодневно дающего жителям равнины воды вырывающихся из горных ущелий рек.

Вторжение хеттов [Heti (Веды) – *тика* – Hata (лат.)] на земли Месопотамии, Сирии, Палестины, севера Египта и Малой Азии, словно весенний паводок, неспешно, но поступательно разворачивавшееся около последней четверти III тыс. до н. э. и в первой четверти II тыс. до н. э., явилось прямым следствием начала климатической катастрофы в стране Sapta-Sindhoy. Напомним, что с середины III тыс. до н. э. шло неуклонное сокращение жилых площадей Геоксюра и общее нарушение водного баланса не только реки Теджен-Герируд, но и всей речной системы Средней Азии.

Около XXIV-XXIII вв. до н. э. из гор Загроса (Элам, город Сузы) на юго-западе Ирана, как это происходило ещё в VI-IV тыс. до н. э., в Южную и Центральную Месопотамию последовал ряд индоевропейских вторжений. Нашествию подверглись древние города южного междуречья Ур, Урук, Эриду. После завоевания долин рек Тигр и Евфрат индоевропейцы овладели Сирией и далее – землями Передней Азии, вплоть до Синайского полуострова.

Египет, цивилизация которого развивалась с конца IV тыс. до н. э., к рубежу III – II тыс. до н. э., переживал эпоху смут и династических раздоров. Многочисленные правители отказывали в повиновении центру, и фараоны, обретавшиеся в Дельте Нила, власть над Египтом имели скорее номинальную, нежели реальную. Египетский историк и верховный жрец города Гелиополя, живший на рубеже IV – III вв. до н. э. и составивший историю Египта, написанную на греческом языке, так повествует о вторжении индоевропейцев в долину реки Нил:

«У нас царствовал Тимеос. Не знаю почему во время этого царя бог прогневался на нас. Вопреки всякому ожиданию, пришли с Востока люди неведомого происхождения, внезапно вторглись в страну и легко завладели ею без битвы».

Закат эпохи Древнего царства Египта приходится на 2160-1991 гг. до н. э. Годы с 1991 по 1795 до н. э. именуется эпохой Среднего царства Египта. Годы с 1785 по 1560 (1541) до н.э. со-

ставляют переходную эпоху от Среднего царства к Новому Египетскому царству.

Время, прошедшее с 2160 г. по 1560 (1541)г. до н. э., в истории Египта отмечено беспрестанной внутренней смутой и владычеством пришельцев, как их называли египтяне-пастушеского народа Ментиу [manu (Веды) – человек, Манус – родоначальник людей].

Вторгшиеся в Дельту Нила индоевропейские пастухи-кочевники прежде всего позаботились о крепком тыле – и на крайнем северо-востоке Египта возвели укрепленный лагерь Гуар, служивший им в дальнейшем главным военным оплотом в Египте.

После первого вторжения в Дельту Нила пришельцам понадобилось около двух столетий для того, чтобы их власть была признана фиванскими князьями. И наконец, царю народа Ментиу Ассесу удалось свергнуть 15-ю династию Египта и полностью овладеть всей долиной Нила от Нубии до Дельты. Столицей Египта под властью кочевников стал расположенный на северо-востоке дельты Нила город Танис.

Согласно преданию в промежутке между 1785 и 1560 гг. до н.э. при царе кочевников Афобии между Себеннитским рукавом Нила и пустыней в стране Гошен (земля Гесемская) поселились семитские народы, пришедшие из Аравии.

Шестнадцатая династия Египта явилась династией индоевропейских кочевников. Власть их была абсолютна лишь в дельте Нила и не распространялась южнее Мемфиса. Город Фивы, столица верхнего Египта, хотя и платил дань иноземным представителям 16-й династии, сумел сохранить известную самостоятельность и в дальнейшем стал силой, сумевшей опрокинуть власть кочевников-индоевропейцев на севере Египта.

Князь Фивы Тиауа I поднял восстание против царя кочевников Апопи. В результате разгоревшейся борьбы индоевропейцы были оттеснены из дельты Нила в укрепленный лагерь Гауару. Но и тут им удалось задержаться лишь ненадолго, и вскоре египтяне полностью овладели всей долиной Нила, а индоевропейцы были изгнаны из Египта в Сирию и Палестину, в долины рек Иордан и Оронт.

Основатель 18-й династии фараон Ахмос I стал освободителем Египта и был объявлен богом. Время правления 18-й династии Египта приходится на 1560 (1541) – 1320 (1306) гг. до н. э. Восстановлением державы Ахмос I положил начало пяти векам еги-

петских завоеваний в Азии (1560 – 1085 гг. до н. э.), эпохе наибольшего могущества и величия нильских фараонов.

Ареной ожесточённой борьбы египтян с индоевропейцами (хеттами) отныне становится не дельта Нила, а долины рек Иордана и Оронта; враги Египта именовались не ментиу, а хити, занимавшие земли Малой Азии, Сирии и отчасти долину Евфрата. В долинах рек Оронт, Назана и Иордан жили хананеяне, являвшиеся теми же хеттами, обладавшими боевыми колесницами. К югу и востоку от Мёртвого моря по границе с пустыней Аравии жили терахиты, также входившие в хеттскую общность Азии. К западу от Мёртвого моря, в горах Палестины, жили высокие и статные голубоглазые *рефаимы*, встреченные тут выбравшимися из египетского плена семитскими народами в X в. до н. э.

Кроме того, как мы помним, на рубеже III – II тыс. до н. э. в Малой Азии сложилась хеттская культурная, языковая, экономическая и историческая общность, столицей которой с XVIII в. до н.э. служил хорошо укреплённый богатый город Хаттусас, расположенный вблизи современного города Анкары.

Заметим, что во II тыс. до н. э. Восточное Средиземноморье вошло в широкую систему евразийской и африканской торговли, равно вовлекавшей отдалённые берега Британского архипелага, янтарные берега Балтики, города Эллады, Трою, Крит, Кипр, Египет, страну хеттов (Малая Азия, Сирия, Палестина), Месопотамию, Иран, Кавказ, Афганистан, долину реки Инд, Бактрию, юг Туркмении, евразийскую степь и центр Европы (бронза унетичкой культуры).

Несмотря на войны, беспрестанно ведшиеся фараонами XVIII династии Египта с царями хеттов за обладание Сирией и Палестиной, постоянно существовали и процветали торговые пути, шедшие из Египта, через пустыни Синайского полуострова, город Меггидо (район современного города Дженин на западном берегу реки Иордан), города Тир, города Сидон, города Дамаск, города Кадеш (расположен в верховьях реки Оронт) и далее долиной реки Оронт до города Халев (Алеппио), после чего караваны достигали хеттской крепости Гаргамеш, охранявшей переправу через Евфрат и контролировавшей торговлю с древнейшими городами Месопотамии.

От крепости Гаргамеш торговые караваны двигались и в древний город Ниневию, основанный ещё в V тыс. до н. э. индоевропейскими выходцами из Ирана и ставший впоследствии сто-

лицей Ассирии, и далее в центры Передней Азии вплоть до юга Туркмении и северо-запада Индии. Шли караваны из Гаргамеша и на запад, южным берегом Малоазиатского полуострова, в центры Эллады и далее в долину Дуная. Гаргамешская крепость хеттов во многом являлась ключом всей переднеазиатской торговли II тыс. до н. э.

Религия государства хеттов и хананеян, в которое помимо Малой Азии входили Сирия и Палестина, как мы знаем из глиняных табличек, практически тождественна древнейшей религии ведических индоарийцев II тыс. до н. э. Весьма близки и их языки.

Сотни городов в землях хеттов имели своих управителей, состоявших в вассальной зависимости от власти центрального государя хеттов. С развитием производящей экономики, торговли и ростом городов успешно развивались литература, искусство, архитектура.

Около XVIII в. до н. э. в Южной и Центральной Месопотамии год от года крепло Вавилонское царство, в котором наряду с древними городами Ур, Урук, Ниневия быстро росли города Вавилон, Аккад, Ашшур (Ассур), Киш, Ниппур и другие.

С воцарением XVIII династии в Египте [1560 (1541) – 1320 (1306), гг. до н. э.] началась эпоха египетской реакции на вторжение индоевропейцев в дельту Нила на рубеже III – II тыс. до н. э. Разгорелась борьба египтян и хеттов за контроль над караванными путями Ближнего Востока и обладание ключевыми крепостями в Палестине и Сирии, наиболее значительными из которых являлись города Мегиддо в Палестине, Тир и Сидон на средиземноморском побережье, Кадеш в верховьях реки Оронт в Сирии и, конечно же, узел всей переднеазиатской торговли город-крепость Гаргамеш на переправе через реку Евфрат.

Если первый фараон XVIII династии Египта Ахмос I явился царем-освободителем от иноземного владычества и был объявлен богом, то его сын Аменхотеп I раздвинул границы Египта и положил начало пяти векам египетских завоеваний в Передней Азии (на Ближнем Востоке). Фараон Тутмос I, сын Аменхотепа, практически сразу же по воцарении совершил поход в Сирию и, достигнув реки Евфрат, воздвиг на его берегу памятники, знаменующие его победы. Из глиняных табличек хеттов мы узнаем о походе хеттского царя Сиппилулиумаса в Сирию, предпринятом в XIV в. до н. э. для борьбы с фараонами 18-й династии Египта. Так перед нами разворачивается эпическая пятивековая борьба государств хеттов и

египтян за обладание важнейшими стратегическими и торговыми городами-крепостями Палестины и Сирии, практически беспрепятственно шедшая всю вторую половину II тыс. до н. э.

Фараоны Тутмос II, Тутмос III, Аменхотеп II продолжили начатые отцами завоевания в Азии и добились того, что Сирия и даже Месопотамия явились данниками Египта.

Тем временем, несмотря на разгоревшийся спор за контроль над Сирией и Палестиной, торговля, идущая через города Тир, Сидон и Гаргамеш, продолжала неуклонно развиваться и шириться. В городах Сирии, Палестины и Месопотамии сходились торговые караваны, идущие от Бактрии и Инда до Британии, от гор Загроса до берегов Балтики.

Хетты на протяжении всего II тыс. до н. э. строили в Малой Азии, Сирии и Палестине многочисленные крепости, охранявшие важнейшие транспортные пути и накрепко, в случае необходимости, запиравшие их в горных теснинах. На скалах Малой Азии хетты выгравировали множество славящих победы надписей и фигур своих царей. Гомер, великий поэт Эллады IX-VIII вв. до н. э., помнит хеттов, пришедших около 1275 года до н. э. на помощь осажденной ахейцами (греками) Трое VII.

В 1320 (1306) – 1200 (1185) года до н. э. в Египте правят фараоны 19-й династии и спор за обладание Сирией и Палестиной между фараонами и царями хеттов разгорелся с новой силой. Первым фараоном 19-й династии стал Рамзес I. При его сыне Сети I хетты сумели организовать отпор Египту в Сирии, и Сети I был вынужден заключить союз с царём хеттов Морусаром, сыном Сапалула, согласно которому влияние Египта ограничивалось верхним течением реки Оронт в Южной Сирии. Вслед за Сети I в Египте в первой половине XIII в. до н. э. воцаряется великий фараон Рамзес II, царствование которого продлилось 67 лет и ознаменовано было тем, что Рамзес II, будучи всего 10 лет от роду, совершил военный поход в Сирию и Аравию. Им же была отражена морская агрессия, шедшая с берегов Малой Азии (тирсены) в дельту Нила. Рамзес II создал флот из 400 судов в Красном море.

Кульминацией борьбы хеттов и египтян за Сирию явилась война царя хеттов Хетисара, ставшего во главе широкой антиегипетской коалиции, с Рамзесом II. Генеральное сражение при реке Оронт хеттами было проиграно, однако ещё 15 лет шли бесконечные стычки и осады в Сирии и Ханане (Палестина). В итоге царь хеттов запросил у Египта мира.

Сторонами был заключён оборонительный и наступательный союз, согласно которому Сирия подлежала разделу, с условием взаимной выдачи преступников, защитой торговли и экономики и справедливым судопроизводством. Текст договора между Рамзесом II и царем хеттов Хаттусилисом III (первая половина XIII в. до н. э.) был выгравирован на языке хеттов на серебряной пластине и преподнесён Рамзесу II. А закрепили мир женитьбой Рамзеса II на дочери царя хеттов.

Последняя четверть II тыс. до н. э. была отмечена ослаблением Южной Месопотамии (Халдеи) с центром в городе Вавилоне и одновременным возвышением Северной Месопотамии, страны Ассур, с середины II тыс. до н. э. управляемой царями-первосвященниками, к имени которых обязательно добавлялась приставка Ассур [asuga (Веды) – бог]. Позже, уже в VIII – VII вв. до н. э., страна Ассур преобразовалась в ассирийскую державу, владычицу тогдашней Передней Азии. А во второй половине II тыс. до н. э. шла беспрестанная борьба между Северной (Ассур) и Южной (Халдея, Вавилон) Месопотамией. Известно, что около 1270 года до н. э. царь страны Ассур Тугултининип I завоевал Вавилон. А при ассирийском царе Тугултипалесарре около 1130 года до н. э. Ассирия отняла у слабеющего после нескольких веков беспрестанных побед Египта земли хеттов в Сирии. Но уже около 1060 года до н. э. объединённые силы хеттов нанесли поражение царю Ассирии, и Сирия восстановила самостоятельность.

Вслед за волной пастухов-кочевников, названных египтянами народом Ментиу, хлынувшей в XXIV – XXIII вв. до н. э. из Ирана в Месопотамию, Сирию, Малую Азию, Палестину и в Северный Египет, и засвидетельствованных историей как хетты, во второй четверти II тыс. до н. э. уже на земли Афганистана и северо-запада Индии ринулся не менее могучий вал ближайших к хеттам по языку и мифологии индоевропейских кочевников, обесмертивших себя принесёнными в Индию гимнами Ригведы. Общей для обоих нашествий исходной прародиной являлась легендарная страна Айриана-Ваджо, долина семи рек, охваченная горными цепями. Великая засуха середины III тыс. до н. э., поразившая северные отроги Копетдага, долину Турана с её гибнущей рекой, к середине II тыс. до н. э. приобрела необратимый и абсолютно катастрофический характер

Отроги Южного Урала, низовья Волги, юг Сибири, с V тыс. до н. э. представлявшие северные провинции индоевропейской Айриано-Ваеджо, на рубеже XVIII – XVII вв. до н. э. восприняли мощный импульс с юга. Наиболее ярким выражением этого движения явился внезапный расцвет первого (петровского) этапа андроновской культуры (XVIII – XV вв. до н. э.) юга Урала, обладавшей блестящей бронзовой металлургией, чудными боевыми колесницами и высокоразвитой культурой возведения зданий и фортификационных систем. Именно южноуральский анклав боевых колесниц XVII – XV вв. до н. э. стал главным исходным плацдармом для индоевропейского вторжения в центр Европы XV – XIV вв. до н. э., положившего начало курганной культуре Европы и впервые в истории континента привнесшего на его почву боевые колесницы ариев Евразии.

Одновременно юг Урала и низовья Волги продолжали являться крайней северной периферией индоевропейской общности Туранской долины и юга Средней Азии, около XVIII в. до н. э. устремившейся долиной реки Теджен-Герируд в Афганистан и в долину реки Инд.

Юг Урала XVIII – XV вв. до н. э. сыграл роль узла, связавшего восточную (хетты, индийские и иранские арии) культурную и языковую общность индоевропейского мира Евразии и западную (славяне, балты, германцы, кельты, латины, греки, фракийцы, иллиры). На юге Урала возникли основания двух громадных векторов, выходящих из единой точки, – на запад (XV в. до н. э.) и на юг (XXIV – XX, XVIII – XV, XIII – XII вв. до н. э.).

Напомним, что на землях Афганистана, в бассейне реки Гильменд, с IV тыс. до н. э. развивался Мундигацкий городской центр, культура, экономика и религия которого были близки Геоксьюру и центрам юго-запада Ирана (Элам, Фарс). К югу от Мундигака, в горах Белуджистана, также с IV тыс. до н. э. расцветал центр Кветта, во всех отношениях родственной Мундигаку.

Около середины III тыс. до н. э. великая цивилизация Ирана и юга Туркмении продвинулась к берегам реки Инд, где в среде чуждых народов были возведены сотни крепостей, портов и городов, крупнейшими среди которых явились города Мохенджо-Даро и Хараппа.

Население городов индской цивилизации середины III – первой половины II тыс. до н. э. являлось смешанным и состояло по большей части из представителей темнокожих аборигенов и го-

раздо меньшего числа выходцев из центров Ирана, юга Туркмении, Афганистана и Белуджистана. Последние являлись индоевропейцами, сумевшими в течение одной тысячи лет не только создать великолепные, регулярно спланированные города, оборудованные всеми системами жизнеобеспечения, включая каналы подачи воды, канализацию, хранилища продовольствия и могучие оборонительные сооружения, но и включить северо-запад Индии в общую евразийскую систему торговли и взаимного влияния и обогащения экономик и культу реки.

Почти за тысячу лет развития индской цивилизации III – II тыс. до н. э. – пришедшие с северо-запада индоевропейцы успели в значительной степени смешаться с местными австроазиатскими народами и составить особый этнос *дасов*, злейших врагов вторгшихся из Афганистана в долину Инда во второй четверти II тыс. до н. э. *ведических арийцев*. В Ригведе есть упоминание об одержанной ариями победе в битве при Хариюпи (Hariyupiya).

Уничтожив цивилизацию городов Хараппа и Мохенджо-Даро, ведические арии, привыкшие вести полукочевую жизнь, значительная часть которой проходила в боевой колеснице с оружием и вожжами в руках, не стали воспреемниками великолепной осёдлой индской цивилизации, как это трижды случалось в Элладе после очередного вторжения индоевропейских кочевников. Природа странствующего по бескрайним просторам евразийской степи воина победила осёдлого земледельца и ремесленника; и вторгшиеся в долину реки Инд индоарийцы продолжили и на новых, отвоёванных у дасов землях вести привычный образ жизни и уклад хозяйства, не забывая при этом не менее трёх раз в день возносить молитвы богу грозы Индре, по убеждению индоарийцев, разрушавшему крепости врагов [pur (Веды)–purgus (лат.) – бурдж (дари) – burg (нем.) – тур (слав.)], и богу Агни, сжигавшему их.

Вошедшие во второй четверти II тыс. до н. э. в долину Инда индо-арийцы составляли союз народов. Во главе отдельного народа стоял царь – rajan (Веды), в обязанность которого входили охрана внутреннего порядка, оборона территории от внешних вторжений и ревностное поддержание нравственности вверенного его царской власти народа. Власть царей бывала и наследственной, и выборной, однако её всегда могло ограничить собрание народа – samiti, подобное русскому вече.

Рядом с царём постоянно находилось верховное духовное лицо – Purohita (поставленный впереди), в обязанности которого

входило моление за воинство и благоденствие страны. Верховный жрец Пурухита совершал помазание на царство всякий раз при восшествии на трон нового монарха, что давало царю мистическую силу и власть, а самого жреца Пурухиту навек связывало с государём.

Древние индоевропейцы глубоко верили в магическую силу слова и тем более высказанной истины. Причины несчастий и болезней видели в нарушении людьми космического закона (ṛta), в грехе, в колдовстве, в одержимости демоном.

Общество индоарийцев делилось на три общности: brahmana, ksatriya (к ним относили и царей rajanya) и viś, или vaiśya. Была ещё группа неиндоарийцев – sudra. К Brahmana относили духовных лиц, поэтов-риши (ṛsi), создателей гимнов Ригведы. Ksatriya [ksatra (Веды) – *власть*] представляла собой знать или аристократию. Viś являл собой общину, население которой составлял простой народ vaiśya. Средневековые вики Скандинавии, являвшиеся центрами торговли и сбора дружин, и знаменитые викинги, населявшие их и прошедшие всюду от Византии, Киева и Ладоги до Сицилии, Парижа, Нормандии, Британии, Исландии, Гренландии и даже до Севера Америки, являются прямыми сородичами вигов и викингов Афганистана и северо-запада Индии II тыс. до н. э. Славянским соответствием viś, vaiśya являются *веси* и *верви*, как говорит народная речь от края до края, наряду с городами покрывшие русскую землю.

Царь-кшатрий (ksatriya), полководец (senani) и первосвященник (purohita) возглавляли войско страны. Брахман трижды в день возносил богам молитвы и выливал в пламя жертвенного костра божественный напиток сому. Алтари (vedi), служившие для вознесения молитв, строились на возвышенных местах.

Основу народа являли семьи, составленные из домохозяев – dāmpati (Веды), причем жена имела возможность в случае смерти мужа вторично выйти замуж. Несколько семей представляли Grama (граммада) – селение, при необходимости превращавшееся в военный отряд. Несколько Grama составляли viś, он же народ – jana.

Местом мирского общения и оглашения известий служили sabha (славянское соответствие – *событие*). Средоточием духовной жизни служили vidatha.

Время, свободное от работы, войн и богослужений, ведические арии заполняли развлечениями, важнейшими из которых являлись конские скачки, устраиваемые на ристалище.

Кроме того, нередко были танцы, музыка и игры в кости.

Главной ударной силой индоарийцев II – I тыс. до н. э., как неоднократно отмечалось выше, являлись боевые колесницы – *Ratha* (Веды). Они изготовлялись разборными, и части колесницы связывались ремнями. На деревянную ось насаживались два закреплённых деревянной чечкой колеса со спицами и металлическим ободом. От оси шло дышло с укреплённым на нём ярмом. Остов колесницы был либо деревянным, либо плетёным, либо обтягивался кожей. В колесницу запрягали от двух до четырёх лошадей. Справа находился колесничий, слева – воин, вооружение которого состояло из лука и стрел, спрятанных в колчан, копья, меча, боевого топора, дубины или пращи. Защитой воину служил щит. Колесницы нередко украшались изделиями из металла. Труд создателя колесницы воспевался в гимнах и приравнялся к творчеству поэта-риши. Кроме боевых колесниц существовали влекаемые волами деревянные повозки – *apas*.

Жизнь ведических индоарийцев была подвижна. Остановки обычно длились не дольше срока, необходимого для посева и сбора урожая. Широко возделывался ячмень с применением плуга на воловьей тяге. Злаки убирали серпами и провеивали в корзинах. Нередко для полива земель строились каналы – *kulya*.

Стадо было составлено из коров, символизовавших материальное благополучие ведического ария, быков, олицетворявших мужскую силу, коней, служивших символом солнца, буйволов, ослов, коз, овец, свиней. Собаки выполняли обязанности по охране жилища и стада.

Развивались ремёсла. Гончары сознательно избегали в работе применения круга, считая изготовленную с его помощью посуду принадлежностью демонов. Много плели из лозы, ткали из овечьей шерсти и травы. На деревянном станке натягивали нить – *tantu* [от *tan* (Веды) – *тянуть*] и продевали поперечную нить. Одежда изготовлялась и носилась нижняя и верхняя. Процветала металлургия. Ведическим индоарийцам были известны золото (*hiranya*), медь (*ayas*) и позже – железо (*suamam ayas*).

Нередки были охоты. На току ставились силки, а для львов устраивались западни. Знакомы были индоарийцы и с волками, – лютыми врагами, медведями, шакалами, гиенами, лисицами, оленями, антилопами, газелями, зайцами, кротами, змеями. А вот обезьяны, тигры, пантеры и слоны упоминаются лишь в поздних гимнах Ригведы.

Из пернатых – мир ведических индоевропейцев наполнялся орлами [суена (Веды) – aguile (лат.)], коршунами [grdhra (Веды)], соколами (суена (Веды)), совами, дикими гусями, перепёлками, павлинами, голубьями и попугаями. В Ригведе упоминаются также пчёлы, гусеницы, муравьи, мухи и скорпионы.

Ведическая мифология отводит птице особое место и отождествляет её с солнцем (Garutman – мифическая птица).

V. КУЛЬТУРА КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЕВРОПЫ XV – XIII ВВ. ДО Н. Э.

Около середины II тыс. до н. э., в то время как хетты, потерпев от фиванских князей поражение в дельте Нила, отстаивали свои права на Сирию, а близкие им по языку и религии ведические индоарийцы, сокрушив вооружённое сопротивление цивилизации городов Хараппа и Мохенджо-Даро, в беспрестанной борьбе с темнокожими дасами неуклонно двигались в глубь Индии, стремясь достичь долины реки Ганг, Европа переживала новое, возможно, самое мощное в своей истории вторжение индоевропейцев, обладавших невиданным дотоле на крайнем западе Евразии могучим, всепокрушающим оружием – боевыми колесницами.

Мы вновь вспомним о том, что Европа, на рубеже III – II тыс. до н. э. претерпевшая широчайшее вторжение из степей юга России, индоевропейских обладателей шнуровой керамики и боевых топоров, к 1550 г. до н. э. обрела собственную могучую бронзолитейную металлургию с центром в верховьях Дуная, Эльбы, Одера, Вислы (унетицкая культура первой половины II тыс. до н. э.). В мире Эллады процветали многочисленные ремёсла, градостроение, широчайшая морская и сухопутная торговля. В Британии возводились величественные каменные святилища–обсерватории (хенджи).

За полтысячелетия, прошедшего с эпохи великих перемещений и потрясений на рубеже III – II тыс. до н. э., индоевропейское население Европы почти повсеместно перешло к осёдлому ведению хозяйства и начало забывать древний степной обычай предков сооружать курганные насыпи над погребениями.

Около 1750 г. до н. э. степняки-индоевропейцы, населявшие левобережное Поднепровье, окончательно повергли трипольскую культуру правобережного Поднепровья, служившую последним

оплотом доиндоевропейского средиземноморского населения Европы. Путь из степей Евразии в Европу был абсолютно расчищен, и именно по нему устремились боевые колесницы и повозки ариев Нижней Волги, юга Урала, Средней Азии – традиционным путём кочевников от Нижней Волги, Дона и Днепра к Нижнему Дунаю и далее в центр Европы.

Общность языка хеттских надписей, древнейших ведических гимнов, основополагающих слоев Авесты – Гат, с одной стороны, и западной группы индоевропейских языков, начавших активное зарождение с IV и особенно с III тыс. до н. э. (в первую очередь германского, латинского и греческого) – с другой была во многом обусловлена именно вторжением в середине II тыс. до н. э. выходцев из классической Айриана-Ваеджо в Европу.

Именно к 1500 г. до н. э. на юге Урала исчезли носители первого, петровского, этапа андроновской культуры, владевшей боевыми колесницами и сумевшей создать собственную настолько яркую и самобытную металлургию, что появление её продукции в Европе во второй половине II тыс. до н. э. явственно видно (археологически). Стиль андроновской культуры степей во многом определил дальнейшее развитие германской, славянской и ряда иных общностей Европы.

Прежде всего вторжение 1500 г. до н. э. охватило долины Нижнего и Среднего Дуная, что само по себе традиционно для вторжений предыдущих и последующих эпох из степей Евразии (гунны, авары, угры). Кочевники разбрелись по Карпатской котловине, при этом нередко захватывая существовавшие до них укрепленные поселения, однако всюду они находились недолго.

Преобладание скотоводства и следование степным традициям склоняло вторгшихся в центр Европы кочевников к значительной подвижности, и они по большей части проводили время на плоскогорьях и водоразделах, выпасая многочисленные стада, – главный источник своего благосостояния.

Однако, как это случалось всякий раз и прежде, чем далее шли в Европу новые индоевропейские кочевники и чем дальше они в ней обретались, тем больше они начинали заниматься осёдлым земледелием и развитием сопутствующих ему ремёсел: от ткачества и гончарного производства до металлургии. Наиболее богатой бронзой и содержащими её кладами в данную эпоху оказалась область Среднего Дуная. Изделия из бронзы превосходили разнообразием предыдущую эпоху.

Общность первого этапа андроновской культуры юга Урала XVIII – XV вв. до н. э. и культуры курганных погребений центра и запада Европы XV – XIII вв. до н. э. особенно явственно видна на типе украшений и в первую очередь браслетов со спиральными концами. Мы помним и о том, что около середины II тыс. до н. э. в Европу также хлынуло множество степного наступательного вооружения: мечей (с восьмигранным эфесом), удлинённых кинжалов, копий, кельтовидных топоров, стрел, ножей.

С приходом нового мощного потока индоевропейских кочевников в Европе вновь возродился, обычай насыпать курганы. В основании кургана сооружались каменные или деревянные погребальные камеры, в которой редко хоронили более одного умершего. Группы курганов данной эпохи обычно содержат не более 50 насыпей. Погребения сопровождались значительным количеством украшений. Нередко вокруг кургана устанавливались каменные столбы.

Интересно отметить, что до прихода носителей курганной культуры XV в. до н. э. в Европе нередко хоронили покойников в скорченном виде, веря, что форма зародыша в чреве матери будет способствовать скорому перевоплощению и возрождению души и тела умершего. С распространением культуры курганных погребений второй половины II тыс. до н. э. погребения с таким трупоположением в Европе начинают исчезать. Вместе с тем в Европе началось широкое распространение трупосожжения вне курганной площадки и погребение останков в урнах. Однако полное господство обряд трупосожжения приобретёт несколько позже, в XIII – VIII вв. до н. э., в эпоху, следующую за культурой курганных погребений и названную эпохой культуры полей погребений, или погребальных урн. Напомним, что жители Айриано-Ваеджо издревле поклонялись богу Агни и считали, что именно огонь, с его очищающей силой, передаёт богу тело и душу умершего.

Носители культуры курганных погребений на возвышенностях, разбросанных в долине Среднего и Верхнего Дуная, сооружали алтари (*vedi*) и украшали их росписью и лепниной. Тут они возносили гимны-молитвы богам и приносили им жертвы.

Одним из центров носителей культуры курганных погребений было укреплённое поселение у современного города Дунайварош на Среднем Дунае. Вблизи него вскрыто более полутора тысяч погребений данной эпохи.

Трупосожжение стало характерным для определённых районов центра Европы ещё около 1650 – 1550 г. до н. э. (культура Тосег на Среднем Дунае).

Отголоски великого индоевропейского вторжения в Европу середины II тыс. до н. э. достигли самых дальних её уголков в самое короткое время.

Мы помним о том, что с 2000 г. до н. э. на севере Италии в долине реки По развивалась культура Террамар, оставившая искусственные холмы, многометровая толща которых содержит результаты труда десятков поколений живших на них людей. Около 1500 г. до н. э. север Италии принял новый поток индоевропейцев со Среднего Дуная, что вскоре привело к полному вытеснению кремневых орудий бронзовыми. Наладилось собственное бронзолитейное производство, основы которого коренились на Среднем Дунае. В долине реки По в XV – XIV вв. до н. э. появилось множество бронзовых мечей, топоров, бритв, сельскохозяйственных орудий, фибул (застёжек для плащей). Близкой к среднедунайской оказалась и керамика.

Вторжение середины II тыс. до н. э. из центра Европы в долину реки По не только не нарушило преемственности, существовавшей с 2000 г. до н. э. в рамках культуры Террамар, а, напротив, значительно усилило и развило местную производящую экономику и в первую очередь металлургию.

Около середины II тыс. до н. э. на острове Сардиния развернулось строительство многочисленных башен-нураг, защищающих покой посёлков, составленных из круглых каменных хижин. Об облике тогдашних обитателей острова говорят многочисленные бронзовые статуэтки воинов, головы которых увенчаны двурогими шлемами, вооружение состоит из лука и стрел в колчане, меча и кинжала, а защитой служит щит. В то же время башни-нураги возводили на Корсике и на Балеарских островах.

Вторжение середины II тыс. до н. э. не затронуло Пиренейского полуострова, и там продолжалось мирное развитие местной культуры Эль-Аргар (1700 – 1000 г. до н. э.)

Восточные и северные провинции Франции в XV – XIV вв. до н. э. были заняты носителями курганной культуры. Остальные районы Франции культурно и экономически были связаны с населением долины реки По (культура Террамар).

Вторжение носителей культуры курганных погребений достигло севера Европы около 1400 г. до н. э. При этом жизнь на севере

Германии, в Дании и на юге Скандинавии несколько ожила. Новое индоевропейское население насыпало курганы от 2 до 4 м в высоту и до 50 м в диаметре, окружало их деревянными или каменными столбами и располагало на возвышенных местах, нередко на берегу моря. В Скандинавии курганы по преимуществу сооружались из камня.

Преобразилась металлургия севера Западной Европы. На смену плоским топорам с закруглениями, главному орудию здешних мест предыдущих столетий, пришли евразийские степные топоры-кельты и многочисленные индоевропейские украшения, характерные для степи: браслеты, подвески, фибулы. Появился на севере Европы и меч с восьмигранным эфесом – характерным дунайским типом.

Изображения на камнях, оставленные людьми той далёкой эпохи, изобилуют картинами сцен охоты, кораблями, повозками, спиральями, солнечными дисками. Для ходьбы широко использовали лыжи, в земледелии и домашнем хозяйстве – телеги и сани. Осваивали и море. На острове Альс (Дания) нашли корабль 13,28 м длиной, вмещавший около двадцати гребцов и не имевший паруса.

Весьма интересно то, какую одежду носили создатели северо-европейских курганов второй половины II тыс. до н. э. Мужчины одевались в нижнее платье, опускавшееся ниже колен и подпоясанное у пояса. Поверх платья накидывался плащ. Голову защищала высокая войлочная шапка конической формы – колпак [карре (нем.) – сарра (лат.) – керугаите (лит.)]. Женщины облачались в юбку, состоящую из одного куска материи и достигавшую щиколоток, и жакет с коротким рукавом. Себя и одежду они украшали множеством богатых подвесок, булавок, ожерелий. Волосы покрывались сеткой.

В Скандинавии закладывалась основа будущих викив средневековья, близость которых ведическим индоарийцам, составлявшим вики северо-запада Индии II–I тыс. до н. э., видна не только в одежде, языке или вооружении, а в самом духе индоевропейского народа, в его ценностях и идеалах.

Эллада около середины II тыс. до н. э. также претерпела индоевропейское вторжение, что повлекло за собой смену эпох со среднеэлладской на позднеэлладскую.

Следует отметить, что смена эпох в мире Эллады совпадает во времени с изгнанием индоевропейцев из дельты Нила фиванскими князьями, утверждением в Египте фараонов XVIII династии

и началом их активной антихеттской завоевательной политики в Палестине, Сирии и отчасти в Месопотамии и на юго-востоке Малой Азии. Притеснения, претерпеваемые индоевропейцами от египтян в Азии, могли послужить причиной их вторжения в Элладу, на острова Кикладского архипелага, на Крит и Кипр, произошедшего около середины II тыс. до н. э. и осуществлённого с берегов Малой Азии.

Следствием этого вторжения помимо смены эпох в Элладе явилось заметное сближение культуры центров Эгейского моря с индоевропейскими культурами Передней Азии и в первую очередь северо-востока Ирана.

В это же время около середины II тыс. до н. э. в Элладу с севера, из долины Дуная, безусловно, проникла значительная часть кочевников-носителей культуры курганных погребений. Однако на этот раз в заселении Эллады доминировать могли индоевропейские колесницы, идущие с востока через Малую Азию, а не отряды, идущие с Нижнего и Среднего Дуная на юг. Это тем более вероятно, что перемены, произошедшие в Элладе, приближаются к 1550 г. до н. э., в то время как вторжение носителей культуры курганных погребений в центр Европы скорее следует отнести к 1500 – 1450 гг. до н. э.

Смена эпох середины II тыс. до н. э. не носила губительного или крайне катастрофического характера для Эллады. Язык, культура, религия и экономика представителей среднеэлладской эпохи и пришедших в страну индоевропейцев были близки, и города Микены, Тиринф, Мидея вскоре расцветают с новой, небывалой дотоле красотой и силой.

Защитой им служили могучие каменные стены. Шло неуклонное развитие земледелия, скотоводства, металлургии, различных ремёсел. Крепла и богатела земельная аристократия. Ни на один день не прерывалась широчайшая торговля, вовлекавшая в свою сферу янтарную Балтику, туманную Британию, могучую бронзолитейную металлургию центра Европы, Апеннины, Сицилию, Малую Азию, Сирию, Египет, Месопотамию, Иран, юг Туркмении и северо-запад Индии.

...До 1400 г. до н. э. Эллада, в лице своего центра Микен, испытывала определённое культурное и экономическое влияние городов острова Крит, являвшегося древнейшим в Европе центром бронзовой металлургии. Однако около 1400 г. до н. э. государство Крит погибло, города и селения оказались разрушены завоевателями.

Отныне на Крите распространилось и доминировало микенское влияние. И хотя вскоре жизнь на Крите возобновилась, но уже в меньших объёмах и без былого великолепия. На острове зародился тип храмов протоклассической формы, и наряду с этим распространились первые трупосожжения.

Боевые колесницы впервые появляются на Крите около 1550 г. до н. э., и вместе с тем на Крите, как и в материковой Элладе, распространились центральноевропейские широколезвийные рубящие мечи с отлитой вместе с клинком рукояткой, пришедшие на смену колющим мечам. Подобная замена колющего меча на рубящий происходила в течение всей второй половины II тыс. до н. э. по всей Европе. Интересно, что вместе с этой сменой могло произойти расслоение значения слова убить (означавшее до середины II тыс. до н. э. *заколоть* и *бить* одновременно) на западноевропейское *to kill*, сохранившее древнее значение и звучание, и славянское *колоть*, позже означавшее лишь частный случай общего значения слова *убить*. Хотя английский язык сохранил и слово *to beat*, означающее ударять, именно это индоевропейское слово и стало означать в славянском *убийство* и *побои* одновременно. Видно, на западе Европы жертву главным образом закалывали, в то время как в центре и на востоке Европы её били – и тем добивались того же.

Одновременно с захватом Крита, Микены подчинили своему влиянию острова Кикладского архипелага.

Около 1550 г. до н. э. остров Кипр пережил вторжение из Малой Азии и преобразился. Началась эпоха бурного развития экономики, начался активный рост городов. Однако уже к концу XV века до н. э. Кипр пережил вторжение ахейцев. Так было положено начало смешению западной элладской и восточной иранской индоевропейских традиций на Кипре.

В центре и на востоке Европы носители культуры *курганских погребений* смешались с населением культуры *шнуровой керамики* и частью населения разгромленной *унетицкой культуры* и образовали ряд родственных культур на территориях, ограниченных на западе верховьями Дуная, Эльбы и Одера, а на востоке средним течением Днестра и верховьями реки Сулы.

Так, около середины II тыс. до н. э. сложились ***тшинецкая культура***, расположенная от Верхнего Одера до Среднего Днестра, ***комаровская культура***, занявшая земли в междуречье Верхнего Днестра и Среднего Днестра, к югу от тшинецкой культуры, и

сосницкая культура Среднего Подесенья и Верхнего Сейма.

А в междуречье Оки и Волги на протяжении почти всего II тыс. до н. э. развивалась **фатьяновская культура** – остаток могучего индоевропейского потока, прошедшего лесами центра России на рубеже III – II тыс. до н. э. и названного движением носителей культуры *шнуровой керамики*. Индоевропейские носители фатьяновской культуры подвергались сильному воздействию лесных охотников-финнов и ко времени прихода исторических славян в междуречье Оки и Волги практически растворились в финской среде.

Население *тишинецкой, комаровской, сосницкой* культур, занимавшееся осёдлым земледелием и скотоводством, развивавшее ремёсла, металлургию, строившее небольшие посёлки из полуземлянок и каркасно-столбовых домов, по этническому составу было индоевропейским, причём вобравшим различные компоненты его западного и восточного массивов.

Именно оно заложило основы исторически засвидетельствованной протославянской общности, претерпевшей в дальнейшем ряд нашествий с востока (иранцы), с запада (кельты), с севера (германцы), с юга (фракийцы), но раз и навсегда сохранившей за протославянами земли центра Европы и лесостепи запада Великой Русской равнины.

Интересно отметить, что, в отличие от населения части центра и запада Европы, в эпоху господства культуры *курганных погребений*, не хоронившего покойников в скорченном положении, население той же эпохи русской лесостепи хоронило по преимуществу под курганами, но с преобладанием скорченного труположения. Это указывает на определённый классический восточно-европейский консерватизм населения в следовании местным традициям, а возможно – и на более высокий процент местного населения перед пришельцами середины II тыс. до н. э.

Около середины II тыс. до н. э. и на протяжении всей его второй половины активно шёл процесс окончательного, наметившегося ещё в III тыс. до н. э. размежевания будущих индоевропейских языков на германский, развивавшийся на юге Скандинавии, в Дании и на севере Германии, кельтский, занявший территории к западу от Альп и Рейна, латинский на Апеннингах, балтский на северо-востоке Европы, греческий и фракийский на Балканах и, конечно же, славянский, наиболее консервативный, ёмкий, образный и могучий из всей западной группы индоевропейских языков.

Своеобразной «славянской крепостью» в Европе оказались карпатские и отчасти восточноальпийские горные массивы. Беспредельные перемещения огромных групп населения Евразии, нередко несущие страшные разрушения целых цивилизаций континента, так и не смогли уничтожить протославянской сущности и языка, явившихся основополагающим фундаментом западного крыла индоевропейской общности Евразии.

Преобладание пришедших из глубин степей носителей курганной культуры середины II тыс. до н. э. на западе, севере и юге Европы над местным индоевропейским населением, большее, чем на протославянских землях центра и востока Европы, обеспечило германской, латинской и греческой языковым общностям несколько большую близость с индоарийским языком Вед, чем существовавшая ещё с V – IV тыс. до н. э. родовая близость протославянского и протоиндоарийского языков.

Однако культуры центра и востока Европы XV – XIV вв. до н.э. тшинцев, комаровская, сосницкая являлись, несмотря на определённый консерватизм, составной частью общеевропейской курганной традиции данной эпохи.

Изделия бронзовой металлургии и в первую очередь браслеты со спиральными завершениями, классические индоевропейские кинжалы, булавки роднят население тшинцев, комаровской и сосницкой культур XV – XIV вв. до н. э. с кругом культур курганной погребений Европы и одновременно – со степными культурами евразийской степи, с её центром на юге Урала. Для понимания эволюции славянской общности Европы важно знать, что вкладах тшинцев и комаровской культур преобладают главным образом бронзовые изделия так называемого кошидерского типа, происходящие из района города Дунайвароша на Среднем Дунае и относящиеся к эпохе культуры курганной погребений, хотя и уходящие корнями в более древние местные индоевропейские культуры первой половины II тыс. до н. э.

И в завершение данной части повествования вновь скажем о том, что вторжение боевых колесниц носителей курганной культуры в Европу и эпический поход колесниц ведических индоарийцев на северо-запад Индии имели общую исходную прародину, пракультуру и прарелигию. Общей была и причина великих вторжений II тыс. до н. э., побудившая индоевропейских полукочевников, полупастухов покинуть свои степи в сердце Евразии и занять новые страны на крайних сторонах континента.

Гибель речной системы Туранской долины Средней Азии и ухудшение климата в степях Нижней Волги, юга Урала и Сибири, выразившееся в жестоко холодных зимах и невыносимо знойном и засушливом лете, толкнули зрелую, высокоразвитую общность классической Айриано-Ваеджо на грандиозные вторжения сначала в Малую Азию, Сирию и Египет, затем в долину Инда и почти одновременно в центр Европы и, наконец, на воспетый Авестой поход иранских арийцев на Иранское плоскогорье.

VI. ЕВРАЗИЙСКАЯ СТЕПЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. ДО Н. Э.

По завершении первого блестящего *петровского* этапа *андроновской культуры* юга Урала, Сибири и Средней Азии XVIII – XV вв. до н. э., характеризовавшегося появлением легендарных боевых колесниц, невиданным ни до, ни после в степи, обилием изделий из металла, строительством укрепленных поселков, составленных из огромных бревенчатых срубов, наступил второй, алакульский, этап развития той же культуры XV – XIV вв. до н. э.

Носители первого этапа андроновской культуры распространили свои владения на восток до верхнего течения реки Иртыш, а на юге – вплоть до северных отрогов Копетдага, включая древнейшие центры юга Туркмении и долины рек Теджен, Мургаб, Амударья, Зеравшан, Сырдарья, Чу и верхнее течение реки Сарысух к северу от озера Балхаш.

На *алакульском* этапе развития андроновской культуры XV – XIV вв. до н. э. произошёл ряд разительных перемен в сравнении с предыдущим этапом. Навсегда исчезли оборонительные сооружения, в XVII – XV вв. до н. э. обязательно охватывавшие по периметру практически все поселения петровского этапа. Изменилось и домостроительство: на смену наземным бревенчатым срубам пришли разделённые на две части полуземлянки площадью от 100 до 200 м², с выходом-коридором длиной до 5 м. Навсегда исчезли с юга Урала и из степей Казахстана и боевые колесницы XVII – XV вв. до н. э. На смену возничему-воину пришёл воин-всадник. Вместе с тем в XV – XIV вв. до н. э. границы андроновской культуры расширились к востоку, вплоть до верховьев Оби и Енисея.

Погребения в XV – XIV вв до н. э. на территории андроновской культуры совершались под курганами в каменных или деревянных склепах. Центральное захоронение окружалось погребениями младших членов семьи. Погребения были ориентированы головой на запад. Важно отметить, что в XV – XIV вв. до н. э. в среде степняков юга Урала, Сибири и Средней Азии началось широкое распространение кремации.

Со второй половины XIV в. до н. э. начался третий, *фёдоровский*, этап андроновской культуры, длившийся вплоть до начала XII в. до н. э. Бассейн реки Урал был занят кочевниками, носителями срубной культуры XV – X вв. до н. э., продвинувшимися с запада из бассейна Нижней и Средней Волги и Дона. Они в значительной степени вытеснили с юга Урала носителей андроновской культуры, что могло способствовать притоку андроновского населения на берега верхнего Енисея, Оби и Иртыша. Кроме того, носители андроновской культуры продвинулись к северо-западу от реки Урал в бассейн реки Камы, где положили основание *черкаскульской* культуре западного Урала. Часть носителей андроновской культуры, теснимая с запада, заняла лесостепи юга Западной Сибири, где родились близкие андроновской *сузгинская* и *еловская* культуры.

Носители андроновской культуры *фёдоровского* этапа XIV – XII вв. до н. э. присутствовали и на юге Средней Азии, причём первое их появление археологически ощутимо в среднем течении Амударьи, на земле классической Бактрии, что соотносится с повествованием Авесты о движении ариев из первой созданной для них богом страны Айриана-Ваеджо в Маргиану и Бактрию, то есть на берега рек Мургаб и Амударьи с севера из степей юга Урала, Сибири и Средней Азии (Казахстана), где ариев беспрестанно теснили соседи (срубная культура) и мучили морозы.

В XIV – XII вв. до н. э. на громадных пространствах к востоку от реки Урал было заброшено множество прежде жилых мест. Далее продолжали использоваться лишь немногие из них – в местностях, обладавших достаточным объёмом воды. Жилища представляли собой либо наземные каркасные дома небольших размеров, либо достаточно крупные полужемлянки. Несмотря на притеснения и перемещения, население степей Средней Азии данной эпохи сооружало каналы для орошения полей, разрабатывало рудники и устанавливало бессмертные свидетельства бытия минувших эпох – менгиры, каменные круги, служившие ограждением для курганов.

В XIV – XII вв. до н. э. в среде носителей андроновской культуры уже господствовал обряд трупосожжения. Прах погребали в камерах из камня или дерева. Курганы располагали группами по берегам рек на возвышенностях. Оградой им служили поставленные вертикально или лежащие камни.

Удельный вес скотоводства в сравнении с предыдущими эпохами значительно возрос по отношению к земледелию, что указывает на меньшую осёдлость и увеличившуюся подвижность населения. Совершенствовалась металлургия. Кинжалы удлинились, серпы всё более изгибались. Так постепенно над древними центрами юга Туркмении и Ирана нависал новый вал могучего степного мира, вошедший в мировую историю как авестийские иранцы.

VII. КУЛЬТУРА ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ ЕВРАЗИИ. САРГАРИНСКИЙ ЭТАП АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В конце XIII – начале XII в. до н. э. в степях евразийского континента от Карпат и Северных Балкан на западе до Алтая, Тянь-Шаня и Гиндукуша на востоке сложилась грандиозная культурная общность, получившая название культуры *валиковой керамики*. В степях юга Урала, Сибири и Средней Азии ей соответствует последний, четвертый, этап андроновской культуры, названный *саргаринским* XII – IX вв. до н. э.

Именно на последнюю четверть II тыс. до н. э. приходится период так называемой варварской оккупации древних центров юга Средней Азии степняками-кочевниками, пришедшими с севера.

Поселения степняков саргаринского этапа составляют две группы: первая – более крупные селения из одного или двух десятков жилищ, вторая – небольшие селения не более чем из пяти жилищ. Возводили каркасные полуземлянки, расположенные либо по кругу, вокруг единого центра – площади, либо цепью по берегу реки, либо сплошной застройкой с небольшими разделительными проемами. Наряду со скотоводством продолжало развиваться и земледелие, главным образом в пойменных долинах рек, снабженных искусственной системой орошения.

Вся эволюция андроновской культуры XVIII – IX вв. до н. э. удивительно точно отражает события, произошедшие вне ее пределов в Азии и Европе во II тыс. до н. э. Степная андроновская цивилизация в своей основе во многом опиралась на древнейшие

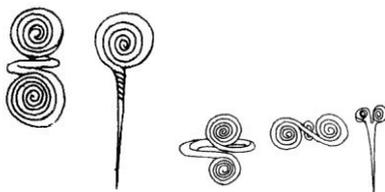
центры юга Туркмении и севера Ирана V – II тыс. до н. э. и на глубокие традиции кочевников Туранской долины, некогда являвшейся центром речной системы семиречья Вед и Авесты (культура Кельтеминар IV – III тыс. до н. э.).

Украшения «Андроновской» кл. XVII – XV вв. до н. э.

кл. «Курганных погребений» XV – XIV вв. до н. э.

«Лужицкая» кл. XIII – VII вв. до н. э.

«Тшинецкая» кл. XV – XI вв. до н. э.

«Кемеровская» кл. XV – XII вв. до н. э.

«Зарубинецкая» кл. II – I вв. до н. э.

Русские украшения I тыс. н. э.

Рис. 1. Образцы украшений различных культур Евразии

Вспомним о том, как Авеста излагала причины и путь, проделанный арийцами из Айриано-Ваеджо в Иран: он занял несколько столетий беспрестанных перемещений, остановок и новых движений. На этом пути пролегли Маргиана, долина реки Мургаб, Бактрия, долина среднего и верхнего течения реки Амударья, Нисайя, междуречье Амударья и Теджена, Айриана (Ария), расположенная в верхнем течении на Герируд-Теджен, и, наконец, Афганистан и Иран.

Глубочайшие изменения в экономике и во всём укладе жизни, происходившие в среде продвигавшихся к югу Средней Азии степных индоевропейцев, породили великую религиозную реформу Зороастра, положившего начало авестийской духовной традиции иранского мира.

Предание гласит о том, что Зороастр был единственным в мире ребёнком, который, родившись, рассмеялся. Покровителем Зороастра и его учения стал царь Кави-Виштаспа, по всей видимости, правивший на землях юга Средней Азии и северо-запада Афганистана около XIII – XII вв. до н. э. Считается, что его жена, царица Хутаоса, первая обратилась в зороастризм. Гибель Зороастра относят на 77-й год его земной жизни; и произошла она от удара кинжалом в спину во время молитвы.

Перелом в жизни протоиранцев пришёлся на эпоху варварской оккупации древнейших центров юга Средней Азии XIII – XII вв. до н. э. Зороастр явился выразителем меняющихся духовных воззрений вчерашних степняков XIII – XII вв. до н. э. Он сам вышел из их среды, и именно он положил начало переходу от абсолютного обожествления сил природы во всём многообразии её проявлений к вере в бога-творца Ахура-Мазду (дух (Аура) – *мудрый*) и в беспрестанную его борьбу с олицетворяющим силы тьмы Ангра-Манью (*злая душа*).

Авестийское религиозное учение оказалось ближе к христианству, нежели древняя ведическая духовная традиция. Складывалась религия осёдлых земледельцев и ремесленников, сменивших повозку на надёжное жилище, укрывающее от бурь и гроз, воющих ветров и леденящих морозов.

Селящийся в городах и посёлках вчерашний степняк лишался столь частого прежде и столь любезного его сердцу созерцания утренних зорь, мерцания звёзд и бега облаков. Классический образ степного кочевника-арийца, могучего воина, дружившего с каждой былинкой в поле и с каждой капелькой росы на лепестке цветка,

жизнь которого с рождения и до погребения под курганом протекала либо в повозке, запряжённой волами, либо в боевой колеснице, либо в седле лошади, меняется на образ горожанина-ремесленника или торговца, пахаря-дехкана, из года в год возделывающего своё поле, аристократа-землевладельца, живущего в замке и утопающего в роскоши и удовольствиях.

Реформа, проведённая Зороастром, по пересмотру древнейшей индоевропейской ведической религии явилась неизбежным следствием принципиальных изменений в жизни иранских арийцев.

Подобные реформы произошли и в самой классической ведической религии севера Индии, однако гораздо позже, около VI в. до н. э., результатом чего явилось рождение буддизма. Причина того, что ведические индоарийцы сумели дольше, нежели родственные им иранцы, сохранить древнейшую индоевропейскую духовную традицию, коренится в том, что индоарийцы северо-запада Индии дольше следовали естественному для древних индоевропейцев образу жизни, основой которого были полукочевое земледелие и скотоводство и практически полное неприятие осёдлой городской жизни.

Несмотря на глубину религиозной реформы Зороастра, мифология иранцев продолжала опираться на основополагающие ведические представления о мироздании, его творении и о законах развития. Как мы видели из сравнения божеств Вед и Авесты, приведенного выше, иранцы сохранили большинство мифологических персонажей древности в авестийском сборнике. Сохранено в Авесте и большинство индоевропейских верований в силы природы, выраженных в гимнах водам, землям, горам. Сами источники, расположенные в горных ущельях, считаются творениями доброй воли Ахура-Мазды и отождествляются с матерями.

Авестийские иранцы, как и ведические индоарийцы, сохранили представление о мире как о явлении одухотворённом от начала до конца во всех его проявлениях, включая слова и мысли. В Авесте воспеваются не только боги, но и души людей, животных, птиц, растений, явлений жизни. Авеста свято верит в силу обожествлённого слова.

Во главе духовных принципов авестийских иранцев поставлена душевная и телесная чистота человека. Единство благих мыслей, слов и дел лежало в основе этики авестийцев.

В Авесте изложено целостное учение о суде за грехи, о рае как о чудном саде, месте обитания душ праведников и самого творца Ахура-Мазды, о грядущем воскрешении, о пришествии трёх спасителей, о страшном суде и о вечной жизни воскресших тел и душ.

Особенно свято авестийцами чтился труд. Лучшим местом в нашем мире считался дом праведника пахаря, молящегося богу-творцу Ахура-Мазде и обрабатывающего землю и выпасающего скот. Авеста повествует о том, что сама земля-мать обращается к праведнику-земледельцу, обрабатывающему её, и обещает принести обильные плоды. Человеку же, не обрабатывающему её, земля пророчит стоять у чужих ворот просителем среди нищих.

В основе авестийского сборника, составленного из двадцати одной книги, лежат созданные самим Зороастром на землях долины Турана и осёдлого юга Средней Азии Гаты – песнопения, входящие в Ясну (моления), язык которых наиболее близок языку древнейших гимнов Ригведы. В то же время язык Гат, всего их 17, несколько разнится с языком позднейших книг, вошедших в Авесту. Это указывает на близость, если не единство, мест рождения двух, выросших одно из другого, величайших и древнейших индоевропейских духовных учений.

Предание относит письменное воспроизведение Гат Авесты на конец жизни создавшего их Зороастра и честь этого приписывает одному из его учеников – Джамаспе.

По форме – Гаты являются молитвами и проповедями одновременно. В них отражены и некоторые известия о жизни Зороастра, о его скитаниях в обществе деливших с ним нужду учеников – Виштаспы, Фрашоштры, Джамаспы, о долгой и беспощадной борьбе его с приверженцами древнего классического духовного учения.

В произносимых Зороастром речах, отражённых в Гатах, он спорит со сторонниками древних степных традиций, непримиримыми противниками прочной осёдлости и земледелия. Авеста обожествляет труд осёдлого земледельца.

Зороастр учил, что мир создан богом-творцом Ахура-Маздой, наделённым праведностью, добромыслием и доброй волей. Вместе с тем в мире разворачивается грандиозная ежеминутная и повсеместная борьба творца с Ангра-Манью, владыкой гнева и лжи.

Основополагающие понятия нравственности Зороастр выражает в шести Бессмертных Святых (Амэша-Спента), созданных

творцом Ахура-Маздой прежде всего из благого творения. Спэнта – святость, благодетельная животворящая сила. Святые: Благая Мысль – Воху-Мана, Власть Избранная – Хшатра-Варья, Целостность – Харватат, Бессмертие – Амэртат. Стоящий во главе Ахура-Мазда венчает семёрку единосущных, покровительствующих семи благим творениям: человеку, животным, огню, земле, небу, воде, растениям.

Наряду с новым, привнесённым Зороастром в индоевропейское духовное мировоззрение, в Авесте сохранено многое из более древних Вед. Так, в Авесте отражён миф о рождении мира от двух начал: матери-земли и отца-неба. Огонь, согласно Авесте, обладает очистительной силой и по сути является одушевлённой и одухотворенной сущностью. В Авесте возносятся, как и в Ведах, гимны божественному растению хоме (сома).

Авестийская духовная традиция рассматривает труд как борьбу со злыми духами-дэвами. Земля прямо обращается к человеку с просьбой обрабатывать её, говоря о том, что тот праведник, кто сеет хлеб.

Одним из центральных творений Ахура-Мазды, согласно Авесте, является бог Митра, олицетворяющий вселенский свет в противоположность тьме, бог закона, истины и побед. Митра возвращает брошенное лжецом копье ему же.

Авеста описывает и обитель песнопений, царство добра и света, как горную цепь, опоясывающую с запада и востока страну ариев. У подножия гор берут начало могучие реки (Нарта-Ненду). Богиней воды, земли и плодородия в Авесте является Ардвисура-Анахита, появляющаяся в образе молодой прекрасной девушки.

Согласно Авесте бог Ахура-Мазда создал небо, воды, земли, растения, животных (первобыка), человека, но злой дух Ангра-Манью возненавидел светлую обитель Ахура-Мазды и началась борьба сил света и тьмы. Так закончился первый этап творения и началась эпоха смешения, борьба света и тьмы, в которой человек выбором в пользу добра спасает не только себя, но и целый мир.

Авеста повествует о том, что некогда на земле был золотой век правления праведного и мудрого царя Йимы (Yima – сын Vivahvant'a (Веды)). Бог Ахура-Мазда даровал ему золотую стрелу и рог, с помощью которых царь Йима трижды расширил пределы земли. Но после тысячи лет праведного правления Йима получил от Ахура-Мазды весть о грядущих испытаниях. Царю было сказано о том, что грешный мир людей будет уничтожен великим морозом,

после которого произойдёт таяние снега и земля будет затоплена водами. Бог велел Йиме создать надёжное убежище для спасения всего живого, включая огонь.

Убежище должно было быть окружено стеной и валом. Царь Йима выполнил волю бога и тем спас от гибели людей, животных и растения. Однако сам царь Йима поддался искушению Ангра-Манью, совершил грехопадение, вследствие чего и погиб. В мире воцарился змей (Ажи-Дахака). Но появился герой Третона (Trita Artva (Веды) – третий водяной) и убил змея.

После эпохи борьбы сил света и тьмы наступит, согласно Авесте, время разделения, являющееся прологом к обновлению и воскрешению мира. Предшествовать и приближать эпоху разделения будут три Спасителя, три сына Заратуштры.

Согласно основополагающей части Авесты – Гатам лишь тот сможет достичь вечного блаженства, кто сумеет пройти мост, ведущий в обитель богов. Сделать это возможно в служении богу-творцу Ахура-Мазде. Грешников справедливая дэва сталкивает с моста в бездну. Авестой воспеваются души предков (Pitarah (Веды) – души умерших, в честь которых совершались поминальные обряды).

Окончательно сложившаяся уже в I тыс. до н. э. Авеста, свод священных книг зороастризма, включала двадцать одну книгу. Книги эти последовательно повествовали о добродетели и благочестии, о религиозных обрядах, об изложении религиозного учения Зороастра, о космогонии, об астрономии, о правовых установлениях, о легендарном царе Гуштаспе и деяниях, совершённых во время его правления Зороастром, об истории человечества и царей иранцев, о праведности и детстве Зороастра, о справедливости в делах, о гирях и мерах, о гражданских и военных законах, о браках, о ритуале, обязанностях жрецов и наказании за грехи, об астрологии, о добродетели и судьбе души после смерти. Последняя, двадцать первая, книга возносила хвалу богу Ахура-Мазде и небожителям зороастрийского пантеона.

До наших дней сохранились не все книги авестийского собрания: «Вендидад», являющаяся кодексом против дэвов, дошла полностью; сохранились книги «Висперед» – о всех божествах, «Ясна» – книга ритуалов, включающая древнейший пласт Авесты Гаты, «Яшт» – близка «Ясне». Помимо отдельных книг самой Авесты сохранена Малая Авеста – книга, включающая отдельные части Авесты, необходимые праведнику. Сохранились и некоторые

фрагменты отдельных книг Авесты.

Формирующаяся в VIII – I вв. до н. э. ветхозаветная иудейская религия подпала под определённое влияние зороастризма после того, как иранский царь Кир освободил евреев из вавилонского плена в V в. до н. э. Одно из заимствований иудеев у зороастризма выражено в злом духе Асмодее (Ветхий Завет, книга Товит, глава 3.8), прообразом которого послужил авестийский Аэшма-дэва.

В Новом Завете, в Евангелии от Матфея, повествуется о трёх волхвах–зороастрийцах, идущих по указанию падающей звезды с принесением даров предсказанному Спасителю.

Сам текст семнадцати авестийских Гат, построенный на обращении Зороастра к богу Ахура-Мазде за наставлением и вознесении молитв божествам, даёт многое для понимания времени и места рождения Авесты и природы происходящих исторических процессов в мире иранских арийцев XIII – VIII вв. до н. э.

Первый гимн Гат обращён непосредственно к богу, творцу всего сущего Ахура-Мазде (духу мудрому) (Яшт 1) (перевод И.Стеблин-Каменского).

1. Спросил Бога (Ахура-Мазду)

Святой (Спитама) Заратуштра:

«Скажи мне, Дух Святейший,

Создатель жизни плотской,

Что из Святого Слова

И самое могучее, И самое победное,

И наиблагодатное.

Что действительней всего?»

.....

3. Ахура-Мазда молвил:

«Моё то будет имя,

Святой Заратуштра,

Святых бессмертных имя

Из слов святой молитвы.

Оно всего мощнее, Оно всего победней,

И наиблагодатнее

И действительней всего

.....

33. *«Истина – лучшее благо».*

В гимне Ардви-Сура (Яшт 5) возносятся молитвы обожаемой реке.

1. Ахура-Мазда молвил
Спитама Заратуштре:
*«Молись ей, о Спитама,
Ей, Ардви полноводной,
Широкой и целебной*

.....
*13. Везут её четыре одной
Породы белой
Высоких жеребца*

.....
Молюсь ей ради счастья.

73. Вот так они просили:
Такую дай удачу,
Благая Ардви-Сура,
Чтоб одолеть сумели
Мы трёх туранцевДану

.....
78. Явилась Ардви-Сура
Прекрасной юной девой,
Могучею и стройной,
Высокой и прямой,
Блестящей, родовитой
И в обуви богато
Расшитой золотой.
Часть вод остановила,
Пустила часть вперёд –
Через Витанхухати
Он посуху прошёл

.....
Река Ардви (Ап (ар) – вода) традиционно отождествляется с рекой Амударьей и её божеством – душой. Возможно, более древним прообразом реки служила погибшая река Туранской долины (Чу-Жан-Дарья-Узбой). Эпитет Сура означает силу и суровость реки. Анахита – чистая. Ардви-Сура-Анахита – могучая чистая река.

Дану означает название населяющего туранскую долину народа, ставшего врагом осёдлых авестийских иранцев, изменив-

ших древним заветам и традициям степного индоевропейского мира, ещё в продолжение едва ли не двух тысячелетий сохраняемых туранцами.

Этимологически имя Дан могло означать народ, живущий у реки (у воды). Низовья рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай во II – I тыс. до н. э. населялись праиранцами, прямыми и непосредственными потомками которых являются осетины-наследники и остатки скифов и сарматов, бывших теми же туранцами, что и даны Авесты.

Так вот, из четырёхсот рек Осетии триста девяносто девять в названии содержат корень Дон или Дан.

В Авесте отражено имевшее серьёзную историческую основу предание о размежевании и вражде авестийских иранцев с их степными собратьями-туранцами, населявшими долину Турана и ставшими впоследствии одними из прародителей исторических скифов и сарматов.

Легендарный иранский стрелок Эрехш с вершины высокой горы выпустил стрелу, и, пролетев множество земель, гор и рек, она достигла берега реки Амударья и тем обозначила границу Ирана и Турана.

В Авесте упоминается также река Ранха, отождествляемая, с одной стороны, с Сырдарьей (Яксарт), а с другой – близкая по звучанию скифскому названию реки Волги – Ра (согласно греческим источникам). Славянской параллелью в данном случае служит слово роса, утренняя влага.

Реку Гильменд, протекающую на юге и востоке Афганистана, отождествляют с авестийской рекой Хаэтумант, обильной мостами и переправами, что само по себе естественно, ибо долина Гильменда связывала индоарийцев северной Индии с их собратьями в Туране и Иране. Река Хаэтумант (Гильменд) впадает в озеро Хамум в Систане.

С этим озером связано авестийское предание о заповеданных Заратуштрой трёх его сыновьях Спасителях, приход которых грядёт миру. Они родятся от семени Заратуштры, хранимом в озере Кансава (Хамун).

Явление первого Спасителя описывается в гимне Хварно (Яшт 19). Мать Спасителя родит сына после купания в озере Консава. Богиня Аши (rta (Веды)), олицетворяющая судьбу и космический закон морали, даст Спасителю чудесный могучий разум, необходимый для преображения мира.

В Авесте содержится указание на то, что легендарная прародина ариев, страна Айриано-Ваеджо, расположена по берегам реки Вахви-Датия, что означает воду (Вахви) дающую (Датия) или просто благодатную. Вероятнее всего под рекой Вахви-Датия Авеста подразумевает нижнее и среднее течение Волги, бассейн которой был северо-западной провинцией земель ведических и авестийских ариев и представляет собой естественный западный рубеж андроновской культуры XVIII – IX вв. до н. э.

В силу того, что генеральное направление движения иранских арийцев в эпоху сложения Авесты (XIII – XII вв. до н. э., то есть «варварская оккупация» юга Средней Азии кочевниками), было с севера на юг, у иранцев укоренилось представление, что юг – это то, что впереди, север – это всегда то, что позади, запад – справа, восток – слева.

Кроме того, Авеста говорит о том, что страна Ариана-Ваеджо, первая созданная богом Ахура-Маздой для ариев, была ими покинута по ряду внешних и внутренних обстоятельств. Вместе с ней были покинуты и берега реки Вахви-Датия, после чего путь ариев пролёг с севера на юг. Указание на то, что страна Айриана-Ваеджо была первой создана богом для ариев, говорит о том, что данная территория служила прародиной восточной группы индоевропейского мира Евразии. Страны, расположенные на юге Средней Азии и далее в Афганистане и Иране, являлись для ариев, по большому счёту, новым краем. Ими были последовательно заняты Согдиана (долина нижнего Зеравшана), Маргиана (долина реки Мургаб), Бактрия, Нисайя (междуречье Амударьи и Теджена). Однако тут кочевники столкнулись с нескончаемой цепью горных хребтов, описанных в гимне Хварно (Хварно – благословение богов, дающее счастье и власть), (Яшт 19).

1. Сперва гора восстала
Святой Заратуштра
Высокая Харати
Поднялась на земле,
Что окружает страны
С заката до восхода
Второй гора Зэрдаза
Восстала на земле
С той стороны Мануша,
Что окружает страны
С заката до восхода.

2. Потом поднялись горы
 Ушида, Ушидарна
 (Уша (Веды) –богиня утренней зари)
 И скрытая Эрзифья
 Шестая – Эрзура,
 Седьмая – это Бумья

3. Два гребня Хаманкуна (Гималаи) ...
- 5,6
- Все горы, коим люди,
 Взойдя или увидя,
 Давали имена.
7. Всего всех гор на свете
 Святой Заратуштра
 Две тысячи и двести
 И сорок с четырьмя.

В преодолении растянувшихся от восхода до заката солнца горных цепей, опоясавших юг Средней Азии с востока до запада, авестийским ариям, как и ранее их ведическим сородичам, помогла долина реки Теджен-Герируд, прорезающая горы с севера на юг, верховья её Авеста называет страной Харайва (Ария античных авторов). К западу от неё лежит открытая для доступа страна Канха (Восточный Иран), а к югу – долина «обильной мостами и переправами» реки Хаэтумант (реки Гильменд), впадающей в озеро Кансава.

В Авесте упоминается океан – Ворукаша, берега которого имеют широкие вырезы и заливы. Принято считать, что Ворукаша означает Каспийское море. Однако океан Ворукаша в изначальном смысле мог означать Северный Ледовитый океан, побережье которого действительно изрезано глубочайшими заливами.

Несмотря на революционность реформы Зороастра, Авеста сохранила многие изначальные ведические мотивы и представления индоевропейского мира Евразии. Наиболее ярко родство Риг-веды, своего рода матери Авесты (несущей весть, то есть знания), отражено в гимне Митре (Яшт 10), богу хеттов, ведических индоарийцев и авестийских иранцев.

Гимн Митре

1. Ахура-Мазда молвил
Спитае Заратуштре:
Таким я создал Митру,
Чьи пастбища просторны,
Что тех же он достоин
Молитв и восхвалений,
Как я, Ахура-Мазда.
12. Мы почитаем Митру...
13. Который самым первым
Из всех божеств небесных
Над харою восходит
Перед бессмертным Солнцем,
Чьи лошади быстры,
И первым достигает
Прекрасных золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь арийцев край.
14. Где храбрые владыки
Собираются на битвы,
Где на горах высоких,
Укромных, полных пастбищ,
Пасётся скот привольно;
Где на озёрах волны
Вздываются глубоких
И где рек судоходных
Широкие потоки
Стремят своё теченье
И к Ишкате Парутской,
И к Мерву, что в Харайве,
И к Гаве, в Согдиане,
Или текут в Хорезм.
15. Так на восток и запад,
В две стороны на север,
В две стороны на юг
И на Каршвар прекрасный,
Обильный населением
Осёдлым – Хванирата –
Взирает Митра сильный
-

22. Мы почитаем Митру...
Он от беды уводит,
От гибели спасает,
Когда ему не лгут.....

.....
72. Растерзывает разом
Он волосы и кости
И кровь и мозг мешает
С землею у лжецов.

.....
133. Вот, поразив всех дэвов
И всех убив лжецов,
Неверных договору,
Перелетает Митра,
Чьи пастбища просторны,
Через восток и запад,
Две стороны на севере,
Две стороны на юге,
Через Каршвар прекрасный
И светлый – Хванирата.

125. И колесницу эту
Везут четыре белых,
Взращённых духом, вечных
И быстрых скакуна,
И спереди копыта
Их золотом одеты,
А сзади серебром.
И впряжены все четверо
В одно ярмо с завязками
При палочках, а дышло
Прикреплено крючком.

А теперь вернёмся к данным археологии. Путь авестийских ариев из Айриано-Ваеджо в Иран археологически отмечен продукцией степной культуры «валиковой керамики» XIII – XII вв. до н. э. (мы помним о том, что на юге Урала и в степях юга Западной Сибири и Средней Азии ей соответствует последний, четвёртый, этап андроновской культуры, названный саргаринским и относящийся к XII – IX вв. до н. э.) и более позднего времени – XI – VIII

вв. до н. э. как раз в провинциях, последовательно пройденных эпическим походом протоиранцев: Согдиана, Маргиана, Бактрия, Нисайя, Ария (район города Герат) и, наконец, север и северо-запад Ирана.

Крайняя западная область культуры «валиковой керамики» входила в сферу распространения и влияния исторических фракийцев. Юг России, от низовьев Днестра до бассейна реки Урал в XIII – VIII вв. до н. э. был населён входившими в область распространения культуры «валиковой керамики» историческими киммерийцами, наследниками срубной культуры середины II тыс. до н.э. Носители срубной культуры в несколько раз превосходили по численности все синхронные им культуры древности. Юг Урала после XII в. до н. э., то есть после исхода авестийских арийцев, стал центром сложения будущих исторических ираноязычных скифов и сарматов.

VIII. ЭПОХА КУЛЬТУР ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ ЕВРОПЫ XIII – VIII ВВ. ДО Н. Э.

К началу XIII в. до н. э. культура курганных погребений, пережила эпоху подъёма и вступила в период достаточно прочной осёдлости, сменившей эпоху кочевого скотоводства с элементами земледелия на широкое пахотное земледелие с развитым стадом крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Свиноводство, как известно, один из верных признаков перехода к осёдлому ведению хозяйства.

Вместе с переходом к осёдлой жизни и ведению производящего хозяйства в XIII в. до н. э. в Европе, и в первую очередь в её центральной части, произошёл переход от традиционного для кочевников курганного захоронения к обряду захоронения, свойственному достаточно осёдлому населению на полях погребений или погребальных урн.

Причём если в XV – XIV вв. до н. э. под курганами в Европе хоронили по обряду как трупоположения, так и трупосожжения, то к XIII в. до н. э. началось явное преобладание трупосожжения с захоронением праха в биконических урнах.

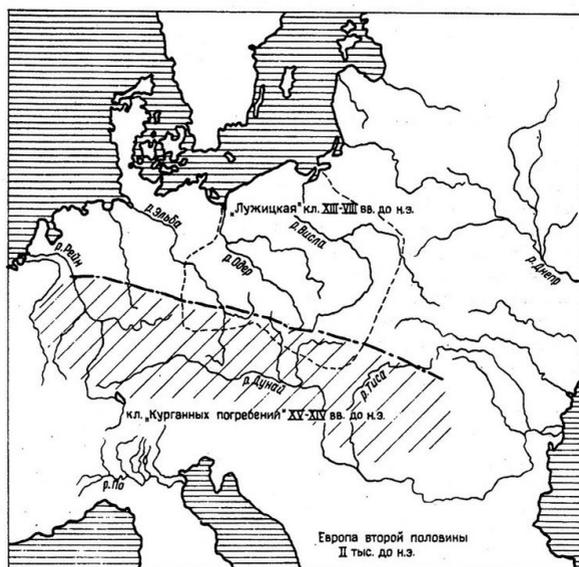
Культурным ядром эпохи полей погребений, как и в предыдущие времена, оставался центр Европы, а именно север Карпатской котловины, земли Чехии, Словакии и Польши, где складывается лужицкая культура полей погребений XIII – VIII вв. до н.э.

Одной из этнических основ населения культуры полей погребений явилось перешедшее к осёдлости население культуры курганных погребений, в свою очередь вобравшее и поглотившее значительные массивы населения более древних индоевропейских культур Европы (культура воронковидных кубков IV – III тыс. до н.э., культура шаровидных амфор III тыс. до н. э., культура шну-ровой керамики рубежа III – II тыс. до н. э.)

К XIII – XII вв. до н. э. в центре Европы, особенно на территориях Польши и Восточной Германии, всюду шёл процесс вырубки лесов под пашни, строительство многочисленных посёлков со значительным населением. Строились они по берегам рек и часто обносились валами и рвами, отсекавшими от напольной стороны края мысов береговых террас, либо на вершинах холмов, нередко окружённых болотами и густыми лесами. Основой домостроения была каркасно-столбовая конструкция. Вокруг поселений на протяжении ряда веков прочной осёдлости вырастали обширные поля погребений, содержавшие сотни захоронений, заключённых в биконические бронзовые или глиняные урны.

Успешное ведение сельского хозяйства обеспечивало значительный рост населения центра Европы, что в свою очередь предопределило расширение не только самой лужицкой культуры, область распространения которой пролегла от Лейпцига на западе до Галиции на востоке и от Балтики на севере до Чехии, Моравии и Словакии на юге, но и общеевропейскую экспансию народа – носителя культуры и традиций полей погребений, именно в её центральноевропейском, то есть лужицком, варианте. И хотя всюду, где в Европе возникал обычай создания полей погребений или погребальных урн, этническая основа во многом оставалась местной, однако определяющее культурное влияние повсеместно было центральноевропейским, то есть лужицким.

Наряду с доминирующим культурным и этническим влиянием лужицкой культуры полей погребений в Европе XIII – VIII вв. до н. э. шло широчайшее распространение изделий бронзолитейной металлургии центра Европы, остававшегося, как и в первой половине II тыс. до н. э., ведущей металлургической провинцией континента. Центральноевропейские изделия из бронзы проникали в Элладу, на Апеннины, на острова Средиземноморья (Крит, Кипр, Киклады) и даже в Переднюю Азию, перевалочным торговым центром которой, как мы помним, служила хеттская крепость в Сирии Гаргамеш, охранявшая переправу через реку Евфрат.

Поля погребений обычно весьма обширны и содержат от нескольких сотен до нескольких тысяч захоронений. Сожжение совершалось на стороне, после чего пепел помещался в урну и ставился в грунтовую могилу. Нередко урну с прахом окружало несколько сосудов. Часто верх урны закрывался камнем.

Наряду с грунтовыми захоронениями полей погребений у населения сохранялась верность древней степной индоевропейской традиции насыпать курганы. Известен громадный курган лужицкой культуры у Седдина, высота которого достигает 1 м, диаметр 70 м. Курган скрывает круглую погребальную камеру с росписью по стенам, содержащую три бронзовые урны с останками мужчины и двух женщин и меч.

Земли Чехии и востока Германии в данную эпоху изобиловали множеством изделий из золота. Среди них особенно заметны классические индоевропейские, очень характерные как для славян, так и для кельтов шейные гривны, свитые из тончайшей золотой проволоки. Иные клады поры полей погребений данной территории содержат до нескольких килограммов золота в слитках или в ювелирных изделиях.

В Карпатской котловине в последней четверти II тыс. до н.э. – в первой четверти I тыс. до н.э. развивался целый ряд местных вариаций общеевропейской культурной традиции полей погребений.

Всюду в бассейне Среднего и Нижнего Дуная, от Чёрного моря до Восточных Альп и от Карпат до центра Балкан в данную эпоху производились захоронения на обширных полях погребений с помещением праха в большие бронзовые или керамические урны, обычно накрытые масками. Металлургия Подунавья блистала необыкновенным мастерством и мощностью, наполняя рынки Европы и Азии множеством чудного бронзового оружия, украшений, орудий производства и домашней утвари. Керамическая посуда изобиловала богатством орнамента и разнообразием форм.

Широкое распространение получили ритуальные глиняные повозки, в упряжи которых вместо коней или быков, оказывались птицы, являвшиеся ведическими и авестийскими символами солнца и плодородия.

И вместе с тем на Среднем и Нижнем Дунае наряду с культурой полей погребений продолжали сохраняться не только традиции культуры курганных погребений середины II тыс. до н. э., но и очаги более ранних индоевропейских культур первой половины II тыс. до н. э., сохранявшие приверженность древним мотивам шнуровой керамики. Отдельные, наиболее стойкие наследники индоевропейских вторжений в Европу рубежа III – II тыс. до н. э. в течение почти всего II тыс. до н. э. успешно отстаивали своё право на следование собственным традициям и вкусам, спасая независимость от новых вторжений на высоких холмах Карпат за рядами ошестинившихся частоколами валов и рвов. Таковой была культура «Монтеору» (северо-восток Мунтении), сумевшая на протяжении XX – XIII вв. до н. э. сохранить в укрепленных посёлках древний уклад жизни, успешно противостоявший традициям культуры курганных погребений и отчасти культуры полей погребений.

На севере Апеннин, в долине реки По, где с XX в. до н. э. развивалась культура Террамар, в последней четверти II тыс. до н. э., так же как и в центре Европы, перешли к обряду трупосожжения и захоронения на полях погребальных урн, в непосредственной близости от поселений.

Вместе с тем на юге Апеннин около XIII в. до н. э. произошла трагедия, выразившаяся во внезапной гибели культур острова Сицилии и Липарского архипелага из-за вторжения носителей культуры полей погребений, привнёсших на острова трупосожжение и захоронение в урнах.

После этого в Сицилии сложилась культура Панталика (XIII – VIII вв. до н. э.), характеризующаяся повсеместной защитой посе-

лений укреплениями, широкой торговлей с Микенами (Эллада) и приверженностью общеевропейской традиции данной эпохи, выразившейся в создании классических полей погребений.

Интересно, что на Пиренейском полуострове традиция и культура полей погребений распространились не ранее начала железного века, т.е. около VIII в. до н. э., что лишним раз подчёркивает консерватизм и традиционализм крайнего юго-запада Европы.

В последней четверти II тыс. до н. э. на юге Германии, в бассейне Верхнего Рейна, наряду с продолжавшимся распространением металлургического влияния центра Европы, шло повсеместное религиозное влияние культуры полей погребений на осевшее с середины II тыс. до н. э. в здешних местах население культуры курганных погребений. Если на Верхнем Рейне в данную эпоху при преобладании плоских могил насыпались отдельные курганы, то на Среднем Рейне, в районе Майна, наряду с трупосожжением повсеместно было распространено трупоположение. А на Нижнем Рейне, на землях современных Бельгии и Нидерландов, и вовсе преобладали курганы, окружённые рвом.

На востоке Франции также весьма сильными оставались позиции культуры курганных погребений XV – XIV вв. до н. э., однако под самими курганами наряду с трупоположением, было представлено и трупосожжение, а уж инвентарь и вовсе принадлежал классическому ряду эпохи полей погребений. В первой четверти I тыс. до н. э. поля погребений продвинулись на юг Франции.

На островах Британского архипелага поля погребальных урн распространяются между 1400 и 1200 гг. до н. э., и, главным образом, из-за носителей восточноанглийской культуры «Food-vessel», связи которой с континентом были наиболее тесными.

Ярчайшее отражение традиций и культуры эпохи полей погребений мы находим на севере Европы, где около 1250 – 1150 гг. до н. э. распространились трупосожжение и захоронение праха в биконических урнах. Однако помещались урны в неизменные, со времени господства культуры курганных погребений могилы, сокрытые курганной насыпью, нередко сложенной из камня и окружённой каменными кругами. В среде древних индоевропейских вигов Скандинавии появились новые образы, выраженные в изменении орнамента, отныне всё шире содержавшего спирали, и новые формы изделий из металла в виде разнообразных браслетов, гривен, фибул, топоров-кельтов и т.д. На север распространились длинные трубы Луры.

На каменной плите кургана Кивик в Южной Швеции, насыпанного около 1200 г. до н. э., сохранилось чудное изображение колесницы, ведомой возничим и запряжённой парой лошадей. Описание подобных колесниц мы находим в гимнах Ригведы и Авесты II – I тыс. до н. э. Подобные колесницы сохранили курганы юга Урала XVII – XV вв. до н. э. и центра Европы XV – XIV вв. до н.э.

Согласно канонам древнейших индоевропейских традиций Евразии, отражение духовных основ которых мы находим в Ригведе и Авесте, население юга Скандинавии и севера Германии обожествляло силы природы и души всех её видимых проявлений. Рекам и озёрам приносились многочисленные жертвы, по сей день хранимые их лоном в виде кладов оружия и украшений.

Торжество культуры полей погребений XIII – VIII вв. до н. э. в Европе было не столько следствием расселения век от века возрастающего численно населения центра Европы на её дальнюю и ближнюю периферии, сколько результатом крупной религиозной реформы, произошедшей в наиболее экономически развитом районе тогдашней индоевропейской Европы. При этом решающую роль сыграло её первенство в переходе от полукочевого образа жизни и ведению хозяйства к устойчиво осёдлому. Эпоха полей погребений XIII – VIII вв. до н. э. на западе Евразии – это своего рода зеркальное отражение реформы Зороастра (Заратуштры) XIII – VIII вв. до н. э. в среде осёдлых арийцев юга Средней Азии, Афганистана и Ирана, шедшей в пику продолжавшим поддерживать древнейший ведический уклад жизни степнякам-туранцам, оставшимся кочевниками и занимавшим не только равнины Средней Азии, но и всё пространство степей от верховьев Енисея до гирла Дуная.

Шедшая в Европе почти повсеместно замена кургана на грунтовую могилу символизировала смену всего жизненного уклада недавнего степняка-кочевника. Подобный излом не мог не отразиться на самой сути духовного мира индоевропейцев Европы, как это случилось и с религиозной доктриной авестийских иранцев. Шел общий для обоих крыльев индоевропейцев Евразии отход от общения с силами природы и самосокрытие, в защищённые укрепления посёлки, в мастерские ремесленников, в большие крытые хлева, заменившие степные загоны.

Впрочем, не такой уж и осёдлой продолжала оставаться жизнь индоевропейского мира Европы, и далеко не всюду шло

лишь распространение влияния религиозного или экономического.

Около 1200 г. до н. э. мчащийся на боевых колесницах, словно степная буря, поток исторических дорийцев, устремившийся подобно снежной лавине с Нижнего и Среднего Дуная на юг Балканского полуострова, разрушил до основания циклопические крепости ахейцев, главными среди которых были Микены, Тиринф, Пилос. Только разгромом Поздней Эллады дорийцы не удовлетвоались, и в середине XI в до н. э. в полное запустение вследствие вторжения пришёл некогда цветущий остров Кипр. А около 1100 г. до н. э. окончательно погибла критская цивилизация, являвшаяся древнейшим очагом индоевропейской письменности и бронзовой металлургии в Европе.

Эпоха полей погребений Европы XIII – VIII вв. до н. э. была временем окончательного сложения исторических общностей классического древнего мира античных авторов. По мере роста осёдлости все активнее развивались процессы культурного, языкового и экономического размежевания некогда единого бурлящего индоевропейского мира Евразии. Население обособившихся, ошетилившихся частокколами городищ Европы всё меньше понимало наречия соседей. И в то же время цементировались суперэтнотносы континента, сплочённые не только общим прошлым, но и самой географией территории, занятой их предками в течение целой череды индоевропейских нашествий IV – II тыс. до н. э.

Так, крайний запад Европы стал местом сложения исторических кельтов, формированию языковых, культурных и прочих особенностей которых послужила обособленность их территории с юга, запада и севера морем, а с востока – Альпами. Естественным рубежом для кельтов на северо-востоке служил Рейн.

Юг Скандинавии, полуостров Ютландия (Дания) и самый север Германии стали местами кристаллизации германской общности континента. Естественная и в высшей мере эффективная защита морем служила для протогерманцев залогом яркого своеобразия их языка, культуры и национального характера.

Индоевропейское население Апеннин, пережив на протяжении XIII – VIII вв. до н. э. крупные вторжения воинственного полукочевого населения из долины Среднего Дуная, так же как и протокельты и протогерманцы, благодаря защите морем и альпийским горным массивом обособилось и явилось основой для сложения исторической латинской и этрусской общностей континента.

Вторжение дорийцев в Элладу, Малую Азию и на острова Средиземноморья представляется последней крупной вехой в сложении греческой общности Европы.

Индоевропейские носители культуры курганных погребений, позже (XIII – VIII вв. до н. э.) трансформировавшейся в культуру полей погребений, на северо-западе Балкан явились основой иллирийской общности классических античных авторов.

Северо-восток Балкан и восток Карпатской котловины в XIII – VIII вв. до н. э. занимали индоевропейцы, следовавшие традициям эпохи полей погребений и известные древним авторам как фракийцы. Особенность их положения заключалась в том, что на юге они смыкались с динамично развивавшейся Элладой, на востоке – с вечно беспокойным кочевым иранским миром киммерийцев, скифов и сарматов, а на западе и севере – с могучими кельтами, германцами, славянами и иллирийцами.

Заброшенные в Прибалтику и в леса центра и запада России потоком носителей культуры шнуровой керамики рубежа III – II тыс. до н. э., так и не потревоженные позже серьёзными внешними вторжениями, индоевропейцы получили уникальную возможность в течение нескольких тысячелетий вырабатывать яркое своеобразие защищённого морем и труднопроходимыми лесами и болотами балтского мира.

Протославяне оказались той центральной группой индоевропейского мира Евразии, которая соприкасалась со всеми без исключения его языковыми, культурными, экономическими и религиозными общностями на протяжении V – I тыс. до н. э. Протославянская общность уже в I тыс. до н. э. сумела пережить, и при этом выстоять, натиски иранцев (VIII – I вв. до н. э.), кельтов (V – I вв. до н. э.), германцев (VI – I вв. до н. э.), фракийцев. Срединное положение славянства обеспечило не только мощь, образность и универсальность его языка, но и несокрушимую устойчивость культуры и стойкость самого славянского типа, на первый взгляд податливого, а на деле – всепобеждающего и глубоко при этом гуманного даже к истязавшим его, но поверженным врагам.

Местом сложения славянской общности Евразии явилась территория к югу от Балтики, к востоку от Верхней Эльбы и Дуная и к западу от Средней Волги. Район Карпатской котловины входил, начиная с III тыс. до н. э. (шаровидных амфор), в зону влияния и расселения одного из древнейших протославянских этнических пластов, однако всегда был ареной столкновений между различ-

ными народами и из-за извечной нестабильности и доступности для вторжений устойчивой языковой и культурной общности создать не мог.

В то же время пояс Карпатских гор, протянувшийся от Галиции до верховьев Эльбы, не только служил громадным, трудноодолимым барьером, защищавшим протославянские поселения бассейнов Эльбы, Одера, Вислы с юга, но и сам являлся естественной, густо заселённой славянской крепостью, не раз спасавшей осёдлых земледельцев от уничтожающих всё живое нашествий.

Полоса лесостепи, пролёгшая от Карпат до верховьев Оки и Средней Волги, являлась одновременно и пастбищем, и огромной пашней. Близость девственных лесов в бассейнах Припяти, Верхнего Днепра, Десны и Сожа всякий раз с ростом вооружённого напора со стороны причерноморской степи позволяла спасти от полного уничтожения восточнославянское крыло большой западной группы индоевропейцев Евразии. Однако всякий раз, когда буря над головами восточных протославян затихала, они спускались с Карпат в долину Дуная и выходили из лесов Днепровско-Волжского бассейна в степи юга России, расселяясь до устьев Дуная, Днестра, Днепра и Дона.

IX. ЮГ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.

Завершая данную главу, вновь обратимся к процессам, проходившим на юге Средней Азии во II тыс. до н. э.

На протяжении IV – первой половины II тыс. до н. э. крупнейшим центром Северного Копетдага (юг Туркмении) был Намазга-Депе, площадь которого в пору наибольшего расцвета достигала 100 гектар, обведённых оборонительной стеной, сложенной из кирпича-сырца.

Несмотря на ухудшение водного баланса, наступившего уже в III тыс. до н. э. – начале II тыс. до н. э., Намазга-Депе продолжал оставаться мощным центром производящей экономики края, обеспечивавшим высокий уровень жизни населения. Семьи жили в больших многокомнатных домах. По-прежнему развивались бронзолитейная металлургия, керамическое производство с использованием гончарного круга. Для передвижения использовались одно- и двухосные повозки.

Однако с течением столетий упадок центров юга Туркмении обозначался всё явственнее. Шло неуклонное сокращение площа-

дей поселений. Деградировали ремёсла, что вело к огрублению продукции. Во второй половине II тыс. до н. э. жизнь в Намазга VI замерла, за исключением его северной части, где возник укрепленный замок, получивший название «вышка» из-за оставленного им холма, площадью в два гектара против былых ста.

Схожие события происходили и во втором по величине центре севера Копетдага, – Алтын-Депе, площадь которого на рубеже III – II тыс. до н. э. достигала 26 га. Во II тыс. до н. э. восточная часть города была оставлена жителями, а жизнь продолжилась лишь на части его западной половины.

До II тыс. до н. э., как мы помним, погиб и Геоксюрский центр в низовьях реки Теджен.

Не меньшие бедствия претерпевал и северо-восток Ирана (Тепе-Гиссар).

В начале второй четверти II тыс. до н. э. перелом в развитии древней южнотуркменской цивилизации привёл к необратимой трансформации в совершенно новую, иную – по сути и размаху, цивилизацию центра Евразийского континента.

Население терпящих катастрофу городов и селений севера Копетдага с начала II тыс. до н. э. принялось за освоение новых земель в Азии, ближайшими из которых стали: нижнее течение реки Мургаб (Маргиана), среднее течение реки Амударья (Бактрия), долина реки Зеравшан (Согдиана), Ферганская долина в верховьях реки Сырдарья.

Прежде всего – освоению земледельцами и ремесленниками севера Копетдага подверглось верхнее течение реки Мургаб, начало которому было положено в первой четверти II тыс. до н. э. Оазисы Мургабской долины лежали к востоку от Геоксюрского центра северокопетдагской (южнотуркменской) культурной провинции и явились первой и ближайшей к древнейшей метрополии страной, ставшей прямой наследницей цивилизации юга Туркмении V – II тыс. до н. э.

В 120 км к северу от современного города Мары в начале II тыс. до н. э. развернулось освоение Келлелинского оазиса, древнейшего в долине реки Мургаб. Все стороны производящей экономики, культуры, домостроения долины реки Мургаб II тыс. до н.э. были местным воспроизводством образцов цивилизации севера Копетдага того же времени (Намазга-Депе VI).

Келлелинский оазис являл собой островок зелени среди стремительно опустынивавшейся равнины. Он буквально тонул

среди океана наступавшего отовсюду песка. Обитатели оазиса построили систему оросительных каналов, тянущуюся на 20 км к югу от оазиса, вдоль русла Мургаба. На орошаемой площади располагались поселения ремесленников, земледельцев и скотоводов.

Все поселения оазиса возникли практически в одно время, в первой четверти II тыс. до н. э., и являются однослойными. Центром Келлелинского оазиса стал Гонур-Депе, объединявший не менее десятка более мелких поселений.

Помимо этого оазиса во II тыс. до н. э. долина реки Мургаб стала свидетелем возникновения ещё множества поселений, объединённых несколькими достаточно крупными центрами. Наиболее древним среди местных центров считается Аучин-Депе, мощность культурного слоя на котором составляет 1,5 м.

Вслед за ним в долине Мургаба выросли центры Тахирбай (3) площадью в три гектара, Тоголок-Депе и множество иных поселений.

Вслед за освоением нижнего течения реки Мургаб древнее население севера Копетдага двинулось далее к востоку и достигло среднего течения реки Амударьи, где была заложена основа исторической Бактрии. На правом берегу реки Амударьи, между устьями рек Вахш на востоке и Зеравшан на западе, было выстроено множество поселений, наиболее значительным из которых явился Сапалли-Тепе. Начальный период его развития относят к 1700–1500 гг. до н.э. Шло активное строительство оборонительных стен, защищавших чётко распланированные кварталы, разделённые сетью улиц и переулков. Уровень производящей экономики вновь осваиваемого края был весьма высоким и включал все классические отрасли II тыс. до н. э.: металлургию, керамическое производство, ткачество, строительство, сельское хозяйство.

Помимо Сапалли-Тепе в среднем течении Амударьи в первой половине II тыс. до н. э. развивался целый ряд значительных центров, среди которых следует отметить Джаркутан, Кучук-Тепе и прочие. Средний этап развития Сапалли-Тепе приходится на 1500 – 1350 гг. до н. э., а поздний – на 1350 – 1000 гг. до н. э.

Во второй половине II тыс. до н. э. на смену древним северокопетдагским центрам Намазга, Алтын, Геоксюр, Анау, теряющим население, кварталы которых всё более превращались в оплывающие руины и служили оставшемуся населению кладбищем, пришёл новый центр Елкен-Депе, расположенный неподалёку от Намазга-Депе.

Елкен-Депе стал новой столицей страны, и историю его принято делить на три периода: первый (вторая половина II тыс. до н. э.), второй (конец II – начало I тыс. до н. э.), третий (VII – IV вв. до н. э.).

Одной из примет, указывающих на отход населения севера Копетдага от прочной осёдлости былых эпох, является то, что кладбища второй половины II тыс. до н. э. нередко устраивались на значительном удалении от поселений, чего в прежние тысячелетия в данном регионе не было.

Крайней провинцией на востоке, подвергшейся в последней четверти II – первой четверти I тыс. до н. э. экспансии древнего северокопетдагского населения, явилась Ферганская долина, расположенная в верховьях реки Сырдарья. На плодородных благодатных землях долины в короткие сроки выросли сотни селений, особенно густое скопление которых отмечено на востоке долины. Располагались поселения кустами (группами), на значительном расстоянии друг от друга.

Среди скоплений поселений наиболее заметными являются Дальверзинская, Кара-Курганская и Чустская группы. Ферганская культурная провинция входила в общий ряд с севером Копетдага, Маргианой, Бактрией, северо-востоком Ирана и Афганистаном и представляла собой часть большой цивилизации центра континента на рубеже II – I тыс. до н. э. Ферганская долина уступала более древним провинциям Средней Азии в мощи производящей экономики, однако превосходила их в продуктивности сельского хозяйства и в первую очередь земледелия.

Около XIV до н. э. преобразилась долина реки Сумбар, являющейся правым притоком реки Атрек на крайнем юго-западе Туркмении. Поселения в данной местности существовали ещё с IV тыс. до н. э. Земли по берегам реки Сумбар и в низовьях реки Атрек называются Мисрианской равниной, или исторической провинцией Дахистан. На протяжении XIV – X вв до н. э. в долине реки Сумбар выросли крупные центры с укреплениями, окружёнными множеством усадеб. Среди них: Изат-Кули площадью около пятидесяти гектаров, Тангсикылджа, Чпалык-Депе, Мадау-Депе. Наряду с крупными – развивались средние поселения, площадь которых составляла три–четыре гектара: Тильки-Депе, Чапан-Депе, Едиджа-Депе, Беурме-Депе, Бами-Депе и множество иных.

В долине реки Сумбар весьма сильно ощущалось культурное влияние прикаспийского Ирана; кстати, именно оно во многом ог-

радило данную провинцию юго-запада Туркмении от идущих с севера на юг Средней Азии степняков второй половины II тыс. до н.э. В отличие от центров севера Копетдага, Маргианы, Бактрии и Ферганской долины, керамическое производство которых, вследствие нашествия с севера кочевников андроновской культуры от гончарного круга перешло к древней ручной выделке, гончары долины реки Сумбар в своей работе продолжали использовать круг.

Таким образом, можно сказать, что на протяжении всего II тыс. до н. э., особенно во второй половине, шло широкое распространение городского и сельского населения севера Копетдага в долину Нижнего Мургаба, Средней Амударьи и в Ферганскую долину в верхнем течении Сырдарьи. Пришельцы всюду строили квадратные, снабжённые круглыми башнями крепости, охранявшие обширные районы, занятые небольшими посёлками земледельцев и скотоводов.

Что могло явиться причиной упадка древнейшей среднеазиатской метрополии V – II тыс. до н. э. на севере Копетдага – засорение почв, гибель речных потоков, опустынивание земель или разгром, учинённый степными кочевниками, спускавшимися как минимум тремя громадными волнами с севера Евразии, начиная со второй половины III тыс. до н. э. и далее всю первую четверть I тыс. до н. э.?

Земледельческое осёдлое население севера Копетдага, хотя и покинуло свои древние гнёзда, тем не менее не растеряло уровня производящей экономики, продукция которой хотя и огрубела, но не деградировала. Кроме того, были освоены новые, превосходящие по площади прежние территории. Было выстроено множество крепостей, селений, систем орошения.

Видимо, древняя северокопетдагская роза отцвела, но, умирая, дала множество новых ростков.

ИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ В I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э.

**I. ОБЗОР СОБЫТИЙ, ПРОИСХОДИВШИХ В ЕВРОПЕ
В НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.**

Великая засуха, с особой силой поразившая евразийскую степь на рубеже XIV – XIII вв. до н. э. и продлившаяся едва ли не до VIII в. до н. э., не только уничтожила многие древнейшие культурные центры Передней Азии и севера Копетдага (юг Туркмении) и привела в движение громадные этнические волны кочевого индоевропейского мира степи (авестийские иранцы), устремившегося в поисках воды и орошаемых пастбищ нн нив на юг Средней Азии, но и отразилась на судьбах народов Европы в не меньшей степени, чем на судьбах населения Передней и Средней Азии.

Центр Европы около XIII в. до н. э. подвергся едва ли не столь же жестокой засухе, как и центр Евразии. Изменение климата тут, так же как и на востоке, сопровождалось наступлением степи и полупустыни и повсеместным падением уровня грунтовых вод. При этом территории центра Европы, расположенные не менее чем на 500 м над уровнем моря, от засухи практически не страдали. Земли Греции, Малой Азии, острова Средиземноморья в последней четверти II тыс. до н. э. также подверглись засухе.

Одним из важнейших следствий ухудшения климата центра Европы следует считать вторжение исторических дорийцев в Грецию, положившее конец эпохе поздней Эллады и одновременно явившееся прологом сложения классической греческой цивилизации Древнего мира. Дорийское вторжение относят к XIII – XII вв. до н. э., и хронологически оно следует за падением Трои (около 1250 г. до н. э.), проигравшей долгую, изнурительную войну Микенам и населявшим их историческим ахейцам.

Этнически дорийцы принадлежат классической подвижной индоевропейской общности Евразии, развившей и отчасти привнесшей в Элладу «геометрический» орнамент, имеющий прямые аналогии в центрах юга Туркмении, Ирана, Месопотамии V – III тыс. до н. э., а в

IV – I тыс. до н. э. распространившийся в степях Евразии, в Малой Азии (Троя), в долине Инда и в Европе.

Мотивы орнамента изобилуют крестами, меандрами, изломанными линиями. Яркой отличительной чертой представителей древнего индоевропейского мира Евразии, в том числе дорийцев, являются фибулы – медные, бронзовые, а позже и железные своеобразно украшенные булавки, скреплявшие плащ – верхнюю одежду кочевников, такую же неотъемлемую часть их внешнего убранства, как и войлочный колпак, укрывавший голову индоевропейцев всюду от Инда и Ирана до Скандинавии и Британского архипелага.

Помимо чудовищного динамического напора ошестиненной множеством клинков бешено скачущей лавы важнейшим фактором боевого превосходства дорийцев в Элладе, равно как и ведических ариев II тыс. до н. э., оказались боевые колесницы, ставшие едва ли не главным украшением сосудов Греции, Италии, Иллирии и Фракии I тыс. до н. э.

Несмотря на запустение, постигшее мир поздней Эллады в последней четверти II тыс. до н. э. и ставшее прямым следствием разрушительного натиска буйной степной стихии, общая преемственность индоевропейской цивилизации Евразии связала, как и после прежних вторжений и смен эпох в Элладе, ушедшую и вновь родившуюся цивилизации. Дорийские завоеватели во многом восприняли достижения микенской эпохи, и именно из сплава культурного, исторического и этнического наследия ранней, средней и поздней Эллады и культуры дорийских кочевников-завоевателей, принадлежавших к кругу классического арийского ряда Евразии II тыс. до н. э., родилась Греция Гомера, в IX – VIII вв. до н. э. создавшего великий эпос, воспевший подвиги древних полубогатых героев микенской и современной поэты эпох.

Созданию гомеровского эпоса предшествовало сложение не менее великого и впоследствии особо значимого для Восточной Европы классического греческого письма.

Начало эпохи железа в Греции относят к 1000 г. до н. э. Впервые черная металлургия была развернута хеттами (*heti* (Веды) – *hasta* (лат.) – *тика*) около XV в. до н. э. в Малой Азии. Восприняв и развив опыт хеттской цивилизации в области металлургии, Греция уже около 800 г. до н. э. распространила искусство выплавки и обработки железа на Апеннинском полуострове. А в VII в. до н. э. эпоха железа шагнула в центр Европы – в долину Дуная и на склоны окружающих его Альп и Карпат.

Скандинавия оставалась второстепенной металлургической провинцией Европы, придерживавшейся приёмов прежней бронзолитейной металлургии вплоть до рубежа эр.

Господствовавшая в X – IX вв. до н. э. в Греции кремация в VIII в. до н. э. сменилась обрядом трупоположения.

Народы, принадлежавшие к кругу культур полей погребений Европы последней трети II тыс. до н. э., центром которых являлась лужицкая культура, на рубеже II и I тыс. до н. э. если и не подвергли широкому заселению значительные территории европейского континента (сюда следует включить и вторжение дорийцев XIII – XII вв. до н. э. в Элладу), то, во всяком случае, сумели почти всюду на западе и в центре Европы распространить своё определяющее и господствующее культурное влияние.

Одним из видимых свидетельств культурной и этнической экспансии народов – носителей культуры полей погребений Европы XIII – VIII вв. до н. э. – стала тесная интеграция Британского архипелага в общеевропейский культурный круг данной эпохи. Сюда следует отнести и гибель культуры Эль-Аргар на Пиренеях вследствие внешнего вторжения.

На Апеннинах значимым следствием экспансии носителей культуры полей погребений центра Европы стало рождение около IX в. до н. э. культуры Вилланова в исторических провинциях Эмилия, Тоскана, Лацио. Данная культура родилась из смешения более древних местных индоевропейских культур, возникших вследствие вторжений III – II тыс. до н. э. отдельных групп индоевропейцев из района Среднего Дуная в долину реки По (культура Террамар II тыс. до н. э.) и нового культурного и этнического вторжения носителей культуры полей погребений, также шедшего на Апеннины из долины Дуная. Как и в центре Европы, на Апеннинах пришельцы принялись за строительство укреплённых посёлков, расположенных на возвышенных, защищённых самой природой местах. Нередко по периметру посёлки укреплялись каменными стенами. Скотоводство и земледелие на полуострове, как и всюду в центре Европы, составляли главные отрасли производства.

Из центра Европы на рубеже II – I тыс. до н. э. на Апеннины были привнесены погребальные биконические урны и господство обряда трупосожжения. Как и в Элладе, на Апеннинах пришельцев всюду сопровождали бронзовые и медные фибулы. Одновременно с шедшим из района Среднего Дуная и Восточных Альп вторже-

нием нового потока населения на самом полуострове шёл процесс смешения его с местными земледельцами и скотоводами.

Наряду с культурой Вилланова, непосредственные корни которой находятся в центре Европы, ещё одним видимым результатом экспансии народов – носителей культуры полей погребений на северо-запад Апеннин явилась культура Голасекка. Эта культура в большей степени, в виду отдалённости от центра Европы, сохранила ряд черт и традиций предшествующих местных культур медного и бронзового веков (III – II тыс. до н. э.). Всюду в Лигурии (район Генуи, Левобережная Рона) проступают классические мотивы индоевропейского мира Евразии, представленные изображениями колесниц, людей, птиц. Продолжалось следование и древней степной традиции возведения курганной насыпи из земли и камня над погребениями.

Северо-восточные районы и восточное побережье Италии в первой четверти I тыс. до н. э. находились в прямом этническом и культурном родстве с иллирийской общностью индоевропейского мира центра и северо-запада Балкан.

На крайнем северо-востоке Италии местное индоевропейское население именовалось венетами (давшими около V в. до н. э. имя городу своей области Венеции) и центр имели в городе Эсте (Атесте). Мир венетов северо-востока Италии также полнился колесницами, неизменными спутницами индоевропейцев II – I тыс. до н.э., как и иные, громадные по площади территории Европы и Азии.

В провинциях Марка и Абруци население рубежа II – I тыс. до н. э. в меньшей степени, чем на севере Италии, подверглось влиянию центра Европы, зато в большей степени сохранило приверженность местным традициям III – II тыс. до н. э. и состояло в непосредственном родстве с иллирийской общностью Европы.

Юг Апеннинского полуострова, начиная с рубежа II – I тыс. до н. э., находился под непосредственным греческим влиянием и около VIII в. до н. э. фактически был колонизован ею.

II. СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДИВШИЕ НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ II ТЫС. ДО Н. Э. – ПЕРВОЙ ТРЕТИ I ТЫС. ДО Н. Э.

На востоке Европы на рубеже II – I тыс. до н. э. в полосе лесостепи и степи шли извечные процессы борьбы осёдлого запада и кочевого востока. В роли осёдлых земледельцев в украинской лесостепи выступали носители *белогрудовской* культуры XII – IX вв. до н. э., являвшиеся прямыми и непосредственными преемниками носителей культуры *курганных погребений* центра Европы XV – XIV вв. до н. э. (наслоившихся на культуры *шнуровой керамики* и *унетицкую*), восточная область которой трансформировалась в ряд индоевропейских культур (*тишинецкая*, *комаровская*, *сосницкая* XV – XIII вв. до н. э.), около XIII в. до н. э., в свою очередь, породивших классическую культуру полей погребений – *лужицкую* XIII – VIII вв. до н. э. и лежащую к востоку от неё *белогрудовскую* на севере Правобережной Украины.

Процесс оседания громадного индоевропейского вала евразийской степи, накрывшего значительные территории Европы (культура курганных погребений XV вв. до н. э.), занял около трёх столетий и сопровождался активным смешением вновь пришедшего степного населения первого этапа андроновской культуры XVIII – XV вв. до н. э. и местного, явившегося наследником древних индоевропейских культур Европы (культура *воронковидных кубков* IV – III тыс. до н. э., *шаровидных амфор* III тыс. до н. э., *шнуровой керамики* рубежа III – II тыс. до н. э.).

Вслед за прошедшим в центр Европы потоком носителей андроновской культуры на запад в степи юга России устремились этнические иранцы, подвергшие в XIII – XII вв. до н. э. так называемой «варварской оккупации» осёдлый юг Средней Азии и вошедшие в Европе в историю как киммерийцы и последовательно сменявшие их в степях Нижнего и Среднего Дуная, Днестра, Днепра, Дона, Волги скифы (VIII в. до н. э.) и сарматы (III в. до н. э. – III в. н. э.).

Мы помним о том, что иранский мир Евразии своими языковыми, духовными, экономическими и культурными основами произрастает из восточноиндоевропейского мира древних ведических ариев Евразии V – II тыс. до н. э., к середине II тыс. до н. э. покинувших свою прародину (Айриана-Ваеджо) и ушедших частью в Малую Азию (хетты XXIV – X вв. до н. э.), частью в Аф-

ганистан, Пакистан и Индию (XVII – XV вв. до н. э., ведические арии), а частью в центр Европы (культура курганных погребений XV – XIV вв. до н. э.).

Смешение трёх основных слоёв индоевропейских потоков в Европу (культура *воронковидных кубков*, культуры *шаровидных амфор*, *шнуровой керамики* IV – III тыс. до н. э.) с культурой *курганных погребений* XV – XIV вв. до н. э. дало окончательное оформление группам индоевропейцев на крайнем западе Евразии (кельты, латины, германцы, славяне, балты, эллины, иллиры, фракийцы).

Сложение в чистом виде протоиранской общности индоевропейского мира Евразии следует отнести к XV в. до н. э. – времени ухода степной аристократии (*андроновская культура* XVIII – XV вв. до н. э.) на юг и запад континента и сложения *срубной культуры* степи, заложившей основу обособления иранской общности Евразии.

Для подошедших с востока иранцев некогда широко распахнутые ворота Европы оказались практически закрыты. Слишком устойчивы к XIII – IX вв. до н. э. были общности культуры полей погребений, занимавшие центр Европы, и слишком далеки и труднодоступны оказались её отдалённые периферии, – Скандинавия, Британия, Пиренеи, Апеннины.

Последним эпохальным вторжением индоевропейских кочевников в мир нарождающихся устойчиво осёдлых европейских цивилизаций оказалось вторжение дорийцев (XIII – XII вв. до н. э.) в Элладу. Иранский кочевой мир, хотя и проникал в долину Среднего и Нижнего Дуная, на Балканы, в Малую Азию и даже доходил до Восточной Балтики, всё же в Европе – как целостная мощная индоевропейская общность – укрепиться не смог и продолжение как осёдлая культурно-историческая общность получил на Кавказе (Северная и Южная Осетия), в Средней Азии (Таджикистан), в Иране и Афганистане.

Могучий славянский вал центра, юга и востока Европы с середины II тыс. до н. э. явился непреодолимой преградой для любых идущих с востока на запад и наоборот переселений целых народов. Единственным, получившим долгое историческое развитие успешным вторжением с востока в центр Европы оказалось нашествие угров IX в. н. э., сумевших не только укрепиться на Среднем Дунае, но и занять прочное место в ряду культурных общностей Европы. Нашествия гуннов, аваров, монголов носили характер

грандиозных набегов и исторически государственного продолжения в европейской реальности не получили, равно как и идущие им навстречу, с запада на восток, нашествия фракийцев, кельтов, латинов, германцев перспектив в историческо-государственном смысле на землях славян, за редким исключением, не имели и не добились.

Восточно-тишинецкая культура трансформировалась в *белогрудовскую* культуру (север Правобережной Украины) на рубеже XIII – XII вв. до н. э. Северные леса Восточной Европы, как мы помним, с III – II тыс. до н. э. занимали носители культуры *шнуровой керамики*, невольно законсервировавшие в исторической балтской общности Европы состояние и форму индоевропейского языка конца III тыс. до н. э.

Как отмечалось выше, леса и болота лесной полосы востока Европы надёжно прикрыли балтов с юга и востока, море защитило их с запада, а с севера жили не угрожавшие культурному и языковому своеобразию финские охотники.

Литовский (балтский) и славянский языковые миры кажутся наиболее близкими среди западной группы индоевропейских языков Евразии. В то же время в языке балтов есть явные и древние соответствия с германским и даже греческим языками, подчас отсутствующие в славянском.

Всё это указывает на то, что в конце III тыс. до н. э. протославянский языковой субстрат уже занял своё устойчивое место в центре Европы, укрепившись в защищённых природой отрогах Карпат и Восточных Альп и в труднопроходимых долинах рек Эльбы (Лабы), Одры, Вислы, Припяти и отчасти на берегах Дуная, Днестра и Среднего Днепра. Срединное положение протославянской общности Европы к концу III тыс. до н. э. было обозначено и засвидетельствовано балтским языком (язык носителей культуры шнуровой керамики). В III тыс. до н. э. начался процесс обособления и кристаллизации протогреческого, латинского, кельтского, германского языков Европы. Индоевропейские вторжения II тыс. до н. э., шедшие из центра Европы на её окраины, хотя и вносили заметные коррективы в развивающиеся культуры периферий континента, тем не менее наметившихся тенденций своеобразия Скандинавии, Британии, Апеннин и т.д. опрокинуть не могли, и общая языковая нивелировка индоевропейского мира Европы была уже невозможна.

Городища восточноевропейской лесостепи, некогда принадлежавшие носителям *тишинецкой* культуры, перешли под власть их непосредственных восприемников, носителей *белогрудовской* культуры XII – IX вв. до н. э. Об этнической принадлежности носителей белогрудовской культуры говорят аналогии бронзолитейной продукции украинской лесостепи, Моравии и Апеннинского полуострова XI – X вв. до н. э., в равной степени последовательно восходящие к образцам культур *полей погребений*, *курганных погребений* и *андроновской* (XVIII – XV вв. до н. э.), центр которой, как мы помним, располагался на юге Урала.

Мы также помним о том, что около XVII в. до н. э. была окончательно повергнута, распылена и навсегда исчезла *трипольская культура*, занимавшая земли Правобережного Поднепровья и уходящая корнями в культуры средиземноморской расы центра и юго-востока Европы VII – II тыс. до н. э., создавшей тип линейно-ленточной керамики, несколько тысячелетий противостоявшей в Европе геометрическому орнаменту индоевропейского мира Евразии. Окончательно бесконечно долгая борьба за обладание Европой разрешилась в Правобережном Поднепровье в пользу индоевропейцев Евразии лишь в XVII в. до н. э.

Таким образом, протославянский языковой и культурный субстрат в III тыс. до н. э. мог складываться и развиваться лишь западнее Правобережного Поднепровья, хотя и имел беспрестанную подпитку населением в лице индоевропейских кочевников междуречья Днестра и Волги и далее, вплоть до юга Средней Азии и верховьев Енисея.

Земли на юго-западе Правобережного Поднепровья в XIII – XII вв. до н. э. занимали носители культуры *Ноа*, этнически представлявшие собой остатки *средиземноморской расы* юго-востока Европы, смешанные с индоевропейскими кочевниками евразийской степи. К концу XI в. до н. э. в бассейне Среднего и Нижнего Днестра на смену носителям культуры Ноа пришли исторические фракийцы, продвигавшиеся на восток из центра Европы. Одним из указаний на их появление служат фракийские гидронимы, присутствующие в междуречье Среднего Днестра и Днестра.

Не без влияния перечисленных выше факторов около X в. до н. э. белогрудовская культура начала постепенно трансформоваться в занимающую практически ту же территорию чернолесскую культуру X – VII вв. до н. э. В обеих культурах основу производящей экономики составляло пашенное земледелие.

Широко возделывались пшеница и ячмень. Основу стада в обеих культурах неизменно составляли быки, козы, овцы, свиньи (отличительный признак осёдлости населения), кони. Всюду присутствовала собака и широко держали домашнюю птицу (кур).

Кроме того, значительные поступления в пищу давала охота на оленя, зубра, зайца, лису, барсука. Несмотря на наличие ошутимого потока изделий из центра Европы, в Правобережном Поднепровье XII – VII вв. до н. э. развивалось собственное бронзолитейное производство.

На конец II тыс. до н. э. пришёлся пик засухи, поразившей евразийскую степь от Алтая до Восточных Альп. Следствием явилось то, что некогда могучая производящая экономика срубной культуры юга России середины II тыс. до н. э. подверглась деградации и едва ли не полному упадку. В XII – X вв. до н. э. население-носитель белозерской культуры степей Северного Причерноморья и Приазовья резко сократило поголовье стада. Терпела бедствие бронзолитейная металлургия, страдающая от недостатка сырья. Стремительно сокращались численность населения, площади посёлков, объёмы обрабатываемых земель. Люди были вынуждены забрасывать осёдлое земледелие и переходить к кочевому скотоводству.

Подвижный протоиранский мир евразийской равнины, жестоко страдавший от засухи в степях Восточного Прикаспия и пошедший на эпическое вторжение на юг Средней Азии и далее, долиной реки Теджен-Герируд на Иранское плоскогорье, равно страдал и в степях Нижнего Поднепровья, Подонья и Поволжья XII – X вв. до н. э.

Несмотря на значительное преобладание грунтовых погребений в степях Северного Причерноморья, на юге России по-прежнему не забывали древних традиций курганных погребений, хотя чести такой удостаивались лишь представители знати.

Непосредственной преемницей белозерской культуры юга России была исторически засвидетельствованная общность киммерийцев X–VIII вв. до н. э. Иранская общность Северного Причерноморья XII – VIII вв. до н. э. претерпела определённое влияние фракийской волны населения, идущей из центра Европы на её восток.

В междуречье Среднего Днепра и Дона преемницей срубной культуры (середина II тыс. до н. э.) в XII – VIII вв. до н. э. явилась бондарихинская культура, носители которой этнически представ-

ляли собой смешение протоиранцев и протославян, строивших поселения на защищенных природой мысах, огораживая их с напольной стороны системой оборонительных валов и рвов. Наряду с укрепленными поселениями существовали и хорошо защищенные по всему периметру городища. Господствующим погребальным обрядом являлось трупосожжение с захоронениями в грунтовых могилах, наряду с которыми существовали и курганы. Развивалась собственная бронзовая металлургия, но не отличалась мощностью, возможно, вследствие отсутствия собственных источников сырья.

III. ИСТОРИЧЕСКИЕ КИММЕРИЙЦЫ НА ЮГЕ РОССИИ И ПОСТИГШАЯ ИХ КАТАСТРОФА VIII В. ДО Н. Э. ВТОРЖЕНИЕ СКИФОВ НА ЮГ РОССИИ. КАТАСТРОФА ВОСТОЧНОГО КРЫЛА ПРОТОСЛАВЯНСКОГО МИРА (ГИБЕЛЬ ЧЕРНОЛЕССКОЙ КУЛЬТУРЫ VII В. ДО Н. Э.) И ОТСТУПЛЕНИЕ НА СЕВЕР, В ЛЕСНУЮ ПОЛОСУ ЗАПАДА РОССИИ

Сложившаяся в XV в. до н. э. срубная культура, занимавшая просторы от Нижнего Дуная и Днестра до юга Урала, уже являлась собственно протоиранской, равно как и носители второго, третьего и четвертого этапов андроновской культуры XV – IX вв. до н. э., занимавших равнины юга Сибири и Средней Азии. Чудовищная засуха на рубеже II – I тыс. до н. э. в значительной мере подорвала экономическую мощь протоиранской культуры степи, и белозерский этап (XII – X вв. до н. э.) развития западноиранского этноса особенно ярко свидетельствует о значительных трудностях, с которыми пришлось столкнуться некогда многочисленному и экономически процветающему (XV – XIV вв. до н. э.) населению юга России.

В VIII в. до н. э. в движение пришло восточноиранское крыло евразийской степи, видимым проявлением которого стало вторжение в степи Нижнего Поднепровья, Подонья и Правобережного Поволжья исторических скифов, вытеснивших с юга России своих западных братьев-киммерийцев и на тысячу лет занявших достойное место на юге Восточной Европы вплоть до III в. н. э., когда государство скифов подверглось окончательному разгрому от вторгшихся с севера Европы в Северное Причерноморье готов – представителей германского мира северо-запада континента.

Серьёзного сопротивления скифам со стороны киммерийцев на юге России оказано не было, и к VII в. до н. э. скифы практически безраздельно господствовали на огромных пространствах юга Восточной Европы.

Смена хозяев, произошедшая на юге России в VIII – VII вв. до н. э., – на судьбы индоевропейского мира центра и северо-востока Европы оказала прямое влияние, приведшее к значительным изменениям путей развития протоисторического мира Европы. Уходя от скифов к западу и юго-западу, киммерийцы хотя и не сумели совершить культурный поворот в Европе, подобный произошедшему в XV в. до н. э. (культура курганных погребений), но значительную смуту и хаос в мир Европы внести сумели. На юге конечным пунктом движения киммерийцев оказался Малоазиатский полуостров, и греки о нашествии киммерийцев вспоминали как о набеге, но далеко не как о завоевании (подобном дорийскому), не принёсшем ни значительных разрушений, жертв, ни поворотов в культурном или экономическом развитии. Зато в центре Европы и на её северо-востоке смена хозяев в степях Северного Причерноморья оказала прямое и весьма значительное влияние.

Очередная смута в южнорусских степях привела к гибели *чернолесской* культуры X – VII вв. до н. э., представлявшей едва ли не крайний на востоке форпост осёдлой центральноевропейской протославянской общности пахарей-земледельцев, прямых наследников индоевропейцев IV – II тыс. до н. э. севера и востока Европы.

Носители чернолесской культуры были отброшены скифским вторжением к северу от украинской лесостепи в леса Среднего и Верхнего Поднепровья. И тут произошло смешение трёх этнически обособленных начал. Северо-восток Европы с III – II тыс. до н. э. в значительной степени оставался во власти индоевропейских носителей культуры *шнуровой керамики*, заложивших основу балтской общности континента.

С другой стороны, леса Северо-Восточной Европы издревле населяли протофинские охотники, хотя и частично ассимилированные и отчасти вытесненные из долин крупнейших рек протобалтами, всё же сохранявшими за собой огромные малоосвоенные территории лесного северо-востока Европы. Уходящие под беспрестанными ударами иранских всадников к северу осёдлые земледельцы, скотоводы и ремесленники восточноевропейской лесостепи VIII – VII вв. до н. э. этнически и культурно тяготели к про-

тославянскому миру центра Европы. Они оказались третьим началом в рождении целого ряда культур лесной полосы запада России, ставших едва ли не первыми камнями в основании восточнославянской общности лесного северо-востока Европы.

К северу от впадения в Днепр рек Припять и Десна в VII в. до н. э. сложилась балто-славянская культура, получившая название *милоградской* (VII – III вв. до н. э.). В основе её лежало, с одной стороны, наследие культуры *шнуровой керамики* рубежа III – II тыс. до н. э., а с другой – генезис центральноевропейских культурных трансформаций, составивших основу сложения протославянской общности континента (культуры *воронковидных кубков* IV – III тыс. до н. э., *шаровидных амфор* III тыс. до н. э., *шнуровой керамики*, *курганных погребений* XV – XIV вв. до н. э., *тишинецко-комаровско-сосницкая* второй половины II тыс. до н. э., *лужицкая* XIII – VIII вв. до н. э.).

К северу от милоградской культуры в том же VII в. до н. э. возникли ещё две культуры: *штрихованной керамики* и *днепро-двинская*, в основе которых лежало всё то же смешение балтского, протославянского, но уже в меньшей степени, и отчасти протофинского субстратов Северо-Восточной Европы.

Своеобразие восточнославянских кривичей и дреговичей, населявших леса, нивы и болота полоцких, смоленских и северских земель Руси эпохи Киева, отчасти было заложено событиями VIII – VII вв. до н. э., в дальнейшем не раз повторявшимися и приводившими к новым продвижениям южнорусских славян Восточной Европы к северу в естественные крепости славянства, составленные из непроходимых для степных орд лесов и трясин.

IV. ГАЛЬШТАТ ЕВРОПЫ. ОБЩИЙ ОБЗОР КУЛЬТУР ЕВРОПЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н. Э.

В IX–VIII вв. до н. э. мир Центральной и Западной Европы вступил в эпоху Гальштата, продлившуюся вплоть до V в. до н. э. и предшествующую эпохе Латена V – I вв. до н. э., то есть времени кельтской экспансии в Евразии. Однако прежде чем мы приступим к описанию эпохи Гальштата, рассмотрим процессы, протекавшие на юге Европы на землях исторических Италии и Греции.

Могучая, завораживающая и во многом загадочная цивилизация этрусков, в значительной степени определившая пути развития культуры римского мира Европы, расцвела в VIII в. до н. э. на северо-западе Апеннинского полуострова. Земли исторической родины этрусков ограничиваются с севера рекой Арно, с юга рекой Тибр, с востока горным хребтом, прорезающим Апеннины с севера на юг, а с запада побережьем Тирренского моря.

Ближайшие корни этрусской культуры тянутся к склонам Восточных и Централных Альп, населённых историческим народом ретиями (самоназвание этрусков – *расены*). Однако в более глубокой исторической, этнической и культурной перспективе этрусски представляют собой концентрированный отряд, берущий начало в древней цивилизации Передней и юга Средней Азии и в значительной степени в цивилизации евразийской степи XVIII – XV вв. до н. э., проложившей культурный и этнический мост из глубин Евразии на её крайний запад, в Европу и привнёсшей в центр Европы зрелую ведическую культуру и мировоззрение древнего индоевропейского мира Евразии.

Этруская культурная общность Апеннин I тыс. до н. э. представляется наиболее незамутнённым отражением древнего ведического начала индоевропейского мира центра Евразии в Европе. Именно чистотой хранимых этрусками знаний и традиций объясняется высочайший уровень культуры и всех сторон производящей экономики этрусков, практически не имевших периода зарождения и этапов эволюционного совершенствования и развития.

Основой единства этрусского мира I тыс. до н. э. являлись союзы городов. Первоначально в Этрурии существовал союз двенадцати городов. Позже к нему присоединились союзы городов, расположенных на подчинившихся этрускам землях в долине реки По, в провинции Кампании, на острове Корсика. Города этрусков во многом походили на древние городские центры юга Туркмении и Передней Азии V – II тыс. до н. э. Их объединяют – чёткость планировки городских кварталов и регулярность уличной сети, прорезавшей город несколькими, параллельно друг другу идущими с севера на юг главными широкими улицами и целым рядом узких (не шире пяти метров) вспомогательных улочек, идущих перпендикулярно главным магистралям города. Кроме того, города этрусков обладали системами искусственного водопровода и канализации. Городские дома представляли собой многоквартирные по-

мещения, составленные из нескольких комнат, окружавших главный зал с очагом. Стены домов нередко были общими и содержали дворы с искусственными водоёмами. Фундамент зданий строили из камня, стены же, как на юге Туркмении и в Передней Азии, возводили из кирпича-сырца.

Видимыми символами глубокого родства с классическим индоевропейским миром Евразии у этрусков являлись обилие боевых колесниц и обычай насыпать громадные курганы над погребениями. Около середины VII в. до н. э. курганы появились повсеместно на землях этрусков. В курганах этрусков сохранён обычай погребать тело в каменной гробнице вместе с колесницей (обычай, распространённый на юге Урала в XVIII – XV вв. до н. э., на первом этапе развития андроновской культуры). В VI в. до н. э. этруски возводили неправдоподобно громадные курганы диаметром более 50 м, с погребальными камерами, стены которых покрывала роспись, а потолок представлял собой ложный купольный свод.

Города этрусков защищались каменными крепостными стенами с воротами и башнями. Располагались города на хорошо защищённых природой местах, как правило, давно обжитых человеком предшествующих эпох. Профиль укреплений повторял профиль возвышения, на котором располагался город.

Духовными и архитектурными центрами городов этрусков были квадратные в плане храмы, высящиеся на высоких мощных фундаментах. Внешне храмы украшались портиками, поддерживаемыми рядами колонн. Внутри храм содержал три параллельных помещения, стены которых были уставлены статуями богов.

В IV в. до н. э. погребальные камеры этрусков VIII – V вв. до н. э. преобразовались в фамильные усыпальницы с открытым доступом извне. Подобная традиция устройства фамильных склепов существовала в индоевропейских культурах центра Евразии, от юга Урала до побережья Персидского залива (провинция Фарс на юге Ирана), в V – II тыс. до н. э.

Многие города этрусков известны и найдены – это Тарквиний, Вульчи, Вей, Цэрэ-Черветери, Популони, Ветулони, Чиузи, Арциум. Город Спина был покинут этрусками в IV в. до н. э. под давлением идущих с запада Европы галлов (кельтов) и в дальнейшем оказался поглощён трясиной в долине реки По.

В 40 км к северу от Рима существовал этрусский порт Пирги.

Экономика этрусков традиционно для индоевропейцев опиралась в первую очередь на земледелие и скотоводство. Выращивались овёс, ячмень, пшеница. Успешно развивались металлургия и множество различных ремёсел. Уровень мастерства живописцев, скульпторов, гончаров, строителей с самого начала развития был удивительно высок.

До нас дошло около 10 000 этрусских надписей, крупнейшая из которых (до 1500 слов) нанесена на полотно, в которое была обёрнута умершая в Среднем Египте женщина. Ранние надписи этрусков датируются VII в. до н. э., однако большинство относят ко второй половине I тыс. до н. э.

Экономическое и военное могущество этрусков в VI в. до н. э. пошатнулось с утратой рынков в Восточном Средиземноморье. В V в. до н. э. этруски сохраняли за собой лишь земли исторической Этрурии. В начале III в. до н. э. этруски подчинились власти Рима. Однако искусство и своеобразие этрусской культуры дожили до рубежа эр.

К IX в. до н. э., ко времени, когда затянулись рубцы дорийского вторжения и рассеялся дым пожаров над городами древних ахейцев – Микенами, Тиринфом, Кносом, Фестом, Пилосом, Эллада, успевшая пережить, начиная с середины III тыс. до н. э., три этапа культурного развития (ранний, средний и поздний) и как минимум четыре крупнейших вторжения индоевропейских кочевников, – вновь расцвела, набралась сил и творческих живительных соков. Эллада, воспринявшая геометрический стиль орнамента индоевропейского мира древних городов Передней и юга Средней Азии и евразийской степи V – II тыс. до н. э., организацию и принципы социального устройства общества, градостроения, металлургии, приняла на себя тем самым основной груз ответственности в сохранении и развитии основополагающих начал материального и духовного бытия индоевропейского мира в I тыс. до н. э.

Эллада явилась тем светочем и своего рода залогом-эталоном индоевропейской культуры Евразии, который позволил сохранить историческую, культурную и языковую преемственность в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., индоевропейской общности континента, несмотря на бесконечные перемещения и столкновения значительных групп населения и нередкую деградацию отдельных культур и экономик.

В первой половине I тыс. до н. э. Греция (Эллада) подвергла торговой, экономической и культурной экспансии весь южноевропейский мир от Чёрного моря и Малой Азии на востоке до Гиб-

ралтарского пролива на западе. Всюду на побережье Чёрного и Средиземного морей росли основанные греками города-колонии, ведшие широчайшую торговлю в среде местного населения и распространявшие достижения и технологии всех сторон собственной производящей экономики. Греция, а начиная со второй четверти I тыс. до н. э. и Апеннинский полуостров являлись главными провозвестниками и апологетами железного века Европы. В обмен на продукцию южноевропейской экономики с севера Европы, с берегов Балтики, в города Средиземноморья шёл поток янтаря, мехов, сырья для металлургии и прочее.

Греческий мир подобно миру этрусков никогда не был един и однажды, так же как и этруски, заплатил за это независимостью.

Север классической Греции населяли эолийцы, Средняя Греция и полуостров Пелопоннес принадлежали дорийцам. Аттикой и островами Эгейского моря традиционно владели ионийцы. К VIII – VI вв. до н. э. сложились города-государства Греции, власть в которых принадлежала либо аристократической олигархии, либо плембсу, и тогда она называлась демократической. В V – IV вв. до н.э. города-полисы Греции переживали эпоху блестящего процветания.

Греко-персидские войны (500 – 449 гг. до н. э.) окончились победой греков и рождением Делосского союза, во главе которого встали Афины.

Около середины IV в. до н. э. возвысилась Македония, сумевшая подчинить себе всю Грецию. Однако после распада державы Александра Македонского, в эпоху «эллинизма» (III – II вв. до н. э.), Греция вновь представляла собой союз ряда государств. Потерпев поражение от римлян (146 г. до н. э.), греки утратили независимость и лишь в IV в. н. э. встали во главе Восточноримской империи с центром в Византии.

Средиземноморские культуры (Греция, Этрурия, культуры Вилланова, Эсте на Апеннинах) IX – VIII вв. до н. э. оказывали мощное влияние на области Центральной и Западной Европы и во многом способствовали началу расцвета гальштатской эпохи Европы VIII – VI тыс. до н. э.

Своим названием эпоха Гальштата обязана небольшому городку Гальштат на юго-западе Австрии. Местные жители VIII – V вв. до н. э. занимались добычей соли и держали для этого соляные варницы.

Непосредственной этнической и культурной основой населения-носителя традиций эпохи Гальштата являлись народы, принадлежавшие к кругу культуры *полей погребений* XIII – VIII вв. до н. э. Перемещения иранских кочевников (киммерийцы, скифы) на юге Восточной Европы вызвали в центре и отчасти на западе Европы своего рода новый курганный ренессанс. Многие индоевропейские группы населения во Франции, Германии и отчасти в центре Европы отошли от традиций эпохи полей погребений и вернулись к обычаям времён господства культуры курганных погребений XV – XIV вв. до н. э. Захоронения раннего Гальштата (VIII в. до н. э.) изобилуют предметами конской сбруи, прототипы которых находятся в степях юга России X – VIII вв. до н. э. Около VI в. до н. э. отдельные, значительные по численности отряды скифов проходили на западе до Франции, на севере до бассейна Одера и Вислы, оставляя клады вещей знаменитого «звериного» стиля степного иранского мира I тыс. до н. э.

Несмотря на то, что граница между скифами и осёдлыми фракийцами, представлявшими западную ветвь индоевропейского древа Евразии, шла по Днестру, бассейн Центрального Дуная, начиная с середины VI в. до н. э. (в особенности берега реки Тисы), подвергался сильнейшему скифскому влиянию.

Центральным мотивом гальштатского орнамента выступает классический индоевропейский геометрический элемент. А формы керамической посуды гальштатской эпохи основываются на лужицких традициях XIII – VIII вв. до н. э. эпохи полей погребений.

Смута, внесённая иранским миром в центр Европы в VIII в. до н. э., подорвала передовые позиции лужицкой культуры и сместила центр развития экономики, в первую очередь металлургии, от центра Европы к западу, на восточные и западные отроги альпийского горного массива. Эти районы были несравнимо надёжнее защищены природой от беспокойной, грозящей беспрестанными набегами и разорениями евразийской степи. Центр Европы, среднее течение Дуная, традиционно выступил в роли восприемника нового вторжения с востока полчищ всадников, стад скота и тысяч и тысяч деревянных повозок и колесниц.

В то же время бурно развивавшиеся центры Средиземноморья (Греция, Этрурия) нуждались в рынках сбыта многочисленной продукции и одновременно в бесперебойно поступающем сырье. Именно тогда на районах гальштатской культуры и сконцентрировалось влияние Греции и Апеннин.

Западногальштатский массив населения (юг Германии, Франции) составил исторический кельтский этнос, проявивший себя самостоятельной культурной, экономической и военной силой в эпоху Латена (V – I вв. до н. э.). Восточногальштатский массив населения (к востоку и югу от Восточных Альп) был представлен историческими иллирийцами, носившими также название венетов и в орнаментации и украшениях, особенно часто использовавших спирали, столь характерные для культур Евразии, начиная с северо-востока Ирана и юга Урала и кончая лужицкой культурой и югом Скандинавии XIII – VIII вв. до н. э.

Культура *Эсте* (северо-восток Италии), носители которой также относились к иллиро-венетской общности Европы, являлась своего рода мостом между Гальштатом и развитыми центрами Апеннин и Греции.

Как на западе Гальштатской области, так и на её востоке словная разница среди населения была весьма значительна и даже контрастна. Знать погребали под курганами, окружёнными рвом или кольцом из камней, под которыми находились помещения, стены которых выкладывались камнем. В них помещали двух- или четырёхколёсные повозки, керамику, украшенную геометрическим орнаментом, и оружие.

Во Франции, в эпоху Гальштата, были особенно многочисленны погребения под курганами с помещёнными под ними колесницами (традиция юга Урала XVIII – XV вв. до н. э., привнесённая в Европу в XV в. до н. э. и вылившаяся в эпоху культуры курганных погребений XV – XIV вв. до н. э.).

На севере европейской территории, охваченной гальштатской культурой, был распространён обычай порчи оружия, помещавшегося в могилу.

Восточные области Гальштата испытывали заметное влияние «звериного» стиля иранских кочевников. Поздний Гальштат характерен значительным увеличением привоза товаров с юга, из Этрурии и Греции.

С начала эпохи Гальштата в центре Европы принялись за возведение многочисленных укреплений, располагавшихся в стратегически важных пунктах обороны определённого региона. Наиболее характерные типы центров обороны устраивались на мысах и с напольной стороны традиционно обводились рвами и валами. При этом широко использовали каменную кладку в комбинации с деревянными конструкциями.

Жилища носителей гальштатской культуры представляли собой дома из дерева столбовой конструкции, снабжённые рядом надворных построек, окружавших внутренний хозяйственный двор. Деревни по периметру укреплялись земляным валом и имели регулярную планировку улиц. На всей территории Гальштата VIII – VI вв. до н. э. были густо разбросаны мастерские ремесленников, кузницы, рудники, соляные копи.

Возрождение степных индоевропейских традиций эпохи культуры курганных погребений, помимо прочего, сказалось и в том, что керамика Гальштата, как правило, изготавливалась вручную. Несмотря на то, что гончарный круг был распространён в центрах Передней Азии и юга Туркмении ещё в V – III тыс. до н. э., индоевропейские степные кочевники считали изготовленную на гончарном круге посуду «нечистой», демонической и предпочитали древний ручной способ выделки.

Восточный Гальштат, представленный иллиро-венетами, занимал территории исторических провинций Восточных Альп: Словению, Штирию, Каринтию, Истрию, Далмацию, собственно Иллирию вплоть до Албании и отчасти южные отроги Западных Карпат (Чехия, Словакия, Моравия). Тут плоские могильники с трупосожжением перемежались курганными насыпями, укрывавшими отделанные деревом склепы с богатым погребальным инвентарём.

Иллирийцы строили многочисленные, хорошо укреплённые городища и отличались в высшей степени воинственными наклонностями. О них шла громкая слава по всему Средиземноморью как о дерзких пиратах.

Корни иллиро-венетской общности Восточного Гальштата восходят к эпохе бронзы (XVIII – IX вв. до н. э.) и в значительной мере происходят из центральноевропейского населения-носителя культуры полей погребений (XIII – VIII вв. до н. э.), смешавшегося с местным населением эпохи бронзы.

Если на северо-востоке и востоке Франции в VIII – VI вв. до н. э. была распространена западная гальштатская культура и данные области являлись местом сложения исторических кельтов, то центр и юг Франции первой половины I тыс. до н. э. придерживались традиций культуры курганных погребений XV – XIV вв. до н. э., а французское побережье Атлантики и вовсе придерживалось традиций эпохи бронзы первой половины II тыс. до н. э.

В IX в. до н. э. Пиренейский полуостров подвергся вторжению народов, придерживавшихся традиций культуры полей погребений центра Европы. Около VII – VI вв. до н. э. Пиренеи вновь подверглись вторжению носителей традиций полей погребений. Одновременно шёл процесс освоения средиземноморского побережья Пиренеев торговыми миссиями финикийцев, греков, карфагенян, стремившихся путём создания укреплённых портовых городов закрепиться в богатых провинциях юго-запада Европы. При этом шла жестокая конкурентная борьба, нередко перераставшая в полномасштабные войны. Около середины VI в. до н. э. греки потерпели военное поражение от Карфагена и этрусков, однако уже в IV в. до н. э. им удалось восстановить былое влияние на крайнем западе Средиземноморья.

На Британском архипелаге приход железного века относят к V в. до н. э. (на Пиренеях это VII – VI вв. до н. э.). Начало влияния Гальштата в Британии относят к VI в. до н. э., где оно смешивается с традициями местных культур эпохи бронзы. Население Британского архипелага на протяжении почти всего I тыс. до н. э. вело сравнительно спокойную и размеренную жизнь, располагаясь либо в отдельных дворах, окружённых хозяйственными постройками и внешним частоколом, либо в деревнях, находившихся под прикрытием венчающих холмы укреплений, многие из которых восходят к рубежу IV – III тыс. до н. э. (культура Уиндмилл-Хилл).

Значительно возросло количество укреплений в Англии в III в. до н. э., что связывают с вторжением на острова кельтов.

Земли юга Скандинавии, полуострова Ютландии (Дания) и севера Германии в эпоху Гальштата придерживались традиций и технологий эпохи бронзы и практически не подвергались культурному или экономическому влиянию греческого или этрусского миров юга Европы.

Эпоха Гальштата (VIII – VI вв. до н. э.) явилась переходной от периода гегемонии народов культуры полей погребений (XIII – VIII вв. до н. э.) к эпохе Латена, ставшей временем общеевропейской экспансии кельтов.

Видимым проявлением господства Гальштата в Европе было широкое распространение украшений из железа. При этом орудия труда и оружие продолжали изготавливать из бронзы. Аристократия эпохи Гальштата устраивала изумительные по богатству, блеску и монументальности курганные погребения, располагавшиеся на возвышенных местах.

Оживлённые торговые пути Европы VIII – VI тыс. до н. э. защищались многочисленными городищами, замыкавшими ключевые позиции.

Следует отметить и то, что в эпоху Гальштата шло постепенное вытеснение обряда трупосожжения обрядом трупоположения.

В целом эпоху Гальштата Европы можно охарактеризовать как время набора сил и общего подъёма технологических возможностей населения континента. Крупных перемещений значительных групп населения в центре и на западе Европы не происходило.

На востоке Европы протославянская общность среднеднепровской лесостепи была отброшена иранцами к северу. При этом в целом центр культурной и экономической жизни Европы не без влияния всё тех же иранцев сместился к западу континента, на восточные и западные отроги Альп. Одновременно происходило бурное развитие экономики и культуры Греции и Апеннин, влияние которых вскоре стало определяющим в развитии всего культурного мира запада Евразии и севера Африки.

Эпоха Гальштата представляется временем дальнейшей, и во многом окончательной, кристаллизации отдельных индоевропейских общностей Европы и Азии. Кельты, латины, эллины, германцы, славяне, балты, иллирийцы, фракийцы, словно выжидая своего выхода на историческую сцену, заняли раз и навсегда определённые позиции и места сложения целостных и своеобразных языковых и культурных миров.

V. ЭПОХА ЛАТЕНА В ЕВРОПЕ. ЭКСПАНСИЯ КЕЛЬТОВ

Перерастание культуры западногальштатских областей VIII – VI вв. до н. э., непосредственными представителями которой являлись исторические кельты, в культуру или вернее целую культурную эпоху Латена V – I вв. до н. э. явилось результатом нескольких факторов, важнейшими из которых были следующие.

Около VII в. до н. э. закончился длительный период засух, обострение которых пришлось на XIII – X вв. до н. э. В то же время вслед за периодом засухи в западных областях Европейского континента наступила эпоха частых дождей, наводнений, что породило традицию устраивать жилища, а иногда и селения на сваях, искусственных насыпях, а в ряде мест и на искусственных островах. В то же время наиболее устойчивыми потребителями растущего век от

века импорта, в первую очередь предметов роскоши из греческих и апеннинских культурно-экономических центров, были области формирования классического Латена (к западу и северу от альпийского горного массива), ставшие недосягаемыми для вносящего деструктивное начало скифского мира.

Укрепившиеся на Среднем Дунае, в бассейне реки Тисы, в VI – IV вв. до н. э. скифы сместили центр культурной и экономической жизни Европы ещё далее, нежели в Гальштат (VIII – VI вв. до н. э.) и тем более в эпоху полей погребений (XIII – VIII вв. до н. э.) к западу, под защиту Альпийского массива. С запада кельтский мир Западного Гальштата был защищён Атлантикой. Таким образом, первенство Западного Гальштата над Восточным в развитии металлургии и зависящих от неё областей производящей экономики было предопределено ходом истории и в V – I вв. до н. э. вылилось в господство латенского культурного начала в Европе повсюду от Ирландии до Днепра и Малой Азии и от Гибралтара до юга Скандинавии.

Провозвестником наступления и господства эпохи Латена в Европе явились вторжения кельтов, носившие характер тотального заселения целых регионов Европы и Малой Азии, закрепление которых шло путём строительства густой сети дорог, крупных, объединённых общей системой обороны укреплений и освоения наиболее плодородных земель через возникновение множества сельскохозяйственных поселений. Исходным районом кельтской экспансии в Европе было место схождения крупнейших речных систем центра и запада Европы – район Верхнего Дуная, Рейна, Сены, Луары и Роны.

В течение V – III вв. до н. э. кельты распространили своё влияние и непосредственно заселили территории Пиренеев, Британского архипелага, бассейн реки По на севере Апеннин, значительные территории в бассейнах Рейна и Эльбы и ряд районов вздохнувшей и расцветшей после долгой засухи Карпатской котловины в бассейне Среднего и Нижнего Дуная (Чехия, Моравия, Словакия, восточные склоны Альп, Венгрия, Румыния).

В III в. до н. э. отряды кельтов заняли земли в центре и на севере Малой Азии, где было положено начало исторической Галатии, ставшей непосредственной преемницей хеттской цивилизации II тыс. до н. э. и наследовавшего её Фригийского царства X – VIII вв. до н. э. со столицей в малоазиатском городе Гордионе.

Множество кельтских воинов состояло на службе в греческих государствах V – I вв. до н. э. Причём первое упоминание о кельтах принадлежит греческому историку Гекатею Милетскому (540 – 475 гг. до н. э.), поведавшему о том, что греческая колония Мессалия (Марсель) расположена в землях лигуров, в непосредственной близости от кельтов.

Мощь кельтской экспансии и весомость привнесённой ими в Европу культуры (Латен) во многом нивелировали иные культурные очаги континента и в значительной степени стирали разделяющие их грани, придавая индоевропейской цивилизации Европы известную универсальность, которой и было дано название Латена.

Схожие процессы происходили и в эпоху экспансии носителей культуры полей погребений, и в эпоху Гальштата, и позже, в эпоху владычества Рима, в русской исторической литературе отраженной как Века Трояновы.

В эпоху Латена в Европе окончательно отказались от бронзовой и переориентировались на железную металлургию. Короткие мечи V – IV вв. до н. э., являвшиеся наследниками степных кинжалов, к III – I вв. до н. э. вытянулись едва не до метра. Защитой для кельтского воина служили деревянные с металлическим умбоном (внешний выступ) щиты значительных размеров.

Погребения кельты совершали в грунтовых могилах, иногда под курганами, причём трупосожжение преобладало в центре Европы. В течение всей эпохи Латена из Греции и Апеннин в центр и на запад Европы поступал мощный поток товаров.

В чистом, практически незамутнённом виде кельтская общность сохранилась в Ирландии, Уэльсе и Шотландии, сумев при этом сохранить язык и своеобразие культуры. На Пиренеях кельты смешались с иберами, наследниками культур Эль-Аргар, колоколовидных кубков, полей погребений, и получили историческое название кельтеберов. На исторической родине кельтов (Франция, Швейцария, Бельгия, часть Германии) они подверглись уже в I тыс. н. э. значительному смешению с германцами. Но именно кельтское культурное, языковое и этническое своеобразие предопределило столь разительную разницу Франции и Германии.

В центре и на востоке Европы кельты подверглись значительному этническому растворению, но сумели придать известное своеобразие западнославянскому языку и культурному ряду, и в первую очередь это коснулось чешской общности славянского мира и отчасти южнопольской и прикарпатской (хорваты) общно-

стей. Столкновение кельтского и славянского миров в центре Европы – тема крайне интересная и заслуживающая особого внимания.

Как мы помним, центром культуры полей погребений Европы была лужицкая культура XIII – VIII вв. до н. э., расположенная в бассейнах рек Одры и Вислы, к северу от Карпат. Именно лужицкая культура в эпоху Гальштата оставалась носителем традиций эпохи полей погребений, и именно из лужицкой культуры выросли важнейшие славянские культуры рубежа эр: пшеворская (II в. до н. э. – V в. н. э.) на территории Польши и зарубинецкая (II в. до н. э. – I в. н. э.) на Среднем Днепре. В то же время эпоха характеризовалась широчайшей общеевропейской экспансией народов-носителей культуры полей погребений, доходивших на западе до Пиренеев и Британского архипелага, проникавших на Апеннины, и практически полностью покрывших центр Европы по среднему течению Дуная, включая восточные склоны Альп (Штирия, Каринтия, Словения) и историческую Иллирию на северо-западе Балкан. Наряду с этим именно в XIII – VIII вв. до н. э. произошли исторически засвидетельствованные вторжения в Элладу дорийцев и на Апеннины этрусков, причём источником обоих вторжений служила долина Среднего и Нижнего Дуная в центре Европы.

Из рассмотрения эпохи полей погребений следует вывод, что индоевропейские общности запада, юга и центра Европы находились в значительной культурной, этнической и до определённой степени языковой близости с носителями лужицкой культуры, давшей впоследствии жизнь классическим славянским культурам центра и востока Европы (пшеворская, зарубинецкая, прага-корчаг V – VII вв. н. э.).

Степень близости славянского и иллиро-венетского миров Европы весьма высока, и именно поэтому в эпоху великих переселений народов (V – VII вв. н. э.) славяне с такой лёгкостью обосновались и пустили корни в Восточных Альпах (Штирия, Каринтия, Словения), в бассейне Среднего и Нижнего Дуная и на Балканах. Германские вторжения на Пиренеи, во Францию и на Апеннины, эпохи великих переселений народов не дали столь значимых результатов, и германцы, внося определённое культурное и языковое своеобразие, растворились в среде кельтов и латинов. Славяне же на Балканах и в центре Европы были фактически коренным основополагающим населением – с глубочайшими этнографическими, языковыми и топонимическими корнями.

Славянам в I тыс. н. э., собственно, и нечего было переиначивать и не с чем бороться; их общность с землями Дунайской долины, Балкан и Восточных Альп коренилась во времена эпохи полей погребений XIII – VIII вв. до н. э., а в реальности ещё в III тыс. до н. э., на что указывают древнейшие параллели латинского, греческого и славянского языков (время рождения ранней Эллады XXV в. до н. э.). Пуповина, связывавшая протославянскую и протолатинскую языковые общности, рвалась в горных теснинах Альп, защищающих Апеннины с севера и северо-востока, связи же славянского и греческого языков были теснее и имели широкую историческую перспективу, ибо народы не знали столь значимых естественных препятствий во взаимных контактах.

Отголоски столкновения идущего в центр и на восток Европы кельтского мира и занимавшего Восточные Альпы и Карпаты славянского отражены в начальной летописи восточных славян IX – XII вв. н. э. *«Волохомъ (кельты вольки) бо нашедшим на словен на Дунайских и севшим в них и насилующим их»* (Ипатьевская летопись).

Движение кельтов на восток Европы вплоть до запада Украины наряду с начавшимся в VII в. до н. э. давлением на носителей лужицкой культуры с севера, из низовьев Вислы и Одера, представителей германского мира смоделировало направление и ход развития судеб славянской общности Европы с генеральным преобладанием восточной ориентации.

Яркое историческое свидетельство этого мы и находим в Ипатьевской летописи:

«...Афетовы же сынове запад прияша и полуночные страны... от племени же Афетова нарицаемом Норцы иже суть словене. По множе же времени селе суть словене по Дунаеву где есть ныне Угорская земля (Венгрия) и Болгарская от тех словен разидошася по земле и прозвашася именем своим, где седоша, на котором месте. Яко пришёл седоша на реке именем Мораве и прозвашася Морава а друзии Чесь нарекошася а се ти же словене хорвата Белье, Сербы и Хорутане.

Волохомъ бо нашедшим на словен на Дунайских и севшим в них и насилующим их. Словене же пришедше и седоша на Висле и прозвашася ляхове а от тех ляхов прозвашася поляне ляхов. Другие лютичи иные мазовшане а иные поморяне. Тако же и те словяне пришлие и севшии на Днепре и нарекииися поляне а другие деревляне за ними седоше в лесах а другие седоша между Припятью и

Двиною и нарекишися дреговичи и иные седоши на Двине и нарекишися полочане речки ради яко втекает в Двину именем Полота. От сего прозвашися полочане. Словяне же седоша около озера Ильмень и прозвашися своим именем и сделавшии город и нарекиши его Новгород. А другие же седоша на Десне и Семи и по Суде и нарекишися северяне и тако разделился словянский язык те же и прозвалась словянская грамота».

Норцы – историческая провинция Римской империи на северо-востоке альпийского горного массива, к югу от Верхнего Дуная. Именно Норцы (Норик) засвидетельствована начальной летописью как крайняя западная провинция славянского мира.

В летописи также упомянуты славяне лужичи, оказавшиеся наиболее стойкой языковой и культурной группой полабских (живущих по реке Лабе – Эльбе) славян востока современной Германии. Взаимное проникновение германского и славянского миров активно, шло в VII – I вв. до н. э. и особо обострённый характер носило в бассейнах Эльбы (Лабы), Одры и Вислы, что во многом предопределило будущее различие западного и восточного славянства.

Однако вернёмся к эпохе Латена. Классические авторы древности земли, занимаемые кельтскими народами, называли Кельтикой (Celtica). Условно кельтский мир запада Европы можно разделить на четыре больших группы:

А. Галлы, или кельты, жившие к востоку от реки Гаронны и к югу от реки Сены во Франции, к ним же следует отнести и кельтские народы севера Италии, юга Германии и центра Европы.

Б. Белги. Занимали земли к востоку от реки Сены вплоть до реки Эльбы в её нижнем течении, но позже оттеснены германцами на Левобережье Рейна.

В. Бритты, жившие в Англии и Уэльсе.

Г. Гаелы, занимавшие земли Ирландии и Шотландии. Упомянутые начальной русской летописью Волохи (Volcae) являлись выходцами с территории юга Германии, непосредственно граничившей с крайними на западе славянскими землями Европы, и именно вольфов как первых представителей кельтского мира, вступивших в контакт с верхнедунайскими славянами, запомнила летопись.

Динамика кельтской экспансии в Европе носила характер резких рывков и периодов относительного равновесия, за которыми следовали новые кельтские вторжения. Британский архипелаг ми-

нимум трижды подвергался крупным кельтским вторжениям, причём каждый раз кельты в Британии оказывались проводниками различных культурных эпох Европы. Около 1100 г. до н. э. Британия подверглась вторжению народа, привнёсшего на острова культуру полей погребений. Около 750 г. до н. э. в Британию последовало новое вторжение, шедшее с европейского побережья, из района Нижнего Рейна, несущее культуру Гальштата. И наконец, в III в. до н. э. прокатился третий мощный вал переселения с французского побережья в Британию, принёсший на острова культурную традицию эпохи Латена. Финалом кельтского этапа заселения Британского архипелага стал I в. до н. э., причём приплывшие на острова кельты-бэлги строили свои крепости, а обосновавшиеся до них кельтские народы Британии строили свои крепости. После конца эпохи римского владычества заселение Британского архипелага продолжили германские народы, первыми из которых на острова вторглись юты, саксы и англй (V в. до н. э.), а последними – норманны, отважные представители северогерманского мира Европы рубежа I – II тыс. н. э.

Не менее интересна история кельтских завоеваний на Апеннингах, где впервые они появились на рубеже V – IV вв. до н. э. и вытеснили этрусков из долины реки По. Около 390 г. до н. э. Рим был сожжён кельтами. Но уже в 225 г. до н. э. в сражении при Теламоне в Этрурии кельты были разбиты. Это событие стало поворотным моментом в продвижении кельтов на Апеннингах. После того как в 192 г. до н. э. римлянами была взята крепость кельтов (галлов) Болонья, апеннинские кельты были прижаты к Альпам, а с 92 г. до н. э. цизальпинская Галлия оказалась римской провинцией.

Север Италии, Тироль и чешскую провинцию Богемия населяли кельты-бойи. На востоке долиной Среднего и Верхнего Дуная кельты (и вольки в том числе) начали продвигаться в V – IV вв. до н. э. В III в. до н. э. кельты достигли земель современной Болгарии, в 279 г. до н. э. вторглись в Македонию, а около 270 г. до н. э. кельты достигли исторической Галлатии в Малой Азии.

Вместе с этнической экспансией кельтов в земли иллиро-венетов шла латенская культура. Однако воспринимался Латен главным образом местной знатью, простой же народ продолжал держаться культурных традиций эпохи Гальштата.

Заселение кельтами земель к югу от Западных Карпат (Чехия, Богемия, Моравия, Словакия) шло, как и всюду, несколькими волнами, причём начало было положено ещё в VI в. до н. э.

В IV в. до н. э. данная местность восприняла новый этнический поток кельтов, причём кельты-бойи дали имя целой провинции (Богемия). Кельтские поселения на востоке достигали запада Галлии, а вещи латенского стиля распространились по правому берегу Днепра, – от впадения Припяти до устья.

В III в. до н. э. продвижение кельтов в различные районы Европы было остановлено, и начался процесс активного противодействия.

Получив отпор в Греции, кельты отступили на северо-запад Балкан, где и основали государство скордисков, причём столицей кельто-иллирийской державы стал город Сингидуна (современный Белград).

Несмотря на то, что фракийцы (северо-восток Балкан), иллирийцы (северо-запад Балкан), ретии (Альпы) во многом сохраняли независимое от кельтов положение, традиции латенской культуры пожинали свои плоды.

Во II в. до н. э. в борьбу с кельтами в Богемии и Чехии вступили шедшие с берегов Балтики германцы. А около 60 г. до н. э. предводитель фракийцев (даков) Бурбиста разгромил кельтов-бойев и вторгся в провинцию Паннония. В то же время Рим, ещё во II в. до н. э. подчинивший юг Франции, в 58 – 51 гг. до н. э. вёл против кельтов Галльскую войну, авторство записок о которой принадлежит главному её герою Цезарю.

Так год от года всё стремительнее катилась к закату эпоха кельтского владычества в Европе, а вместе с ней и традиция латенского стиля всех сторон культуры и экономики индоевропейского мира значительной части континента. В Европе близилась эпоха возвышения нового колосса, наряду с бессчётными завоеваниями земель и народов в Европе, Азии и Африке нёсшего новые культуру, язык и принципы организации общества. Август завоевал верховья Дуная, север Пиренейского полуострова и Галатию в Малой Азии. Клавдий привёл в повиновение Риму значительные по территории районы Британского архипелага.

Рассмотрим основы кельтского мира, причины его блестящих успехов и потрясшей его катастрофы. Цезарь свидетельствует о том, что общество кельтов делилось на три части: аристократию, выдвигавшую из своей среды короля, жрецов и свободных общинников-земледельцев, скотоводов и ремесленников. Аналогичное деление общества наблюдалось у ведических ариев севера Индии, равно как и у древних латинян и эллинов (всадники, жре-

чество, плебе). Данная организация общества являлась классической для практически всех без исключения индоевропейских народов Евразии.

Кельтские предводители обычно избирались, причём власть их, как и у царей ведических ариев II тыс. до н. э., ограничивалась советом аристократов, в согласии с которым предводитель единственно и мог руководить делами.

На заре эпохи Латена ведущей боевой силой кельтов являлась классическая, распространённая от долины Инда и юга Урала до Британии и юга Скандинавии двухколёсная колесница, запряжённая парой или четвёркой лошадей. Женщины у кельтов, как и у большинства индоевропейских общностей Евразии, пользовались практически равными с мужчинами правами и даже сражались на общих с ними основаниях.

На ранних этапах Латена кельты отличались бесстрашием в бою, граничившим с безумием (подобные примеры мы находим в истории норманнов на рубеже I–II тыс. н.э.): сражение вели в полубоюнажённом виде и практически не знали поражений. Ко II – I вв. до н. э. кельты, оказавшись завоевателями большей и наиболее плодородной части Европы и Малой Азии, утратили былое мужество, присущее индоевропейскому воину, единственное достояние которого конь да меч, и превратились в богатых, весьма дорожащих обеспеченной жизнью землевладельцев и производителей, обречённых на неминуемое и скорое завоевание и разграбление римлянами, фракийцами и германцами, не располагавшими и малой толикой кельтских богатств и угодий. Несмотря на то, что в позднем Латене (II – I вв. до н. э.) некогда обнажённые могучие торсы кельтов защищали металлические панцири и шлемы, утрата боевого духа и стремление любой ценой избежать столкновения с противником предрешило трагический финал в судьбе кельтского мира Европы.

Цезарь повествует о трёх типах поселений у кельтов: «oppida», «vici», «aedificia». Oppida кельтов представляли собой центры обороны районов, обладавшие мощными каменными, и земляными укреплениями. Oppida являлись средоточием административной, экономической и религиозной жизни округи и цементировали военное господство кельтов в Европе. Фактически oppida нередко представляли собой хорошо укреплённые города, площадь которых подчас превышала сотню гектаров. Крупнейшим кельтским oppida в Галлии является Боврэ, в 27 км от города Отен, за-

нимающий площадь в 135 га и располагающийся на четырёх холмах.

Oppida кельтов в V – I вв. до н. э. контролировали громадные территории Европы, от Ирландии и Пиренеев до Малой Азии и Галиции.

Vici кельтов – это прямые аналогии виков ведических ариев долины реки Инд II – I тыс. до н. э., виков норманнов I – II тыс. н. э. севера Европы и весей славянского мира. Они представляли собой неукреплённые сельскохозяйственные поселения, в основе организации которых лежали роды, объединение которых составляло народ.

Aedificia являли собой прообразы феодальных замков-усадб Европы, стоявшие особняком среди лесов и рек в окружении хозяйственных построек.

В Ирландии кельты строили исключительно укреплённые ровом и валом деревни ("rath"), занимавшие выгодные для обороны высоты. Там же распространены и кельтские кранноги, – поселения на рукотворных островах.

Начиная со II в. до н. э. практически все кельтские поселения Европы обрели оборонительные сооружения, и связано это с начавшимся продвижением на владения кельтов с севера Европы германцев, а с юга – римлян.

Следует особо отметить, что кельты выстроили столь густую сеть дорог в Европе, что римлянам новых дорог строить практически не пришлось. Ещё одним видимым наследством кельтской цивилизации Европы явились каменные межи на полях севера Германии и Дании, восходящие к XII в. до н. э.

Экономика кельтов отличалась могуществом и разносторонностью. Литьё металла осуществлялось по восковой модели, что придавало металлургии кельтов гибкость против обычнойковки или литья по каменным или глиняным формам. Ручная выделка керамики эпохи Гальштата у кельтов сменилась выделкой изделий на гончарном круге. Кельты освоили производство стекла. Ими велось широкое строительство кораблей с дубовыми корпусами и кожаными парусами различного назначения и изготовлялось множество средств колёсного транспорта.

Система водных и сухопутных коммуникаций кельтов была снабжена необходимым количеством таможен, переправ, охраняющих безопасность транспортов крепостей, мест хранения грузов и пунктов торговли – magos.

Созданная кельтами в V – I вв. до н. э. торгово-экономическая империя Европы наполнилась множеством идущих по транспортным артериям с юга, из Эллады и Апеннин, изделий передовых культурных и производящих центров Средиземноморья, включая товары экзотического свойства – слоновую кость, кораллы, ювелирные изделия, изысканные вина, благовония, ткани. С севера на юг поступали янтарь, серебро, сырьё для металлургии, зерно, скот, шкуры, текстиль, рабы. Служившие мерилем стоимости слитки металла или скот во II – I вв. до н. э. у кельтов сменились собственной монетой из золота, серебра, меди или бронзы.

Особое художественное своеобразие эпохи Латена заключено в том, что кельты отошли от геометрического стиля орнаментации прежних эпох и создали собственный стиль в искусстве, полный изображений жизни. Яркое выражение стиль Латена получил в кельтской скульптуре, архитектуре, в отделке оружия и снаряжения. Именно кельтский этнический и культурный субстрат придал столь яркое и тонкое очарование западу Европы.

Древние классики описывают кельтов как высокий, русоволосый, голубоглазый, белокожий народ. Мужчины либо брились, либо носили бороды, знать же носила усы. Кельты отличались высоким ростом, воинственностью, ловкостью, силой и в то же время наивностью и простодушием. Свободное время они проводили в пирах и играх.

Внешнее убранство кельта состояло из цветных хитонов и штанов, поверх которых надевался плащ, застёгнутый на груди фибулой. Шея кельта украшалась не менее яркой принадлежностью индоевропейского мира – шейной гривной.

Религия кельтов входила в круг общеиндоевропейского ведического направления. Видимое отражение её заключалось в обожествлении сил и явлений природы, в вере в духовную сущность мира, силу слова и действия, несущего в себе духовный смысл. Боги кельтов олицетворяли силы природы. Множество лесов, рек и гор кельты почитали как содержащие в себе священную для народа духовную сущность, требующую внимания и приношений. Кельты повсюду в Европе строили храмы, на месте которых впоследствии выросли храмы римлян, а позже базилики и соборы христиан.

VI. ФРАКИЙСКИЙ МИР ЕВРОПЫ I ТЫС. ДО Н. Э. ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА ЧЕРНОМОРЬЯ

Фракийский мир северо-востока Балканского полуострова являл собой северную периферию индоевропейского мира Эллады и складываться в историческую, культурную, языковую и этническую общность начал около середины III тыс. до н. э., одновременно с рождением первого, «раннего элладского» периода развития Греции (XXV в. до н. э.). Истоки и культурно-языковые корни исторических фракийцев, равно как и эллинов, тянутся в евразийскую степь. Этапы сложения фракийской общности представляют собой ряд наслоений индоевропейских кочевников, крайними пунктами в движении которых на Балканах были побережье Эгейского моря, Малая Азия и острова Средиземноморья. Земли Нижнего Подунавья являлись промежуточным этапом в продвижении кочевников к югу и западу. На них во II тыс. до н. э. сложилась достаточно целостная и своеобразная индоевропейская общность Евразии, которую можно охарактеризовать как протофракийскую.

В эпоху поздней Эллады, центром которой была столица ахейцев – город Микены, продукция бронзовой металлургии эгейского мира широко распространялась на северо-востоке Балкан. Находившаяся в прямом этническом и культурном родстве с населением поздней Эллады протофракийская общность Балкан достигла значительных успехов в развитии собственной производящей экономики конца эпохи бронзы и фактически представляла собой северную провинцию микенской цивилизации Эллады.

Катастрофа, постигшая мир поздней Эллады вследствие вторжения дорийцев, не обошла и земли Фракии. Колесницы дорийских завоевателей пересекли Балканы с севера на юг, всюду сея разрушение и смуту. Однако они не нарушили общей индоевропейской культурной, языковой и экономической преемственности. Хаос, внесённый вторжением дорийцев (XIII – XI вв. до н. э.), и последовавшее вслед за этим давление киммерийцев (X – VIII вв. до н. э.), а позже и скифов (VIII – III вв. до н. э.) во многом спровоцировали продвижение фракийцев частью в Малую Азию, а частью к северо-востоку от Нижнего Дуная, в район Западной Подолии (Украина), где фракийцы растворились в среде носителей белоградской и чернолесской культур, представлявших осёдлое восточное крыло славянской общности Европы.

Помимо вторжения дорийцев Элладу на рубеже II – I тыс. до н. э. как минимум дважды сотрясали нашествия иллиро-венетов, влекомых богатым наследием поверженной микенской цивилизации и благоустройством возделанных сельскохозяйственных угодий. Одним из следствий перемещений дорийцев, фракийцев и иллиро-венетов на юго-востоке Европы было рождение Фригийского царства в Малой Азии (X – VIII вв. до н. э.). Фракийцы-синты заселили остров Лемнос на севере Эгейского моря. В XI – VIII вв. до н. э. северовосточные, а чуть позже и юго-восточные земли исторической Фракии (Болгария) оказались занятыми уходившими от скифов киммерийцами.

Вместе с тем в IX – VIII вв. до н. э. на Балканах начала устанавливаться относительная стабильность, и фракийская общность приняла исторически (археологически и лингвистически) засвидетельствованный образ. Начиналась эпоха становления классической греческой цивилизации.

Народами фракийской общности Европы были: ордисы, населявшие среднее и нижнее течения реки Марицы и низовья реки Тонзоса, бессы, жившие в низовьях реки Марицы и в районе Средна-Горы и Родоп, эдоны, занимавшие юго-запад Фракии, гетты и трибалы, обитавшие на землях северо-запада Болгарии и в долине Среднего Дуная до впадения в него реки Савва.

Экспансия греческих прибрежных городов VIII в. до н. э. прежде всего затронула фракийское побережье Эгейского моря, где малоазиатскими греками был основан город Обдера. Вслед за этим последовало занятие греками фракийского побережья Мраморного моря (Пропонтийская Фракия), что явилось естественным прологом к возникновению греческих городов-государств на побережье Чёрного моря в VII в. до н. э. Первенствовал в освоении берегов Черноморья греческий город на западе Малой Азии Милет, выходцы из которого около середины VII в. до н. э. основали город Истрию, замкнувший устье Дуная, а в конце VII в. до н. э. основали город Томы (Констанца) и город Аполлонию (Созополь).

В первой половине VI в. до н. э. греки основали город Одессос (Варна). Греческие выходцы из города Мегары около середины VI в. до н. э. на фракийском побережье Чёрного моря основали город Месемврия (Несебр) и следом за ним город Калатис.

Греки были отменными мореплавателями, храбрыми воинами и удачливыми, разворотливыми торговцами. К концу VII в. до н. э. они уже вели оживлённую торговлю повсюду в устьях рек

черноморского бассейна (Понта Евксинского, то есть *моря гостеприимного*).

Всё те же малоазиатские греки из Милета основали на острове Березань, а позже в устье реки Южный Буг торговые поселения на землях скифов. Город, вбиравший спускавшиеся руслами Днепра (Борисфена) и Южного Буга к черноморским устьям хлебные транспорты из земель скифов-пахарей (сколотов Геродота), был назван Ольвия (счастливый).

В VI в. до н. э. греки принялись за освоение Крымского полуострова, и тогда же на берегах Керченского пролива был заложен город-крепость Пантикапей. Напротив него, на Таманском полуострове, из теосского поселения вырос город Фанагория, названный по имени основавшего его грека Фанагора.

Юг Крыма в V в. до н. э. украсил город Херсонес, занявший мыс вблизи современного Севастополя. Устье реки Днестр контролировал греческий город Тира, устье Дона замыкал город Танаис (вблизи Ростова-на-Дону). На месте современной Анапы возник город Горгиппия, а на месте современной Тамани вырос город Германасса.

Кроме того, побережье Северного Причерноморья и Приазовья, и особенно земли Крыма, в VII – V вв. до н. э. были заняты множеством греческих городов, крепостей, небольших поселений.

На побережье Колхиды (Западная Грузия) в то же время греки выстроили город Фасис. На северо-восточном побережье Малой Азии возник греческий город Трапезунд, а на северо-западном побережье Малой Азии – город Византия, согласно преданию основанный греком Византом в VII в. до н. э. Напротив его стен, на малоазиатском берегу Босфора, вырос город Халкедон.

Тогда же греческие города украсили сотни храмов, скрывавших одетые мрамором алтари, уставленные изящной скульптурой. Бездонные голубые небеса и синее море придавали городам греков неповторимый, почти неземной, божественный блеск и служили изысканным естественным обрамлением яркому свету изумительной, могучей цивилизации древних эллинов. К северу от Ольвии и Танаиса стлалась бескрайняя ковыльная степь, занятая скифами и бывшая землёй, некогда выносившей предков исторических греков и вновь принявшей их потомков на свои южные берега, как принимает милых учёных детей мать после долгой вынужденной разлуки.

Особым удобством гавани отличался город Пантикапей, ставший впоследствии столицей Боспорского царства, разрушенного гуннами в IV в. н. э. Центр города венчала гора Митридата с храмами и стенами акрополя на вершине и с густой сетью мощённых камнем улиц по склонам. Город Фанагория, расположенный греками у старого устья реки Кубань, находился в самом центре богатых пшеницей, дичью и рыбой районах Тамани.

Ольвия, вбиравшая весь поток шедшей по Днепру и Южному Бугу сельскохозяйственной и иной продукции Юго-Восточной Европы, не была заинтересована вхождением в какие бы то ни было политические союзы; и долго сохраняла гарантированную процветавшей торговлей независимость. Города на берегах Керченского пролива, напротив, объединились в Боспорское царство, что во многом облегчило задачу обороны от вечно беспокойной степи. Пантикапей на западе и Фанагория на востоке отгородились от степи могучими валами, пересекавшими с севера на юг восточную оконечность Крыма и крайний запад Таманского полуострова. Практически все греческие города Черноморья были защищены могучими каменными стенами и башнями.

В греческих городах Черноморья были распространены те же формы и приёмы прикладного искусства, монументальной скульптуры и архитектуры, что и в самой Греции: в VI в. до н. э. – архаические, в V – IV вв. до н. э. – классические, в III – II вв. до н. э. – эллинистические.

Наряду с этим всегда существовала определённая разница в путях развития местного своеобразия греческих городов на севере Чёрного моря. Наиболее близкой в следовании греческим канонам в искусстве была Ольвия. Херсонес в первые века нашей эры подпал под влияние римских традиций в искусстве. Города Боспорского царства в наибольшей степени отображали близость степного мира, выражая вкусы и своеобразие его культуры.

Колонии греков в Западном Черноморье, на землях фракийцев, вырастали из местных деревень, что отражалось во фракийской природе их названий Юдессов, Месемврия, Бизоне, Селимврия, Марония. До V в. до н. э. фракийцы вели борьбу с греками-поселенцами. Однако в V в. до н. э. в отношениях сторон наступила положительная перемена в пользу взаимовыгодной торговли и обогащения культур. В греческих городах-полисах чеканили монету. Шли проникновение греческой продукции в среду фракийцев и рост фракийского этнического элемента среди грече-

ского населения городов.

На землях фракийцев складывался ряд обособленных политических центров. Их общество располагало значительным слоем аристократии, о чём свидетельствует множество потрясающих царственной роскошью погребений VI – начала IV вв. до н. э. Наиболее значимой фракийской группой являлись одриссы. Именно они были проводниками объединительной политики во фракийской среде Балкан, результатом которой стала потеря гетами и бессами независимости. Это случилось во времена первых и наиболее могучих фракийских вождей Тереса и Ситалка и рождения на юго-востоке Фракии Одрисского царства.

Царство одриссов распалось со смертью её царя Котиса I в первой половине IV в. до н. э. Завоевания Филиппа II Македонского, сломившего в 341 г. до н. э. сопротивление фракийской государственности, тем не менее, не позволило ему добиться абсолютного политического, военного и экономического контроля над отдельными фракийскими династиями. Фракийцы-трибаллы прославились героическим сопротивлением, оказанным ими войскам Филиппа II и Александра. Фракийцы-эдоны, хранившие независимость ещё от царей Одрисского государства, контролировали рудники и коммуникации в нижнем течении реки Струмы. В битве за город Амфиополь эдоны разгромили десять тысяч греческих пехотинцев.

Кризис, потрясший мир Эллады со смертью Александра Великого (323 г. до н. э.), затронувший сами устои греческого мира Евразии, не мог не отразиться на землях Фракии, где никогда не прекращалось сопротивление эллинам со стороны отдельных династий фракийцев и черноморских городов-государств. Кризис в Элладе пришёлся на разгар кельтской экспансии на восток и юго-восток Европы. В первой четверти IV в. до н. э. кельты вплотную приблизились к Фракии и Элладе. Около второй четверти III в. до н. э. кельты достигли района современной Софии и, продвигаясь долиной реки Марицы, вышли к берегам Мраморного моря, после чего переправились в Малую Азию.

На землях Восточной Фракии кельты создали государство со столицей в городе Тиле. Вторжение кельтов усилило процессы децентрализации Эллады и Фракии. С первой половины II вв. до н.э. единственной активной силой среди фракийцев продолжали оставаться одриссы Юго-Восточной Фракии, осуществлявшие объединительную политику с соседями и, не в последнюю очередь,

с греческими городами-полисами Черноморья.

В конце III в. до н. э. Рим, оставшийся в ту пору республикой, начал проявлять небескорыстный интерес к Балканам. Несмотря на помощь, поданную фракийцами последнему царю Македонии в войне с Римом, участь Македонии, а вместе с ней и всей Греции была предreshена, и вскоре в стратегически значимых городах Эллады были размещены римские гарнизоны.

Однако фракийцы продолжали сохранять независимость и даже тревожили римлян на Балканах. Фракийцы использовали тактику внезапных ударов, после чего мгновенно укрывались в трудно доступных горных районах, где настичь их было практически невозможно. Долгое время римляне не могли осуществлять эффективной борьбы с фракийцами, и лишь в 29 г. до н. э. поход к Дунаю Марка Лициния Красса принес сравнительный успех римлянам во Фракии и в значительной степени снизил остроту набегов фракийцев на земли Македонии.

В 11 г. до н. э. вспыхнуло восстание фракийцев-бессов под предводительством жреца Воголеса. Для подавления возмущения Риму пришлось привлечь легионы Малой Азии. В 26 г. н. э. вспыхнуло крупнейшее в истории борьбы фракийцев с Римом восстание. Осаждённые в горных крепостях фракийцы предпочитали гибель от голода и жажды поражению и потере независимости. Лишь в 45 г. н. э. император Клавдий сумел сломить сопротивление последнего, не зависимого от Рима фракийского царства.

Римляне принялись за строительство городов-крепостей в долине нижнего Дуная: Тиле, Дурострум (Силистра), Нове (Свиштов), Рациария (Арчар), Эксус (Гиген). Возвысился город внутренней Фракии – Филиппополь (Пловдив). Быстро росли и крепили города римской эпохи – Никополь на Истре (район города Тырново), Монтана (Михайловград), Августа Траяна (Стара-Загора), Марцианополь (село Девня).

Отличные боевые качества фракийских солдат были по достоинству оценены Александром Македонским, бравшим их на покорение персидского царства. Значительная часть фракийских солдат издревле служила в различных армиях Эллады. В эпоху владычества Рима всадники и пехотинцы фракийского происхождения были приняты на службу в римские легионы, играя роль вспомогательных частей. Наиболее выдающимся из их числа оказался солдат, звавшийся Максимином-фракийцем, ставший в 235 – 238 гг. н. э. римским императором и открывший счёт «солдатским

императорам» Рима, что само по себе явилось прологом заката Рима.

В 330 г. н. э. Византия стала столицей Восточно-Римской империи и получила название Константинополь. Фракия, лежавшая в непосредственной близости от новой столицы, превратилась наряду с Элладой в жизненно важный район, обеспечивавший не только экономическое, но и военное благоденствие Восточного Рима.

В IV в. н. э. в среде фракийского населения начало проникать христианство. Между тем в IV – VI вв. н. э. территория Фракии беспрестанно подвергалась натиску готов, гуннов, аваров.

Начиная с V в. н. э., словно весенний ледоход, значительные группы славян то тут, то там ежегодно взламывали дунайскую линию обороны империи.

Фракийцы, христианство которых в значительной мере было проникнуто древней языческой религией, явились этнической подосновой в сложении южнославянской, и в первую очередь болгарской, общности Европы. Фракийские топонимы, язык и культура придали особый оттенок неповторимого своеобразия славянам юго-востока Балканского полуострова.

Разлом между Фракией, расположенной к югу от Нижнего Дуная, и Северодунайской Фракией, населённой историческими гетами и даками, явственно обозначился около середины I тыс. до н. э. Особенно ярким он явился с созданием римских провинций в исторической Южной Фракии – Мезии (17 г. н. э.) и Фракии (46 г. н.э.).

Ещё в 357 – 340 гг. до н. э. в районе Добруджи образовалась Малая Скифия.

Северные фракийцы заметно отставали от южных в культурном и экономическом отношении. В V в. до н. э., с приходом эпохи Латена, в среду северных фракийцев пришёл гончарный круг. При этом формы сосудов продолжали подражать образцам эпохи Гальштата и весьма походили на сосуды культуры Вилланова IX – VI вв. до н. э. Апеннинского полуострова. Влияние в области металлургии северные фракийцы испытывали со стороны расположенных к западу иллиро-венетов. Весьма значительным являлось культурное влияние степного скифского мира. Однако важнейшими культурно-экономическими центрами востока Европы, оказывавшими влияние на северных фракийцев, были греческие города, расположенных в дельте Истрии (Дуная) и в округ неё.

В III – II вв. до н. э. у гетов и даков получила хождение монета, подражавшая тетрадрахму Филиппа II Македонского. Позже они чеканили различные монеты собственного образца.

В эпоху глубокого кризиса и распада Эллады начала III в. до н. э. в низовьях Дуная возникло централизованное гето-дакийское царство под управлением Дромитеха. Вторгшиеся в III в. до н. э. на земли северных фракийцев кельты вскоре были растворены в земледельческой среде местного населения.

На рубеже III – II вв. до н. э. земли гетов и даков подверглись вторжению североевропейского населения, исходным районом для которого явились территории в междуречье Эльбы и Одера. Греки упоминают о народе бастарнов, явившихся провозвестниками похода северных германцев в центр и на юг Европы (культура Пояншти-Лукашевка).

Относительная стабильность, наступившая на землях даков и гетов в I в. до н. э. – I в. н. э., во многом позволила поднять и развить материальную культуру. Одним из проявлений этого явилось широкомасштабное строительство могучих каменных крепостей, венчающих, словно короны, вершины гор Трансильвании. Незащищённые поселения фракийских пастухов и хлеборобов жались к склонам увенчанных каменными укреплениями высот.

Хорошо известен истории царь даков Децибал (I в. н. э.), сумевший создать Северофракийский военно-политический союз, главной целью которого было вооружённое сопротивление римским легионам. Однако в 106 г. н. э. Рим сломил сопротивление северных фракийцев и создал на их землях собственную провинцию.

VII. ОБЗОР СОБЫТИЙ, ПРОИСХОДИВШИХ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В I ТЫС. ДО Н. Э.

Известно, что древнейшим периодом в истории Индии была эпоха расцвета городов Хараппа и Мохенджо-Даро середины III – первой половины II тыс. до н. э. Вторжение обладателей арийских колесниц (XVIII – XV вв. до н. э.) резко оборвало развитие цивилизации Хараппы, но явилось началом новой ведической эпохи в истории Пакистана и севера Индии.

Время, прошедшее в течение XVII – XII вв. до н. э., можно охарактеризовать как период сложения Ригведы и эпоху освоения индоевропейцами долины реки Инд.

Около XI – X вв. до н. э. произошли проникновение и расселение отдельных индоевропейских групп в бассейне реки Ганг, на северо-востоке Индии. В это время продолжалось дальнейшее развитие ведического собрания гимнов.

В IX – VIII вв. до н. э. сложилась Яджур Веда, служащая дополнением к Ригведе.

Периодом создания позднейших брахман, арканьяк и упанишад считают VII – VI вв. до н. э.

Период сложения сутр, также служащих дополнением к ведическому собранию духовных познаний, относят к V – III вв. до н.э.

В X–VII вв. до н. э. на севере Индии складывались государственные структуры организации общества. Древний полукочевой уклад жизни с каждым столетием всё более уступал осёдлому. Шло возвышение династий. И вместе с тем развивалась духовная традиция аскетизма и отшельничества.

Ведическая эпоха в истории Индии наслоилась на следовавшую за ней эпоху рождения и развития буддизма, начало которого относят на конец VI в. до н. э. – первую половину V в. до н. э. (время рождения и земной жизни Будды). Корни буддизма произрастают из положений ведического знания о мире. Буддизму оказалась уготована будущность новой мировой религии, охватившей юго-восток Евразии.

Обобщая ведическую эпоху севера Индии II – I тыс. до н. э., следует сказать о том, что она не просто была крайним юго-восточным проявлением индоевропейской духовной и иной истории Евразии, Ведическая культура и литература Индии, древнейшие на планете, сумевшие выжить в века магометанского владычества, явили современному миру ярчайший образчик знаний и духовной организации всего индоевропейского общества Евразии II–I тыс. до н. э. в чистом, не замутненном позднейшими искажениями виде. Ни одна иная индоевропейская общность Евразии не сумела сберечь плодов своего духовного познания и наследия, данного ей опытом и знаниями далёких предков, так, как это удалось индоевропейской общности Индии.

Владычицей Передней Азии в XIV – IX вв. до н. э. являлось Ассирийское государство, расположенное в среднем течении реки Тигр (Месопотамия), со столицей в городе Ниневия. Главными врагами Ассирийской державы были Египет на юго-западе, государство Урарту на севере и Элам, со столицей в городе Сузы, на

юго-востоке. Некогда могущественная держава хеттов к XIII в. до н. э. окончательно утратила былое значение и едва удерживала город Гаргамеш в Сирии. Ассирийские монархи многократно подчиняли себе юг Месопотамии (Халдея) и её север, совершали многочисленные походы на восточное побережье Средиземного моря, однако одолеть главных соперников (Египет, Урарту, Элам) Ассирии было не под силу.

Период наивысшего подъёма Ассирии приходится на вторую половину VIII – начало VII вв. до н. э. Однако уже в 612 г. до н. э. Вавилон и Мидия разрушили город Ниневию. А в 605 г. до н. э. Ассирия окончательно рухнула под ударами Вавилона и Мидии, явившихся новыми центрами силы Передней Азии.

Основание Вавилона, города на юге Месопотамии, относится к началу II тыс. до н. э., а история его государственности приходится на XIX – VI вв. до н. э.

Население исторической Мидии, страны на северо-западе Ирана, в IX в. до н. э. состояло из потомков индоевропейских кочевников евразийских степей в XIII – XII вв. до н. э., вторгшихся на земли древней цивилизации юга Туркмении, в долины рек Мургаб, Сырдарья, Амударья, Зеравшан, Теджен-Герируд. Археологической прародиной ушедших к югу кочевников следует считать три поздних этапа андроновской культуры XV–XI вв. до н. э. Предки индийцев, так же как и оставшиеся в степях Евразии скифы (саки), были представителями ираноязычной группы континента. Духовным апологетом продвигавшихся к югу кочевников был великий религиозный реформатор и создатель древнейшей части Авесты Зороастр.

На юге Средней Азии в XIII–X вв. до н. э. произошло значительное смешение осёдлого и кочевого элементов. В результате исторические мидийцы Северо-Западного Ирана являлись отчасти наследниками древней осёдлой цивилизации юга Туркмении и севера Ирана V – II тыс. до н. э. Однако определяющим началом в природе мидийцев оставалось заложенное Зороастром авестийское духовное начало, хотя и ориентированное на осёдлый быт городских цивилизаций Азии, в основе своей опиравшееся на ведические традиции и познания индоевропейцев степной Евразии.

Мидийцы и этнически близкие им персы, занимавшие земли Элама на юго-западе Ирана, являлись следующей за хеттами на рубеже III – II тыс. до н. э. волной индоевропейской полукочевой стихии Передней Азии. Утрата хеттами былого могущества во

второй половине I тыс. до н. э. была с лихвой восполнена величием Персо-Мидийского царства, на западе граничившего с Элладой и Ливией, а на востоке – с долиной Инда и горными теснинами Памира.

В споре между Мидией и Персией прежде первенствовала Мидия (VII – середина VI вв. до н. э.), столица которой находилась в городе Экбатана в центре Ирана. Однако уже в 550 – 549 гг. до н. э. мидийцы вынуждены покориться военной силе персов, и новое обособление и подъём Мидии пришлось на последнюю четверть IV в. до н. э.

В Иране воцарилась династия ахеменидов (558 – 330 гг. до н. э.), павшая в результате завоеваний Александра Македонского.

На восточном побережье Средиземного моря на рубеже II – I тыс. до н. э. происходили следующие события. В XII в. до н. э. семитские народы израильтян и иудеев овладели землями Северной и Южной Палестины, истребив при этом местное хананейское население, принадлежавшее хеттской общности Передней Азии.

Предысторией семитских завоеваний на Ближнем Востоке является вторжение воинственных кочевников хабири в азиатские владения Египта около XV в. до н. э., о чём свидетельствует переписка египетских фараонов и хеттских царей в Сирии и Малой Азии. Результатом семитского вторжения в Египет явились описанные в Ветхом Завете плен и исход евреев из Египта, конечным пунктом которого и оказались земли Палестины.

В 935 г. до н. э. еврейское государство в Палестине распалось на северное Израильское царство и южное Иудейское. В 722 г. до н. э. Израильское царство стало жертвой Ассирии и было практически уничтожено. В 586 г. до н. э. Вавилон разгромил Иудейское царство. При этом царь Вавилона Навуходоносор подверг разрушению Иерусалим и увёл часть иудеев в «вавилонский плен», продлившийся с 586 г. по 539 г. до н. э. Однако в 538 г. до н. э. Вавилон был взят персами, и царь завоевателей Кир отпустил иудеев в Палестину и не противился восстановлению Иерусалима.

С падением династии ахеменидов в Азии владычество персов над Палестиной сменилось властью македонского завоевателя (вторая половина IV в. до н. э.) и его преемников.

Около середины II в. до н. э. Иудее удалось добиться независимости, но 63 г. до н. э. явился началом римского владычества на Ближнем Востоке. В семидесятых годах нашей эры, то есть после рождества Христова, восстание иудеев было жестоко подавлено

римским императором Титом. Иерусалим вновь был разрушен, а большинство его населения рассеялось по землям Ирана, Греции, а позже и по всему миру.

События древнейшей иудейско-израильской истории описаны в книгах Ветхого Завета, начало сложения которого относят к VIII в. до н. э.

Египет в VI – IV вв. до н. э. подвергся персидскому завоеванию, сменившемуся в конце IV в до н. э. эпохой эллинского владычества и воцарения династии Птолемеев. В тридцатых годах до нашей эры Египет был завоёван Римом.

Однако вернёмся в Иран. Основателем мидийской монархии был Киаксар, организовавший регулярную армию. Прежде перемешанные всадники, копьеносцы, стрелки из лука составили отдельные части и были готовы к походам на Ассирию.

В то же время исторические киммерийцы, теснимые на юге России скифами, устремились на земли Восточных Балкан и, увлекая за собой часть фракийского населения, перешли в Малую Азию. Эти события произошли во второй половине VIII – VII вв. до н. э. Прямыми жертвами киммерийского вторжения были небольшие государства Малой Азии, оказавшиеся не в силах противостоять нашествию. Сын Гордия, царя Фригии (X – VIII вв. до н. э.), Мидас отравился бычьей кровью, страшась попасть живым в руки завоевателей. Были взяты и подвержены разграблению многие греческие города на побережье Малой Азии. Не удалось избежать печальной участи городу Сарды (запад Малой Азии), осаде подвергся город Эфес.

На востоке Малой Азии завоеватели столкнулись с армией Ассирии, и около 678 г. до н. э. киммерийский царь Теуспа потерпел поражение от Ассаргадцона. Последовавшие в дальнейшем столкновения киммерийцев с Ассирией также не принесли первым удачи.

Геродот повествует о том, что скифы, стремясь настичь уходивших от них киммерийцев, пройдя к востоку от Кавказского горного массива, вторглись в пределы Мидийского царства. Согласно преданию в бассейне реки Тигр скифы встретили две ведущие боевые действия армии – с одной стороны, мидийского царя Киаксара, а с другой – запершегося в стенах Ниневии ассирийского монарха. Киаксар из-за подходивших скифов снял осаду со столицы Ассирии и принял сражение. Победа досталась скифам. Лава скифского вторжения, обойдя стены Ниневии, залила огненным

смерчем земли Месопотамии и Малой Азии. При этом царство Урарту, в течение долгих столетий успешно противостоявшее ассирийской экспансии, было в одночасье погребено под собственными обломками. Остатки киммерийцев Малой Азии примкнули к отрядам скифов, и далее в походах в Месопотамию, Сирию, Палестину давние смертельные враги представляли вместе.

Нашествие скифов, подобно буре пронёсшееся по землям Передней Азии и Ближнего Востока, остановилось у границ Египта, купившего безопасность богатыми дарами.

Царь Мидии Киаксар убил предводителя скифов на пиру и, возобновив войну, положил конец владычеству скифов в Передней Азии. Вторжение скифов относят к 634 – 627 гг. до н. э. По свидетельству Геродота, эпоха владычества скифов в Передней Азии длилась 28 лет. Вторжение скифов во многом ускорило падение Ассирии. Киаксар, предводительствовавший армией мидян, скифов и киммерийцев, движущейся подобно наступающему на побережье морю, сравнительно легко овладел столицей Ассирии. Так некогда могущественная держава Передней Азии навсегда исчезла с театра мировой истории, продолжив жизнь лишь в области глубоких преданий и легенд.

Киаксар довёл войска иранцев (мидийцы, скифы) до запада Малой Азии, где столкнулся с ожесточённым сопротивлением царя Лидии и, заключив с ним мир, скончался в 584 г. до н. э., окружённый почётом и славой великого государя Мидийской державы. Получивший во владения небольшую страну на северо-западе Ирана, Киаксар оставил после себя великую державу, земли которой простёрлись от запада Малой Азии до реки Гильменд в Афганистане.

В эпоху возвышения Мидии персы утратили независимость и подпали под влияние северного соседа. Тогда же в землях персов возник и возвысился целый ряд городов – Ормузд, Сисидон, Агростан, Таоке, Карману и, конечно же, будущие столицы Персии – Персеполис и Пасаргад.

Мидийская монархия пала в 549 г. до н. э., однако персидским завоеванием это событие можно назвать весьма условно, ибо последний царь Мидии имел в лице персидских владык вассалов, а значит, и военных союзников. Царь Персии Кир, сумевший совершить смену лидерства в иранском мире Передней Азии, имел в лице мидян тех же союзников и вассалов. Персы к середине VI в. до н. э. оказались народом менее развращённым, нежели избалован-

ные победами и приносимыми ими дарами мидяне.

В момент падения Мидии в Лидии (запад Малой Азии) царствовал Крез, сын заключившего в 585 г. до н. э. мир с Киаксаром Алиатеса. Сейчас же по прибытии вести с востока он принялся за создание антиперсидского союза, к которому сумел привлечь Египет, Вавилон и даже Спарту (греческое государство на полуострове Пелопоннес). Однако уже в 546 г. до н. э. со взятием города Сарды Лидия пала. Персы покорили греческие города на западном побережье Малой Азии, и Кир обратил взор на восток от Ирана, где первым ему подчинилась Бактрия. Далее персы завоевали Маргиану, Согдиану и ряд иных провинций юга Средней Азии. После окончания среднеазиатской кампании Кир спустился долиной реки Теджен-Герируд в историческую провинцию Арию (северо-запад Афганистана), и она также оказалась в его власти. Далее практически все земли к востоку, вплоть до долины Инда, были приведены в повиновение Персии. Описанные завоевания относятся к 545 – 540 гг. до н. э.

По возвращении в Персию помыслы Кира обратились на завоевание сохранявшей независимость Южной Месопотамии (Халдеи) с центром в Вавилоне. Военные действия были начаты персами в 538 г. до н. э., и Вавилон пал почти без сопротивления. Правителем юга Месопотамии был назначен сын Кира Камбиз. Вслед за Вавилоном в повиновение персам были приведены Сирия, Финикия и арабы Аравии, недавние данники Халдеи.

Кир умер около 529 г. до н. э., и обстоятельства его смерти до конца не прояснены. Власть его наследовал старший сын Камбиз. Управление рядом провинций было поручено другому сыну Кира Бардии (Смердизу). Камбиз по воцелении на престол прежде всего отравил брата.

Вскоре независимость утратил Египет. В решающей битве при Пелузии персы одержали победу (525 г. до н. э.), и практически вся долина Нила оказалась в их власти. А на западе Средиземноморья тем временем безраздельно властвовал Карфаген.

Камбиз умер в 522 г. до н. э. в Сирии, находясь в пути из Египта в Персию. Он не оставил потомства.

Царём Персии был провозглашён человек по имени Гаумата, выдавший себя за отравленного брата Камбиза Бардию. Он действительно удивительно походил на Бардию, и многие персы охотно поверили в правоту его притязаний на царствование.

Переворот, результатом которого явилась гибель мнимого царевича, был организован Дарием, сыном правителя Гиркании Гистаспа, происходившего из царского рода. Весной 521 г. до н. э. Дарий, предводительствовавший шестью знатными персами, захватил Гаумату во дворце мидийского города Сихицватия и убил его. Поднявшаяся было смута в Сузиане, Вавилоне и Мидии была усмирена Дарием силой оружия.

Дарий вошёл в историю как создатель системы великой азиатской монархии, впоследствии для многих явившейся образцом для подражания. Он всюду оставлял у власти местные династии и формы социальной организации общества. И в то же время империя была разделена на несколько десятков сатрапий, каждая из которых управлялась тремя ревностно друг за другом следившими чиновниками, что заранее предупреждало всякую возможность возмущения.

Дарий присоединил к империи индийскую сатрапию, послал флот руслом реки Инд вплоть до её устья, но от похода в долину реки Ганг отказался.

В 508 г. до н. э. 800 тысяч воинов армии Дария перешли воды пролива Босфор и, пройдя землями восточной Фракии, достигли русла Нижнего Дуная, где их ожидал мост из составленных судов, выстроенный по приказу Дария ионийскими (малоазиатскими) греками.

Два месяца бесплодных скитаний в степях Нижнего Поднепровья и Подонья убедили Дария в бессмысленности начатого им предприятия. Скифы, на покорение которых отправился персидский монарх, засыпая колодцы и отгоняя скот, даже не показывались вражескому войску.

По возвращении в Азию Дарий оставил во Фракии армию в 80 тысяч воинов под предводительством Мегабиза, которая и привела к повиновению и положению данника Персии македонского царя севера Эллады (506 г. до н. э.). Главным итогом скифской экспедиции Дария стало приобретение новой провинции империи – Фракии. В то же время некогда наводившие ужас на страны Передней Азии скифы навсегда оставили планы вторжений к югу от Кавказского хребта.

С завоеванием Фракии и Македонии персидская держава нависла над Элладой с севера, и сама её независимость оказалась под страшной и вполне реальной угрозой. Однако планам персов в отношении покорения Эллады не суждено было сбыться. Первой

серьёзной неудачей на этом пути оказалось внезапное мощное восстание малоазиатских греков, подавить которое Дарию удалось не без труда. Поддержка, оказанная Афинами и рядом иных городов Эллады грекам Малой Азии, ускорила начало боевых действий в знаменитой греко-персидской войне 500 – 449 гг. до н. э.

Вторжение азиатской армии под предводительством Мардония (492 г. до н. э.) и высадка морского десанта персов, мидийцев и состоящих у них на службе скифов под предводительством Датиса и Артаферна, разгромленного в сражении при Марафоне (490 г. до н. э.), обернулись неудачами для персов в Европейской Элладе. Впрочем, это не изменило планов Дария, в течение трёх лет (490 – 487 гг. до н. э.) неустанно готовившего новую военную экспедицию в непокорную Элладу.

В 486 г. до н. э. воодушевлённые поражением персов в битве при Марафоне египтяне изгнали оккупационные гарнизоны и провозгласили царем Хабишу, происходившего из царского рода. И в самый разгар военных приготовлений против Эллады и Египта Дарий умер (485 г. до н. э.).

Преемником Дария стал его сын Ксеркс, родившийся после воцарения отца и оттого выигравший в споре с братьями за право первенства в престолонаследии. Египет был вторично покорён армией персов, а Хабиша бесследно исчез.

Поход Ксеркса 480 г. до н. э. в Элладу окончился для персов серией поражений. В результате лишь несколько персидских гарнизонов продолжали далее занимать города Европы (в Византии до 478 г. до н. э., в Эйоне до 477 г. до н. э., в Дориске до 450 г. до н. э.). Фракия и греческие провинции Македония и Фессалия были раз и навсегда потеряны Персией. Ксеркс, армия и флот которого терпели от Афин чудовищные поражения в Малой Азии и на Кипре (466 г. до н. э.), был убит собственным начальником стражи Артабаном и евнухом Аспалистром в 465 г. до н. э. Вслед за этим последовала серия убийств наследников персидского престола. В конце концов, власть перешла к одному из сыновей Ксеркса Артаксерксу.

В Египте, поддержанном флотом Афин, поднялось новое антиперсидское возмущение. Артаксерксу удалось одолеть в новой войне египтян, однако война с Элладой все более разгоралась. В 449 г. до н. э. Артаксеркс принуждён был заключить мир с Афинами, согласно которому персидская армия обязалась на три дня пути не приближаться к ионийскому побережью Малой Азии

(греческие города Милет, Фокея и т.д.) и ни один персидский военный корабль не имел права заходить в прибрежные воды Ионии.

Артаксеркс умер в 425 г. до н. э. Власть в последние годы его правления во многом перешла в руки местных сатрапов, независимость которых возрастала год от года всё более.

Преемник царя Ксеркс II пал жертвой заговора, составленного сводным братом, через 45 дней после восшествия на престол. Тот, в свою очередь, погиб спустя шесть месяцев от рук ещё одного незаконнорожденного сына царя, принявшего при восшествии на престол имя Дария II. Смута в персидской державе продолжалась.

А тем временем Эллада опустошалась пелопоннесской войной. Спарта пошла на союз с Персией в борьбе с Афинами.

В споре сыновей Дария II победителем вышел Артаксеркс. Жизнь Артаксеркса, бывшего храбрым солдатом, но далеко не самым гениальным полководцем, протекала в беспрестанных войнах по подавлению восстаний то в Египте, то на Кипре, то в Малой Азии. Причём Египет смог таки добиться реальной независимости от персов.

У Артаксеркса было три сына: Дарий, Ариасп и Ох. В кровавой восточной драме – споре за престол – победителем вышел единственный оставшийся в живых сын монарха Ох. Артаксеркс скончался в 362 г. до н. э. Правление его пришлось на 418 – 362 гг. до н. э.

Вступив на престол, новый монарх Артаксеркс III Ох (359 – 338 гг. до н. э.) первым делом умертвил всех принцев царствующей династии. В 345 г. до н. э. персы восстановили власть над Египтом. Вслед за этим было восстановлено влияние Персии в Малой Азии. Однако распад персидской державы близился, и ничто не могло изменить её грядущей и грандиозной гибели.

Безмерная развращённость погрязшей в нечеловеческой роскоши и разврате верхушки персов во многом лишила их воли к удержанию позиций в Азии. Делами империи фактически руководил придворный Багой. Он же в 338 г. до н. э. отравил самого Артаксеркса III Оха, убив всех его детей, за исключением младшего Арсеса, которого и возвёл на престол ахеменидов. Арсес погиб от рук Багоя в следующем, 337 г. до н. э. На престол был возведён друг Багоя Кодоман, при восшествии на царство принявший имя Дария. Сам Багой, преданный одним из сообщников, был принуждён принять яд, приготовленный им для Дария (Кодомана).

Год восшествия на престол Дария (Кодомана) совпал с годом воцарения Александра Македонского. В 330 г. до н. э. Дарий (Кодоман) погиб от рук своих сатрапов во время бегства с поля битвы с македонским героем. С этого момента мир эллинов занял место ведущей силы Евразии, вытеснив и опрокинув иранскую династию ахеменидов.

Итак, обратим взгляд на Элладу. К середине IV в. до н. э. некогда могущественные Афины, политика, экономика и искусство которых во многом определяли пути развития Эллады, к I тыс. до н.э. утратили былую энергию. В начале IV в. до н. э. на первые позиции в Элладе выдвинулась Спарта, сумевшая в союзе с персами выиграть 27-летнюю войну у афинской морской державы. Спарта являлась наиболее консервативной и крайне невосприимчивой ко всему чужому страной, воспитывавшей из граждан бойцов и аскетов, лучших воинов Эллады.

Однако, добившись первенства, спартанское общество фантастически быстро подверглось развращению роскошью и властью (известный порок всех победителей). Уже после 371 г. до н. э. разгромленная и оттеснённая на крайний юг полуострова Пелопоннес Спарта навсегда утратила ведущие позиции в Элладе.

Македония, историческая провинция севера Греции, к концу V в. до н. э. во многом сохранила древнейший классический индоевропейский строй «военной монархии» с тремя слоями: аристократии, выдвигавшей из своей среды царя, жрецов и свободных земледельцев.

С начала V в. до н. э. Македония попала в зависимость от персидской монархии. Однако греческие города столкнули персидские гарнизоны с Европейского континента. В 359 г. до н. э. к власти в Македонии пришёл царь Филипп. По свидетельству греков, человека, подобного ему, Эллада ещё не знала. Твёрдость характера и сила ума в нём дополнялись полным отсутствием каких бы то ни было моральных уз и способностью к любому вероломству. Филипп оказался талантливым военным реформатором, сумевшим привить в армии всё наиболее рациональное из военной практики Эллады. Именно Филипп сформировал победоносную македонскую фалангу из воинов, нёсших копья от 3 до 4 м длиной, тела их защищал продолговатый щит, а меч являлся запасным оружием. Расчёт строился на чудовищной механической энергии движущейся фаланги, удар которой выдержать практически не представлялось возможным. Лёгкая конница македонян в основном формировалась из иллирийцев и фракийцев. Искусные лучники поступали в армию Македонии с Крита. Ядро конницы составляла тяжёлая кавалерия «этеров», облачённых в доспехи и вооружённых копьями и мечами. Филипп стал создателем регулярной кавалерии, удар которой нередко решал исход сражений. До того конница в основном выполняла вспомогательные функции.

Филипп пополнил табуны Македонии двадцатью тысячами кобылиц, отнятых у скифов.

Огромное значение придавал Филипп совершенствованию парка осадных и метательных орудий. Если до него осада и взятие города означали полное истощение оборонявшихся, то Филипп ввёл тактику взятия крепостей приступом, с помощью проломов стен и подкопов под башни. К городу подвигали штурмовые башни, различные заслоны и «черепахи» из щитов воинов и пускали в ход множество таранных орудий с бревнами, обладавшими окованным

металлом концом. Осадные катапульты Филиппа, стрелы которых пробивали практически любой панцирь, его сыном Александром были преобразованы в полевую артиллерию.

Филипп создал институт военных инженеров, искусство которых не знало равных.

Стойкость армии во многом зиждилась на однородности македонской основы её состава. Части формировались по преимуществу из жителей одной местности. Корпус военачальников рос и мужал по мере роста силы македонской державы и величия её царя.

Филипп сумел завоевать прибрежные города Пидну и Мефону, объединить Македонию, смирить и привлечь на службу в армию беспокойных иллирийцев и фракийцев и, наконец, овладеть золотыми рудниками Пангея, добившись ежегодных поступлений в казну в размере 1000 талантов. Вскоре Филипп принялся за чеканку собственной золотой монеты.

Антимакедонскую партию Афин, ощутивших опасность от подбиравшихся к проливам в Чёрное море и важнейшим портам средней Греции македонян, возглавил величайший оратор Эллады Демосфен. Однако другой видный деятель Эллады Исократ доказывал, что спасение Греции в сильной власти, способной смирить мятежную демократию. Исократ призывал Филиппа Македонского к освобождению Эллады от власти варваров (персов) и к наделению мира великой культурой эллинов. Золото Филиппа также играло не последнюю роль в споре его противников и сторонников.

Меж тем Филипп энергично простёр длань к черноморским проливам, пропускавшим в буквальном смысле реки зерна, рыбы и скота в Афины. Летом 338 г. до н. э. при Херонее, вблизи города Фивы, Македония одержала убедительную победу над общегреческой коалицией, во главе которой стояли Афины и Фивы. Греческие города принялись склонять перед Филиппом головы. В конце 338 г. до н. э. был заключен военно-политический союз между Македонией и всей Элладой, вручившей Филиппу власть над армиями союза и фактически благословивший его на завоевание Персии.

Весной 336 г. до н. э. десятитысячный отряд греко-македонского союза выступил в Малую Азию под командованием Пармениона и родственника Филиппа Аттала. Однако самому Филиппу не суждено было воплотить в жизнь давние планы и мечты всей Эллады о завоеваниях на богатом востоке.

Сын Филиппа и его законной жены Олимпиады, Александр, родился в 356 г. до н. э. и с детства отличался гордостью, бесстрашием и своенравием. Сводные братья его были весьма посредственны и даже близко не походили ни на брата, ни на отца. К македонскому двору для воспитания юного Александра отцом был приглашён великий Аристотель, автор школы «учителей тех, которые учат», властитель множества умов древности и современности. Аристотель объяснил Александру, что эллины владели бы вселенной, если бы объединились в единое государство. Аристотель вырастил из Александра человека, вобравшего всю глубину греческой культуры. В благодарность Аристотелю Филипп восстановил разрушенный македонянами родной город мудреца Стагиры.

Филипп пал от рук собственного телохранителя Павсания по дороге в театр. В театре же Александр был провозглашён царём Македонии.

Покончив с врагами в самой Македонии, с Атталом в Малой Азии и смирив молниеносным походом в Фессалию горячие головы в Элладе, Александр отправился в поход на фракийцев, лишь немногим из которых удалось укрыться на острове Певке на Дунае. Вторжение Александра на Дунай произвело столь сильное впечатление, что даже кельты с адриатического побережья сочли необходимым прислать послов македонскому царю с изъявлением дружбы и восхищения.

А тем временем в самой Элладе персидский царь Дарий (Кодоман) не скупился на помощь недоброжелателям македонского героя. Возглавивший возмущение город Фивы был разрушен Александром до основания. И снова Александр принял множество послов с изъявлениями дружбы и восхищения.

Александр не тронул Афины, и даже Демосфену было позволено остаться в городе, однако многие иные лидеры антимакедонской партии были вынуждены бежать в Персию. Александр помышлял о походе в Персию и был кровно заинтересован в сохранении флотов и крепостей Эллады; и в первую очередь самих Афин.

Персы, бывшие в VI в. до н. э. мужественными воинами, аскетами, не пившими вина и евшими один раз в день, в последней трети IV в. до н. э., ещё до начала войны с Грецией, были обречены на поражение. Грузная, погрязшая в гаремных интригах ахеменидская династия не имела и части былой энергии и уж, конечно, не могла противостоять блеску взошедшей на западе звезды Александра.

В начале 334 г. до н. э. Александр, предводительствовавший армией в 30 000 пехотинцев и в 5000 конницы, выступил в поход. Флот эллинского союза играл вспомогательную роль в кампании – из-за недоверия Александра к союзникам. Армия переправилась в Малую Азию у города Абидос через воды пролива Геллеспонт (Дарданеллы), не встретив со стороны персов никакого сопротивления. Силы персов были стянуты к правому берегу реки Граник, являющейся притоком Мраморного моря. Александру принадлежат слова: «Пройдя Геллеспонт, нечего бояться Граника», послужившие сигналом к началу великого, беспримерного в истории, победоносного похода.

В битве при Гранике погиб цвет персидской конницы. Из числа греческой наёмной пехоты, стоявшей позади кавалерии персов, на возвышении, в живых остались лишь немногие, да и те спаслись благодаря наваленным на них сверху телам убитых товарищей.

Вслед за занятием Фригии (царство на северо-западе и в центре Малой Азии) Александр практически без сопротивления занял лежащую к югу Лидию со столицей в городе Сарды. Богатство её царя Креза, в VI в. до н. э. покорившегося персам, вошло в поговорку.

Грозный персидский флот, состоявший не менее чем из 400 кораблей, Александр решил уничтожить не в морском сражении, а на суше, заняв все его базы.

Греческие города Малой Азии во главе с Эфесом изгоняли местную преперсидскую олигархию и встречали македонян как освободителей. Лишь город Милет, пользовавшийся у персов особыми свободами и привилегиями, впустил войска персов и запер перед Александром ворота. С моря в гавань Милета вошли корабли Эллады, но были блокированы на внешнем рейде флотом персов. Александру пришлось приступом брать Милет, после занятия которого персидский флот удалился.

Далее армия Александра двинулась на юго-восток Малой Азии, в Карию. Персы и греческие недруги Александра заперлись в столице Карий – Галикарнасе. Александр пустил в ход всю мощь инженерного штурмового арсенала Эллады. Руководителю обороны города греку Мемнону не оставалось ничего иного, как поджечь Галикарнас и покинуть его, вступив на борт персидского судна.

Отпустив часть армии на зимний отдых в Элладу, Александр двинулся на занятие лежащих к востоку от Карий Ликии и Памфилии. Вскоре все южное побережье Малой Азии, вплоть до Сирии, подчинилось македонянам. Александр не отвлекался на осаду горных крепостей, предоставляя эту задачу идущей по его стопам администрации. Однако под стенами контролировавшей путь в центр Малой Азии крепости Келэн был оставлен отряд в полторы тысячи воинов с оговоренным с гарнизоном крепости условием: в случае, если по прошествии установленного времени ему не будет подано помощи, – сдать.

Тем временем македоняне вступили в столицу внутренней Фригии Гордий. А в противоположном стане произошло весьма прискорбное событие, сильно облегчившее жизнь Александру. Скончался командовавший силами персов в Малой Азии греческий полководец Мемнон. Персидский флот, ведомый Мемноном, успел занять острова в Эгейском море – Самос, Родос, Кос, Спорады, Хиос и значительную территорию острова Лесбос. Эллада волновалась. Спарта готовилась к открытому антимакедонскому выступлению в союзе с персами. Однако смерть Мемнона, отравленного недругами, разрушила планы внутреннего возмущения в самой Элладе.

К весне в Гордий подошли пополнения и вернувшиеся из отпусков воины. Александр устремился на юго-восток Малой Азии, миновал горные теснины Тавра и вышел к западным рубежам Сирии.

Персидская армия ожидала Александра в городке Сохах, а громадный транспорт Дария был оставлен в Дамаске. После ряда манёвров войска македонян и персов развернулись во фронт друг другу – при впадении в Средиземное море реки Пинар. Причём Дарий находился к северу от Александра, за спиной которого открывался путь к сердцу персидской монархии. Однако Дарий был настолько уверен в своём успехе, что это обстоятельство его мало заботило. Персы имели не менее чем трехкратный перевес в численности.

В самый разгар сражения, когда Александр, предводительствуя гвардией, раненый в бедро, словно тигр, рвался к колеснице Дария, а персы собственными телами и горами павших преграждали ему путь, последний монарх ахеменидской династии дрогнул и повернул свою колесницу, запряжённую четвёркой лошадей, прочь с поля битвы. Войско персов замерло, подалось назад и, на-

конец, побежало. Однако греческие наёмники – гоплиты – ударили по расстроенным при переходе реки и отставшим от флангов шеренгам фаланги и принялись теснить македонян. На левом фланге персидская конница терзала кавалерию фессалийцев. Когда весть о том, что Дарий бежит, достигла персидских всадников, они развернули коней и, давая пехоту, бросились прочь из битвы. Воды Пинара окрасились кровью персов, земля была густо усеяна их телами, а расщелины в земле едва ли не доверху наполнились убитыми, ранеными и задушенными воинами. Гуманившая разум паника вмиг скомкала ряды громадной армии. И лишь одни греческие наёмники, сомкнув плотнее ряды под ударами оправившейся фаланги, молча и организованно отступали от реки.

Бегство персов возглавила колесница Дария, которую, смея, словно пыль, попадавших на пути персов, кинулся догонять Александр. Однако настичь ему удалось лишь брошенную царём колесницу, лук, щит и мантию. Дарий ускакал верхом на лошади.

Потери персов были громадны. Александр же потерял не более пятисот солдат убитыми и в несколько раз большее число ранеными. В память о павших на берегу Пинара было воздвигнуто три алтаря. Богатый обоз Дария в Дамаске был взят сподвижником Александра Парменионом. Величина и стоимость доставшейся в руки эллинов добычи были таковы, что отныне они не знали ни малейших финансовых затруднений в завоеваниях на востоке.

В лагере персов была пленена семья Дария.

По вступлении в Финикию Александр получил от Дария письмо с просьбой вернуть семью и начать переговоры о мире и союзе, при этом Дарий упрекал Македонию в беспричинном нарушении македонско-персидского мира. Александр в ответном послании Дарию высказался так:

- персы – извечные враги эллинов;
- Дарий узурпировал власть, переступив труп законного наследника;
- воля богов – против Дария, и победа над ним Александра вручает ему бразды правления персидской державой;
- народы Азии сами склоняют головы перед Александром – и будь на то воля самого Дария и ему будет оказана милость.
- в случае отказа Дария повиноваться Александр достигнет его, куда бы он ни скрылся.

Во время осады отказавшегося повиноваться Александру крупного порта и могучей крепости Тира, взять которую было не

под силу ни Ассирии, ни Вавилону, от Дария прибыло новое посольство. Послы передали предложение Дария уступить Александру западную часть царства, вплоть до течения реки Евфрат, и выкуп семьи Дария за 10 000 талантов. Союз двух монархов должен был скрепить брак Александра и дочери Дария. Совет во главе с Александром отверг предложение персидского царя. В ответе Дарию было сказано, что вся держава персов принадлежит Александру, включая, если Александр того пожелает, и дочь Дария, а для личных просьб Дарию следует лично явиться в стан македонян.

Между тем Карфаген отказал в помощи осаждённому Тиру. Однако пал Тир лишь после нескольких месяцев осады и яростной обороны. Известие о его взятии произвело потрясающее всех впечатление.

Флот персов прекратил существование с занятием македонянами Финикии. Мятежный пыл Афин вновь был остужен. Бежавшие к южному побережью Чёрного моря остатки разгромленной при Иссе персидской армии были уничтожены Антигоном, новым сатрапом Фригии. И только спартанский царь Агис высадился на Крите, стремясь расширить антимакедонскую кампанию в Элладе.

Иудея признала власть Александра, и он даровал её общинам, раскиданным по городам Азии и Европы, значительные права и привилегии, что скоро привело их к повсеместному процветанию.

Далее сопротивляться Александру решила крепость Газа. Она была взята с помощью насыпей и штурмовых орудий, доставленных из Тира. Этим штурмом было завершено покорение Сирии и Палестины.

Переход по пустыне в Египет у Александра занял 7 дней. В городе Пелузий его ожидал флот Эллады. Персидский сатрап Маздак практически без сопротивления сдал македонянам Мемфис, а с ним и весь Египет.

На северо-западе дельты Нила, у острова Фарос, Александр выбрал место для основания города своего имени. Александрия Египетская сразу же превратилась в один из наиболее красивых, богатых и благоустроенных городов Средиземноморья.

Александр проследовал берегом моря на запад до города Паретония и далее, песками пустыни, до оазиса Сиве, где располагался храм Аммона. Некогда на этом пути был погребён барханами отряд персов.

Организовав взаимоконтролировавшую себя административную машину в Египте, Александр, значительно пополнив и укрепив армию, вышел в поход к Евфрату. Эллины перешли Евфрат в августе 331 г. до н. э. и двинулись к Ниневии. На левом берегу Тигра эллинов поджидал Дарий.

Битва произошла 1 октября 331 г. до н. э. при Гавгамелах (Тель-Гомель). Армия Дария была составлена из персов, мидян, парфян, бактрийцев, североиндийских ариев и множества иных народов восточной части державы Ахеменидов.

Смысл битвы при Гавгамелах заключался не просто в том, кто из царей окажется владыкой Азии, а в том, какое крыло индоевропейского мира Евразии – западное (греки) или восточное (иранцы) – одержит верх в споре за гегемонию на континенте.

Битву начали конные массы скифов, бактров и данов Турана (народ, упоминание о котором сохранила Авеста). Колесницы персов, возничие которых были частью перебиты лучниками, а частью порублены пехотой, были, в конце концов, пропущены расступившимися шеренгами в тыл эллинов, и ловля их превратилась в потеху греческим конюхам.

Тем временем завязалось грандиозное кавалерийское сражение. Части персидской и индийской конницы удалось расстроить ряды эллинов и ворваться в их лагерь. Однако, вместо того, чтобы ударить в тыл противнику и развить успех, всадники, перебив немногочисленную фракийскую охрану, занялись грабежом.

Несмотря на трудности эллинов на флангах и даже в тылу, страшная механическая мощь фаланги делала своё дело в центре и, наконец, прорвала его насквозь. И вот тогда, когда левый фланг греков под началом Пармениона, казалось, погибал, буквально истекая ручьями крови, в тылу у Александра металась вражеские всадники, а на правом крыле трагизм кавалерийского сражения достиг апогея. Дарий, чувствуя, слыша и видя приближение центра сражения, вновь повернул колесницу вспять. Следом за ним побежал весь центр персов. Это предрешило победу греческой кавалерии над скифскими, согдийскими и бактрийскими всадниками. Преследование бегущей армии шло на пятьдесят километров.

И снова Александр, ничего кругом не замечая, гнал коня в надежде настичь Дария. Лишь на следующий день, уже находясь в городе Арбела, Александр убедился в бесполезности своего предприятия. Царь персов в сопровождении нескольких тысяч воинов умчался к Экбатане, столице Мидии.

Битвы при Гранике, Иссе и Гавгамелах решили вопрос о главенстве в Евразии и на севере Африки между старым владыкой, восточноиранским миром, и новым миром эллинов, победа которых была предрешена самим ходом развития истории и экономики данной эпохи. Центр силы и первенства в развитии всех сторон евразийской цивилизации сначала лишь качнулся с Древнего Востока, история которого насчитывала семь тысяч лет, в сторону Молодого Запада в лице Эллады, а затем окончательно пал в руки новых лидеров. Принять первенство от Передней Азии должен был Александр, словно нарочно для того посланный богом в Элладу.

Вавилон встретил Александра как героя-освободителя. В город Сузы, столицу Элама, до прибытия Александра, вошёл его полководец Филоксен. Тут эллинов ожидала и большая добыча и прибытие значительного подкрепления с родины. Безуспешный штурм горного перевала, бывшего воротами исторической Персии, вынудил Александра предпринять обходный манёв, и вскоре ворота столицы Ахеменидской монархии Персеполя впустили македонского царя. Золото и драгоценности, веками копившиеся в центре державы, в одночасье сделали Александра богатейшим монархом планеты.

Вслед за Персеполем был занят город Пасаргад с царским дворцом и некрополем. Столица Персии, отданная Александром солдатам на разграбление, запылала. По прошествии четырёх месяцев, проведённых Александром в Персии, он получил подкрепления и двинулся в Мидию, куда с остатками разбитой, но верной армии бежал Дарий. Спустя двенадцать дней Александр занял столицу Мидии город Экбатану. Отсюда Александр отпустил отягощённых золотом фессалийцев и многих иных союзников на родину.

Александр вновь пустился в погоню за Дарием и вскоре прибыл в город Раги (район Тегерана). А тем временем Дарий был схвачен собственными придворными. Весть об этом Александр получил в парфянском городе Гекатомпиле и с 500 всадниками, не разбирая пути, помчался вдогонку за беглецами, но настиг лишь труп заколотого кинжалом Дария (Кодомана), последнего царя великой державы Ахеменидов.

В то же время наместник Македонии Антипатр выиграл войну у царя спартанцев Агиса, убитого при осаде города Мегалополя, чем была поставлена точка в соперничестве Эллады и Македонии.

После покорения Парфии Александр вступил в историческую провинцию Арию, где после подавления возмущения основал город Александрию Арийскую (Герат). Отныне Александр принял тактику закрепления завоеваний через поселение греков в основанных им городах. Причём многочисленные Александрии, основанные македонским завоевателем на востоке, в дальнейшем оказались центрами эллинизма не столько в военном или политическом смысле, сколько в культурном.

По мере осознания Александром себя правителем мировой державы со всеми внешними и внутренними атрибутами подобного положения в рядах его соратников росло недовольство «восточной политикой» Александра. Оппозицию возглавили Парменион и его сын Филот.

Осенью 330 г. до н. э. в Дрангиане (провинция на юго-западе Афганистана) был составлен и раскрыт заговор с целью покушения на жизнь Александра. Заговорщики были схвачены и казнены. Сам Парменион в это время находился в Экбатане и силой своего авторитета в армии представлял серьёзную угрозу монарху в случае возникновения серьёзных возмущений. Парменион также был убит, а из недовольных была составлена отдельная дисциплинарная часть, дабы оградить армию от нежелательных влияний.

Александр перешёл горные массивы Гиндукуша весной 329 г. до н. э. Достигнув столицы Бактрии, армия переправилась через реку Оке (Амударья). И тут Александр встретил выданного ему нагого, закованного в цепи убийцу Дария, – Бесса. Его четвертовали в Бактре. Но уже разгоралась долгая и кровавая война согдийцев, туранцев и скифов-массагетов с армией Александра, конечным пунктом в движении которой в Среднюю Азию были берега реки Яксарта (Сырдарья), где была основана крайняя на северо-востоке Александрия Дальняя (современный город Ходжент).

Изобилующая кровью, коварством и изнурительными переходами война окончилась зимой 328 г. до н. э. съездом всей местной знати в Бактрии, где в обмен на значительные, в сравнении с иными провинциями, свободы, дарованные Александром югу Средней Азии и их властителям, те обещали, в свою очередь, оказать Александру всяческую помощь и поддержку в его дальнейших завоеваниях.

Весной 328 г. до н. э. Александр получил подкрепление и умирил восстание, вспыхнувшее в Согдиане.

Летом 328 г. до н. э. во время пира в Мараканде Александр пронзил копьём спасшего ему жизнь в битве при Гранике македонянина Клита, брата своей кормилицы Ланики, в ответ на упрёк старого солдата Александру в том, что он велик лишь благодаря крови и пота великой армии.

Весной 327 г. до н. э. война в Средней Азии была практически завершена, а голова возглавлявшего борьбу против Александра Спитамена была выдана македонянам скифами в обмен на мир.

Брак Александра и дочери вельможи Дария Роксаны совершался по иранскому обряду. Александр всё более подымался над своими подданными, вчерашними соратниками, и всё более походил на классического восточного монарха, образ которого обожествлялся и окружался нечеловеческой роскошью. Недовольство, давно назревавшее среди эллинов, в 327 г. до н. э. получило выражение в «заговоре пажей», юношей из знатных македонских семей. Заговор был раскрыт; и в ответ на обвинения возглавившего его Гермояла в деспотизме Александр ответил, что пришёл в Азию не истреблять народы и полмира обратить в пустыню, а для того, чтобы и побеждённые не тяготились его победами.

Для создания мировой державы, о которой всерьёз помышлял Александр, было необходимо завоевать далёкую Индию. Весной 327 г. до н. э. приготовления к походу были завершены. Летом армия Александра подошла к бассейну Верхнего Инда. Заняв ряд крепостей, войска приблизились к крепости Аорна, расположенной на скале высотой в 1000 м. Взятие Аорны стоит в одном ряду с взятием Галикарнаса, Тира и Газы. Укреплённая греками ещё более прежнего, Аорна в дальнейшем явилась одним из главных центров их влияния в долине Инда. В Индии македоняне переняли у противника искусство использования в сражении боевых слонов.

После заключения мира с царём Таксилы Александр устремился к берегам левого притока Инда Гидаспа, где его ожидал с обещанием достойного приёма в ответ на предложение Александра о мире царь Павравы Пор.

Четвёртая грандиозная битва Александра на востоке произошла в июне 326 г. до н. э. Александр с частью армии переправился через широкую своенравную реку, выше по течению расположения стана Пора. Главные силы противников после небольшого авангардного боя были развёрнуты на открытом песчаном поле. Александр решил действовать прежде всего конницей, расстроить порядки кавалерии и пехоты Пора и уж потом пустить в ход пехоту

для борьбы с теряющими строй слонами, – главной и страшной силой индийской армии.

Хаос и паника, посеянные в рядах индусов греческой кавалерией, стойкость греческой пехоты да топоры восточных рекрутов Александра, подрубавшие животным сухожилия на коленях, достигли цели. Обезумевшие слоны принялись уничтожать собственную пехоту, а люди Александра продолжали истреблять слонов.

Отряд эллинов во главе с Кратером, оставленный Александром на правом берегу реки, внезапно появился на месте сражения и принялся преследовать остатки армии Пора.

На месте переправы через реку Гидасп Александр основал город Буцефал, названный по имени его боевого коня. На месте же битвы был основан город Никея.

В ответ на стремление Александра достичь долины Ганга и продолжить завоевания на востоке изнурённая армия ответила твёрдым, как никогда прежде, отказом. *«Лучший дар богов – умеренность в счастье»* – таков был ответ солдат Александру. Он упорствовал, но одержать победу над собственной армией не мог. От реки Гифасис армия повернула на запад, и далее к востоку она уже не прошла. На берегах Гидаспа был выстроен флот. В ноябре 326 г. до н. э. войско и флот двинулись вниз по течению, к устью Инда и к океану. Смирив окрестное население, Александр продвигался к юго-западу, когда до него стали доходить вести о волнениях в персидских и иных провинциях громадного государства. Александр выслал в Персию корпус под началом Кратера, сам же достиг устья Инда и вступил в город Патиалу.

Находясь на берегу Индийского океана, Александр впервые наблюдал приливы и отливы. В Патиале кипела работа по укреплению цитадели и строительству верфи и гавани. А по дорогам по направлению к долине Ганга рылись колодцы. Флот под руководством Неарха вдоль берега океана двинулся на запад.

Александр в сентябре 325 г. до н. э. вступил, идя в Персию, в пески страшной пустыни, согласно преданиям некогда уничтожившей армии ассирийских царей и персидского монарха Кира, шедшие на завоевание Индии. По прошествии двух месяцев пути армия, растерявшая в пустыне многих солдат и снаряжение, наконец, достигла города Пура (Белуджистан), столицы исторической провинции Гедрозии.

Флот, ведомый Неархом, претерпел не меньшие, чем армия, страдания, мучимый голодом, жаждой и настигшей его страшной

бурей. Александр, успевший соединиться с отрядом Кратера, считал флот погибшим, когда тот, во многом благодаря мореходному искусству Нearchа, пристал к берегам Кармании (юг Ирана). Александр плакал, узнав в пришедшем в его лагерь несчастном оборванном старике Нearchа.

Лето 324 г. до н. э. застало Александра и его армию в городе Опис на Тигре, где был оглашён указ царя об отпуске многих ветеранов на родину. Процесс смены македонян персидской, индийской и туранской молодёжью шёл давно, однако апогей противоречий между старой когортой бойцов и Александром, год от года всё более от них отдалявшегося и окружавшего себя азиатами, пришёлся именно на 324 г. до н. э. На этот раз армия уступила Александру. Ветераны с почётом были отправлены на запад, а Александр продолжил свою «восточную политику» и огромную созидательную работу, направленную на упрочение завоеваний эллинов в Азии. Рождалась эпоха эллинизма, новая мировая культура, сумевшая покорить многие сердца от Египта до Согдианы. Греческий язык, привносимый значительными группами греков-переселенцев, завоёвывал всё новые земли в Азии. Развивались торговля, экономика. В оборот было пущено золото персидской монархии, обернувшееся множеством звонких монет.

Александр по-прежнему вынашивал планы создания мировой державы. Однако в десятых числах июня 323 г. до н. э. Александр умер от злокачественной лихорадки.

Организм его был подорван тяжестью великих свершений полководца и безудержностью перемежавших их оргий.

Со смертью великого Александра начались эпоха губительных смут в Элладe и бесконечная борьба за первенство в споре за законность наследования власти в громадной империи. После нескольких десятилетий кровавых смут и раздоров выделилось три основных государства, наследовавших империи Александра: Македония, управляемая династией Антигона, Египет с династией Птолемеев и Сирия с династией Селевкидов.

В эпоху возвышения и владычества династии Ахеменидов (VI – IV вв. до н. э.) на востоке и последовавшего в IV в. до н. э. восшествия на олимп мировой истории Македонии и всей Эллады к западу от неё возвышался новый колосс. Это был пока не проявивший притязаний на мировое лидерство, но неуклонно крепнувший и расширяющий год от года свои территории Рим.

В нижнем течении реки Тибр, в центре Апеннин, по обоим берегам реки тянутся гряды холмов. На этих-то холмах и жили представители общины рамнов (Ramnes), названием своим, видимо, обязанные реке (riva – река), позже названные римлянами.

Общество древних обитателей Тибрских холмов, как и всюду в индоевропейском мире, было составлено из трёх социальных групп, давших впоследствии жизнь одному из основополагающих понятий римского права – tribus, означающее любое деление и изначальное понятие о нем как о трёхчленности. Римские предания донесли до нас названия трёх общностей, положивших начало великому городу: рамны, тации и луцеры. Из нескольких сельскохозяйственных поселений, венчавших холмы над Тибром, впоследствии и возник Рим. Однако родился город не в один день. Главным торговым путём Лациума (историческая провинция по берегам Тибра) служило русло Тибра. Кроме того, Тибр служил естественным рубежом обороны от лежащей к северу Этрурии. Являясь одновременно и крепостью, и торговым пунктом, Рим начал своё восхождение от легендарных «семи деревень» (septem pagi) и соляных копий близ устья (ostia) реки к великому городу, ставшему владыкой мира.

Непосредственной основой Рима был описанный Тацитом, а значит, ещё видимый в эпоху империи Палатин – городская крепость на холме, четырёхугольной формы, окружённая каменной стеной и снабжённая несколькими проездными воротами и башнями. Вокруг Палатина на семи римских холмах росли предместья. Интересно отметить, что мостовые переправы возвышались в Древнем Риме на правой, этрусской, стороне Тибра, а строительство мостов предписывалось совершать только из дерева, без применения металла, что давало возможность быстрого их уничтожения самими строителями.

Напротив Палатина и окружавших его предместий стоял ещё один древнейший центр Рима – Квиринал, являвшийся древним замком (capitolium vetus) со святилищами Юпитера, Юноны и Минервы.

Официальной датой основания Рима считается 754 г. до н. э., однако дата эта весьма условна. В первой четверти I тыс. до н. э. в исторической провинции Лацио возник союз из 30 городов, включая и Рим. Во главе союза стоял город Альба-Лонга, позже разрушенный римлянами. С IV в. до н. э. во главе Лацио становится Рим. А сам союз был упразднён Римом после второй латинской войны

(340 – 338 гг. до н. э.) как раз тогда, когда доживала последние годы персидская держава и уже восходила звезда македонского героя. Именно в 338 г. до н. э. был заключён союз Филиппа Македонского с государствами Эллады, явившийся прологом великого похода эллинов в Азию.

К 264 г. до н. э. Рим овладел практически всей территорией Апеннин. Владычеству этрусков на севере, а эллинов на юге полуострова был положен конец. При этом культура Рима интенсивно впитывала наследие великих цивилизаций этрусков и Эллады.

Римляне вошли в непосредственное соприкосновение с галлами (кельтами), занимавшими земли в бассейне реки По и к началу эпохи решающих войн с Карфагеном (218 – 146 гг. до н. э.) заняли территории к северу от Апеннин, вплоть до южных отрогов Альп.

Карфаген, основанный как торговая колония Финикии на севере Африки около 825 г. до н. э., к началу III в. до н. э. сумел овладеть значительными территориями средиземноморского побережья Африки, Пиренеев и рядом островов, включая часть Сицилии и Сардинии, и превратился в могучую морскую державу Западного Средиземноморья. Столкновение с Римом было неизбежно.

Войны 264 – 146 гг. до н. э. окончились взятием и разрушением Карфагена, земли которого вошли в состав динамично развившегося Римского государства.

Так на юго-западе Европы возвышался Рим, вскоре явившийся владыкой огромных территорий в Европе, Азии и Африке.

Однако теперь обратим наши взоры на север, центр и восток Европейского континента и посмотрим, что происходило в мире славян и германцев в эпоху Ахеменидской династии в Азии, расцвета эллинизма и возвышения Рима.

VIII. СЛАВЯНСКИЙ И ГЕРМАНСКИЙ МИРЫ ЕВРОПЫ I ТЫС. ДО Н. Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э.

В VI – III вв. до н. э. славяне, притесняемые в центре Европы идущим к востоку потоком кельтов, на севере континента, начиная с VII в. до н. э., также теснились выходцами из Скандинавии, представлявшими германскую общность Европы. Как мы помним, на юге России, в лесостепях Среднего Поднепровья, осёдлое зем-

ледельческое население в VIII – VII вв. до н. э. оттеснялось к северу, в леса Западной России, где подвергалось смешению с балтским населением. Кроме того, начиная с рубежа II – I тыс. до н. э. и всю первую половину I тыс. до н. э. осёдлые славянские общности Среднего и Верхнего Поднепровья подвергались смешению с наступавшими на северо-восток фракийцами, в свою очередь также испытывавшими давление со стороны иранского и кельтского миров, двигавшихся навстречу друг другу.

Население *лужицкой* культуры VII в. до н. э., занимавшее территорию к северу от Карпат, в бассейнах Верхней Эльбы (Лабы), Одера и Вислы, восприняло носителей новой, *поморской*, культуры VII – II вв. до н. э. на крайних северных рубежах своего региона, в междуречье Нижней Вислы и Нижнего Одера. Центром поморской культуры балтийского побережья был Гданьский залив, а главным направлением распространения её носителей стал юг, вплоть до современных городов Торунь на Нижней Висле и Познань на реке Варте.

Лужицкая культура на протяжении ряда столетий вбирала в себя всё более расширявшуюся на её землях культуру Поморья, пока, наконец, не слилась с ней, образовав новую культуру *подклошевых погребений* (V – II вв. до н. э.), занявшую всё ту же территорию по течению Вислы и несколько меньшую – по течению Одера. Так был поглощён древним славянским миром севера Европы первый надвинувшийся из Скандинавии вал древних германцев.

Влияние же кельтского мира на западных славян выразилось не только в особенности языка позднейшей общности чехов и в значительной славянской эмиграции из Центральной Европы на её север и восток, но и в определённом проникновении к северу от Карпат самих кельтов, оставивших на территории лужицкой культуры ряд металлургических комплексов. На северо-западе Чехии явственно видны археологические наслоения памятников латенской (кельтской) эпохи на силезско-платеницкую группу лужицких памятников.

В эпоху Гальштата (VIII – VI вв. до н. э.) территория лужицкой культуры буквально изобиловала множеством тщательно укреплённых валами, рвами, частоколами крупных, многолюдных посёлков. Места для их строительства выбирались на берегах водоемов, на возвышениях, а нередко и в окружении труднопроходимых болот.

Внутренней застройкой посёлков служили дома каркасно-столбовой конструкции с достаточно обширной площадью, разделённой на два помещения – жилое (с очагом) и хозяйственное. Наряду с укреплёнными посёлками высокие берега Одера и Вислы венчали многочисленные святилища и целые религиозные комплексы. Кроме того, население располагало рядом мощно укреплённых городищ со стенами деревянной конструкции, наполненными камнем, песком и глиной. К воротам через окружающие городища естественные и искусственные преграды (рвы с водой, болота) подводились мосты.

Если население лужицкой культуры практически повсеместно придерживалось обряда трупосожжения и погребения в урне, то носители поморской культуры на севере и западе своей территории совершали погребения по обряду трупосожжения и захоронения в каменных ящиках, а на юге территории прах погребали в глиняном сосуде, накрытом клошем (керамической миской).

Основной напор кельтов на земли Верхней Силезии и верховья Вислы пришёлся на эпоху среднего Латена (III – II вв. до н. э.), что совпало с практически полным растворением северной поморской культуры и возобладанием обряда *подклошевых погребений*, давших название новой культуре.

Одним из показателей соотношения населения являются многочисленные обширные поля погребальных урн лужицкой культуры, число захоронений на которых нередко достигает нескольких тысяч, и сравнительно немногочисленные поморские могильники с незначительным числом захоронений. Весьма важно и то, что обычай устраивать подклошевые (накрытые *клошем*) захоронения на территории лужицкой культуры появился значительно раньше возникновения поморской культуры.

На землях, лежащих к западу от территории лужицкой культуры, подклошевые погребения смешаны с погребениями праха в каменных ящиках, что также косвенно указывает на взаимное проникновение славянского и германского миров севера Европы.

Помимо урн, начиная с конца эпохи бронзы (Гальштат VIII – VI вв. до н. э.), на территории Апеннин (Этрурия), части северной Германии, Дании и Скандинавии при погребении достаточно широко использовали сосуды-домики, отражающие форму тогдашних жилищ, отсутствующие у носителей лужицкой культуры.

В эпоху Гальштата широкое распространение получили лицевые и очковые урны, верхняя часть которых отображает человеческие черты. Если на раннем этапе поморской культуры лицевые урны отсутствовали, то на заключительном этапе эпохи Гальштата лицевые урны распространились в Гданьском Поморье, на Нижней Висле и Средней Варте. В эпоху среднего Латена (III в. до н. э.) лицевые урны были широко распространены в междуречье Средней Вислы и Среднего Одера, вытесняя при этом сосуды-домики.

Аналогии лицевых урн Вислы и Одера встречены в Трое (2750 – 1250 гг. до н. э.), в Этрурии (VIII – I вв. до н. э.) и на землях Средней Германии. В землях юга Скандинавии, Дании, в низовьях Рейна и Эльбы встречаются и лицевые, и домиковые, и очковые урны-сосуды.

Для поморской культуры, равно как и для среднегерманских земель, характерны индивидуальные погребения. Древний индоевропейский обычай курганных погребений, столь широко распространённый в бассейнах Вислы и Одера в эпоху бронзы (XVIII – XIV вв. до н. э.), – у носителей лужицкой культуры, равно как и поморской, сохранился, но скорее как исключение. Среди осёдлого населения Европы I тыс. до н. э. роскошь быть погребённым под курганом была доступна лишь части княжеской знати.

Прямым следствием век от века возрастающего давления кельтов и германцев на западнославянскую общность Карпат и долины Вислы и отчасти бассейна Одера в V – II вв. до н. э. явилось то, что территория, занятая носителями подклошевой культуры (V–II вв. до н. э.), распространилась к востоку от бывших рубежей лужицкой метрополии и заняла верховья рек Припять, Западный Буг и Днестр.

Во II в. до н. э. на территории подклошевой культуры сложилась новая, пшеворская, культура (II в. до н. э. – V в. н. э.) западнославянской общности. В то же время на Среднем Днепре и на значительной территории Волини сложилась восточнославянская зарубинецкая культура (II в. до н. э. – I в. н. э.), явившая собой видимое свидетельство восточноевропейской ориентации славянства центра и севера Европы.

Тут следует вернуться назад и указать на то, что обряд трупоположения, время от времени встречавшийся в некрополях лужицкой и пшеворской культур, практически полностью отсутствовал у носителей поморской культуры. Это лишний раз указывает на прямую преемственность лужицкой и пшеворской культур и на

инородный характер поморской культуры, носители которой подверглись долгому процессу смешения с носителями лужицкой культуры, трансформировавшейся при этом в продвинувшуюся на восток Европы подклошевую культуру (V – II вв до н. э.) и вылившейся в две новые – восточнославянскую зарубинецкую и западнославянскую пшеворскую культуры.

Для понимания процессов, протекавших в славянском мире Европы на рубеже эр, необходимо внимательно рассмотреть мир Северной Европы (юг Скандинавии, Дания, север Германии, острова Готланд, Борнхольм и др.), являвшейся едва ли не с IV тыс. до н. э. колыбелью протогерманской общности континента.

С началом I тыс. до н. э. народы, населявшие юг Скандинавии, сумевшие в XVIII – VIII вв. до н. э. создать чудную культуру бронзы севера Европы, отошедшую от традиционного геометрического мотива индоевропейцев Евразии и заложившую традиции, несущие зачатки будущего северогерманского своеобразия, народы эти оказались на обочине европейской цивилизации эпохи начала и расцвета железного века (Гальштат, Латен). Население было весьма редко. Экономика в лучшем случае не развивалась. Металлургия севера Европы в I тыс. до н. э. отставала от металлургии центра континента (не говоря об Элладе и Апеннингах) на несколько столетий. Однако к концу I тыс. до н. э. на юге Скандинавии и на севере Германии наметились определённый прогресс в экономике и оживление в смысле роста численности и передвижений населения. В IV – II вв. до н. э. на юге Скандинавии были распространены обряд трупосожжения и урновые захоронения. Небольшие некрополи занимали возвышенные места в долинах рек с плодородной почвой.

Начиная с I в. н. э. в Скандинавии распространился бириганизм (и трупосожжение, и трупоположение). Важно отметить и то, что в сравнении с I в. до н. э. на юге Скандинавии заметно уменьшилось количество памятников. Тут уместно вспомнить и о повествовании хроники Иордана, поведавшего в VI в. н. э. о том, что готы под руководством короля Берига на рубеже эр переплыли на нескольких судах из Скандинавии в низовья Вислы. В самой Южной Скандинавии есть две провинции, чьи названия увязываются с повествованием Иордана. Интересно то, что на Остерготланде, так же как и на Вестерготланде, на рубеже эр отмечено значительное уменьшение памятников, а значит, и населения.

Зато на севере Польши во II – IV вв. н. э. возникла вельбарская культура, носители которой – готы (германцы). Согласно данным Иордана готы прежде продвинулись на земли Скифии у Меотийского болота (Северное Приазовье), затем на Нижний и Средний Дунай, в Мизию, Фракию и Дакию и вновь на земли Скифии в Северном Причерноморье. При этом готы в III в. н. э. разрушили частично уцелевшее после вторжения сарматов государственное образование скифов, положив тем самым последний предел их более чем тысячелетнему владычеству (VIII в. до н. э. – I в.н. э.) в степях Восточной Европы.

В самой Скандинавии, исторической и культурной колыбели германцев, в эпоху позднего Рима (III – V вв. н. э.) появились богатые подкурганые погребения, содержащие облицованные деревом склепы и внешнее обрамление земляной насыпи ($d = 20 \text{ м}$, $h = 3 \text{ м}$) крупными камнями. В то же время простое население продолжало совершать погребения по обряду трупосожжения, но внешне грунтовую могилу украшали сооружениями из камня (стелы, круги, каменные насыпи). Подобные обычаи были распространены в Скандинавии от начала железного века до эпохи викингов (V – XIII вв. н. э.).

Наиболее древние круги из камней (в I тыс. до н. э.) в Скандинавии относятся к VI – V вв. до н. э. Важно и интересно отметить, что одновременно с распространением каменных кругов на юге Скандинавии (VI – V вв. до н. э.) подобные обычаи распространились и в среде носителей ясторфской культуры (VI – III вв. до н. э.), занимавших территории северной части Центральной Германии, что может служить лишним подтверждением близости, а возможно, и исходного района для продвижения германцев в центр Европы на вытеснение кельтов из междуречья Рейна и Эльбы и славян в бассейнах Эльбы и Одера.

Диаметр северогерманских каменных кругов достигает тридцати метров. В центре окруженной пощадки находилась грунтовая яма, содержащая либо сожженные кости, либо тело покойного. Сама могила покрывалась камнем или низким курганом. Каменные курганы были плоские и в диаметре достигали от трёх до десяти метров.

В Скандинавии известно более 1000 каменных кругов, и большинство их относится к 400 – 550 гг. н. э., то есть ко времени эпох великих переселений народов в Европе.

На острове Готланд в VI – III вв. до н. э. преобладало трупосожжение. Погребения перекрывались плоскими курганами с концентрическими кольцами из камня внутри насыпи. На рубеже эр концентрические каменные кольца получили повсеместное распространение на острове. Одно или несколько каменных колец окружали плоские курганы из камня. В I в. н. э. на Готланде получил широкое распространение обряд трупоположения под небольшим плоским курганом. Урны использовались на Готланде крайне редко. Во II – III вв. н. э. на Готланде соседствовали трупоположение и трупосожжение, и одновременно увеличился размер курганной насыпи. Вместе с тем на Готланде исчез обычай окружать погребения (курганы) кругами из камня.

В Ютландии (Дания), служившей естественным и извечным мостом германского мира севера Европы между материком и его скандинавской метрополией, в III – I вв. до н. э. безраздельно господствовал обряд трупосожжения и погребения в грунтовых могилах. Иногда некрополи содержали невысокие курганы. На юге Ютландии преобладали урновые захоронения. На севере полуострова над урновыми преобладали ямные погребения.

На острове Борнхольм на рубеже эр – ямные погребения преобладали над урновыми. С I в. до н. э. в погребениях начало появляться согнутое оружие, а вместе в нем и всё более частые трупоположения. Датские острова в римскую эпоху начали покрываться богатыми погребениями по обряду трупоположения с римским импортом. Особо богаты оружием данной эпохи захоронения на острове Борнхольм. Одновременно с богатыми трупоположениями продолжали хоронить скромно, по обряду трупосожжения со всегдашним инвентарём, состоявшим из традиционных фибул, ножей, бритв, колец, булавок и т.д.

Южная Скандинавия является областью абсолютного преобладания германских топонимов. Процесс встречи и смешения кельтского и германского миров, как было уже замечено, происходил во второй половине I тыс. до н. э. в междуречье Среднего Рейна и Эльбы.

Именно с середины I тыс. до н. э. германцы становятся археологически явственно ощутимы на севере и в центре Германии. Первой подлинно германской археологической культурой данных районов является ясторфская культура VI – III вв. до н. э., первоначальное распространение которой пришлось на область Нижней Саксонии. Цезарь указывал на эту территорию как на земли, за-

нятые свежами.

На севере Германии особый интерес представляет район, лежащий между Нижней Эльбой и нижним течением реки Адлер (правый приток реки Везер), область между современными городами Гамбург, Бремен и Ганновер, имеющая название Люнебургской пустоши. Эта песчаная, чуть всхолмлённая равнина содержит множество полей погребений, курганных некрополей, городищ и древних селищ. Расположенные тут же деревни Вессенштадт, Ясторф, Рипдорф, Зеedorф, в окрестностях которых были обнаружены поля погребений, дали имена целому ряду археологических культур. Памятники у деревни Вессенштадт датируются 800 – 700 гг. до н. э. Ранний период *ясторфских* памятников приходится на 600 гг. до н. э. Эта эпоха ещё сохраняла обычай насыпать крупные курганы уходящего бронзового века. Памятники у деревни Рипдорф относят к 300 – 150 гг. до н. э., а у деревни Зеedorф – к 150 гг. до н. э.

Постепенно продвигаясь к югу, граница *ясторфской* культуры преодолела течение Адлера и достигла земель современного города Ганновер. Одновременно германцы, носители ясторфской культуры всё плотнее заселяли низовья Эльбы и параллельно смешивались с кельтским этническим субстратом в междуречье Эльбы и Рейна, перенимая при этом кельтскую культуру и воспринимая изделия кельтских мастерских. Среда германцев в низовьях Рейна и Эльбы наполнилась множеством латенских фибул, бронзовых сосудов, керамики, поясных пряжек, оружия. Искусство железной металлургии германцами ясторфской культуры было освоено около 300 – 150 гг. до н. э., при этом не обошлось без кельтского влияния.

В V – I вв. до н. э. (эпоха Латен) практически всюду на севере Германии – от устья Рейна до устья Эльбы – в прибрежных районах и на прилегающих к ним территориях была распространена единая культура. В 500 – 300 гг. до н. э. местное население проживало среди великолепных лугов и лагун побережья, являвшихся настоящим раем для скотоводства.

Однако вскоре начался период частых наводнений, и не желавшее расстаться с северогерманскими землями население принялось насыпать искусственные холмы под свои жилища и фермы. Жизнь на подобных холмах на севере Германии продолжалась вплоть до эпохи позднего средневековья.

Тут следует сказать о том, что в области, расположенной между реками Везер и Адлер на севере, Тюрингским лесом на юге и течением реки Зале на востоке, представляющей громадный ромб в центре Германии, до начала I в. до н. э. практически не было представлено германское население. Широкая германизация данного района началась в эпоху римского владычества (I в. до н. э. – IV в. н. э.). Данные археологии говорят о том, что население этой территории в I тыс. до н. э. являлось непосредственным носителем культуры полей погребений, представители которой в XIII – VIII вв. до н. э. расселились на значительных территориях Европейского континента.

Район, ограниченный Везером, Адлером, Тюрингским лесом и Зале, не являлся территорией распространения *ясторфской* культуры северных германцев и не входил в область непосредственного распространения кельтского Латена IV – I вв. до н. э. Топонимы данной местности также отличаются от германских и кельтских. Мы помним о том, что культурным ядром эпохи полей погребений являлась *лужицкая* культура бассейна Одера, Вислы и Верхней Эльбы (Лабы), в дальнейшем трансформировавшаяся в славянские культуры I тыс. до н. э. – I тыс. н.э. Этнические и культурные корни населения I тыс. до н. э. в пределах громадного ромба в центре Германии восходят к эпохе экспансии носителей культуры *полей погребений*, а значит, и к протославянской общности центра Европы.

К северу от реки Адлер, к востоку от Лüneбургской пустоши, находится современный природный парк Эльбуфер-Дравен, название которого сохранило имя западнославянского народа дравенов. К востоку от Эльбы во второй половине I тыс. до н. э. жили многочисленные, исторически засвидетельствованные славянские народы, объединённые общим именем полабских [живших по реке Лабе (Эльбе)] славян. Однако речь о них пойдёт ниже, ибо этот вопрос заслуживает особого внимания и глубокого изучения.

Письменные источники начинают говорить о германцах со II в. до н. э., когда впервые явно обозначилась их угроза динамично расширявшему рубежи, ещё полному сил и далеко не достигшему вершины могущества Риму. Именно во II в. до н. э. практически все кельтские поселения Европы окружили себя поясом укреплений. В этом не последняя роль принадлежала вплотную подошедшим к кельтским рубежам германцам.

Начиналась смертельная схватка молодого германского, одряхлевшего кельтского и энергично развивавшегося, зрелого латинского миров, окончившаяся семь столетий спустя эпохой великих переселений народов Европы, а попросту говоря триумфом германского мира и его победным шествием погрязшим в роскоши городам и провинциям Западно-Римской империи.

Последние века до нашей эры ознаменовались широким продвижением германцев на юг, от берегов Балтики к верховьям Дуная. Вышедшие во II в. до н. э. с севера полуострова Ютландия (Дания) германцы, называвшие себя кимврами и тевтонами, вступили в борьбу с кельтами бойями, занимавшими земли исторической Богемии (Чехия). Далее германцы вторглись на север Апеннинского полуострова. Однако могучий Рим разгромил в 102 г. до н. э. тевтонов и в 101 г. до н. э. кимвров.

В IV – II вв. до н. э. на территориях, занятых германцами, значительно увеличилось число богатых курганных погребений знати. В 58 г. до н. э. Цезарь разгромил вождя свевов (германцы) Ариовиста уже на территории Галии. Вместе с тем германцы настойчиво пытались овладеть землями к югу от Карпат, в Чехии, но успешно сдерживались местным населением.

В I в. н. э. сложился Германский союз маркоманов [людей, живущих по границе (марке)] в центре Европы, где в 166 – 180 гг. н.э. произошла Маркоманская война, в которой Риму противостояли объединённые силы германцев и сарматов (иранцы). Несмотря на то, что германцам и сарматам удалось прорваться на север Апеннин, война с Римом закончилась договором, восстановившим довоенные границы империи.

Военная машина римлян на рубеже эр вышла на линию по Дунаю и Рейну, которая и явилась естественной границей империи.

Императоры Траян (98 – 117 гг. н. э.), Адриан (117 – 138 гг. н.э.) и прочие пошли на огромные затраты, возводя могучий оборонительный вал, включавший опорные пункты сосредоточения армии и множество крупных и мелких крепостей, укреплённых лагерей, отдельных укреплений, нередко впоследствии ставших значительными городами современной Европы.

Наиболее широкое повествование о германцах римской эпохи содержит сочинение Тацита «Германия». Ко II – III вв. н. э. относится множество германских рунических надписей, запечатлённых на украшениях, оружии, камнях. Впрочем, вопрос письменности и используемых в ней знаков у германцев, славян и иных

индоевропейских народов Евразии настолько значителен, что заслуживает отдельного рассмотрения и внимательного анализа.

Продвижение германцев в Европе не ограничилось лишь западным и южным направлениями и во многом затронуло земли центра и востока Европы.

Мы помним, что подклошевые погребения (V–II вв. до н. э.) вместе с продвигавшимися к востоку славянами на рубеже эр широко распространились в землях Полесья и Волыни, что явилось прологом рождения восточнославянской зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья (II в. до н. э. – I в. н. э.), восполнившей брешь в среде осёдлого славянства востока Европы, в VIII – VII вв. до н. э. в значительной степени оттеснённого иранцами (скифы) в леса Западной России.

В то же время во II в. до н. э. – III в. н. э. на Нижней Висле и на землях к северу от реки Варты и к востоку от устья Одера распространилась *оксывская* археологическая культура. Её население испытывало значительное влияние Латена, располагало множеством оружия и перешло от обряда трупосожжения к преобладанию обряда трупоположения. Принадлежность носителей оксывской культуры всегда вызывала много споров. Тацит говорит о том, что на востоке балтийского побережья в первые века нашей эры жили венеда, а венедами германцы называли славян. Однако нельзя не обратить внимания на то, что многие изделия из металла, принадлежащие оксывской культуре, имеют аналоги на Готланде, Борнхольме и на юге Скандинавии.

Основа населения-носителя *оксывской* культуры формировалась из смешения населения поморской и лужицкой культур, взаимная трансформация которых и дала южнопольскую подклошевую и северопольскую оксывскую культуры со значительным представительством германского этнического элемента (особенно на севере в *оксывской* культуре), но всё же с явным преобладанием гораздо более многочисленного и имеющего глубочайшие корни в центре Европы и на южном побережье Балтики славянского населения.

Связи населения *оксывской* культуры с населением островов Готланд и Борнхольм, полуострова Ютландия (Дания) и юга Скандинавии не могли не быть крайне тесными, ибо с VII в. до н. э. северогерманский этнический элемент начал широкое проникновение не только на побережья Балтики и Северного моря, между устьями Рейна и Эльбы, и не только на пески и холмы Люнебург-

ской пустоши под Гамбургом, но и в устья Вислы и Одера, где ему пришлось столкнуться со славянскими представителями *лужицкой* культуры. Именно это фронтальное наступление германцев, носившее характер могучего шквала, буквально обрушившегося на всё южное побережье Балтики, от устья Рейна на западе до устья Вислы на востоке, и породило *поморскую* культуру на севере Польши и *ясторфскую* культуру на севере Германии, причём время рождения обеих культур приходится на один и тот же VII в. до н. э. Население *поморской* и *оксывской* культур являлось смешанным славяно-германским.

Примером ассимиляции славян германцами является история полабских славян, ведших в течение VIII – XIII вв. н. э. непрерывные войны с германцами за независимость и всё же к XVIII в. практически ассимилированных германцами. И хотя историческая область Лужица (район города Дрездена) сумела сохранить к рубежу XIX – XX вв. несколько десятков тысяч этнических славян лужичей, а земля Восточной Германии буквально испещрена славянскими топонимами, факт ассимиляции остаётся фактом. Однако к востоку от Одера германское этническое, культурное и языковое начало никогда возобладать над славянами не могло.

С другой стороны, влияние германцев и кельтов на славян всегда было достаточно велико, но именно там, где это влияние оканчивалось, и пролегла граница между мирами западного и восточного славянства Европы.

Высадившиеся в устье Вислы на рубеже эр новые германские пришельцы получили в истории наименование готов и гепидов. Именно они оставили на севере Польши археологическую вельбарскую культуру II – IV вв. н. э. Иордан в хронике «О происхождении и деяниях готов» (551 г.н. э.) говорит о том, что готы и гепиды на трёх кораблях приплыли из Скандинавии и высадились в устье Вислы. При этом германцы были вынуждены именно подчинить местные народы. Население, которое пришлось подчинять готам, и было носителем оксывской культуры, родство которого с германцами было весьма условно. Далее Иордан повествует о том, что, когда готское население Нижней Вислы значительно возросло, войско готов, сопровождаемое семьями, двинулось в поход, конечным пунктом которого оказалась страна Ойум (так её называли сами готы), расположенная в степях юга России. Археология отмечает многочисленные свидетельства продвижения на юго-восток от Нижней Вислы предметов *оксывской* и *вельбарской* культур.

Многие предметы вельбарской культуры встречены на Волыни, однако конечным пунктом движения представителей обеих культур Нижнего Повисья были обширные степные районы Северного Причерноморья, где во II – IV вв. н. э. возникла громадная многоэтническая *Черняховская* культура.

Важно иметь в виду и то, что низовья Вислы и Одера в римскую эпоху являлись крупнейшими поставщиками янтаря. По руслу Одера и Вислы через Моравские ворота Карпат на юг Европы текли, в буквальном смысле, янтарные реки. Выгоды обладания столь прибыльным промыслом, как экспорт янтаря, весьма привлекали германцев на берега польской Прибалтики. Во многом этим объясняется общность керамики Силезии (Польша) и севера Ютландии (Дания), где расположена область Vendsyssel.

Переплетение германского и славянского начал на юге Балтики на рубеже эр было весьма глубоким, и если в I тыс. н. э. история и археология фиксируют славянские поселения и даже целые города на острове Рюген и повсюду в междуречье Эльбы и Одера, то на Волыни и в Полесье обнаруживают следы готов и гепидов.

Третьим крупным этническим началом на севере Польши были балты, непосредственные преемники носителей культуры шнуровой керамики на рубеже III – II тыс. до н. э. В эпоху исторических хроник средних веков в бассейне Немана фиксируются балтские народы пруссов, куршей, ятвягов (судавов), также оказывавших определённое влияние на культуры низовья Вислы и Одера.

Говоря о востоке Балтийского моря, Тацит упоминает об эстиях, предках современных эстонцев.

Однако вернёмся к славянам и пути их исторического и культурного развития на рубеже эр и в начале I тыс. н. э.

Во II в. до н. э. славяне, носители *зарубинецкой* культуры, заняли земли на правом высоком берегу Днепра между устьями рек Тетерев и Рось. Отдельные группы славян заняли земли в устье реки Горынь (район города Давид-Городок) и на правом берегу Днепра в районе города Речицы, ниже устья реки Березины. Отдельные поселения славян расположились на берегах рек Сейм и Суда, а также в верховье реки Южный Буг.

В основе сложения этнического состава носителей *зарубинецкой* культуры II в. до н. э. – I в. н. э. в первую очередь лежит западнославянское начало (*лужицкая, подклешевая, пшеворская* культуры), однако в состав восточнославянской общности также

вошли остатки осёдлого населения восточноевропейской лесостепи, являвшиеся потомками в значительной мере оттеснённых в леса и болота Белоруссии носителей *белогородовской* и *чернолесской* культур XII – VII вв. до н. э., смешавшихся с представителями балтской общности северо-востока Европы.

Часть осёдлого земледельческого населения белогородовской и чернолесской культур смешалась со скифами и составила ту историческую общность Среднего и Нижнего Поднепровья, о которой Геродот говорит как о скифах-пахарях, сколотах и борисфенитах. Именно сколоты (скифы-пахари), сидевшие по берегам Борисфена (Днепра), во многом обеспечивали своим хлебом благоденствие черноморских городов греков.

В IV в. до н. э. скифы создали целостное государство в степях Северного Причерноморья со столицей в городе Неаполь Скифский (окраина современного Симферополя) и фактически сами являлись гарантом бесперебойного поступления хлебных транспортов, шедших руслами Днестра, Южного Буга, Днепра и Дона в греческие города в их устьях – Тиру, Ольвию, Танаис. Сложение трёх начал: западнославянского, северного балто-славянского и степного славянско-скифского (сколоты) – и явилось основой *зарубинецкой* культуры II в. до н. э. – I в. н. э., хотя преобладающей составляющей зарубинецкой культуры всё же было западнославянское начало. Это прямое следствие описанного начальной летописью германского и кельтского давления на славян в центре Европы.

На среднем этапе развития зарубинецкой культуры значительно увеличилось число поселений в уже занятых культурой районах и появился ряд новых: на левобережье Среднего Днепра и в нижнем течении Десны. Следует отметить, что влияние культурной традиции Латена не обошло носителей зарубинецкой культуры, которые не были изолированы от непосредственных контактов с кельтами, чьи поселения располагались в Западной Галиции. Нельзя не вспомнить и о том, что в I тыс. до н. э. значительные группы фракийского населения Нижнего Дуная и определённый элемент иллирийской общности Балкан продвигались в район украинской Подолии, где смешивались с носителями белогородовской и чернолесской культур XII – VII вв. до н. э.

На раннем этапе зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье возникло значительное число мысовых поселений, которые вскоре были укреплены земляными валами и рвами. Вершины холмов были увенчаны центральным укреплением, а склоны

холма по периметру были охвачены валом и внешним рвом. На валу сооружался частокол. На окружённой укреплением площадке располагались жилые и хозяйственные постройки, обычно небольшого размера и обязательно с очагом. Кроме того, носители зарубинецкой культуры жили в незащищённых поселениях, расположенных в поймах рек. В бассейне Припяти, среди густых труднопроходимых лесов Полесья, были распространены исключительно пойменные поселения.

Могильники размещали в непосредственной близости от поселений. Господствующим был обряд трупосожжения и погребения праха в неглубокой яме. Есть незначительное число урновых погребений. Над могилами устанавливались знаки, остатки которых сохранились в виде столбовых ям над погребениями.

Керамика зарубинецкой культуры изготавливалась вручную. Помимо местной посуды на поселениях было распространено незначительное количество греческой, римской, а в Полесье и кельтской керамической посуды.

Население *зарубинецкой* культуры главным образом было занято земледелием. В торфяных болотах Полесья найдены деревянные рала той эпохи, хорошо приспособленные для вспашки лёгких земель пойменных долин. Системой земледелия у славян, как и у германцев, служил описанный Тацитом перелог: [*они ежегодно меняют пашню ... и не прилагают усилий, чтобы умножить трудом плодородие почвы*]. Выращивались просо, ячмень, пшеница. Широкое распространение ржи приходится на расширение парового земледелия. Повсеместно была распространена репа. Выращивались также конопля и лён.

В среде ремесленников зарубинецкой культуры были распространены всё те же секреты данной эпохи, что и в центре Европы. Металлургия, ювелирное искусство, ткачество были весьма развиты.

Торговые контакты с городами Черноморья обеспечивали поступление на Средний Днепр значительного потока античных украшений, керамики и монет. В скифских городищах Нижнего Поднепровья обнаружена керамика зарубинецкой культуры. Это указывает на то, что восточные славяне II – I вв. до н. э. торили дорогу легендарному торговому пути из варяг в греки VIII–XII вв. н. э., тем более что город Византия уже развивался в VI в. до н. э. и во II в. до н. э. являлся важнейшим контрольным пунктом в торговых связях Эллады с востоком Европы.

На рубеже эр значительные группы сарматского населения продвинулись на Правобережье Днепра. Прямым указанием на приближение очередной грозы из ковыльных степей Среднего Причерноморья является повсеместное сооружение оборонительных систем на старых и на вновь появлявшихся поселениях зарубинецкой культуры. О серьёзности приготовлений восточных славян I в. до н. э. к отражению набегов с юга говорят подсыпки старых валов новым грунтом, которые, в свою очередь, уже содержат наконечники сарматских стрел.

Около середины I в. н. э. славяне Среднего Поднепровья, носители зарубинецкой культуры, пережили катастрофу, результатом чего явилось рождение позднезарубинецкой археологической культуры I – II вв. н. э., а на практике означало значительный отток сельскохозяйственного населения правого берега Среднего Днепра, жившего между устьями рек Тетерева и Роси, в бассейн среднего течения Десны и в верховья Сейма, Пела, Ворсклы и Северского Донца. Причиной оттока населения из района современного Киева явилось то, что укрепления городищ восточных славян I в. н. э. не сумели защитить от стрел иранских кочевников мирное сельскохозяйственное население.

Отдельная группа носителей позднезарубинецкой культуры I – II вв. н. э. заняла земли в долине реки Соб при впадении её в Южный Буг.

А западные славяне II в. до н. э. – V в. н. э., носители пшеворской культуры, расположенной в верхнем и среднем течении Вислы, Одера, Западного Буга и частично в верховьях Тисы, Днестра и Припяти, в I в. н. э. развивались достаточно спокойно и стрел степняков валы их городищ тучами не принимали. Интересно, что в верховьях Днестра и на западе Волыни в I в. н. э. население пшеворской культуры восприняло значительный элемент зарубинецкой культуры, носители которой, восточные славяне Среднего Поднепровья, уходили от сарматских набегов не только на восток, но и на запад. Тут же, на западе Украины, происходило смешение населения пшеворской культуры с представителями фракийской общности Европы.

В конце II в. н. э. славянское население запада Волыни и Подолии в значительной степени оказалось вытесненным или погибло, и связано это с продвижением германцев-готов, носителей вельбарской культуры II – IV вв. н. э., из районов Нижней Вислы в страну Ойум на севере от Меотийского болота (Азовского моря).

Ряд поселений пшеворской культуры II в. н. э. на западе Волыни и Подолии перекрыт слоем вельбарской культуры, что указывает на долговременный характер перемещения готского войска, обременённого, согласно Иордану, семьями, на юго-восток от Балтики. Однако в бассейне Верхнего Днестра славянские памятники II – III вв. н. э. остались не тронутыми ни готами, ни сарматами. Тут исчезло влияние фракийского мира (липицкая культура I – II вв. н. э.), зато распространилась провинциально-римская культура, выразившаяся в поступлении широкого потока амфор, металла, орудий труда, украшений, типичных для граничащих с римским рубежом по Дунаю и Рейну областей.

Следует упомянуть о том, что в III в. до н. э. значительное число кельтских поселений было расположено в Закарпатье, в верховьях реки Тисы. Около 60 г. до н. э. большинство кельтских оппидиумов, концентрировавших в себе металлургию и иные отрасли производящей экономики эпохи позднего Латена, погибли, как и множество иных кельтских центров в Европе вообще.

В верховьях Тисы (Закарпатье) непосредственными виновниками гибели кельтской культуры являлись фракийцы-даки, объединённые царём Бурбистой. Результатом фракийских завоеваний в Карпатской котловине (Венгрия, Словакия) явилось сложение кельто-фракийского культурного пласта.

В Закарпатье даками была основана крепость над Тисой (район села Малая Копаня).

На землях Западной Украины, к востоку от Карпат, первые кельтские памятники относятся к первой половине IV в. до н. э.

В III – II вв. до н. э. в Прикарпатье и в Северном Причерноморье появились германские народы, сумевшие пробиться от берегов Балтики к центру континента. Источники говорят о германцах-бастарнах и скирах (культура Поянешти-Лукашевка II – I вв. до н. э.) в бассейне Среднего Днестра. Подобное значительное вторжение в бассейн Днестра и Прута кельтов и германцев в IV – II вв. до н. э. стало возможным благодаря ослаблению некогда могущественного скифского государства, располагавшегося в степях между Днестром и Доном. Восточные соседи скифов сарматы, прежде занимавшие территории Нижнего Поволжья и юга Урала (так же, как и скифы, принадлежавшие к иранской общности Евразии), к III в. до н. э. значительно продвинулись к западу и подорвали самые основы скифского могущества на юге Восточной Европы.

Во II – V вв. н. э. на Среднем Днестре (район Киева), на Десне (район Чернигова), в излучине Днестра у города Рогачёва (Гомельская область), в среднем течении реки Десны, в верховьях рек Сейм и Сула возникли селения земледельцев и скотоводов *киевской* археологической культуры.

Традиции домостроения данной культуры близки *зарубинецким* памятникам рубежа эр. По-прежнему господствующим обрядом погребения было трупосожжение на стороне и помещение праха в неглубокие ямы округлой формы, чего в прежних культурах данного региона не наблюдалось. Среди монет, встреченных на поселениях киевской культуры, бронзовые монеты римского императора Геты (209 – 212 гг. н. э.), Феодосия I (379 – 395) и денарий II в. н. э. Областями, наиболее богатыми импортом на территории распространения киевской культуры, являлись районы Киева, Чернигова, Рогачёва и верховья Сейма в районе города Курска.

Этнически носители *киевской* культуры II–V вв. н. э. в основе своей имели *зарубинецкое* восточнославянское население Среднего Поднепровья. Однако во II в. н. э. продолжались процессы продвижения западнославянских народов на восток Европы, и их этническое начало, безусловно, вошло в состав населения киевской культуры. Одновременно шёл процесс взаимного проникновения славянского и северного балтославянского населения, что также не могло не сказаться на известном своеобразии киевской культуры.

Во II – V вв. н. э. на громадной территории, западной границей которой условно служила река Прут, южной – северо-западное побережье Черного моря, северной – леса Полесья и река Сейм, а восточной – верховья Северского Донца, расцвела *Черняховская* культура, являющаяся наиболее ярким проявлением восточноевропейского смешения народов, культур и языков. В древнерусском поэтическом произведении «Слово о полку Игореве», воспевавшем неудачный поход северских князей в степь (1185 г.н. э.), автор говорит о «*веках траяновых*» как о времени наибольшего процветания славян на востоке Европы.

Во II в.н. э. улеглись потрясения, связанные с продвижением к западу от Днестра сарматов, и одновременно прочно установились рубежи Римской империи. В низовьях Дуная и его левого притока реки Прут восточнославянский мир практически сомкнулся с провинциями империи. А на равнинах Северного Причерноморья отсутствовали всегдашние в этих местах степные хищники. Скифы тихо доживали в своих городищах некогда славную историю, а

сарматы, быстро поняв выгоды нового положения, частью продвинулись в центр Европы, а частью занялись мирным скотоводством в степях на водоразделе между Днепром и Днестром. Продвижение германцев на юг Восточной Европы постепенно шло на убыль. Так складывалась уникальная возможность для юга Восточной Европы в установлении устойчивых торговых отношений между экспортёрами хлеба бассейнов Днестра и Днепра и южными импортёрами предметов античного искусства Эллады и Апеннин.

В основе этнического состава носителей *черняховской* культуры II – V вв. н. э. лежали все вышеперечисленные народы, продвигавшиеся на юг Восточной Европы на рубеже эр. В первую очередь это, безусловно, восточнославянская общность Среднего Поднепровья, верховьев Южного Буга и запада Волыни, затем славяне западнославянской группы (*пшеворская* культура).

В состав носителей черняховской культуры, без сомнения, вошли германцы и определённый элемент фракийской общности и, конечно же, скифы и сарматы. Экономические и торговые условия развития и ведения хозяйства на территории черняховской культуры были настолько выгодны, что различные этнические группы Восточной Европы охотнее занялись созиданием, нежели войной и попытками вытеснения соседей. Огромное количество монет IV – V вв. н. э., происходивших из различных центров Римской империи, буквально усеяли территорию, занятую черняховской культурой. Громадное количество амфор с содержащимися в них винами юга Европы буквально наводнили берега. Прута, Днестра, Южного Буга и Днепра. Огромные массы самых различных товаров поступали на пространства юга Восточной Европы во II – V вв. н. э. в обмен на столь же громадные, шедшие в устья рек горы зерна, меха, шкур.

В 375 г. н. э. Волгу перешли гунны, – народ, не принадлежавший индоевропейской общности Евразии и ведший своё происхождение из недр Восточной Азии. Потомками гуннов считают калмыков. Последствия вторжения гуннов на юг Восточной Европы были таковы, что практически в одночасье пересеклись археологические культуры восточных славян – киевская и её северо-восточная соседка колочинская культура, имевшая в своей основе балто-славянское население, Черняховская и даже западнославянская пшеворская культуры. Кроме того, в начавшейся на востоке Европы сумятице погибли давние балто-славянские культуры лесной полосы запада России. Однако первыми, кто принял на себя тяжесть удара дикой гуннской степной стихии, оказались

восточные готы, путь которых отныне пролегал только на запад, в пределы Римской империи.

Продвижение готов в центр и на запад Европы, вторжение гуннов, остановить которых удалось лишь на северо-востоке Франции в 441 г. н. э. благодаря нанесённому им войсками Западно-Римской империи поражению, настолько расшатали громадный, и без того едва сдерживавший на дунайско-рейнской линии поток германцев и славян организм империи, что он не выдержал напряжения и рухнул.

Гул от падения Рима отдавался в Европе долгие столетия, и время это получило название *«тёмных веков Средневековья»*. Центром культуры с падением Западного Рима стал Рим Восточный, названный по имени одного из императоров Константинополем, а на самом деле являвшийся греческим городом Византией.

С падением рубежей Римской империи началась эпоха «великих переселений народов», суть которой свелась к занятию германскими народами возделанных, изобилующих дорогами, благоустроенными городами земель современных Италии, Франции, Британии, Испании и частично севера Африки (район поверженного Римом Карфагена). Славяне же заняли значительные территории центра Европы и Балкан, вплоть до полуострова Пелопоннес на юге. Начиналась новая эпоха в истории Евразии – эпоха средних веков.

Громадные пространства, занятые славянами в V – VIII вв. н.э., оказались охвачены новой археологической культурой Прага-Корчак и Прага-Пеньковка, вбивавшей районы Верхней и Средней Эльбы, Одера, Вислы, значительные районы Среднего и Нижнего Дуная, междуречье Днестра и Днепра и значительные по площади районы на Средней Десне и в верховьях Северского Донца. Этническая принадлежность носителей культуры Прага-Корчак как славянская и даже эталонно-славянская – общепризнанна, однако происхождение охватившей столь значительные территории центра и востока Европы культуры является предметом множества споров и догадок. Прояснению этого вопроса, как уже, наверное, и догадался читатель, во многом и посвящена настоящая книга.

IX. ГИБЕЛЬ ЗАПАДНОГО РИМА. ЕВРОПА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э.

В IV в. до н. э. германские народы вытесняли с земель Средней Германии (район города Майна) кельтов-вольков, и освободившиеся территории были заняты историческими германцами-хаттами и маркоманами.

Мир Эллады впервые услышал о германцах около 330 г. до н.э. из рассказа грека Пифея из Массилии (Марсель), познакомившегося на берегах Гельголандского залива (устье Эльбы и Везера) с германцами-тевтонами. В 113 – 101 гг. до н. э. кимвры и тевтоны совершили эпическое вторжение не только в центр Европы, но и на север Апеннинского полуострова, однако были разбиты силой римского оружия.

В процессе войны с галлами (кельтами) Гай Юлий Цезарь имел серьёзные столкновения с перешедшими рейнский рубеж германцами. Цезарь предпринял ряд походов на земли германцев в междуречье Рейна (Убим) и Эльбы (Альбис). Римский полководец Друзь продвинулся вплоть до бассейна Эльбы и подтянул от Рейна до Эльбы сеть дорог и охранявших их укреплений. После смерти Друза (9 г. до н. э.) отношения римлян с германцами резко ухудшились. Осенью 9 г. н. э. под сенью Тевтобургского леса, покрывающего склоны Везерских гор, германцы во главе с Арминием практически полностью истребили три легиона римлян, находившихся под началом Квинтилия Вара. Так был положен конец продвижению римлян к востоку от Рейна. И, несмотря на то, что римский полководец и консул Германии в 14 – 16 гг. н. э. организовал новое вторжение к востоку от Рейна и нанёс сокрушительное поражение германским народам и их вождю Арминию, – романизация восточнорейнских земель оказалась невозможной из-за повсеместного отторжения её германцами.

Во времена правления императоров Тиберия (14 – 37 гг. н. э.) и Адриана (117 – 138 гг. н. э.) весьма усилилась императорская власть, а вместе с ней на границе Рейн – Дунай выросла линия могучих валов и укреплений, пересекших Европу громадным рубцом от устья Рейна на северо-западе до гирла Дуная на юго-востоке.

В I в. до н. э. в исторических провинциях Норик и Паннония (верхнее и среднее правобережье Дуная) господствовали кельты-бойи, вытесненные германцами из Богемии и Чехии. Однако около середины I в. до н. э. бойи потерпели поражение от фракий-

цев-даков на востоке от Среднего Дуная и прочно удержали свои позиции лишь по реке Лейта (район города Вены), ставшей пограничным рубежом исторического Норика.

Кельты, населявшие Норик на рубеже эр, сколько-нибудь серьёзного отпора Риму не оказали. К 9 г. до н. э. земли Моравии и Чехии, лежащие к северу от Верхнего Дуная, оказались занятыми германцами-маркоманами и квадами. Около середины I в. н. э. равнина, лежащая к востоку от Среднего Дуная (Карпатская котловина), была занята кочевьями сарматов. При этом из левобережной долины Дуная сарматами были вытеснены даки-фракийцы, за столетие до того подчинившие себе в этих местах кельтов. И если поначалу четыре легиона грозной паннонской армии без особого труда сдерживали сарматов, то во II в. н. э. римская провинция Паннония пребывала под непрерывной сарматской угрозой. Марк Аврелий, император, правивший в 161 – 180 гг. н. э., в значительной степени снял напряжение на сарматском участке границы. На протяжении III в. н. э. Рим осуществлял ряд военных походов в глубь сарматских территорий. Однако конец сарматского владычества в Карпатской котловине был связан с появлением в центре Европы готов в первой четверти IV в. н. э. А вскоре сарматы ещё более ослабели от вспыхнувших на их землях восстаний. Около 385 г. н. э. Рим подверг окончательному разгрому сарматов левобережья Среднего Дуная и в дальнейшем нередко использовал их как наёмную вооружённую силу. Римляне селили по границам и германцев, и иранцев (сарматы), стремясь усилить оборону империи от движущейся с востока новой страшной грозы – гуннов. Сарматы, остававшиеся в Карпатской котловине к началу V в. н. э., при приближении гуннов в панике разбежались, стремясь найти укрытие на территории доживавшей последние десятилетия империи.

Узлами римской линии обороны служили города, заселяемые демобилизованными солдатами. При этом интересы местного населения ущемлялись в пользу землевладельцев – выходцев с Апеннин. Во главе римских провинций стояли назначаемые императором наместники. В их ведении находились армия и гражданская администрация, содержащая до нескольких сотен чиновников. Ими осуществлялась местная судебная и исполнительная власть, включая обеспечение внутренней безопасности, функционирование почты, дорог, налоговой и таможенной политики.

Когда около 260 г. н. э. сарматы-роксоланы превратили значительную часть римской Паннонии в груду дымящихся развалин,

в центре Европы, и главным образом в Паннонии, широкое распространение получил культ бога Митры, известного по гимнам Ригведы и Авесты. Население Паннонии принялось строить Митреумы – храмы, посвящённые богу Митре.

Однако с приходом римского императора Константина I Великого (306 – 337 гг. н. э.) христианство возобладавало, и в IV – V вв. н. э. на территории империи развернулось строительство христианских базилик. В 324 – 330 гг. н. э. Константином I Великим город Византия был провозглашён столицей Восточноримской империи, получившей имя основателя – Константинополь.

Римские названия Дуная – Данубице, Дравы – Дравус, Салы – Зала указывают на древность (автохтонность) названий рек и большинства топонимов центра Европы, включая и само название провинции Паннония, имеющих в основе славянскую лингвистическую природу.

После 378 г.н. э. отчасти из-за распада империи на восточную и западную и прекращения денежного обеспечения придунайских областей Римом, но главным образом из страха перед подымавшейся с востока гуннской угрозой, города и селения Паннонии начали пустеть. И лишь города, обладавшие мощными крепостными стенами, продолжали поддерживать полнокровную жизнь былой эпохи. Скрещения кельтских, позже ставших римскими, дорог в центре Европы не позволили пустовать придунайским областям в эпоху великих переселений народов V – VII вв. н. э.

Итак, в 375 г.н. э. гунны под началом вождя Баламира перешли Дон. Одними из первых жертв их вторжения явились населявшие долину Дона аланы (иранцы), частью гуннами перебитые, а частью увлечённые в дальнейший поход на запад в качестве проводников. Король восточных готов Ермених (Германарих) был не в силах противостоять гуннам, и вскоре готы оказались отброшенными к нижнему течению Днестра, где вновь были настигнуты и разгромлены гуннами. Вестготы (западные готы), видя положение своих восточных собратьев, обратились к императору Валентину (376 г. н. э.) с просьбой принять их и с обещанием жить спокойно и оказывать вооружённую помощь империи в отражении внешнего врага. Готам было позволено войти в пределы империи при условии сдачи оружия.

Нашествие гуннов не только пресекло развитие экономических и торговых отношений славянского мира центра и востока Европы (гибель черняховской, пшеворской, киевской, колочинской

культур в V в.н. э.), но и уничтожило древние города-государства эллинов на севере Чёрного моря. Крупнейшим государственным образованием среди них являлось Боспорское царство со столицей в городе Пантикапей (Керченский пролив), бывшее в вассальных отношениях с Римом.

Выше упоминалось о том, что предел гуннскому вторжению в Европу был положен на северо-востоке Франции. В битве на Каталунских полях при городе Труа в 451 г. гунны и примкнувшие к ним германцы-остготы, гепиды и ряд иранских народов потерпели сокрушительное поражение от войск Западноримской империи и поддержавших её германцев-франков, вестготов, бургундов, иранцев-аланов и ряда других народов.

В 453 г. н. э. умер вождь гуннов, одно имя которого наводило ужас на жителей Европы, – Аттила. С его смертью распалось недолговечное государство гуннов в центре Европы.

После того как вестготы обосновались в пределах империи на Балканах (в Иллирии) в 401 г.н. э., их королём был провозглашён Аларих. Вскоре Аларих возглавил поход на Апеннины и опустошил полуостров. В 408 г. Аларих вновь вторгся на Апеннины, в 410 г.н. э. вестготы во главе с Аларихом взяли и разграбили Рим.

После смерти короля Алариха во главе вестготов встал Атаульф. Согласно договору с императором Гонорием (419 г.) вестготы заняли земли в Галлии и образовали королевство. Впоследствии вестготы завладели большей частью Пиренейского полуострова, где создали королевство вестготов Испании. В 453 г. вестгот Вульфила перевёл на готский язык Библию.

В 455 г. Рим подвергся варварскому разрушению германцами-вандалами. Оставшиеся под властью гуннов вплоть до смерти их вождя Аттилы восточные германцы-остготы, герулы, руги, гепиды после 443 г. обрели свободу, и в 488 г. состоялся поход остготов и ругов под началом короля Теодориха на Апеннины, где герул Одоакр в 476 г. положит конец существованию Западноримской империи. На Апеннинах образовалось Германское королевство. В 493 г. Одоакр сдался королю остготов, а полвека спустя королевство остготов было завоёвано императором Восточноримской империи (Византии) Юстинианом.

В 429 г. вандалы перешли на север Африки и основали там свое королевство.

В 568 г. Апеннинский полуостров был завоёван германцами-лонгобардами. Жившие некогда на севере Германии, в между-

речье Везера и Эльбы, лонгобарды в III вв. н. э. перешли на земли к северу от Верхнего и Среднего Дуная и приняли участие в маркоманской войне. После ухода остготов на Апеннины лонгобарды заняли Паннонию, где примкнули к вторгшимся в центр Европы аварам (тюрки, обры начальной русской летописи), разгромили германцев-герулов, уничтожили королевство гепидов и, наконец, основали на Апеннинах королевство лонгобардов, просуществовавшее вплоть до завоеваний Карла Великого.

К началу VI в. н. э. происходившие от германцев-маркоманов, квадов и норисков бавары переселились из Богемии в историческую Баварию.

В V в. н. э. германцы-алеманы, некогда жившие в Бранденбурге, заняли Эльзас и север Швейцарии. В 496 г. алеманы были подчинены франками.

Бургунды, являвшиеся соседями алеманов, продвинулись к юго-западу в верховья реки Майн. В 413 г. Рим уступил бургундам часть земель на левом берегу Рейна, а в 443 г. – Савойю. В бассейнах рек Роны и Соны бургунды создали королевство, которым в 534 г. овладели франки.

Германцы-франки в III в. н. э. занимали земли на Нижнем и Среднем Рейне. В конце V в. франки овладели Галлией и создали франкское государство.

Следует сказать и о германцах-свевах, известных истории ещё с 58 г. до н. э., когда их союз под началом Ариовиста был разгромлен Цезарем. В 409 г. н. э. часть свевов покинула земли в верховьях Дуная и переселилась на крайний северо-запад Пиренейского полуострова. В 585 г. королевство свевов на Пиренеях было завоёвано вестготами.

Таковы некоторые вехи эпохи великих переселений народов Европы V–VII вв. н.э.

Одной из наиболее ярких страниц в истории Европы этого времени явилась эпопея северогерманских вторжений на острова Британского архипелага.

Начиная с 300 г. н. э. германские народы – саксы, юты и англы, жившие в низовьях Эльбы и на полуострове Ютландия, совершили ряд вторжений на острова Британии. Слабеющая Римская империя в 407 г. отозвала с архипелага свои легионы, что во многом облегчило задачу германцев. В 449 г. вожди саксов Хенгист и Хоре основали в Кенте саксонское королевство.

Согласно преданию саксов и англов, их король Кердике в 494г. высадился на юге Англии с экипажами пяти судов и сумел завоевать весь Уэссекс. А в VI в. англы и саксы окончательно сломали сопротивление кельтов в Англии и едва ли не всюду на острове основали королевства.

Спасаясь от германцев, кельты уходили в горы Уэльса, а многие переплыли пролив и поселились в провинции Бретань, на западе Франции. В VI в. значительное число кельтов Британии уже восприняло от римлян христианство, что делало для них абсолютно невозможным соседство с германцами.

Опустевшие после ухода саксов, англов и ютов земли Ютландии (*земля ютов*) в VI в. заняли северные германцы, выходцы с юга Скандинавии, из провинций Сконе и Халланда, даны (датчане).

В VIII в. даны создали королевство на севере Германии и в Ютландии (Дании). Одновременно образовалось королевство данов в Норвегии.

А в 800 г. при конунге Готрике сложилось великое Датское королевство, включавшее Швецию и Данию. При Готрике на южных рубежах королевства данов был возведён оборонительный вал – Даневирке – в провинции Шлезвиг (север Германии) для обороны от империи франков. Со смертью Готрика (810 г.) королевство данов распалось и началась эпоха викингов, продлившаяся около трёх столетий.

Завершая краткий обзор истории германцев, было бы не простительно не коснуться сокровенных преданий народа, изложенных великим германцем Снори Стурлусоном, жившим в XIII в. в Исландии.

Рассмотрим отдельные фрагменты трёх произведений Стурлусона: «Круг земной», «Старшая Эдда», «Младшая Эдда». Трудно привести более яркую иллюстрацию изложенной выше истории индоевропейцев, чем представленная памятью и устами средневековых германцев картина их происхождения – такая, какой они её знали и запомнили в тысячелетиях. То, что подчас не могут или не хотят сказать историки, говорят за них придания народа, не способные на ложь и не поддающиеся какой бы то ни было конъюнктуре.

Снори Стурлусон «Круг земной» (перевод О.А. Смирницкой). Пролог. *«Первый век называется "веком сожжения" (археологическая культура полей погребений XIII – VIII вв. до н. э.). Тогда всех умерших сжигали и воздвигали в их память намогильные*

камни. Но после того как Фрейр был погребён в кургане в Уппсала, многие правители воздвигали в память своих родичей курганы не реже чем надгробные камни. А после того как Дан Гордый, конунг датчан, велел насыпать курган и похоронить себя в нём в облачении конунга и бранных доспехах вместе со своим конём и всей сбруей и разным другим добром, многие его потомки стали делать то же самое, и тогда в Дании начался век курганов, а у шведов и норвежцев продолжался век сожжения». (Мы помним о том, что курганы на западе Европы появляются начиная с середины IV тыс. до н. э. Наиболее яркое выражение этой традиции мы видим в археологической культуре курганных погребений Европы XV–XIV вв. до н. э. Вслед за окончанием эпохи полей погребений Европа вновь пережила курганный ренессанс, последним отголоском которого явилась курганная традиция Древней Руси VIII – XIII вв. н.э.).

Сага об Инглингах

I

Круг [kringla(исл.)] земной, где живут люди, очень изрезан заливами... От этого моря отходит на север длинный залив, что зовётся Чёрное море. Он разделяет трети света. Та, что к востоку, зовётся Азией, а та, что к западу, некоторые называют Европой, а некоторые Энеей. К северу от Чёрного моря расположена Великая, или Холодная, Скифия [Scythia (лат.), Skytia (исл.) созвучно Schweden (нем.) – Швеция] ... С севера с гор, что за пределами заселённых мест, течёт по Скифии река, правильное название которой Танаис [Дон]. Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль. Она впадает в Чёрное море. Местность у её устья называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов. Эта река разделяет трети света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу, – Европой.

II

Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов [Осетия сохранила самоназвание древних индоевропейцев Евразии], или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард [город асов или ограда асов]. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище ... в нём было двенадцать верховных жрецов ... Они назывались диями [deva (Ригведа), daeva (Авеста)].

V

Большой горный хребет тянется с северо-востока на юго-запад [Урал]. Он отделяет Великую Скифию от других стран. Недалеко к югу от него расположена" Страна Турок [Туркмения]. Там были у Одина большие владения [тут придания германцев прямо указывают на северные склоны Копетдага с его городами V – II тыс. до н. э.]... Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа. Он отправился сначала на запад в Гардарики [так северные германцы называли Русь], а затем на юг в Страну Саксов [Саксония]... Затем он отправился на север, к морю и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется Остров Одина на Фьоне [город Оденсе на острове Фюн в Дании]. Затем он послал Гевьон на север через пролив на поиски земель... А. Один, узнав, что на востоке у Гюльви есть хорошие земли, отправился туда, и они с Гюльви кончили дело миром, так как тот рассудил, что ему не совладать с Асами... Один поселился у озера Лег, там, где теперь называется Старые Сигтуны [место в сорока километрах к северу от Стокгольма], построил там большое капище и совершал в нём жертвоприношение по обычаю Асов.

VIII

Один ввёл в стране те законы, которые были раньше у Асов. Он постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом... А пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курганы, а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался.

IX

Один умер от болезни в Швеции... Он сказал, что отправляется в Жилище Богов и будет там принимать своих друзей. Шведы решили, что он вернулся в древний Асгард и будет жить там вечно...

«Младшая Эдда»

«Асы взяли себе в той земле жён, а некоторые женили и своих сыновей, и настолько умножилось потомство, что они расселились по всей Стране Саксов, а оттуда и по всей северной части света, так что язык этих людей из Азии стал языком всех тех стран.» [В этом обзаце объяснены все перепетии истории индоевропейских языков континента и их удивительная близость от Исландии до Индии].

[Следует указать на параллели в ведической и древнегерманской мифологиях, восходящие к эпохе индоевропейского единства].

«Старшая Эдда» Прорицание Вельвы (voluspa – волхв)

19. *Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль*

[Ясень Иггдрасиль – мировое древо, называемое саксами «великим столбом» (igminsul), это прямое соответствие столбу, разъединившему небо и землю, о котором повествует Ригведа.]

«Старшая Эдда» Речи Вафгруднира

5. *Игг [одно из имён Одина] прибыл к владениям Има отца...*

[Има – Yama (Ригведа) – царь мёртвых, указавший людям путь смерти, пребывает на высшем небе.]

«Старшая Эдда» Песнь о Хюмире

15. *Недалеко отъехали,
вдруг полумёртвый
упал на дорогу
Тора козёл:
постромок скакун
охромел неожиданно...*

[В гимнах Ригведы упоминается *aṣa ekarad* – одноногий козёл].

Обратимся, наконец, к славянам эпохи великих переселений народов и попробуем проследить эволюцию сложения средневекового славянского мира Европы.

Иордан (VI в. н. э.) повествует: *«Победив герулов (обитавших на берегах Балтики), Германарик (король готов) пошёл войной на венедов, которые были в делах ратных неискусны, но многочисленны и старались сперва обороняться. Хотя веныды, анты, славяне называются ныне сими тремя разными именами, однако происходят от одного племени. Теперь они за грехи наши везде свирепствуют, но прежде все повиновались германариковой власти. Он также покорил эстов на берегах Германского океана...».*

Тацит (О происхождении германцев и местоположении Германии): *«Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, осёдлостью и жилищами повторяют германцев... Веныды переняли много из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешиими, и при этом с большой быстротой, всё это отмежёвывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне».*

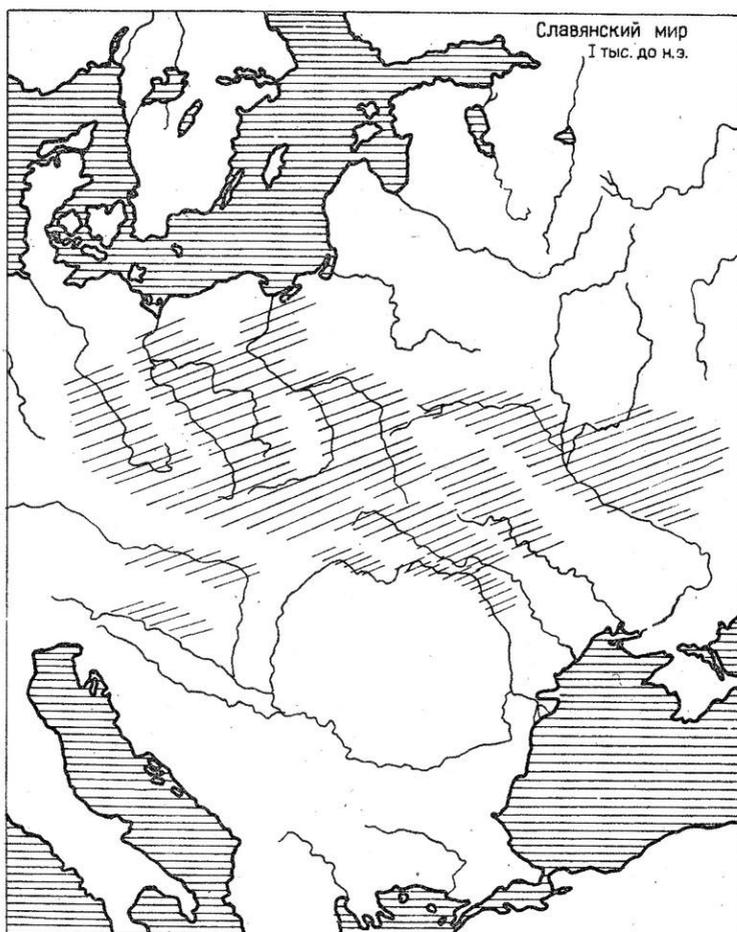
Певкинами Тацит называет население острова Певки в низовьях Дуная, феннами же именует финнов. Согласно Тациту получается, что веныды обитали всюду в центре и на востоке Европы, от Нижнего Дуная на юге до Эстонии на севере. Известно, что финны русских называют венналенами.

О славянах начали говорить и византийские источники середины I тыс. н.э. **Прокопий Кесарийский** (500 – 565 гг.): *«Страны дальнейшие от Чёрного моря к Северу заняты многочисленными племенами антов».* Мы помним, что **Иордан** указывал: веныды, анты и славяне происходят от одного народа. **Прокопий Кесарийский**: *«Анты к западу граничили со славянами, которые жили отчасти близ Дуная, отчасти на самых полуночных берегах его ... они живут в жалких землянках, расселённых далеко друг от друга, причём каждый как можно чаще меняет место обитания».* Прокопий также указывает на зимовку военных отрядов славян к югу от Дуная, в пределах Восточноримской империи.

В состав посольства, отправленного Максимином к Атилле в 448 г, был включён Приск, указавший на присутствие славян в бассейнах Среднего Дуная, Тисы и Тимиша. Левый берег Истра (Дуная) был занят кочевьями гуннов. В 457 город фракиец Маркиан (450 – 457 гг.) муж византийской императрицы Пульферии (450 –

453 гг.) изгнал гуннов из пределов Иллирии.

И вновь обратимся к **Иордану**: «На северной стороне гор Карпатских, от источников Вислы, на пространствах неизмеримых обитает многочисленный народ венедов, которых по разным племенам и местам называют разными именами, но известен под двумя главными : славян и антов. Славяне живут от Нового города, Румунненской области и Музианского озера [провинция Мезия] до самого Днестра, а на севере до Вислы, болота и леса служат им вместо крепостей. Анты же, храбрейшие из обитателей черноморского берега, занимают всю страну от Днестра до реки Дуная».

Византийские источники VI в. указывают северную границу славянского расселения как побережье Балтийского моря. Византийские хроники повествуют о том, что славяне в 495 г. пропустили через свои земли германцев-герулов, разбитых лонгобардами в Карпатской котловине и бежавших к Балтийскому морю. Во времена правления императора Юстиниана I (527 – 565 гг.) славяне прочно утвердились в Дакии и начали войну с Восточноримской империей.

Прокопий повествует о том, что в правление Юстиниана славяне во время вторжений к югу от Дуная убивали или пленили по несколько сотен тысяч жителей пределов империи. В 559 г. отряды славян и болгар приближались к самой столице государства Царьграду (Константинополю). Указывают и на то, что город Эпидавр в Далмации был взят и разорён славянами; при этом лишь немногие жители сумели спастись на неприступной скале.

Поступали славяне и на военную службу к императорам. Источники свидетельствуют о том, что ещё в 536 г. Валериан привёл на Апеннины 1600 славянских всадников. А римский полководец Туллиан доверил славянам-антам оборону Лукании, где в 547 г. был разгромлен король готов Тотила.

В VI в. н. э. в центр Европы, в долину Нижнего и Среднего Дуная, вслед за потерявшими силу и рассеянными гуннами продвинулся союз тюркоязычных племён, получивший название аваров. В **начальной русской летописи** нашествию обров (аваров) посвящён целый абзац, повествующий о жестокости новых завоевателей: *«Примучиша дулебы, суцая словены и насилие творяху женам дулебским: аще поехати будяще обрину, не дадяше впряхи ни коня, ни волу, но веляше впречи три-ли, четыре-ли, пять-ли жен в телегу и повести обрина...»*.

Хроники повествуют о том, что хан аваров Баян разбил антов и убил их посла князя Мезамира. Авары сумели завоевать Моравию, Богемию и даже победить короля франков Ситеберта. В борьбе германцев лонгобардов и гепидов авары приняли сторону первых. Гепиды были вынуждены бежать через земли славян к северу, на берега Балтики, а их победители лонгобарды удалились на Апеннины, где основали королевство. Так во власть аваров попали значительные территории Паннонии и Дакии. К началу VII в. авары господствовали в Далмации, исключая её приморские районы.

Славяне-анты, славянское население Чехии и Моравии и ряда районов Восточных Карпат подпали под власть ханов аварского каганата VI – VII вв. и были связаны обязательством рекрутировать воинов в армию аваров. В 581 г. славяне совершили поход во Фракию и достигли Эллады. Император Восточного Рима Тиверий I (578 – 582 гг.) в это время был занят войной с Персией, давней соперницей Греции. Тиверий I толкнул аварского хана на войну со славянами. Говорят, что ханскому послу **славянские князья** на предложение покорности каганату ответили: *«Кто может лишить нас вольности. Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете»*. Ханский посол был убит, и шестьдесят тысяч аварских всадников вступили в славянские земли. Хан овладел практически всей Дакией.

Хроники передают повесть об отказе северных, балтийских, славян в службе аварскому хану и в помощи в его войне с Византией. Славяне сослались на крайнюю отдалённость их земель от пределов империи и, приняв дары хана, отправили к нему трёх посланников с извинениями и твёрдым отказом. Всё снаряжение посланцев заключалось в гуслях. Хан не отпустил послов назад, и они попали во Фракию и далее, к самому императору. Тот подивился миролюбию, стати и силе северных посланников и возвратил их на родину.

В VI – VII вв. в Азии владычествовали тюрки. Хан их Дизавул жил на Алтае. Гунны, остававшиеся в Азии, находились в зависимости от турецких ханов. Тюрки вели войны с Персией и поддерживали относительный мир с Византией. Авары, в значительной мере вобравшие остатки гуннской этнической волны, оказались данниками тюрков и всецело от них зависели.

В 626 г. аварский хан осадил Константинополь. Славяне были принуждены гибнуть под стенами столицы империи, оставшиеся же в живых были казнены аварами.

Государственно-племенной союз тюрков Центральной Азии, Северного Китая и Средней Азии до реки Амударьи (552 – 745 гг.) в начале VII в. распался на западнотюркский союз, располагавшийся в Средней Азии и уничтоженный около 740 г. арабским вторжением, и восточно-тюркский – в Центральной Азии, разгромленный уйгурами в 745 г. Вместе с крахом тюркского могущества в Азии пошатнулось и пало могущество аварского каганата в центре Европы.

В 633 – 662 гг. вокруг славян Богемии и их вождя Само сложилось объединение западных славян, включавшее и полабских лужичей. Западнославянский военно-политический союз отразил аваров на юге и на востоке и разгромил короля франков Дагоберта на западе. Славяне изгнали аваров из Иллирии и расселились в Кроации, Словении, Хорватии, Сербии, Боснии, Далмации и Македонии.

В VII в. славяне также жили во Фракии, в окрестностях города Фесалоник, в Мизии и даже на полуострове Пелопоннес. Более того, славяне проникли в Малую Азию, во Фригию и далее на восток, вплоть до Сирии.

Князь болгарских кочевников Куврат, господствовавший на побережье Азовского моря, в 635 г. поверг власть аваров на юге Восточной Европы. Третий сын Куврата Аспарух в 679 г. вторгся на занятые славянами земли Мизии и основал Болгарское царство.

Несмотря на страшные поражения, авары на рубеже VII – VIII вв. ещё господствовали на равнинах Паннонии и в долинах Дакии. На западе авары вели оборонительные войны с германцами, а на склонах Восточных Альп боролись со славянами Каринтии и Штирии. Довершили разгром аварского каганата на Среднем Дунае в VIII в. удары франков.

Войны, ведшиеся на рубежах Восточноримской империи славянами, германцами, аварами, арабами в VII–IX вв., свели некогда значительные по площади территории, занятые Юстинианом I (527 – 565 гг.) к гораздо меньшим, расположенным на юге Балкан и в Малой Азии.

В V – VIII вв. сложились исторические славянские провинции: Сербия, Босния, Герцеговина, Хорватия, Словения, Болгария. Земли Фракии с 395 г. входили в состав Восточноримской империи.

С начала VII в. на них осели значительные группы славян. В 681 г. с приходом из степей Поволжья и Северного Причерноморья болгарских кочевников возникло первое Болгарское царство. В 1018 – 1187 гг. Болгария находилась под властью Византии. В 1187 – 1396 гг. существовало второе Болгарское царство, подпавшее в конце XIV в. под иго турок-османов.

Словения, заселённая славянами в VI в., в 623 – 658 гг. являлась частью западнославянского государства, созданного Само. В XI – XIII вв. Словения составляла единую славянскую общность со славянами Каринтии, Штирии и Краины. Вместе со славянскими провинциями Восточных Альп Словения подпала под власть гер-

манских герцогов и с начала XVI в. оказалась включённой в состав Австрии.

В Хорватии с 845 г. правила княжеская династия Трпимировичей, с 925 г. ставшая королевской. Основателем династии являлся князь Трпимир (845 – 864 гг.). Власть Трпимировичей в Хорватии продлилась до конца XI в.

В Чехии в IX – XIV вв. господствовала династия Пржемысловичей. Пржемысл I Отакар (умер в 1230 г.) укрепил королевскую (с 1198 г.) власть в Чехии и в споре с Фридрихом II Гогенштауфеном сумел отстоять независимость Чехии.

Ведущим западнославянским государством второй половины I тыс. и. э. была Великоморавская Держава, включавшая земли Моравии и Богемии IX –X вв. Под эгидой и покровительством великоморавских князей выходцы с юга Балкан, со стыка славянского и греческого миров иноки Кирил и Мефодий в 869–870 гг. сумели добиться независимости епископа западнославянской церкви от германских епископов.

В конце IX в. на мир западных славян надвинулась новая степная угроза в лице пришедших с крайнего востока Европы угров (венгров).

Территория современной Венгрии в VII в. с гибелью Аварского каганата была заселена значительными группами славян. Известно, что в междуречье Савы и Дравы в IX в. существовало славянское княжество. В Паннонии около середины IX в. возникло славянское княжество с центром в районе города Залавар, во главе которого стояли Прибина и его сын и преемник Коцел. В 884 г. князь Великой Моравии Святополк совершил военный поход в глубь Карпатской котловины. В начале IX в. в бассейне реки Залы поселились славяне-тимочане.

В бассейне реки Залы славяне IX в. оставили многочисленные памятники. На речных островах ими строились укрепления, а дороги, идущие по окрестным трясинам, сооружались из брёвен и представляли собой обычные гати. Наряду с валами, окружавшими посёлки, тимочане в IX в. соорудили ряд христианских базилик, аналогии которых располагались в Далмации.

Основная масса славянского населения сосредоточивалась на холмистой окраине Карпатской котловины, центр которой продолжал служить пастбищем для остатков аварского населения.

Опорными центрами славян в борьбе с франками и болгарами на Среднем Дунае являлись городища-крепости, с сопротивлением

которых в IX – X вв. столкнулись и угры (венгры).

Не менее интересна, трагична и сложна история северного крыла западного славянства, а именно полабских славян. В V в. н. э. на западе Европы сложилась держава франков. Граница между германским и славянским мирами пролегла по реке Эльбе (Лабе), к востоку от которой в V в. н. э. жили славянские народы, известные истории под многочисленными именами: венедов (вильцев), лужичей, ратарей, доличан, речан, украин, гаволян, лужицких сорбов и т.д.

Адам Бременский (далее – А.Б.), автор знаменитого "Gesta Hammaburgensis ecclesie pontificum", созданного в 1072 – 1075 гг., подробно описывает страну балтийских или полабских славян и называет её *Sclavania*, *Sclavonia*. Обратимся и мы к его свидетельствам.

На крайнем северо-западе междуречья Лабы (Эльбы) и Одера А.Б. помещает вагров (wagri) и их города: Старград (современный город Ольденбург, что по-немецки означает старый город), Любич на реке Травне (современный город Любек на реке Траве) и Плуна на Плуномском озере (вблизи современного городка Плен).

Восточнее вагров А.Б. помещает славян ободритов и их город Микулин (район современного города Висмар), давший имя земле Мекленбург и Мекленбургской бухте.

К югу от ободритов А.Б. указывает на полабцев и их центр город Ратибор (современный город Ратцебург).

Восточнее полабцев А.Б. помещает глинян (lingones), занимавших земли между рекой Эльде (правый приток Эльбы) до современного города Грабов и рекой Степнице.

Далее к востоку, в районе озёр Плауэр и Мюриц (район современных городов Плау, Мальхов и Пархим), по А.Б. располагались славяне-варны (warnabi).

В бассейне реки Пены находились славянские объединения хижан (chizzni), черезпнян (circipani), доленчан (tholozantes) и ратарей (retheri). Эти четыре народа А.Б. называет вильцами или лютичами (wilzi, leutici) и особо отмечает их храбрость. Городским центром доленчан, согласно А.Б., являлся город Дымин (современный город Демнин при впадении в реку Пену реки Доленицы).

О центре ратарей, городе Радигоше (считают, что он находился у Прильвицкого озера вблизи современной деревни Prillwitz), А.Б. говорит особо: *«Очень многолюдный, гнездо язычества, в нём есть большой храм, построенный в честь богов, глава коих Ради-*

гость, город имеет девять ворот и всюду окружён глубоким озером, сообщается с берегом посредством деревянного моста, по которому пропускают только желающих принести жертву или спросить предсказания».

В бассейне реки Гаволы (река Хафель) А.Б. помещает славян-гаволян (heveloli) и стодорян. Бассейн реки Хафель изобилует славянскими топонимами: города Ратенов, Премниц, Милов и т.д. В бассейне реки Доши (река Доссе), правого притока реки Хафель, А.Б. указывает на славян-дошан.

А.Б. повествует о любушанах и их городе Любуше (возможно, это упоминаемый Титмаром город Libuzua, располагавшийся на месте современного городка Lebusa, впрочем, топонимов со схожим названием в верховьях реки Хафель много: города Левенберг, Либенвальде и пр.).

Острова Волин и Узноим, согласно А.Б. населяли славяне-волянские (wilini) и стодоряне. А.Б. описывает город Волянь (Junne), располагавшийся на южной оконечности острова Волянь, у рукава реки Одры, называемого Дивновы (Divenow): *«При устье реки Одры находится великий город Junne [Волянь], знаменитая пристань, куда съезжаются окрестные народы – варвары и греки [православные]... Он, без сомнения, самый большой из всех городов Европы, в нём обитают славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Саксонские пришельцы также пользуются равным правом сожительства с коренными гражданами, но под условием не обнаруживать, живя там, своего христианства. Весь народ тамошний ещё предан заблуждениям язычества, но, несмотря на то, трудно найти относительно нравов и гостеприимства людей честнее и благодуще. Город богат товарами всех северных народов, имеет всё, чего ни спросишь приятного и редкого. Из него суда в короткий срок ходят, с одной стороны в Дымин [современный город Демнин], с другой – в Семландию, которую обладают пруссы. Сухим путём от Гамбурга или Лабы [Эльбы] достигнешь Junne [Воляни] на седьмой день, а чтобы доехать до него морем, надо сесть на корабль в Шлезвиге или Ольденбурге [Старград], из Junne же, плывя под парусами, на четырнадцатый день приходит к Острогарду, Руси».*

А.Б. повествует о том, что славяне владели и иными островами на Балтике: остров Фембра и остров Ране (Рюген) при устье реки Пены. На острове Ран располагался город Аркона (район современного мыса Аркона на острове Рюген), знаменитый свящи-

лицем Световида. О жителях острова А.Б. пишет: «У славян балтийских закон – в делах общественных ничего не решать и не предпринимать без совета ран – так бояться последних за их тесную связь с богами...».

Адам Бременский говорит, что балтийские славяне составляли союзы: лютичей (хижане, черезпиняне, доленчане, ратары и др.) и ободритов (ободриты, вагры, полабцы, глиняне, варны). После 1066 г. (год смерти славянского князя Готшалка) был составлен единый союз славян, живших в междуречье Лабы и Одера, под главенством ран. Город Аркона был разорён датчанами в 1169 г.

Полабские славяне принимали непосредственное участие в борьбе западнославянского союза Само (633 – 662 гг.) с аварами и франками. Вслед за поражением, нанесённым славянами центра и севера Европы аварам, началась эпоха франко-славянского противостояния. Само нанёс франкам ощутимое поражение при городе Домажлицы. Однако после смерти Само западнославянский союз распался, а вторжения германцев на земли славян продолжались.

Начало покорения германцами земель между реками Эльбой (Лабой), Залой, Одером и берегом Балтийского моря было положено Карлом Великим в 789 г. Покорённые загодя франками земли саксов открыли путь германцам к востоку от Эльбы. Полабские славяне были принуждены платить франкам дань, принять германских поселенцев, сдать свои укрепления и позволить германцам выстроить собственные. Карл Великий взял у славян заложников и принял присягу на верность. После смерти Карла Великого полабские славяне выгнали германцев со своих земель и находились под покровительством князя Великой Моравии Святополка (870 – 894 гг.). Однако с разгромом уграми Великой Моравии полабские славяне лишились могучего союзника в борьбе с германцами.

Средневековые хроники германцев описывают полабских славян как многочисленный, храбрый, выносливый народ, нередко проявлявший воинственность и даже свирепость.

Известно, что в X в. власть у полабских славян от князей перешла к народному вече, решавшему, помимо прочих, дела судебные и военные.

Слабыми местами полабских славян были их разобщённость и беспрестанная взаимная вражда. Несмотря на частые восстания и неоднократные изгнания германцев к западу от Эльбы, императоры Священной Римской империи вновь и вновь принуждали славян к покорности, отдавали их земли в ленное владение баронам, графам

и монастырям.

При польском короле Болеславе Храбром (1002 – 1033 гг.) Лузация (историческая провинция полабских славян, расположенная к северу от Рудных гор и к западу от реки Нейсе) отошла под власть Польши. Несмотря на то, что Болеслав Храбрый выстроил в Лузании крепости и привлёк к управлению областью своих кастелянов, его преемник Мечислав II не смог отстоять Лузацию в борьбе с германцами. Император Конрад II отдал Лузацию во власть своим маркграфам (графы пограничных областей-марок). Восстания 1033, 1035, 1045 гг. не принесли полабским славянам независимости. А германцы всё гуще застраивали их земли новыми городами, церквями, монастырями и многочисленными усадьбами феодалов и колонистов-земледельцев. В XII в. стало окончательно ясно, что полабским славянам своих земель и независимости от германцев не отстоять.

Начался новый процесс, пришедший на смену захватам земель, процесс культурной и языковой ассимиляции германцами западных славян междуречья Эльбы и Одера.

Наиболее яркой в отстаивании славянского своеобразия провинцией полабских славян явилась Лузация. В 1373 – 1635 гг. Верхняя, нагорная, и Нижняя, равнинная, Лузация входила в состав Чешского королевства, что и явилось решающим фактором в выживании её славянской природы. После потери Чехией независимости (1635 г.) Лузация подпала под власть курфюрста соседней с ней Саксонии Иоанна-Георга II и после его смерти была поделена между его сыновьями.

Сами себя лужичи называют сербами (сорбами). Некогда земли их простирались от реки Залы на западе до реки Бобра на востоке, на севере до широты Берлина и на юге до отрогов Лужицких и Рудных гор.

В Саксонии, лежащей к западу от земель лужичей, в 1861 г. славян (венедов) насчитывалось по официальным данным 54 000 человек. Славянских (венедских) деревень в 1880 г. в Саксонии оставалось четыре.

Германцы также называют виндами (венедами) славянское население Штирии, Каринтии и Крайны, областей на восточных склонах Альп (Австрия), славянское население которых в VIII – XIII вв. во многом разделило судьбу полабских славян, подпав под власть баварских герцогов.

Язык полабских славян у германцев, дабы отличить его от польского и чешского языков, получил название венедского, входящего в группу западнославянских языков.

К XV в. ассимиляция славян на балтийском побережье, между устьями Эльбы и Одера, германцами в целом была завершена. Однако ещё в 1751 г. в городе Люнебурге (север Восточной Германии) было проведено богослужение на славянском языке. Последние речи на славянском (венедском) языке на севере Германии умолкли на рубеже XVIII – XIX вв. Однако если на севере земель полабских славян от их языка ныне остались лишь многочисленные славянские топонимы, то на юге судьба венедского языка сложилась по-иному.

На рубеже XIX – XX вв. язык славян-лужичей сохранился на юге Пруссии и части Саксонии. Наречие славян-лужичей делится на верхнелужицкое и нижнелужицкое. Число говоривших по-славянски в Лужиции на рубеже XIX – XX вв. достигало 170 000 человек.

Обратим, наконец, наши взоры на земли восточных славян второй половины I тыс. н. э. События, происходившие на востоке Европы в этот период, явились прологом к истории Киевской Руси, оставившей нам богатейшее литературное и архитектурное наследие.

В начальной русской летописи содержится повествование об основателе исторического Киева – Кие – и о походе, предпринятом им на Царьград (Константинополь). Летопись говорит о том, что Кий был принят в столице империи с честью, и сам император одарил монаршей милостью славянского предводителя. На обратном пути Кий срубил городок Киевец на Дунае, однако местные жители не позволили вновь прибывшим поселенцам прочно обосноваться в их крае и Кий был вынужден возвратиться на Днепр.

Раскопки нижнего пласта раннего Киева подарили исследователям монету византийского императора Анастасия I, правление которого пришлось на 491 – 518 гг. Именно этим временем и принято датировать основание исторического Киева, будущей столицы великой восточнославянской державы – Киевской Руси. К рубежу V – VI вв. следует отнести и поход славянского князя Кия на Константинополь, где Кий *«великую честь принял есть от цесаря»*, что вписывается в общий ход истории славян данной эпохи. Аварский каганат VI – VII вв. на Дунае не мог явиться решающим препят-

ствием в продвижении славян на Балканы и, в конце концов, был буквально смят славянами и франками, оставив в летописях память о жестоких притеснениях и бесчинствах, чинимых обрами (аварами) над славянами.

Видимым свидетельством широчайшего расселения славян в центре и на востоке Европы в V – VII вв. явилась археологическая культура, условно делящаяся на северо-западную пражско-корчакскую и на юго-восточную пражско-пеньковскую группы.

Территория, занятая славянами в центре Европы, как отмечалось выше, охватывала верхнее и среднее течения Эльбы, Одера, Вислы, выходила к Дунаю в районе Вены и Будапешта и занимала значительные пространства в бассейнах притоков Среднего и Нижнего Дуная: реки Сава, Драва, Тиса, Прут. На Балканах в V–VII вв. славяне заняли громадные территории исторических Болгарии, Словении, Хорватии, Сербии, Боснии, Герцеговины и Македонии, включая значительное славянское расселение в самой Греции и в Малой Азии.

На востоке Европы культурой пражско-пеньковской группы в V – VII вв. были заняты земли в бассейне Нижнего Дуная, во всём бассейне Днестра, на Среднем и Нижнем Днепре и по его притокам, на Нижней и Средней Десне и в верховьях Северского Донца.

Славяне V – VII вв. являлись главным образом земледельцами и скотоводами и для поселений выбирали плодородные, богатые разнотравьем долины рек. Поселения славян формировали кусты, состоящие из расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга селищ, число которых редко превышало четыре. Расстояние между соседними кустами селений в среднем не превышало 3 – 5 км. Однако число селений в иных кустах превышало десятков.

Основным типом жилища пражско-корчакской группы поселений были наземные срубные дома, с печью-каменкой или глиняной печью в центре или в углу помещения. Внешне печь имела прямоугольную форму, внутри располагалась полуовальная топка. В бассейнах Днепра и Днестра наряду с наземными срубными жилищами были нередки полуземлянки, имевшие в основании прямоугольный котлован глубиной от 0,2 до 1 м и площадью в среднем 3×4 м. Стены жилища складывались из брёвен, иногда из плах и промазывались глиной. Полы устраивались либо земляные, либо дощатые. Печи обычно клали в углу помещения, напротив входа.

В VI – VII вв. отдельные типично славянские наземные срубы с печью или очагом в углу или в центре помещения возникли в Пскове, в Старой Ладогe (VIII в.), в бассейне реки Меты (Золотое Колено VIII в.). Значительно больше славянских поселений данной эпохи отмечено в бассейне Западной Двины, во всём бассейне Днепра, в верховьях Оки и Северского Донца. Однако наиболее густо населённым славянским районом Восточной Европы являлся бассейн Верхнего и Среднего Днестра и среднее течение Южного Буга.

Хроники Европы и Передней Азии говорят о морских походах славян в VI – VII вв., ладьи которых бороздили воды Чёрного, Эгейского и Средиземного морей.

В VI – VII вв. верховья Днепра, Западной Двины, Березины, Немана и Вилии были заняты смешанным балто-славянским населением, носителем археологической культуры Банцерович-Тушемля. Именно эта территория в IX – XIII вв. оказалась занята славянами-кривичами, о которых летопись говорит как об отдельной группировке славян, отличной от соседних славян новгородских, полочан, древлян, дреговичей, вятичей, радимичей, полян и северян.

В бассейне реки Великой (приток Чудского озера) и в верховьях Ловати и Западной Двины в VI – VII вв. распространилась культура длинных курганов, носителями которой являлись псковские кривичи.

Обычай создания длинных курганов в индоевропейском мире был распространён издревле и широко бытовал в Британии и Польше ещё в III – II тыс. до н. э. Длина расположенных по линии восток-запад курганов увеличивалась за счёт новых захоронений и подсыпки земли сбоку от уже существовавшего кургана.

Крайней на северо-востоке Европы славянской общностью в VII в. явились создатели сопок и длинных кураганов в бассейнах рек Ловать, Мета, Волхов.

Продвигавшиеся в леса Восточной Европы славяне V – VIII вв. смели со своего пути городища балто-славянской культуры Банцерович-Тушемля на Верхнем Днепре, и подобная же участь постигла в VII в. дяковскую культуру, расположенную в междуречье Оки и Волги и в основе своей имевшую балтский, финский и славянский субстраты I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

В VIII – X вв. в бассейне Верхней и Средней Оки сложилась роменско-боршевская культура, носителями которой являлись исторические славяне-вятичи, по словам летописца, пришедшие в центр России из Польши и далее других славянских объединений востока Европы оберегавшие независимость от власти князей Рюриковичей.

В VIII в. сложились и окрепли многие центры Восточной Европы, в дальнейшем сыгравшие видную роль в её истории.

В VIII в. возникли укрепления Изборска (район города Пскова), Старой Ладogi, Гнездова (центр, расположенный на волоке из Днепра в Западную Двину, находящийся в 10 км западнее

Смоленска и явившийся его предтечей), ранний Муром, поселение Тимерево (район Ярославля), Сарское городище, центр-крепость Хотомель в низовьях реки Горынь, ставший прообразом будущих военных городов-лагерей, спутников столиц крупных княжеских уделов Руси IX – XII вв. В VIII в. словене новгородские, шедшие из Приильменя, зеселили Верхнее Поволжье и проникли на берега Белого озера.

Восточные хроники говорят о том, что в 757 г. арабский полководец Мерван пленил на берегах Дона 20 000 славянских семей. Под 786 г. хроники повествуют о том, что князь словен новгородских Бравлин взял город Сураж (Судак) в Крыму. Кроме того, около того же года руссы совершили вторжение в Малую Азию (Анатолию).

В IX в. восточнославянская держава окрепла настолько, что греки-византийцы в 834 г. выстроили на Дону крепость Саркел (Белая Вежа), дабы укрепить военное могущество Хазарского каганата в противовес возрастающей силе руссов. О реальности русской угрозы Константинополю говорит хотя бы тот факт, что под 844 г. европейские хроники повествуют о высадке руссов на Пиренейском полуострове, в Севилье.

В IX в. славянские очаги в Пскове были заменены печами, а словене новгородские, новым мощным потоком переселенцев, заселили берега озера Неро, чем было положено основание Ростову Великому. В IX в. плодородные земли владими́ро-суздальского ополья покрылись множеством славянских курганов. В IX в. расширился древний Киев, складывался Чернигов, строилась каменная крепость в Старой Ладогe. Одновременно вокруг городов росли посады.

В IX в. берега Волги, Днепра, Западной Двины, Волхова-Ловати и ряда их притоков вобрали множество кладов восточных монет. Русские купцы проникали на рынки Багдада, Рея (север Ирана), Балха (северо-запад Афганистана).

Вместе с развитием торговли в VIII – IX вв. шло значительное расслоение общества по доходам и сословным группам. Существовавшая и ранее знать возвышалась всё более над земледельцами и ремесленниками городских пригородов и сельских общин. Аристократия формировала дружины, расселяя их вблизи городских центров в особые лагеря, подобные Хотомелю и Шестовицам вблизи Чернигова.

Одной из особенностей ранней истории Киевской Руси явился обычай насыпать курганы над трупосожжениями, совершёнными либо на стороне, либо на подкурганной площадке. Сама по себе курганная традиция погребений у восточных славян абсолютно естественна и является прямым продолжением древних индоевропейских обычаев предыдущих тысячелетий. Однако начиная с XIII в. до н. э. (эпоха полей погребений XIII – VIII вв. до н.э.) в осёдлой среде индоевропейского населения Европы курганы над погребением стали практически исключительно привилегией знати. Подавляющее же большинство погребений Европы в I тыс. до н. э. и в первой половине I тыс. н.э. представляло собой грунтовые ямы, содержащие либо урну с пеплом, либо прах умершего. Чем вызван столь яркий расцвет древних курганских традиций у восточных славян V – XIV вв. н. э.?

Славянские курганы явились последним видимым символом уходящей языческой духовной традиции индоевропейцев Евразии, а вместе с ней культуры и целостной философии жизни, важнейший смысл которой, переданный в гимнах Вед, выражается в одухотворении всего сущего, будь то слово или лесной источник. Возможно, курганы восточных славян столь широко распространились из-за значительной подвижности населения, в течение одного столетия занимавшего территории, сопоставимые с иными материками. Отчасти курганная традиция рубежа I – II тыс. н. э. на Русской равнине связана и с тем, что восточное славянство в значительной мере вобрало и ассимилировало остатки иранского степного мира евразийской степи. Однако главной причиной расцвета курганной традиции на Руси явился последний ослепительно яркий сполох древней индоевропейской религии, родиной которой являлась Великая Степь, раскинувшаяся от Днестра до Алтая, а курганы всегда оставались её неотъемлемой и видимой составляющей.

Период истории славян, охватывающий VIII – XIII вв. н.э., описан большим числом древнерусских, германских, византийских и арабо-персидских памятников и требует отдельного серьёзного исследования, что выходит за рамки настоящей книги. Объём материала, повествующего о славянах раннего средневековья, столь безбрежен, что требует предварительного описания славянских земель V – XIII вв., обозрения расселённости отдельных славянских союзов, и лишь это позволит осветить историю славянства средних веков во всём её многообразии и глубине.

Цель настоящей книги состоит в том чтобы показать древнейшие корни славянства как части индоевропейского мира континента V – I тыс. до н.э. Осознав пути развития индоевропейского мира Евразии, отследив важнейшие вехи его древнейшей истории, поняв целостность его языкового, культурного и этнического многообразия, можно увидеть славянство как центр всего евразийского сообщества индоевропейцев, включающего на крайнем западе германский, а на крайнем юго-востоке индо-иранский миры.

Рождение славянства так же органично, как и сложение на северо-западе Европы мира германцев, на западе кельтов, а на юге латинов и эллинов. Однако разницей в развитии отдельных общностей западного крыла индоевропейцев является то, что именно славяне, расселившиеся от верховьев Дуная и Эльбы до устья Амура, явились прямыми преемниками индоевропейцев, населявших эти земли в V – I тыс. до н.э. Земли, ныне населенные славянами и поименованные Россией, а ранее Русью, породили древнейшие религии планеты, привнесённые индоевропейскими кочевниками в III – I тыс. до н.э. в Малую Азию (хетты), в Индию (арии – создатели Ригведы), в Иран (арии – создатели Авесты).

Индоевропейская общность бассейнов Днепра, Дона, Волги, юга Урала, Сибири и равнин Средней Азии на протяжении V – II тыс. до н.э. служила генеральным источником множества вторжений в Европу предков будущих кельтов, германцев, латинов, эллинов, балтов, славян, уходивших в противоположную сторону от своих сородичей, устремлявшихся на юг в Переднюю и Малую Азию и Индию. Как раз этой древнейшей общности индоевропейцев Евразии (от Среднего Днепра до юга Сибири и Турана) V – II тыс. до н.э. и наследуют славяне, и в первую очередь её восточная русская группа. Именно этим и объясняется величие русской души, культуры и языка, вобравшего в своё лоно всё богатство языков кельтов, германцев, латинов, греков и ведических и авестийских арийцев.

Волею судеб славянство оказалось ближе древнейшему стволу индоевропейского древа Евразии. Этим объясняется известный консерватизм славянства вообще и восточного славянства особенно. Подчас не осознанное разумом следование устоям и традициям, возраст которых насчитывает не менее семи тысячелетий, всякий раз заставляет славянство выправлять не только изломы в собственной эволюции, но и развязывать трагические узлы в развитии всего индоевропейского сообщества планеты.

Венцом и идеалом земной жизни славянин считает **пра-вед-ность**, то есть следование древнейшему знанию – закону (Веды) нравственности, данному людям Богом. Мало изменилось на просторах России за последние четыре тысячи лет понимание её населением смысла земной человеческой жизни.

Господь хранит Россию, ибо аскетизм, консерватизм и нравственная чистота её простого народа являются залогом настоящей и будущей жизни и вожденной праведности великой общности индоевропейцев планеты Земля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя предварительные итоги в исследовании индоевропейской истории евразийского континента и места славянства в развитии этнического, языкового и культурного древа индоевропейского мира, следует сказать о том, что сила славян, стойкость и мощь их языка, глубина культуры и срединное положение на континенте (от Восточных Альп до устья Амура) проистекают из восприятия славянством большинства крупнейших культурно-этических явлений, происходивших на континенте в течение V тыс. до н. э. – II тыс. н. э.

Славяне центра и востока Европы восприняли и поглотили не только множество переселений индоевропейских кочевников, шедших в Европу из степей Средней Азии, юга Сибири, Урала, из низовьев Волги, Дона, Днепра в V тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Славяне явились непосредственными преемниками культур осёдлого индоевропейского населения центра и востока Европы: днепро-донецкая культура V – IV тыс. до н. э., культураворонковидных кубков IV – III тыс. до н. э., культура шаровидных амфор III тыс. до н. э., культура шнуровой керамики III – II тыс. до н. э., унетичская культура первой половины II тыс. до н. э.

Завершающим фактором в окончательном формировании славянской и иных индоевропейских общностей Европы явились крупнейшие вторжения ведических и авестийских индоевропейских кочевников Великой евразийской степи II – I тыс. до н. э., привнесших древнейшие традиции осёдлой цивилизации Передней Азии и юга Туркмении в Европу: культуры курганных погребений XV – XIV вв. до н. э., тшинецко-комаровско-сосницкая XV – XIII вв. до н. э.

Процесс оседания индоевропейских кочевников в Европе ознаменовался рождением лужицкой культуры XIII – VIII вв. до н. э. и общеевропейской экспансией народов носителей культурной традиции полей погребений или погребальных урн, что практически довершило сложение устойчивых индоевропейских общностей в Европе.

Вторжение иранцев (киммерийцы, скифы, сарматы) в Европу сместило центр развития металлургии, а вместе с ней и всей производящей экономики из района Карпатской котловины к западу под защиту горных отрогов Альпийского массива.

Таким образом, в первой половине I тыс. до н. э. продолжался процесс кристаллизации ранее обособившихся этнических кельтов, германцев, латинов, эллинов, фракийцев, иллирийцев, славян, балтов, иранцев классической истории Древнего мира.

Растущие численно и возвышающиеся экономически кельты принялись теснить славян в бассейне Верхнего Дуная в VI – III вв. до н. э.

Практически одновременно – германский мир севера Европы принялся теснить славян на Балтике.

В то же время скифы (VIII – VII вв. до н. э.) вытеснили восточноевропейское осёдлое население Среднего Днепра и Днестра к северу, в леса и болота Западной России, где произошло смешение восточных протославян с балтами и отчасти с финнами. Однако вскоре лесостепи между Днестром и Средним Днепром вновь оказались заселены теснимыми в центре Европы славянами, названными Геродотом сколотами или скифами-пахарями (известно, что настоящий скиф пахарем не являлся).

К рубежу эр поток западного славянства на земли восточноевропейской лесостепи всё возрастал и принял, наконец, форму широкой славянской миграции, породившей зарубинецкую культуру II в. до н. э. – I в. н. э. в Среднем Поднепровье.

Сарматский напор на равнины юга России в I в. н. э. опрокинул славянскую оборону по рекам Рось и Средний Днепр и вновь принудил осёдлых земледельцев искать спасения отчасти в северных лесах, отчасти на Верхнем Донце, Днестре, Южном Буге и на Нижней и Средней Десне.

Подошедшие на рубеже эр к гирлу Дуная границы Римской империи вновь обеспечили нарушенное сарматами поступление славянского хлеба к устьям Днестра, Днепра и Дона. И расцвела не сравнимая с предыдущими по обилию античного импорта и монет черняховская культура II – IV вв. н. э. в междуречье Днепра, Днестра и Прута, эпоха которой названа автором «Слова о полку Игореве» «веками трояновыми» и охарактеризована как время исключительного процветания и благоденствия славянства.

Вторжение гуннов и последовавшая гибель империи Западного Рима вновь подорвали связи славянских земледельцев с центрами Средиземноморья и городами эллинов в устьях восточноевропейских рек-артерий Дуная, Днестра, Днепра, Дона. Но вместе с тем именно в V – VII вв. н. э. (культура Прага-Корчак) славяне сумели взломать дунайскую линию обороны Восточного Рима

(Византии) и овладеть едва ли не большей частью земель на Балканах. Нашествие аваров (обров) лишь подстегнуло процесс заселения славянами Правобережного Подунавья.

А старый конфликт славян и германцев в бассейнах Эльбы и Одера в VIII – XII вв. принял характер затяжной войны и последующего растворения полабских славян в среде надвигавшегося германского этноса.

На востоке Европы V – IX вв. шел активный процесс заселения и освоения славянами земель исторической Руси эпохи Киева на Русской равнине, в бассейнах Верхнего Днепра, Дона, Западной Двины, Волги, Ловати и Волхова, реки Великой, Белого, Ладожского и Онежского озер. Складывалась историческая славянская общность востока и центра Европы средних веков.

На протяжении ряда тысячелетий (V тыс. до н. э. – II тыс. н.э.) леса и болота бассейнов Припяти, Верхнего и Среднего Днепра, Вислы, Одера, Эльбы (Лабы) да поросшие непроходимыми зелёными чащами отроги Карпат и Восточных Альп хранили в своих чистых первородных недрах будущую великую общность Евразии, всякий раз надёжно укрывая её от губительных смерчей беспрепятственно подымавшихся в бескрайней степи, и от жестокого наступательного прессинга кельтской и германской общностей запада и севера Европы.

Германцы, сформировавшиеся на юге Скандинавии, на полуострове Ютландия и на самом севере Германии, в течение по крайней мере тысячелетия (XII в. до н. э. – I в. н. э.) имели возможность сложиться как устойчивый культурный и языковый этнос, при этом была гарантирована защита от внешних вторжений (чего нельзя сказать о славянах) водами Балтики и Северного моря.

Покой и устойчивость кельтской общности крайнего запада Европы гарантировали Альпы и воды Атлантики. Латины, исторической родиной которых являются Апеннины, также были защищены самой природой от внешних вторжений с севера Альпами и водами Средиземноморья с востока, юга и запада. Эллины сложились как историческая, культурная и языковая общность на крайнем юге Балкан и в значительной степени были окружены морями и горами. Балтов защищали непроходимые леса Восточной Европы. Участь исторических фракийцев и иллирийцев была предрешена ходом бурных событий I тыс. н. э. Следы их развития – в громадных царских курганах, в многочисленных городищах, в погребённых под толстыми слоями земли руинах городов, в об-

рывках надписей и в многочисленных топонимах да свидетельствах античных историков. Им негде было укрыться от губительных смерчей гуннских и аварских вторжений.

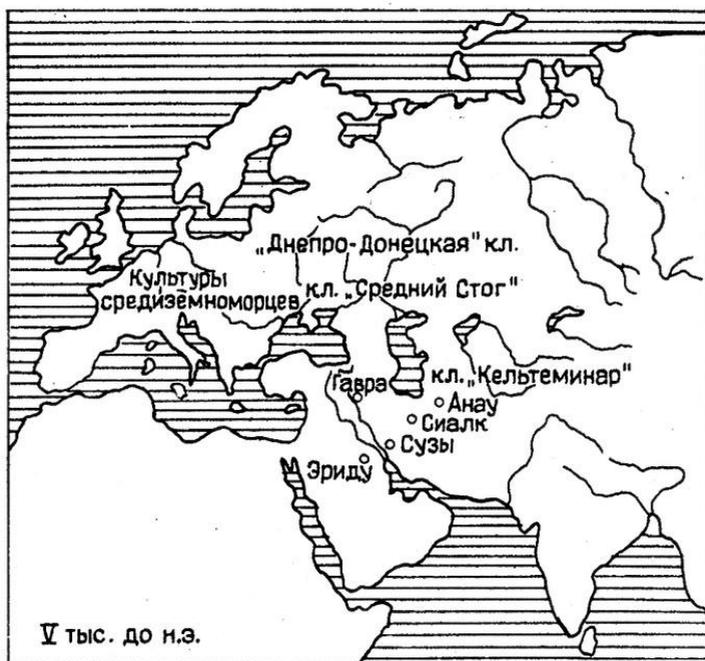
Дунайская долина центра Европы являлась для славян тем же, чем и степи Северного Причерноморья на востоке Европы. Всякий раз, как новое вторжение сотрясало континент, индоевропейские предки славян покидали берега Голубого Дуная и Нижнего Днестра и скрывались в лесах Карпат, Прибалтики и запада России. И всякий раз, как вторжение теряло силу, славяне вновь спускались на равнины юга, в долину Дуная и на север Причерноморья и ассимилировали пришельцев, поглощая их в силу превосходства собственного языка, культуры и уровня развития производящей экономики.

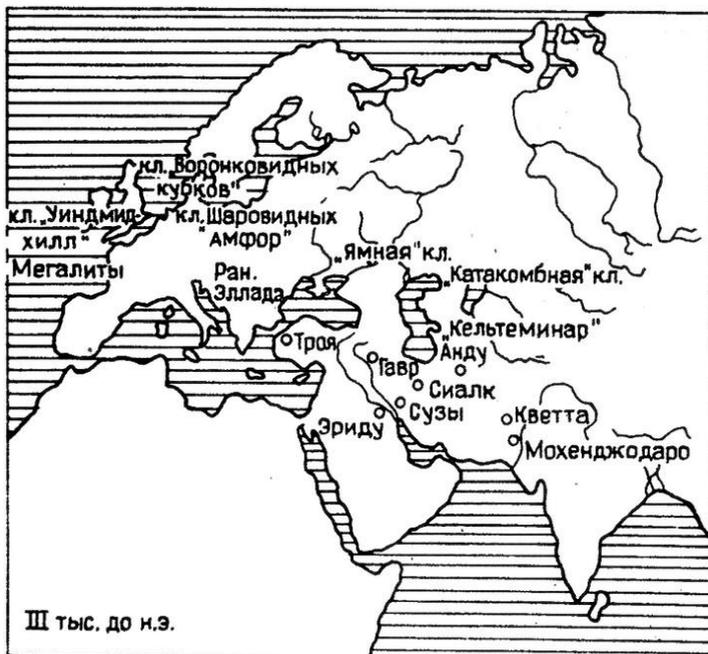
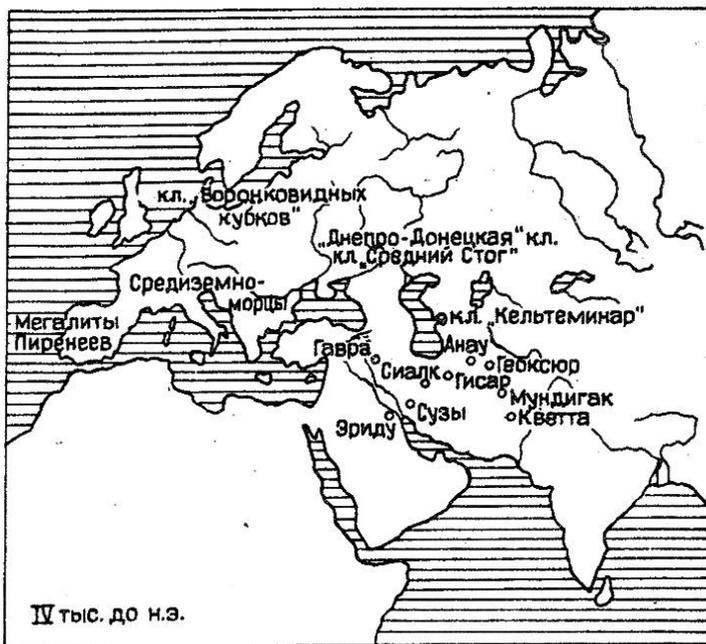
Вбирая различные языковые, культурные, этнические субстраты, славянская общность Европы обрела, наконец, такую мощь и устойчивость культуры, языка и этнического типа, что обладание славянами громадными территориями материка было просто предопределено гибкостью и стойкостью в отношениях с окружающими народами.

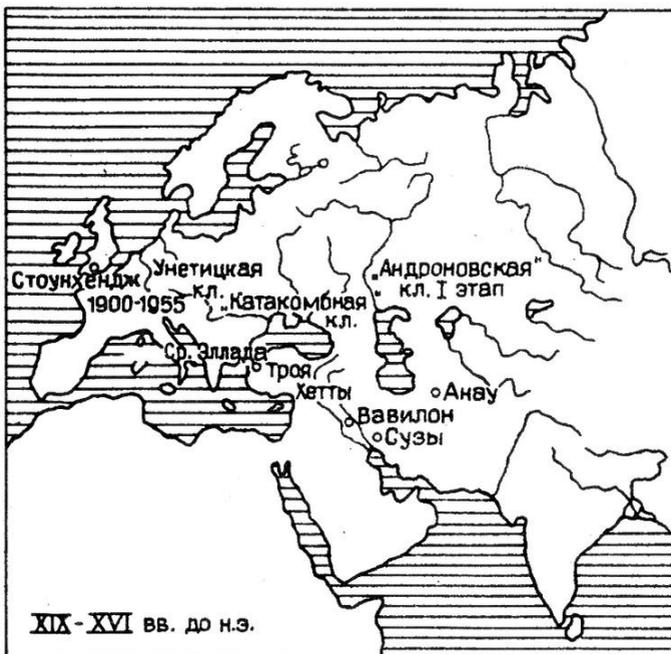
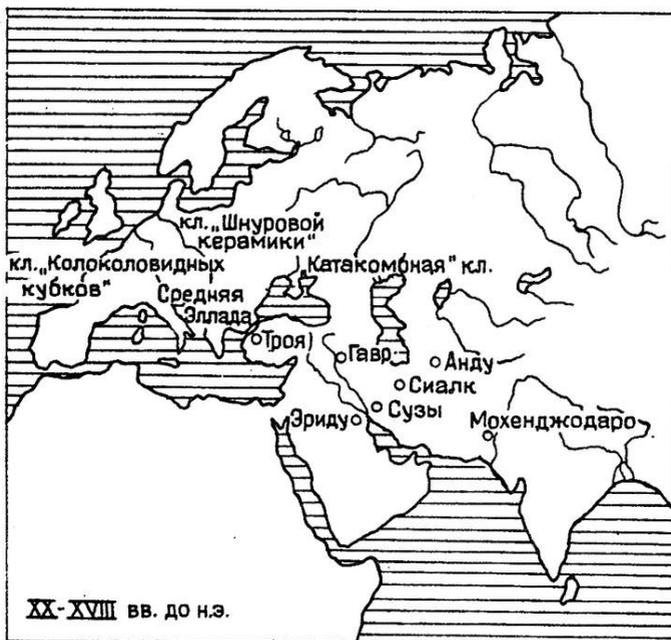
Видимая податливость и уступчивость славян, их терпимость к иным культурам и народам есть плод тысячелетий беспрестанной череды столкновений и побед славян над вторгавшимися в их среду завоевателями. Врождённая широта и певучесть славянской природы, её бесшабашность и подчас не знающая границ удаль также явились результатом тысячелетнего осознания славянами громадности своих земель, неисчерпаемости и неохватности богатств и неосознанной уверенности своего превосходства, обретённой во многом благодаря безбрежности внутренних и внешних ресурсов как самого славянского мира, так и его бескрайних территорий.

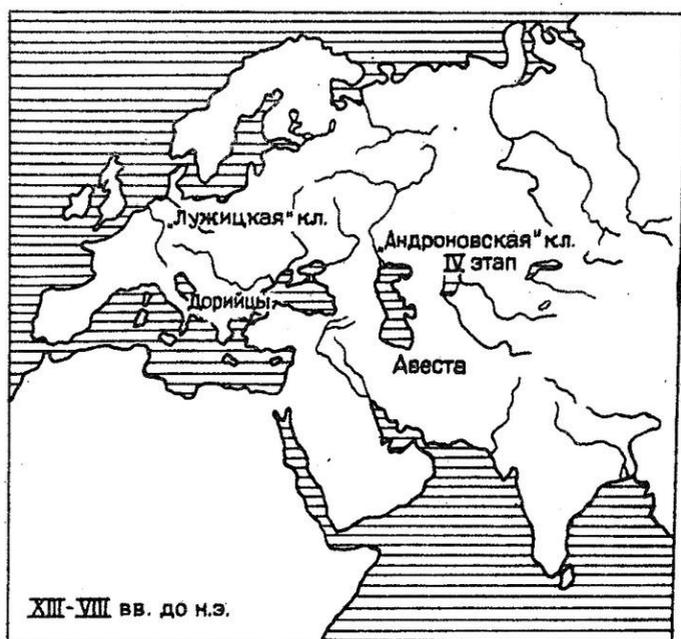
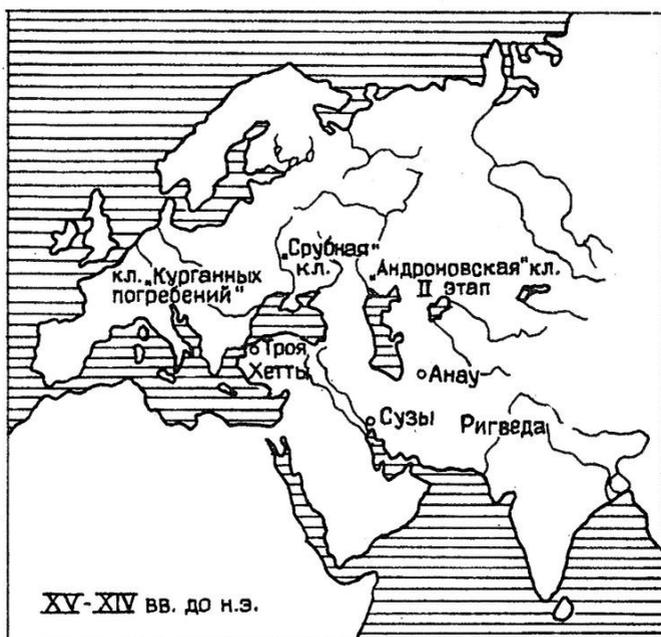
Схематически изложенную выше историю континента можно, с известной степенью достоверности, отобразить приведённой таблицей (Таблица 17), дающей представление об этапах эволюции различных общностей индоевропейцев. Однако следует оговорить, что носители различных археологических культур Евразии двигались не только во времени, но и в пространстве и постоянно захлестывали друг друга, при этом наиболее сильный субстрат преобладал над слабым и в их борьбе рождался новый этап развития (три этапа развития Эллады).

Из таблицы хорошо видно, что различные стадии климатического кризиса, поразившего долину Турана и степи Евразии, раз от разу приводили к вторжениям одновременно и в Европу (культура шнуровой керамики рубежа III–II тыс. до н.э.), и в Малую и Переднюю Азию (хетты рубежа III – II тыс. до н.э.), позже вновь в Европу (культура курганных погребений середины II тыс. до н.э.) и в долину реки Инд (арийские кочевники середины II тыс. до н.э., привнёсшие Ригведу в Индию) и, наконец, снова в Европу (оскудение археологической срубной культуры и вторжения киммерийцев и скифов в Европу) и на юг Средней Азии и в Иран (варварская оккупация XIII – XII вв. до н.э. юга Средней Азии арийцами-последователями Зороастра). Одним из преимуществ таблицы (Таблица 17) является возможность анализировать то, как ветвилось языковое древо индоевропейцев, и понять степень и глубину единства его западного и восточного стволов. В XV – X вв. до н. э. произошло окончательное обособление индоевропейских общностей Евразии: кельтов, латинов, германцев, славян, балтов, иллиров, фракийцев, греков, иранцев и ведических ариев Индии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1
 Основополагающие глагольные формы,
 составившие остов языка, выделившегося из праязыка

Швед-ский	Немец-кий	Латин-ский	Греческий	Литов-ский	Н.-лужи-цкий, в.-лужи-цкий	Поль-ский	Русский	Авеста [иран-ский]	Древне-индий-ский
stalla stanna	werden	sisto			stanus, stanys	stac	стать		stha
satta sig	sich sitzen	sido		sodinti	sajis, sadzic	sadzic	садиться	sad	sad
	beben zittern	trema	τρέπω	trepu- mas	trepjetac	trzepi- otac	трепетать		vip
ge giva	geben	dato dare datum	δοῦναι	dovana	dewas, dawac	davati	давать	davoi	dhi
ga	fahren	eo			jezdzu, jezdzu	jezde	ездить идти		yu yos
ata	essen	esito	εστι	esti		jest	есть	asti	asti
torka	trock- nen	sicco					сушить		cus
se	sehen	spicio					смотреть		ci
		video		veizde- ti	widzec	widze	видеть	vista	vi
sta		sto					стоять		stha
	gehen	ito itus	εισι	eiti	du, idu	ide	идти	aeiti	eti gam
mata	messen mitan	metor modius	μεδμνοζ	mieryti		mie- rzyc	мерить		ma
		torno	τεχτων	tasyti	cesac	ciosac	текать	tasaiti	taks
skriwa	schreib malen	pingo skribo		piesiu	pisas	pisac	писать скрести	paesa	pimcati
tala saga	sagen spre- chen	oro	ροοζ	gauju	howrio	gwar	говорить орать сказать толковать		gavate
bugga uppfora		struo			tsojs, trojic	stroic	строить		
rasa	fallen	ruo				ruszyc	рушить		
ske vara	sein be (англ.)	sum		buti	bus	byc byc	быть су- щество- вать		bhu
suga	saugen	sugo				ssac	сосать		dhayati
alska tycka	lieben	zelo			lubis	lubic	любить зело		lubhyati
hora	hören spuren				sluchas, slusec	sluchac	слышать		cru
							торить		turah

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, в.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
dricka	trinken	bibo	πινω		pis, pic	pic	пить		pa
veta	wissen	veta			wjezes, wjedzec	wiedzies	ведать знать	vaeda	veda vid
skina lysa	scheinen leuchten			sviesti	swesis, swiecic	swecic	светить	spaeta	vas
							полнить		pra
valja							выбирать		var
	hlifan (гот.)	clepere	χλεπω				красть		
	weben weban д.в.н.		υφαίνω				вить		vabhi
		pinso	πιισω				толочь пихать		pish
skjutsa		veho		vezu	wjasc, wjasc	wioze	везти	vazaiti	vah.vesi yu, yos
draga slapa	ziehen	tendo	τεινω		segas	clagnac cahac	тянуть	tanay- eiti	tan

Таблица 2
Основные работы по выращиванию, сбору и обработке урожая

Швед-ский	Немец-кий	Латин-ский	Грече-ский	Литов-ский	Н.-луж-ицкий, В.-луж-ицкий	Поль-ский	Русский	Авеста [иран-ский]	Древне-индий-ский
ploja aradar (кельт.)	aran eren	orari aratrum ago	αροω το βρωμα	arti	pachas, worac	orac	орати пахать		krs
sa	saen besaen	sero sato semino	σπορά σπειρειζ	seti isseti	ses, syc	siac	сеять		yavam
satta					sajzis, sadzic	sadzic	сажать	совар (дари.)	sad
rana				grobti	grabas, hrabac	grabic	грабить	гарат (дари.)	grabha yati
sla meja	mahd mahen	segare		kasti			косить		casti casati
vanna	schwin- gen	e-vanno		vetyti		wiac	веять	vaiti	vati
	winden	vieo	πλέκω στρίβω	vyti	wis, wic	wic	вить		vyayati
	schmut z		ζυμώνω	maisyti	mesys, mesyc	miesic	месить		meksa yati
	flech- ten	plecto	πλέχω		plasc, plesc	plesc	плести		pracnas
pa, ga valla	weiden	pastum			pasu, pasc	pasc	пасти	spasyeiti pahhsi (хетт.)	
					dots, dejic	doic	доить	daenu	dhayati
			ρεζω				рисовать		raj
rota grava	graben	rut cavo	κοπλω σκάβω	kasti	kopas, kopac	kopac	рыть копать	киндел (цари.)	
		irrigatio irrigo					орошать	аби арик (дари.)	
							дубить	добалат (дари.)	
trycka	druk- ken				dajis, dajic	dawic	давить	dav	
vissna			φθινω	vysti	wja- duyc	wied- nac	вянуть	мравай (цари.)	
meja skorda	mahen sicheln	seco massis	στενευω		zes, zec	zac	жать		
mala malin (кельт.)	muhle	molo	αλέθω μυλλω	malni malunas	mje- lom, mjelu	miele	молоть		
sticka	steppe	sterno					стегать срубать		
				apolu- lkinti			опылять		
tappa			τριβω				тереть		
vaga	wiegen		βαροζ	svoris		wjesyc	весить		

Таблица 3
Хозяйственный инвентарь древнего индоевропейского общества Евразии

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
arthr plog	hoha artr (кельт)	aratrum	αροτρον	arklas	radlo, plug	radlo plug	ордло рало плуг соха		sakha vrka
vagn vehicle (англ.)	wagen	vehes vehiculum	ὄχημα ἀμάξι καρρο	vezi-mas	woz	woz	повозка		vahanam anas
ax	achse ahsa (д.в.н.)	axis	ἄξων	asis	wos, woska	os	ось	asa	akshas
alla		navis linter	ναυζ	aldija	loz, lodz	lodz	ладья		naus
ar oar (англ.)	ruder	remus	ερετρος	irklas	wjaslo, wjeslo	wioslo	весло		aritrām
	kummet hame	helcium	χημος	ka-mantai	cho-mot, khomot	chomat	хомут		camya
	joch yoke (англ.)	jugum	ζυγοζ	jungas		jarzmo	ярмо	джеуг (дари.)	yuga
	nabe naba (д.в.н.)						ступа ступица		nabhi
snore rep		vinculum		virve			верёвка шнур		varatra
li			κοσσα		kosa	kosa	коса		cas
skar		secula			serp	sierp	серп		srpya
tapar уха	axt beil aqizi (гот.)	ascia tornus securis	τοεκούρι πελεχνζ αζινη		toporis, toporo	topor	топор	ascia accetta табар (дари.)	
jarn	eisen	aes aeris raudus	σίδηρο	gelezis	mez, mjedz	miedz	медь металл	rod	ayas loha
guld	gold	chry-sos		zeltas	zloto	zloto	золото	zara-nya	hiranya
	kno-chen	costa os ossis	οστεον		kosc	kosc	кость	ast	asthi
kruka core (кельт.) (д.в.н.)	kruog	hirnea	χρωχιοζ χρωσσοζ	kausi-nas			кувшин		kuta caru ukha
	kelle			kausas			ковш	кари-цей (дари.)	kosas
kittel	kessel katils (гот.)	catinus cortina		katilas	kosel, kotel	kociol	котёл		caru

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
korg hvert	korb core (кельт.)	corbis		karbas		krobia	короб кормна		caru
	ahle.ala (д.в.н.)						шило		ara
			σβάρνα		brona	brona	борона	bern (перс.)	
borr	bohr						бур	барма (дарн.)	
hacka	karst	dolabra					кирка	куланг (дарн.)	
kniv	klinge	clunac			noz	noz klin	нож клинок	naeza	
		testa					таз	tasta	
lim	leim		κολλά	klijai	klij	klej	клей	срих (дарн.)	
sikt	sieve (англ.)			sietas	syto	sito	сито		
			καδοζ χαδι		kaz, kadz	kadz	кадка		
	scraper (англ.)	strigilis					скребок		
skovel	scoop (англ.)			samtalis			совок		
hammar		mateola				mlot	молот		
kvam	muhle	molina					мельница		
bro (кельт.)	gairmus muhl- stein	molo	μλόπετ- ρα	girma girmas			жернов		
	wa- ganso	vomis	οφνιζ				сошник		
	kiesel			krams (лат.)	ksem- jen krem- jen	krze- mien	кремень		
fackl		fax facis					факел		
hak		hamus					крюк		
		cuna- buta					колыбель		
silver	silber silubr			sidbras silabras	slobro, slebro	srebro	серебро		
barusten	amber (англ.)	glaesum	ηλεκτρον κεχριμπα- ρι	gintaro			янтарь		

Таблица 4
Жилище индоевропейцев V - I тыс. до н.э.

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
hus		domus	δομος	dimstis	dom	dom	дом	dam	dam, dan
gard	hof	fores	θυρα		dwor	dwor	двор	дарбар (дари.)	dvaras
port glind		fores	θυρα	vartai	rota, wrota	wrota	ворота	вар дарваза (дари.)	vrtis
stolp	stollen	sudis	στήλη	sulas			столб	стен (дари.)	sthuna
kupol	kuppel						свод купол		svar
hostack	schober dach dah	stirta	στεγος τεγος	stogas	stog, stoh	stog	стог [крыша]	тода (дари.)	sthaga
halm		sterno stipula culmus	χαλαμη		sloma	sloma	солома стерна		cilas stirma barhis
							амбар	амбар (дари.)	sambhara
spis	ofen	aulla fornus caminus	σόμπα	kepti	pjac, pjec	pies	печь каменка		rbisa ukha
varme		tepede			soply, coply	cieply	тепло		taptas
eld ljus	feuerlicht	ignis	πυρ	ugnis	hogen, wohen	ogien	огонь	agnis (хетт.)	agni
	wall	vallum				wal	вал		vala
kanal	kanal	canalis	κανάλι	kanalas			канал		kulya
ang fala	acker	ager palam	αγρος πεδιον		polo	pole	поле огород		agras ajra
vic.fih (кельт.)	weihs (гот.)	vicus	οιχος	visos			весь	vis vit	vie vecas
stad	gards (гот.)	urbs		gardas	grod, hrod	grod	город		grhas arma
torn	burg	purgus turris	πυργος πολις	pilis	tur	tur	тур туров	бурдж (пари.)	pur
	heim haims (гот.)		χωμη	kiemas			край		ksaya
hus	haus					chata	хага	kata	
tur	daur (гот.) weide						дверь		

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-ужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
trumpet		tuba			tsuba, truba	traba	труба	турум (дари.)	
	spane	schidiae		skiedua	seep	szczep	щепа	хашак (дари.)	
ho		fenum	σανοζ σανα	sieno	seno, syno	siano	сено		
	stall (англ.)	stabulatio	σταυλοζ				стойло		
	weide						выгон	вуршо (дари.)	
bad		balneum	βαλανειον				баня		
	ruin			rovine			руины		
	hufe		χιποζ				сад		
	dorf thaurp (гот.)			dirwa			деревня дёрн		
land (кельт.)	land (гот.)	list		lendu			лядина		

Таблица 5

Состав домашнего стада древних индоевропейцев

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
oxe oxar	ochse				wol	wol	вол		vahni vadhri ukshan
tjur boukko (кельт.)	stiur (гот.)	bos bovis	βουζ		byk	byk	бык тур говядо		gao staoro
ko	kuh	ceva	αγελάδα	karve	krowa, kruwa	krowa	корова		gva
hast	ehu knight (англ.)	equus cabal- lio	ἵππος ἄλογο αἶμα	kumela	kon	kon	конь	aspa	acvas
get	ziege		κατσικά αἶμα	ozka	koza	koza	коза	azak (перс.)	aja
far	ou (д.в.н.)	ovis	οἶμα	avis	wejca, wowca	owca	овца		avis
bagg	ram (англ.)		βαρῖον προβατον αρνομα αἶμα		baran, boran	baran	баран		urana
hund	hund	canis	σκολομα χοομα	suo			собака	spaka	cva
	buffel	bubalus	βοοβαλομα	buiwo- las	buwol	bajwol	буйвол		
asn	esel	asinus asellus	ονομα	asilelis	wosol	osiol	осёл		
	maul tier		μουλάρι	mulas		mul	мул		
svin	schwein	serofa sus, suis	χοιρομα су γουρούни		swina, swinja	swinia	свинья	hu	
	kamuc- hen	cuni- culus	κουνέλι			krolik	кролик		
katt	katze	catta	γατομα	katinas	kot	kot	кот		
fagel	vogel	avis	πουλι πιτηνον	pauks- tis	ptak	ptak	птица	putra	potas vi
and ander	ente	anas	νήσσα	antis			утка	ati	atis
gas	gans	anser	χην	zasis	gys, hus	ges	гусь		hansas
hona			κοττα		kura	kura	курица	horos	kulalas cokoras
tupp	puter		πετεινομα κοκκορομα				петух	horos	
bi		apis		bitis bite	cola, pcola	pszczo- la	пчела бъчела		

Таблица 6
Культурные растения древности

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, в.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
korn	ehirgerste	aceris hordeum	ζεα αχουστη	javai	jacmen, jecmjen	jeczmien	ячмень		yavas
havre	oats (англ.)	avena	αιγίλωφ	avizos oviza	hows, wows	owies	овёс		avasam
vete		zea siligo	σιτοζ σιτάρι πυροζ	kvietys purai	psenica, zito	pszenica zyto	пшеница жито		pistam
sad korn	kerno	semen granum	σποροζ	Java zirnīs grudās	zerno, zorno	ziarno	зерно семя	галла (дари.)	jurnas
foster					plod	plod	плод		pippala
peppar	pfeffer	piiper	πιπέρια πιπέρι	pipiras	peper, popjer	pieprz	перец		pippali
pepparrot			χρανοζ κρενο	krienas	ksen, khren	chrzan	хрен		ksaras
lin	lein	linium	λιναρι λινον	linas	lan, len	len	лён		
rag	roggen	secale	σίκαλη σικκαλιζ	rugus	rez, roz	rez	рожь		
gryn	grutze		κοκκοζ	kruopos	ksupa	krupa	крупа		
	erbse	ervum	ερεβινθοζ				горох		
bon	fasol	phase-lus faba	φασόλι φασιοδοζ			fasola	фасоль боб		
vallrno valmoghi	mohn	rapar-ver	μήκων ρυιαζ	maguona	mak	mak	мак		
	apfel			obulas woble (прысе)			яблоко	aball	
bar		baca	ρωγα	uoga	jagoda, jahoda	jagoda	ягода		
ros	reis	rosa	ροσο	roze	roz	roz	роза		
persitja	petersilie	petroselinon	πετροσελινον	petrazole		pietruszkazka	петрушка		
kal	cohl	caputium, lacuturris		kapustai		kapustata	капуста		
mynta	minze	mentha	μέντα μινθη	meta	mjatej	mieta	мята		
lok	lauchrams		χρομοον	lankas		luk	лук		
morot	mohren			morka	mar-chwej, morchej	mar-rchew	морковь		
sallad	salat			salota			салат		
rodbeta			σέσκουλο				свёкла		

Таблица 7

Продукция сельскохозяйственного производства в древности

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
mjolk	milch meluk	melca mulseo	μελχιον γαλα	malkas pienas	mloko	mleko	молоко		ma payas
olja smor	anko anke	unguen buturum [battuobить]	βουτορο ελφοζ		maslo	maslo	масло [мазать]		ajya sarpis
		serum	οροζ τυροζ				сыворожка творог	tuirya	sara
mjol	mehl				muka	mak	мука		masa
brod sad	hlaifs (гот.)	panis far	σιτοζ	javai kliepas duona	chleb, khleb	chleb	хлеб ячменный	додей (дари.)	yavas
foda naring mat	essen	esca		penas edis	jed, pica	pica	пища еда		pacata
smula	krume	mica	χρουω	krusa			крошка		ksudra
sad	same	semino		sekla semens	seme, symjo	siemie	семя		bija
kott meat (англ.)	mimz (гот.)	caro viscus	κρεαζ	mesa	mjaso	mieso	мясо		mamsam
fett						zyr	жир		ghrta
	marg (д.в.н.)						мозг	mazga	majjan
honung mid (кельт.)	met metu	mel mellis	μεθυ	medus	mjod, med	miod	мед	madu	madhu
saft	saft	sucus	ζουμι	sultys	sok	sok	сок	homa	soma
	humall	humulus					хмель	haoma	
agg		ounm	ψον		jajo. jejo	jaje	яйцо	aia	
vax	wachs	viscum cera	κερι ιξοζ	vaskas	wosk	wosk	воск		
vin	wein	vinum	οινοζ		vins (лат.-тыш.)	wino	вино		
salt	salz	sal salis	αλζ		sals (латш.)	sol	соль		
ost	sur	caseus		suns	syra, sera	ser	сыр		
	galle	fel	χολοζ				желчь		

Таблица 8

Система названий родственников

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, в.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
man	mannus	man			muз, meза	maz	муж мужчина	manus	man manus
moder	muoter mutter	mater matris	μητηρ	mote	mas, mac	mac	мать	matar macar (тохар)	mata
fader	fater atta (гот.)	pater atta papa	πατα атта πατήρ		wosc, wotc	ojciec	отец папа	pacar (тохар)	pita
kvinna	qino (гот.)	marita femina	γυνή		zona	zona	жена женщина	gena	mena vadhū
ungdom	juggs (гот.)	juventa		jaunas	junk	junosza	юный	yuvan	yahva yuvan
dotter	dauhtar (гот.)	gnata filia	θουατηρ	dukte			дочь	dugedar	duhita
flicka		virgo			zowka, dzowka	dziewe	дева		devi
son	sohn	filius	υις		syn	syn	сын	hunu, se (тохар)	sun putrah
genus slakt		gens		rads (латш.)	rod	rod	род		rodasi ganaih
		senex		storas	stary	stary	старец		sanaka
				старость — sanaka (веды) — senacta (лат.)					
btoder	bruder brothar (zom.)	frater	φρατηρ	brote- relis	brats, bratr	brat	брат	bratar pracar (тохар.)	bhrata
siur (кельт)	svistar (гот.)	soror	εορ	sesuo	sotsa, sotra	siostra	сестра	hvaihar	svasar
an- ka	witwe widuwo (гот.)	vidua	ηθεος		hudowa, wudowa	wdowa	вдова	vidava	vidhava
svar	schwaher swehur (д.в.н)	socer	εχορος	securas		swiekier	свёкр	hvasura	cvacu- ras
	swigur	socrus	εχορα			swiekry	свекровь	husm	cvacrus
			τεττα		cest	tesc	тесть		
	schnur snur (д.в.н.)	nu- rus	νυος			sneszka	сноха		snusha snusa
	zeihhur	levir	δαηρ	dieveris		dziewierz	деверь		devar
		glos	γαλως			zelwa	золовка		
	awo (гот) [бабка]	avus [дед]	μητρος	awynas anukas	wnuk	wnuk	внук	anu	anu anvanc
	babe				boba	baba	бабка баба		
			τηθη	dede deds (лат)	zed, dzed	dziad	дед		
	hagestolz	coelibes				chlostac	холостяк		khalatis

Таблица 9

Названия различных органов и частей тела человека

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
fotsula	fotus (ГОТ.)	pes pedis	πῶς	peda	pesy, pesi	pieszy podszwa	пада [нога]		pada
hjarto	herz hairto (ГОТ.)	cor cordis	ἤρ καρδία	sirdis	serce	serce	сердце	zered kard (хетт.)	hrd
itrar mage		interior	εντερον		hutsoba, wutroba	watrobaba	утроба	antara	udara jathara
sprak tunga		linguo (lingo -лизать)		liezuvis	jezyk, jazyk	jezyk	язык	hizva	juhu
oga		oculus	οσσε ομμα	akis	hook, woko	oko	око		aksi
puckel			χορυφη		gjarb, horb	garb	горб		kubh
uilen (кельт)	elle aleiaa (ГОТ.)	ulna	ωλενη	alkune uolektis	loks, lohc	iokiec	локоть	aretna	aratnis
skagg	bart	barba berbis		barzda	broda	broda	борода		

Одним из ярчайших примеров устойчивости древнейших форм языка является название ноги (подошвы, пады)

Таблица 10

Вооружение и облачение древних индоевропейцев

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужичский, В.-лужичский	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
isarno (кельт)	eisen	ensis					меч острый		asi
		hasta lancea	πυροζ				пика шест		heti rsti
pil (skjuta - стрелять)		sagitta	ιωζ	strela	stseta, trela	strzala	стрела		isu
skold skydd	shield (англ.)	scutum	πινακαζ	skydas	scit, skit	szczyt	щит	cinap (дари.)	
hjaln	helmet (англ.)	cassis	каска χρανοζ			szlom	каска шлем	хул (дари.)	
byxor			παντελόνι βρακι			part	порты штаны	паргуг (дари.)	
sko-snore	string (англ.)					sznur	шнур	танат (дари.)	
tyg	tissue (англ.)	tela textile	πλοχη ύφασμα				ткань	tanesta (дари.)	
har	woll hear	vorsus vellus	τρίχωμα	varsa			ворс	порз	urna
hatt	kappe	cappa		kepu-raite			колпак		
	ernust	rota raeda					рать	eretis	ratha [колесница]
hjul	rad	colo rota		ratas	kolaso, koleso	kolo	колесо	cahra	sakras rat

Таблица 11

Окружающий мир индоевропейцев V - IV тыс. до н.э.

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
jorden	erde	pratum tellus solum	χαιμα εηρα στεριά	zeme	zemja	ziemia	земля претва плоть	zam	prthivim
sol	sonner sunna	sol ortus	ηλιοζ	saule	slynco, slonco	slonce	солнце	hvare	sure svar
mane	mond mena (гот.)	mensis luna	μην			luna	месяц луна		mas
	stern stairno (гот.)	stella	αστήρ	zvai- gzde	gwezda, hwezda	gwiaz- da	звезда	zvesta (осет.)	star
	nebul	nebula	νεφοζ		njebjo	niebo	небо свод	nabah nepis (хетт.)	nabhas svar
				sviesti	swet	swiat	свет	spaeta	cvetas
	log	lux	λευχοζ		lucwo	luczy- wo	луч	raocah	rokas
		ros roris	δροσοζ	rasa	rosa	rosa	роса	raiha	rasa
vind	winter winds (гот.)	ventus		vetra	wjets	wiatr	ветер	vata	vata
dag dia (кельт.)	tag	diu dies		diena	zen, dzen	dzien	день		div
nott	nahts (гот.)	noctu nox	νυξ	naktis	noc	ziemia	ночь		nokta nakti
	gigat (д.в.н.) [подхо дящий]			gads (лат.)	gody, hody	gody	год	vatsara	
var		ver veris	εαρ	vasara		wiosna	весна	vairi	vasantas
ar [уро- жай]	jahr jer (гот.)	hornus	ωρα		jarica, jerica	jar	яр[овой] год весна	yar	
lading laithe (кельт.) sam(кел)	som- mer	letto	χαλοζ [прекрас- ный]	lietus [дождь]	letto	lato	лето	ham	sama

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
	asans (гот.) aran (д.в.н.)	οπώρα		assanis (прус.)		jesien	осень		
undern	uhtwo (гот.) untorn (д.в.н.) imbuarach (кельт)			jau [уже]	jutso	jutro	утро		usras
		vespera	εσπέρα	vakararas	wjasor, wjecor	wieczor	вечер		
	winter, wintar	hiems	χειμα χειμων	ziema	zuma	zima	зима	rimo zyo	hima hemanta
kold kyla	kalt, kalte	gelu		kalt	chlodk, khlodk	chlod	холод	sald (осет.)	himya
sno	schnee snaiw (гот.)	nix nivis	νιφα	sniegas	sneg, sneh	snieg	снег	snaeg, snae- zaiti	snihyati
lada (кельт)	eis is (д.в.н.)		λιθος [камень]	ledus	lod	lod	лёд	isu	
kraj kant		margo [Маргиана в Ср. Аз.]		krastas	ksaj	kraj	край	karana	kast
utkant		ora					округа (rat-коле- co) орат		oral
sjo muir (кельт)	meer marei (гот.)	mare		marios jura	morjo	morze	море	саман- дар (дари.)	samudra
alv flod	rin strom river (англ.)	rivus amnis fluor	ποταμός ρεύμα	upe srove	reka	rzeka	река поток	руд (дари.)	rayas ap payas
vatten	water	aqua unda	ὕδωρ	vanduo	woda	woda	вода	аб (дари)	uda ap
klippa	hamar	saxum petro		akmuo	skala, kamjen	skala kamyk	скала камень	asman	asman phali- gam
oken					pusty	pusty	пустыня		dhava- ttha
		area [окрытая возвы- шен- ность]					айриана- ваеджо ойкуме- на		aria okye

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский		Авеста [иранский]	Древнеиндийский
vag	pfad	pons via	πατοζ ποντοζ		pus, pus	pac	путь	panta pnathas	pantha	
kull	holm hugel hill (англ.)	collis		kalva	cholm, kholm	chelm	холм		kuta	
		rivulus	ρυάκι ρυαξ		rucej	ruczaj	ручей			
	oss	ostium		uosta			устье			
sjo lake (англ.)	see	lacus lastrum (лужа)	αχερων	ezeras	jazor, jezor	jezioro	озеро лужа			
halvag ravin	aurahi (гот.)	vorago	ορυχη	griova			овраг ров			
slutt- ning		clivus					склон			
		glarea	χαλίκι				галька			
		gleba					глыба			

Таблица 12

Названия дикорастущих растений

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
skog virke timmer		silva	λογγ δασοζ	laiskas	leso, les	las	лес	libuja [лиана] vana, aranya	
trad dervo (кельт.)	triu (гот.)	larix	δέντρο δρυζ	derva	drjowo, drjewo	drzewo	дерево	dauru taru (хетт.)	drub daru dry
bjork	birke birihha		βετουλη	berzas	brjaza, breza	brzoza	берёза	berz (осет.)	bhurjas
		taxus	τοξον		sis, cis	cis	тис	taxs	taksakas
kvist	zweig	sarmen- tum	ιτυζ	vytulas saka sakele			ветка		cakha
kvist	ast	surculus		saka	suk	sek	сук		cakha
stjalk	stiel steugel	stipula scapus	στελεχος	stiebas	splo, stwjelco	zdzieblo	стебель		stibhis amsu
skorpa		crusta cortex		karna		kora	кора	carman krttis	
lowerk	liste	lamina falium	φυλλο	lapelis laiskas	list	list	лист	list (осет.)	
vide	weide	vimine- tum	ιτια ιτεα	zilvitis jeva	jiwa	iwa	ива, ветла	vaeti	
ek daur (кельт)	teer eiche		δροζ	azuolas	dub	dab	дуб		
ekollon	eichel	glans	βάλανος	gile	zoluz, zoldz	zoladz	жёлудь		
alm	buche	fagus	φηγοζ	bukas	buk	buk	бук		
alm	ulme	ulmus		vinksna	wjaz	wiaz	вяз		
lind	linde	philyra	λιπα φιλυρα	liepa	lipa	lipa	липа		
jalster	erle	elira	σκληθρα	alksnis	wolsa	olcha	ольха		
asp	espe		αγριολευκα	epusynas	wosa	osina	осина		
poppel	poppel	populus	πελεα	tuopa	topol	topola	тополь		
ask	esche	ornus farnus	φραζοζ μελεγοζ	uosis	jasen	jasien	ясень		
lonn	hlynr (исл.)	aser eris	χλινωτρο- χον	klavas	klon	klon	клён		
vide		verbe- na	ραβδοζ	virbas	wjerba, wjerba	wierzba	верба		
gran	fichte	etis		egle	jedla	jodla	ель		
ceder	zeder	cedrus	χεδροζ	kedras			кедр		
fura	fohre pina (англ.)	pinus	πευκο	pusis			пихта		
					sosna	socna	сосна		
mossa	moos	muscus	μουσκλο	muses samanos	mech	mech	мох		
		erice	ερειχη	virzys	rjos, wrjos	wrzos	вереск		
J gytija	tone silt (англ.)	limus	ιλυζ		lom	ilm	ил		

Таблица 13

Названия диких животных

Швед-ский	Немец-кий	Латин-ский	Грече-ский	Литов-ский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Поль-ский	Русский	Авеста [иран-ский]	Древне-индий-ский
varg	wolf	lupus	λυκοζ	vilkas	wel, wjeik	wilk	волк	vihrka	vrkas
bjorn	eisber bar	ursus	αρκτοζ	meska lokus	mjad-wjez, mjed-wjedz	niedz-wiedz	МЕДВЕДЬ [МЁД-ВЕДАЮЩИЙ]		rksas rkscha
	schakal		τσακάλι	sakalas			шакал	sagal	crgalas
	hase						заяц		саса
alg	elen elch alces	alces	αλκξ			los	лось олень		rcyas
	biber	fiber	δερμα	bebras	bober, bobr	bobr	бобёр	bawra	babhrus
utter	otter		βιδρα υδρα	udra	hudra, wudra	wydra	выдра	udra	udras
			αρτομυζ	staras		susel	суслик		cvasiti
mus	maus	mus muris	μυζ		mys	mysz	мышь	mus	mus
tiger	tiger	tigris	τιγριζ	tigras			тигр	tigri	
maurr							муравей	maoiri	
lodjur	luchs	lynxis lynx	ριτσοζ ρησοζ λυγξ	riscia luis		rys	рысь		
dovh-jort			ελάφι	alne, elne, danielius		lani	лань		
	fuchs	vulpes	αλεπου	lapi-nas	liska	lis	лиса		
vildsvi n	keiler eber	aper		kuilyl			кабан		
	igel		εχινοζ				ёж иглы		

Таблица 14

Пернатый мир

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, в.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
orn	aar adler	aquile	ορνιζ αετοζ	erelis	jerel, worjol	orzel	орёл	haras (хетт.)	cyena
glada							коршун	kahr- kasa	grdhra
falk				saka- las	sokol	sokol	сокол		cyena cakunas
tjader		tetrao	τετραξ	teterva		cietrzew	тетерев	teterv	tittiras
trast	dros- sel	turda	τσίχλα	straz- das	drozn, drozn	drozd	дрозд		
korp	krahe	corax corvus	κορακαξ	varnas krauklys	ron, wron	wron	ворон		
hager		ardea	τσικνιαξ	garnys	capla	czapla	цапля		
hok		astur accipiter	ιαραξ γεράκι		jastseb, jatrob	jastrzab	ястреб		
	zeizig		καναρντι		cyz, cizik	czyz	чиж		
	kie- bitz		σχονικλοζ				чибис		
stare	star	sturnus			skore	skorzek	скворец		
	kra- nich	grus	γερανοζ	gerve			журавль		
		grus [жу- равль] grups [гриф]	γεράκι [ястреб] γρυψ [гриф]	garnys [цапля] gerve [жу- равль]		gruf	гриф		garut- mant

Таблица 15

Охота и рыбный промысел

Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Древнеиндийский
	karausche crucian (анг.)	coracinus	κυπρινοζ χοραχίνοζ	karasos	karas, kharas	karas	карась		kilasas
fisk	ruppa		ιχθυς	zuvis	ryba	ryba	рыба		matsya
	lachs (д.в.н.)			las- zisz			лосось	tans (тохар)	
karp	karpfen carp (анг.)		κυπρινοζ	karpis	кафа, karp	karp	каarp		
	salmon (англ.)	salmo	σολομοζ	lasisa			сёмга		
	aa I	anguilla [anguis-змея]	μουγγυρι χελι	un- gury	hugor, wuhor	we- gorz	угорь		
leine			λινευς	lynas	lin	lin	линь		
gadda	hecht	esox ocix	λουτσοζ	ungu- rys	hugor, wuhor	we- gorz	угорь		
hjarter mask	wurm	vermis rauca	σκούληκι	kir- mele	cerw	czerw	червь	kirm	krmis
		musca	μια				муха		
	floh	pulex	ψυλλα	un- gury	hugor, wuhor	we- gorz	угорь		
orm	drache	anguis draco	οχια		zmija	zmija	дракон		ahi
					[zemja (земля) + ahi = zmija]				
hug- gorm	giftige	echidna	εχιδνα οχια	guvata		gad	гадюка	гюрза	
palsverk	pelz- werk	pellis		paustis pukas		puch	руш- ника	pusa	pucchas
penna		penna		sparnas	pero, pjero	pioro	перо	pare- na	parnam prcni [пёстрое]
tand	zahn		δόντι γομοφοζ	dantis zambas	zub	zab	зуб	zemb	jambhas
skinn hug		sciria scortum	σχοτοζ	skara	skota	skora	шкура, скора (летопись)		
nagel	kralle claw (анг.)	unguis	νυχι	nagas	kocht		коготь		
horn	horn	cornu	κεραζ	ragas	rog, roh	rog	рог		

Таблица 16

Числительные индоевропейцев V - III тыс. до н.э.

Наим. числит.	Шведский	Немецкий	Латинский	Греческий	Литовский	Н.-лужицкий, В.-лужицкий
1	en, ett	ein	unus	οινη		jaden, jedyn
2	tva	zwei, twai	due, duo	δυο	du, dvi	dwa, dwaj
3	tre	drei, treis	tres	τρειζ	trys	tso, tro
4	fyra	fier	quattuor	τέσσαρες	keturi	styřjo
5	fem	funf	quinque	πέντε	penki	pes, pjec
6	sex	sechs, saihs	sex	εξ	sesi	sesc
7	sju	sibym, sieben	septem	επτα	septyni	sedym, sedom
8	atta	acht	octo	οχτω	astuoni	wosym, wosom
9	nio	neun, niun	novem	εννεας	devyni	zewies
10	tio	zehn, taihun	decem	δεχας	desimt	zases, dzesac
100	hundra		centum	ελετον	simtas	sto
1000	tusen			χιλιοι	tysacntis	tysas

Наим. числит.	Польский	Русский	Авеста [иранский]	Тохарский	Хеттский	Древне-индийский
1	jeden	один, един			aika	eka
2	dwa	два	dva	we		dva, duvau
3	trzy	три	trayo	tri	tri	tri, trayas
4	cztery	четыре	catwaro	stwar		catvaras
5	piec	пять	panca	pana	panza	panca
6	szesc	шесть	hsvas	sak		sat
7	siedm	семь	hapta	spadh	sipta, satta	sapta
8	osiem	восемь	asta	okadh		asta, ashtau
9	dziewiec, dziewjec	девять	nava	nu	nawa	nava
10	dziesiec	десять	dasa	sak		daca
100	sto	сто	satem	kandh		catam
1000	tysiac	тысяча				sahasra

Таблица 17. Основные этапы эволюции различных общностей индоевропейцев, начиная с V тыс. до н.э.

Годы	Западная Европа	Северная Европа	Апеннины	Балканы	С.-В. Европа	Восточная и Центральная Европа	Степи Евразии	Малая Азия	Кавказ	Месопотамия	Иран	Ср. Азия	Афганистан, Пакист.	Индия
5000	VII – середина IV тыс. до н. э. – эпоха господства средиземноморской расы на юге и в центре Европы													
4500						Эпоха развития индоевроп. протоязыка	«Днепро-Донецкая» культура	Культура «Кельтеминара»	г.г. Ур, Эриду, Ниневия		Города: Анау, Намазга	Эпоха развития индоевропейск. протоязыка		
4000						Эпоха раскола на западную и восточную группы индоевропейских языков	Айриано-Ваелжо	Айриано-Ваелжо			Айриано-Ваелжо			
3500	Начало курганной эпохи в Европе. Мегалиты. Культура «Воронковидных кубков»													
3000	Кл. «Уинд-м.-Хилл»					Культура «Воронковидных кубков»						Город Геоксюр	г. Мундига, Кветта	
2500			Металл на Апенн.	о. Крит. Ранняя Эллада	Средняя Эллада	Культура «Шаровидных амфор»	«Ямная культура» Нач. засушки	Город Троя-1	Ран. мет. Кавк		Начало великой засушки			г.г. Мохенджо-Даро, Хараппа
2000	Кл. «Кол.-вид. кубок.» «Шнур Ст.-Хендж керам»	Культ. «Шнур Ст.-Хендж керам»		Средняя Эллада	Культура «Шнуровой керамики»	Культура «Шнуровой керамики»								
1500	Кл. «Курганных погребен.», Эпоха полей погребений. [«Век сожжения»]													
1000	Гальштат	«Ястро фек.жл.»	Этруски г. Рим	Гомер	Кл. «Курганн. погребений», Эллада, дорийцы	Кл. «Курганн. погребений», «Луижская» кл. полей погр.	«Срубная» культура. Жест. засушка	г. Троя -VII гибнет			Арии в Иране	Жестокая засушка. [«Век сожжения»] «Варя. оккупация»		Ригведа
500	Латен		Г. Византия	Гомер	«Подклевая» культура	Киммерийцы Скифы	Сарматы	Фригия			Арии в Иране	Зароастр. Авеста		
	Кельты	Германцы	Латины	Греки	Балты	Славяне	Западные иранцы	Восточные иранцы						Индия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие		3
Введение		4
Глава 1.	Отступление ледника на север. Оживление жизни в Евразии	6
Глава 2.	Речная система Средней Азии послеледниковой эпохи	8
Глава 3.	Человек в послеледниковую эпоху	11
Глава 4.	Этнический состав и начало экономического подъёма в Евразии	14
Глава 5.	Центры Передней Азии и юга Туркмении VIII – IV тыс. до н.э.	18
Глава 6.	Степи Евразии и земли Европы в V – III тыс. до н.э.	34
	I. Кельтеминар V – IV тыс. до н.э.	34
	II. Протофинские охотники лесной полосы Северной Евразии V тыс. до н.э.	36
	III. Сурско-Днепровская культура, начала V тыс. до н.э. Древние гиганты долины Днепра и Дона V – IV тыс. до н.э.	37
	IV. Степняки-коневоды культуры средний стог	42
	V. Линейно-ленточная керамика Европы V – IV тыс. до н.э. Культура Триполье. Культура Шассей. Начало вытеснения древней средиземноморской общности Европы индоевропейцами	44
	VI. Культура воронковидных кубков Северной Европы середины IV – III тыс. до н.э.	50
Глава 7.	Передняя Азия и юг Туркмении в III тыс. до н.э.	58
	I. Засуха в Геоксюрском оазисе юга Туркмении	58
	II. Середина III тыс. до н.э. Влияние Геоксюра в Белуджистане (Кветта) и Афганистане (Мундигак). Цивилизация городов Хараппа и Мохенджо-Даро	59
	III. Поздний Кельтеминар. Связь с ямной и катакомбной культурами. Распространение вооружения от Индии до Крита.	
	Рождение ранней Эллады. Киклады, Кипр	61

Глава 8.	Европа III тыс. до н.э.	65
	I. Обзор культур Европы IV тыс. до н.э.	65
	II. Появление разнообразного наступательного вооружения и богатые клады Передней Азии и юга Туркмении – предтеча бурных событий III тыс. до н.э.	67
	III. Новые потоки кочевников с Нижней Волги на юг России. Индоевропейские вторжения в центр Европы ..	68
	IV. Середина III тыс. до н.э. Ямная культура	72
	V. Культура шаровидных амфор	77
	VI. Ранняя Эллада. Киклады, Крит, Кипр, Троя	82
	VII. Культура шнуровой керамики. Трансформация её в центре Европы в культуру колоколовидных кубков	85
	VIII. Культура колоколовидных кубков центра и запада Европы на рубеже III – II тыс. до н.э. .	96
Глава 9.	Индоевропейская история Евразийского континента II тыс. до н.э.	100
	I. Европа первой половины II тыс. до н.э.	100
	II. Стоунхендж	104
	III. Унетицкая культура. Бронзовый век Европы первой половины II тыс. до н.э.	108
	IV. Юг Средней Азии и Передняя Азия II тыс. до н.э. Рождение государства хеттов. Война с Египтом. Основание Вавилона	120
	V. Культура курганных погребений Европы XV – XIII вв. до н.э.	163
	VI. Евразийская степь во второй половине II тыс. до н.э.	172
	VII. Культура валиковой керамики Евразии. Саргаринский этап андроновской культуры	174
	VIII. Эпоха культур полей погребений Европы XIII – VIII вв. до н.э.	188
	IX. Юг Средней Азии во II тыс. до н.э.	196
Глава 10.	История Евразии в I тыс. до н.э.	201
	I. Обзор событий, происходивших в Европе в начале I тыс. до н.э.	201

II. События, происходившие на востоке Европы в последней четверти II тыс. до н.э. – первой трети I тыс. до н.э.....	205
III. Исторические киммерийцы на юге России и постигшая их катастрофа VIII в. до н.э. Вторжение скифов на юг России. Катастрофа восточного крыла протославянского мира (гибель чернолесской культуры VII в. до н.э.) и отступление на север, в лесную полосу запада России	210
IV. Гальштат Европы. Общий обзор культур Европы первой половины I тыс. до н.э.	212
V. Эпоха Латена в Европе. Экспансия кельтов	221
VI. Фракийский мир Европы I тыс. до н.э. Греческие города Черноморья	232
VII. Обзор событий, происходивших в Передней Азии и на юге Средней Азии в I тыс. до н.э.	239
VIII. Славянский и германский миры Европы I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н.э.	264
IX. Гибель Западного Рима. Европа второй половины I тыс. до н.э.	284
Заключение	311
Приложение (таблицы)	319

* * *

Энциклопедия Русской Мысли
Том 4

Гудзь-Марков Алексей Викторович.
Индоевропейская история Евразии. Происхождение
славянского мира
(Научное издание)

Издательство «Общественная польза»
Русского Физического Общества.

Подписано в печать 18.08.94. Формат 60×84/16. Бумага офсетн. Усл.п.л. 22. Тираж 1000 экз. Цена свободная. Заказ № 4
Типография Русского Физического Общества: 141002 Мытищи, Моск. обл., ул. Б. Шараповская, 3